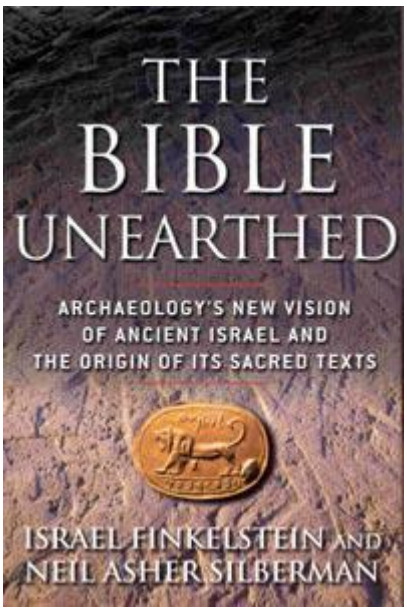


Израэль Финкельштейн Нил-Ашер Зилберман
Раскопанная Библия

Пролог. Во времена царя Иосии

Мир, в котором была создана Библия, был не мифическим царством величественных городов и праведных героев, а крошечным, приземленным царством, где народ боролся за свое будущее со свойственным всем людям страхом перед войной, бедностью, несправедливостью, болезнями, голодом и засухой. Содержащаяся в Библии историческая сага – от встречи Авраама с Богом и его путешествия в Ханаан, до избавления Моисеем детей Израиля от рабства, до расцвета и падения царств Израиля и Иудеи – была не чудесным откровением, а блестящим продуктом человеческого воображения. Как свидетельствуют археологические данные, впервые она была задумана на протяжении двух или трех поколений, около двадцати шести столетий назад. Ее родиной было Иудейское царство – малонаселенная область пастухов и земледельцев, руководимых из отдаленной столицы, расположенной в центре нагорья, на узком гребне между крутыми, скалистыми ущельями. В течении нескольких экстраординарных десятилетий духовного брожения и политического волнения ближе к концу седьмого столетия до н. э. неустойчивая коалиция иудейских судей, писцов, жрецов, земледельцев и пророков создала новое движение. В сущности, священное писание было беспрецедентным литературным и духовным гением. Это была эпическая сага, переплетение исторических трудов, воспоминаний, легенд, сказок, анекдотов, царской пропаганды, пророчеств и древней поэзии. Частично оригинальное произведение, частично взятое из более ранних версий и источников, этот литературный шедевр будут подвергаться дальнейшему редактированию и переработке, чтобы стать духовным якорем не только для потомков народа Иудеи, но и для общин во всем мире.

Историческое ядро Библии родилось в суете многолюдных улиц Иерусалима, в палатах царского дворца династии давидидов и в Храме Бога Израиля. Находясь в резком контрасте с бесчисленным множеством других святилищ древнего Ближнего Востока с их экуменической готовностью вести международные отношения через почитание божеств союзников и их религиозных символов, Иерусалимский Храм был посвящен только одному богу. В ответ на интенсивные и масштабные изменения в окружающем мире иерусалимские лидеры седьмого века во главе с царем Иосией, потомком Давида в шестнадцатом поколении, предали анафеме всякое поклонение иностранным культам, объявив их причиной неудач Иудеи. Они начали активную кампанию против региональных сельских культов, уничтожая сельские святыни, объявив их источниками зла. С этих пор Иерусалимский Храм с его внутренним святилищем, алтарем и окружающими дворами на вершине города будет признан *единственным* законным местом поклонения для народа Израиля. В этих нововведениях и родился современный монотеизм. В то же время окрепли политические амбиции иудейского руководства. Оно стремилось сделать Иерусалимский Храм и царский дворец центром огромного пан – израильского царства, восстановленной легендарной Объединенной монархии Давида и Соломона.

Это довольно странно и неожиданно осознавать, что Иерусалим только достаточно поздно – и внезапно – вырос до центра самосознания израильтянин. Но такова сила собственной истории Библии, что она убедила мир в том, что Иерусалим всегда был в центре событий всего Израиля, и что потомки Давида всегда были благословлены особенной святостью, а не были еще одним аристократическим кланом, борющимся за то, чтобы остаться при власти, несмотря на внутренние распри и беспрецедентные внешние угрозы.

Каким крохотным показался бы их царский город современному обозревателю! В седьмом веке до н. э. застроенная площадь Иерусалима покрывала территорию не более чем в сто пятьдесят акров, около половины размера Старого города Иерусалима настоящего времени. Его население, состоящее из около пятнадцати тысяч жителей, наверное, сделало бы его чуть больше, чем небольшой ближневосточной рыночный город, зажатый за стенами и воротами, с рынками и домами, сгруппированными к западу и к югу от скромного царского дворца и хра-

мового комплекса. Но Иерусалим никогда раньше не достигал даже такого размера, как этот. В седьмом веке он трещал по швам с раздутым населением из царских чиновников, жрецов, пророков, беженцев и крестьян, изгнанных из своих домов. Немногие другие города в любой исторической эпохе были так тесно проникнуты своей историей, идентичностью, судьбой и прямой связью с Богом.

Эти новые представления о древнем Иерусалиме и исторических обстоятельствах, родивших Библию, в значительной мере соответствуют последним археологическим открытиям. Эти открытия произвели революцию в изучении раннего Израиля и ставят под серьезное сомнение историческую основу таких известных библейских историй, как странствия патриархов, Исход из Египта, завоевание Ханаана, а также знаменитой империи Давида и Соломона.

Эта книга стремится рассказать историю древнего Израиля и рождения его священных писаний с точки зрения археологии. Нашей целью будет попытка отделить историю от вымысла. Благодаря данным последних открытий мы создадим новую историю древнего Израиля, в которой некоторые из самых известных событий и личностей, упомянутых в Библии, неожиданно играют другие роли. Но нашей целью, в конечном итоге, является не просто разрушение. Наша цель состоит в том, чтобы поделиться последними археологическими объяснениями – все ещё в значительной степени неизвестными за пределами научных кругов – не только о том, *когда* , но и *почему* была написана Библия, и почему она остается настолько влиятельной до сего дня.

Введение. Археология и Библия

Рассказ о том, как и почему была написана Библия и как она вписывается в необычайную историю Израиля, тесно связан с впечатляющим рассказом о современных открытиях. Поиски были сосредоточены на крошечной земле, зажатой с двух сторон пустыней, а с одной – Средиземным морем, на протяжении многих тысячелетий страдающей от периодических засух и почти постоянной войны. Ее города и население были крайне незначительными по сравнению с таковыми в соседних империях Египта и Месопотамии. Кроме того, ее материальная культура была бедной в сравнении с великолепной и экстравагантной культурой других. И все же эта земля стала местом рождения литературного шедевра, который оказывает беспрецедентное влияние на мировую цивилизацию и как священное писание, и как история.

Более двухсот лет детального изучения еврейского текста Библии и все более широкомасштабные исследования во всех землях между Нилом и реками Тигр и Евфрат позволили нам начать понимать, когда, почему и как появилась Библия. Детальный анализ ее языка и отличительных литературных жанров позволил ученым установить устные и письменные источники, на которых основан современный библейский текст. В то же время археология получила ошеломляющие, почти энциклопедические знания о материальных условиях, языке, обществе и историческом развитии тех столетий, в течении которых постепенно кристаллизировались традиции древнего Израиля, и охватывающих приблизительно шестьсот лет – примерно от 1000 до 400 гг. до н. э. Самое важное то, что текстовые идеи и археологические свидетельства объединились, чтобы помочь нам провести различие между силой и поэзией библейской саги и более приземленными процессами и событиями древней ближневосточной истории.

Мир Библии был столь доступен и тщательно изучен отнюдь не с древних времен. Благодаря археологическим раскопкам мы теперь знаем, какие сельскохозяйственные культуры выращивали израильтяне и их соседи, что они ели, как они строили свои города и с кем они торговали. Были обнаружены и раскрыты десятки городов, упомянутых в Библии. Для анализа цивилизаций древнего Израиля и окружающих их народов – филистимлян, финикийцев, арамеев, аммонитян, моавитян и эдомитян – были использованы современные методы раскопок и широкий спектр лабораторных исследований. В ряде случаев были обнаружены надписи и печати, которые могут быть прямо связаны с личностями, упомянутыми в библейском тексте. Но это не говорит, что археология доказала, что библейское повествование является правдивым во всех своих деталях. Это далеко не так: сейчас очевидно, что многие события библейской истории так и не состоялись в определенной эпохе или описанным способом. Некоторые из самых известных событий в Библии по – видимому никогда не происходили вообще.

Археология помогла нам воссоздать историю за пределами Библии, как на уровне вели-

ких царей и царств, так и в образах повседневной жизни. И как мы объясним в следующих главах, теперь мы знаем, что ранние книги Библии и ее известные рассказы о истории раннего Израиля были впервые кодифицированы (а в ключевых отношениях, составлены) в определенном месте и времени – в Иерусалиме седьмого века до н. э.

Что такое Библия?

Во – первых, введем основные определения. Когда мы говорим о Библии, мы в первую очередь имеем в виду сборник древних писаний, издавна известный как Ветхий Завет, а теперь обычно именуемый учеными Еврейской Библией. Она представляет собой сборник легенд, законов, поэзии, пророчества, философии и истории, почти полностью написанных на иврите (с несколькими отрывками на семитском наречии, называемым арамейским языком, который стал языком межэтнического общения на Ближнем Востоке после 600 г. до н. э.). Она состоит из тридцати девяти книг, которые первоначально были разделены по темам и авторам, или в случае более длинных книг, таких как 1–4 Царств, 1 и 2 Хроник, по стандартной длине рулона пергамента или папируса. Еврейская Библия – это главное священное писание иудаизма, первая часть христианского канона и богатый источник аллюзий и этического учения в исламе, передаваемых посредством Корана. Еврейская Библия по традиции разделена на три главные части (Рис. 1).

ТОРА Бытие Исход Левит Числа Второзаконие

ПРОРОКИ

РАННИЕ ПРОРОКИ Иисуса Навина Судей 1 Царств 2 Царств 3 Царств 4 Царств

ПОЗДНИЕ ПРОРОКИ Исайя Иеремия Иезекииль Осия Иоиль Амос Авдий Иона Михей Наум Аввакум Софония Аггей Захария Малахия

ПИСАНИЯ

ПОЭЗИЯ Псалтирь Притчи Соломона Иов

ПЯТЬ СВИТКОВ Песнь песней Руфь Плач Иеремии Екклесиаст Есфирь

ПРОРОЧЕСТВО Даниил

ИСТОРИЯ 1–я Хроник 2–я Хроник Ездры Неемии

Тора , также известная как Пятикнижие Моисея, включает книги Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие. Они рассказывают историю народа Израиля от создания мира сквозь период потопа и патриархов до исхода евреев из Египта, странствий по пустыне и получения Закона на горе Синай. Тора заканчивается прощанием Моисея с народом Израиля.

Следующий раздел, *Пророки* , разделен на две основные группы писаний. Ранние Пророки – книги Иисуса Навина, Судей, 1–4 Царств – рассказывают историю народа Израиля от его пересечения реки Иордан и завоевания Ханаана сквозь взлеты и падения израильских царств до их крушения и изгнания от рук ассирийцев и вавилонян. Поздние Пророки включают пророчества, общественные поучения, горькие осуждения и мессианские ожидания различных групп воодушевленных лиц, охватывающие период около трехсот пятидесяти лет, от середины восьмого века до н. э. до конца пятого века до н. э.

Наконец, *Писания* являются сборником проповедей, стихов, молитв, пословиц и псалмов, которые представляют самые памятные и сильные выражения преданности обычного израильтянина в моменты радости, кризиса, поклонения и личного размышления. В большинстве случаев их чрезвычайно трудно связать с какими-либо историческими событиями или авторами. Они являются продуктами продолжительного процесса составления, который растянулся на сотни лет. Хотя ранний материал в этом сборнике (в Псалтыре и Плаче Иеремии) мог быть собран в конце монархического времени или вскоре после разрушения Иерусалима в 586 году до н. э., большинство из Писаний, по – видимому, были составлены гораздо позже, с пятого по второй века до н. э., в персидский и эллинистический периоды.

В этой книге исследуются главные «исторические» труды Библии, в первую очередь Тора и Ранние Пророки, которые рассказывают сагу народа Израиля от его истоков до разрушения Иерусалимского Храма в 586 году до н.э. Мы сравниваем это повествование с богатым археологическим материалом, который был собран за несколько последних десятилетий. В результате открытия увлекательных и сложных связей между тем, что *в действительности* произошло в земле Библии во время библейского периода (настолько хорошо, насколько оно может быть определено), и хорошо известными подробностями продуманного исторического по-

вествования, которые содержит Еврейская Библия.

От Эдема до Сиона

Сердце Еврейской Библии – это эпическая история, описывающая появление народа Израиля и их непрерывные взаимоотношения с Богом. В отличие от других мифологий древнего Ближнего Востока, таких как египетские сказания об Осирисе, Исиде и Горе или месопотамский эпос о Гильгамеше, Библия основана на сугубо земной истории. Это божественная драма, разыгрывающаяся на глазах всего человечества. Также, в отличие от историй и царских хроник других ближневосточных наций, она не просто прославляет силу традиции и правящих династий. Она предлагает сложное, но четкое видение того, *почему* история развертывалась для народа Израиля – да и всего мира – в схеме, прямо связанной с требованиями и обещаниями Бога. Народ Израиля – главный актер в этой драме. Его поведение и его соблюдение заповедей Божьих определяет направление, в котором будет протекать история. Все зависит только от народа Израиля, а через него, от всех читателей Библии, чтобы определить судьбу мира. Библейское сказание начинается в Эдемском саду и продолжается сквозь историю Каина и Авеля, Ноевого потопа, окончательно фокусируясь на судьбе одного рода – Авраама. Авраам был избран Богом, чтобы стать отцом великой нации и добросовестно следовать указаниям Бога. Он мигрировал со своей семьей из своего первоначального места жительства в Месопотамии в землю Ханаан, где в течении длительного срока он бродил как чужак среди оседлого населения, а его жена Сара родила сына Исаака, который унаследует божественный завет, впервые данный Аврааму. У Исаака был сын, Иаков, патриарх третьего поколения, который стал отцом двенадцати отдельных племен. В ходе яркой хаотической жизни странствий, разрастаясь до большого рода и создавая жертвенники по всей земле, Иаков боролся с ангелом и получил имя Израиль (означающее «тот, кто боролся с Богом»), под которым будут известны все его потомки. Библия рассказывает, как двенадцать сыновей Иакова враждовали друг с другом, работали вместе и в конце концов покинули родину, чтобы во время великого голода найти убежище в Египте. И патриарх Иаков в своём завещании объявил, что племя его сына Иуды будет господствовать над всеми остальными (Быт. 49:8–10).

Великая сага затем смещается от семейной драмы к историческому спектаклю. Бог Израиля показывает свою удивительную власть, демонстрируя ее против фараона Египта, самого могущественного правителя на Земле. Дети Израиля выросли в великую нацию, но были обращены в рабство как презираемое меньшинство, строящее великие монументы египетского режима. Намерение Бога сделать себя известным в всем мире осуществляется посредством его выбора Моисея в качестве посредника в стремлении освободить израильтян, чтобы они смогли исполнять свое истинное предназначение. И пожалуй самую яркую череду событий в литературе западного мира описывают книги Исход, Левит и Числа – как через знамения и чудеса Бог Израиля выводит детей Израиля из Египта в пустыню. На Синае Бог раскрыл народу свое истинное лицо как ЯХВЕ (сакральное имя, состоящее из четырех букв иврита) и дал им свод законов для руководства в их общественной и личной жизни.

Святые условия завета Израиля с ЯХВЕ, написанные на каменных скрижалях и помещенные в ковчег завета, стали их священным боевым штандартом на их пути в землю обетованную. В некоторых культурах учредительный миф может остановиться в этой точке – как чудесное объяснение того, как появился народ. Но Библия имела больше столетий истории, чтобы перечислить множество побед, чудес, неожиданных поражений и многих страданий в будущем. За великими победами израильтян при завоевании Ханаана, основанием царем Давидом великой империи и строительством Соломоном Иерусалимского Храма в Иерусалиме следовали раскол, повторные впадения в идолопоклонство и, в конечном итоге, изгнание. Далее Библия описывает, как вскоре после смерти Соломона десять северных колен, отвергая свое подчинение иерусалимским царем – давидидам, в одностороннем порядке отделились от объединенной монархии, таким образом ускоряя образование двух соперничающих царств: Израиля на севере и Иудеи на юге.

В течении последующих двухсот лет народ Израиля жил в двух отдельных царствах, как сообщается, снова и снова поддаваясь соблазну иностранных божеств. Руководство северного царства описано в Библии как неисправимо испорченное, о некоторых царях Иудеи также говорится как о сбившихся с пути полной преданности Богу. Со временем Бог направил на народ

Израиля угнетателей и завоевателей, чтобы наказать его за грехи. Вначале Израиль беспокоили арамеи Сирии. Затем произвела небывалое опустошение городов северного царства могущественная Ассирийская империя и в 720 году до н. э. принесла значительной части десяти колен горькую судьбу уничтожения и изгнания. Царство Иудея просуществовало более чем на столетие дольше, но и его народ не мог предотвратить суд Божий. В 586 году до н. э. возрастающая, жестокая вавилонская империя уничтожила землю Израиля и предала огню Иерусалим и его Храм.

С этой великой трагедии библейское повествование резко отклоняется в еще одном характерных образом от обычной модели древнего религиозного эпоса. Во многих подобных историях поражение бога от армии соперника означало также и конец его культа. Но в матрице Библии силе Бога Израиля было сочтено стать еще большей после падения Иудеи и изгнания израильтян. Далеко не будучи униженным опустошением своего Храма, Богу Израиля было сочтено стать божеством непревзойденной силы. В конце концов, это он управлял ассирийцами и вавилонянами как своими инструментами в наказании народа Израиля за его неверность.

В дальнейшем, после возвращения некоторых изгнанников в Иерусалим и восстановления Храма, Израиль больше не будет монархией, а станет религиозной общиной, руководствующейся божественными законами и посвященной точному исполнению ритуалов, предписанных в священных текстах общины. И это будет свободным выбором мужчин и женщин – поддерживать или нарушать этот божественно установленный порядок, – именно это, а не поведение их царей или взлет или падение великих империй, будет определять ход событий последующей истории Израиля. В этом чрезвычайном акценте на человеческую ответственность и заключается великая сила Библии. Другие древние эпосы с течением времени будут исчезать. Воздействие же библейского повествования на западную цивилизацию будет только расти.

Кто написал Пятикнижие и когда?

В течении веков читатели Библии считали само собой разумеющимся, что Священные Писания были как божественным откровением, так и точной историей, переданной непосредственно от Бога широкому кругу израильских мудрецов, пророков и жрецов. Установившиеся религиозное руководство, как иудейское, так и христианское, естественно предполагало, что Пятикнижие Моисея было зафиксировано в письменной форме самим Моисеем, незадолго до его смерти на горе Нево, как рассказывается в книге Второзаконие. Книги Иисуса Навина, Судей, Самуила (1 и 2 Царств) рассматривались как священные записи, сохраненные почтенным пророком Самуилом в Силоме, а книги Царей воспринимались как произведения пера пророка Иеремии. Кроме этого, царь Давид считался автором Псалмов, а царь Соломон – Притчей и Песни Песней Соломона. И все же к заре современной эпохи, в семнадцатом веке, ученые, которые посвятили себя подробному литературному и лингвистическому изучению Библии, обнаружили, что все было не так просто. Сила логики и разума, приложенная к текстам Священного Писания, подняла некоторые очень тревожные вопросы об исторической достоверности Библии.

Первым был вопрос – мог ли действительно Моисей быть автором Пятикнижия, если последняя книга, Второзаконие, в мельчайших подробностях описывает время и обстоятельства собственной смерти Моисея? Вскоре стали очевидными и другие несоответствия: библейский текст был переполнен литературными отступлениями, объясняя древние названия некоторых мест и часто отмечая, что свидетельства известных библейских событий были все еще видны «по сей день». Эти факторы убедили некоторых ученых семнадцатого века, что первые пять книг Библии, по меньшей мере, были сформированы, расширены и приукрашены позже, на протяжении веков неизвестными редакторами и корректорами.

В конце восемнадцатого века и особенно в девятнадцатом многие критически настроенные библеисты начали сомневаться, что Моисей имел хоть какое-либо отношение к написанию Библии; они пришли к убеждению, что Библия была произведением исключительно более поздних авторов. Эти ученые указывали на, казалось бы, различные версии тех же самых историй внутри Пятикнижия, предполагая, что библейский текст был произведением нескольких узнаваемых рук. Внимательное прочтение книги Бытия, к примеру, выявляет две

противоречивые версии творения (Быт. 1:1–2:3 и Быт. 2:4–25), две совершенно разные генеалогии потомков Адама (Быт. 4:17–26 и Быт. 5:1–28) и двое совмещенных и переплетенных рассказов о потопе. Вдобавок, были еще десятки дублирований, а иногда и три варианта событий в изложении о странствиях патриархов, Исходе из Египта и ниспослании Закона.

Тем не менее, в этом казалось бы хаотическом повторении присутствовал ясный порядок. Как было отмечено еще в девятнадцатом веке (и ясно объяснено американским библеистом Ричардом Эллиоттом Фридманом в его книге *«Кто написал Библию?»*) дублирования, появляющиеся в основном в книгах Бытие, Исход и Числа, не были произвольными вариациями или повторениями одних и тех же историй. Они содержали определенные, легко узнаваемые особенности терминологии и географических акцентов, а также, что наиболее заметно, использовали в повествовании различные имена Бога Израиля. Таким образом, один набор историй в ходе своего исторического повествования последовательно использовал тетраграмматон (четырехбуквенное имя ЯХВЕ) и, кажется, наиболее интересовался коленом и территорией Иуды. Другой набор историй использовал для обозначения Бога имена Элогим или Эл и, казалось, особенно был озабочен племенами и территориями на севере страны – в основном Ефраимом, Манассией и Вениамином. Со временем стало понятно, что дублирования исходят из разных источников, написанных в разное время и в разных местах. Одному источнику ученые дали название Яхвист (**J**), а другому – Элогист (**E**).

Отличительное использование географической терминологии, а также те роли, которые исполняли в этих двух источниках различные еврейские «колена» (племена) убедили ученых в том, что текст источника J был написан в Иерусалиме и выражал точку зрения объединенной монархии или царства Иудеи, предположительно во время или сразу после жизни царя Соломона. В то же время, казалось, что текст источника E был написан на севере и выражал точку зрения царства Израиль, и должен быть скомпонован во время независимого существования этого царства (ок. 930–720 гг. до н. э.).

Книга Второзакония с своим отличительным посланием и стилем, казалось, является независимым произведением, «**D** «. И среди разделов Пятикнижия были такие, которые не могут быть отнесены к J, E или D и содержали большое число отрывков, посвященных чисто ритуальным вопросам. Со временем эти разделы стали считаться частью длинного труда, названного P или Жреческим источником, который проявлял особенный интерес к ритуальной чистоте, культу и законам жертвоприношений. Другими словами, ученые постепенно пришли к выводу, что первые пять книг Библии, как мы теперь их знаем, были результатом сложной редакторской работы, в которой четыре главных источника – J, E, P и D – были искусно объединены и связаны писцами или «редакторами», чьи литературные следы (названные некоторыми библеистами отрывками «**R** «) состояли из связующих предложений и редакционных отступлений. Самые поздние из этих редакций имели место в период, наступивший уже после изгнания.

В последние несколько десятилетий мнение ученых о датировке и авторстве этих отдельных источников бурно менялось. Хотя некоторые библеисты полагают, что эти тексты были написаны и отредактированы в период существования объединенной монархии или царств Иудеи и Израиля (ок. 1000 – 586 гг. до н. э.), другие настаивают на том, что они были более поздними композициями, собранными и отредактированными жрецами и книжниками во время вавилонского изгнания и возвращения из плена (в шестом и пятом веках) или даже еще позднее – в эллинистический период (четвертом – втором веках до н. э.). Тем не менее, все согласны, что Пятикнижие не является единым, бесшовным произведением, а является смесью различных источников, каждый из которых написан при различных исторических обстоятельствах для выражения различных религиозных или политических взглядов.

Две версии поздней истории Израиля

Первые четыре книги Библии – Бытие, Исход, Левит и Числа – по – видимому, были результатом умелого переплетения источников J, E и P. В то же время пятая книга, Второзаконие, была совершенно иным случаем. Она несет в себе отличительную терминологию (не совпадающую с остальными источниками) и содержит бескомпромиссное порицание культов иных богов, новый взгляд на Бога как совершенно трансцендентное существо, а также абсолютный запрет на совершение жертвоприношений где-либо, кроме Иерусалимского Храма. Ученые

уже давно признали возможную связь этой книги с таинственной «книгой Закона», найденной первосвященником Хелкией в ходе ремонта в Храме во времена правления царя Иосии, в 622 г. до н. э. Как повествуется в 4 Книге Царств 22:8–23:24, этот документ стал вдохновением для религиозной реформы беспрецедентной трудности.

Влияние книги Второзаконие на окончательное послание Еврейской Библии выходит далеко за рамки ее законодательного кодекса. Историческое повествование в книгах, следующих за Пятикнижием – Иисуса Навина, 1–4 Царей – лингвистически и теологически настолько тесно связанное с Второзаконием, что они, начиная с середины 1940–х годов, стали называться учеными «Девтерономической историей». Это второй в Библии великий исторический труд по истории Израиля. Он продолжает рассказ о судьбе Израиля от завоевания земли обетованной до вавилонского пленения и выражает идеологию нового религиозного движения, которое возникло среди народа Израиля относительно поздно. Этот труд тоже неоднократно редактировался. Некоторые библеисты считают, что он был составлен во время плена в попытке сохранить историю, культуру и идентичность побежденной нации после катастрофического разрушения Иерусалима. Другие ученые убеждены, что в основном Девтерономическая история была написана во времена царя Иосии для поддержки религиозной идеологии и территориальных амбиций, и что она была завершена и отредактирована в плену несколькими десятилетиями позже.

Книги Хроник – третий в Библии великий исторический труд о допленном Израиле – оформились в письменном виде только в пятом или четвертом веке до н. э., несколькими столетиями после описываемых ими событий. Их историческая точка зрения прочно склоняется в пользу исторических и политических претензий династии Давида и Иерусалима; они постоянно игнорируют север. Различными способами Хроники однозначно отражают идеологию и потребности Иерусалима во времена Второго Храма и по большей части являются переработкой исторической саги, которая в то время уже существовала в письменном виде. По этим причинам, в этой книге мы будем минимально использовать Хроники, фокусируя наше внимание на более ранние Пятикнижие и Девтерономическую историю.

Как мы увидим в следующих главах, археология предоставила достаточно доказательств в поддержку нового утверждения о том, что историческое ядро Пятикнижия и Девтерономической истории была сформировано в значительной степени в седьмом веке до н. э. Поэтому мы будем фокусировать внимание на Иудею конца восьмого и седьмого веков до н. э., когда этот литературный процесс начался по – настоящему, и будем аргументировать, что большая часть Пятикнижия является поздним монархическим произведением, пропагандирующим идеологию и потребности Иудейского царства и как она связана с Девтерономической историей. И в этом мы будем на стороне тех ученых, которые убеждены, что Девтерономическая история была составлена в основном во времена царя Иосии, с целью обеспечить идеологическую легализацию для конкретных политических амбиций и религиозных реформ.

История или не история?

Археология всегда играла важную роль в дебатах о структуре и исторической достоверности Библии. Поначалу казалось, что археология должна опровергнуть большинство утверждений радикальных критиков о том, что Библии была довольно поздним произведением, и что ее большая часть является исторически ненадежной. С конца девятнадцатого века, когда начались современные исследования библейских территорий, серия захватывающих открытий и десятилетия продолжительных археологических раскопок и расшифровок во многом предположили, что библейские сообщения были в основном достоверными в отношении основных контуров истории древнего Израиля. Таким образом, казалось, что даже если библейский текст был записан гораздо позже описанных в нем событий, он должен в значительной степени основываться на аккуратно сохраненных воспоминаниях. Такое заключение было основано на нескольких новых группах археологических и исторических доказательств.

Географические идентификации

Хотя западные паломники и путешественники бродили по земле Библии еще с византийского периода, но только с появлением современных исторических и географических исследований, в конце 18–го и начале 19–го веков, ученые, хорошо разбирающиеся как в Библии, так и в других древних источниках, начали реконструировать ландшафт древнего Израиля не

полагаясь на церковные традиции различных святых мест, а на основе топографии, библейских ссылок и археологических находок. Первопроходцем в этой области был американский священник, конгрегационалист, Эдвард Робинсон, проведший в османской Палестине в 1838 и 1852–м годах два продолжительных исследования в попытке опровергнуть теории библейской критики посредством поиска и идентификации подлинных, исторически проверенных библейских мест.

Хотя некоторые из основных мест библейской истории, такие как Иерусалим, Хеврон, Яффа, Беф – Сан и Газа, никогда не забывались, сотни дополнительных мест, упоминающихся в Библии, были неизвестны. С помощью географической информации, содержащейся в Библии, и тщательного изучения современных арабских топонимов страны, Робинсон обнаружил, что возможно установить месторасположение десятков древних холмов и руин ранее забытых библейских мест.

Робинсон и его последователи смогли идентифицировать обширные руины в местах Эль – Джиб, Бейтин и Хирбет – Сейлун к северу от Иерусалима как вероятные места библейских Гаваона, Вефиля и Силома. Этот процесс был особенно эффективен в тех регионах, которые были заселены непрерывно в течение столетий, и где имя места было сохранено. Но последующим поколениям ученых стало понятно, что в других местах, в которых современные названия не имели никакого отношения к библейским местам, для идентификации можно применить другие критерии, такие как размер и датируемые типы керамики. Так, к развивающейся реконструкции библейской географии постепенно добавились Мегиддо, Хацор, Лахис, и десятки других библейских мест. В конце 19–го века британские королевские инженеры Фонда Исследования Палестины провели эту работу с высокой степенью систематизации, составляя подробные топографические карты всей страны от истоков реки Иордан на севере до Беэр – Шевы в пустыне Негев на юге.

Более важным, чем даже конкретные идентификации, было растущее знакомство с основными географическими регионами библейской земли. (Рис. 2): широкими и плодородными равнинами Средиземноморья, предгорьями Шефелы, поднимающимися к центральному нагорью на юге, засушливой пустыней Негев, районом Мертвого моря и Иорданской долины, северным нагорьем и широкими долинами на севере страны. Библейская земля Израиля была областью с необычными климатическими и экологическими контрастами. Она также служила естественным сухопутным мостом между двумя великими цивилизациями Египта и Месопотамии. Ее характерные пейзажи и условия практически в каждом случае оказались достаточно точно отраженными в библейском повествовании.

Памятники и архивы Египта и Месопотамии.

В средние века и в эпоху Возрождения были сделаны повторные попытки установить стандартную хронологию событий, описанных в Библии. Большинство из них были покорно дословными. Чтобы проверить внутреннюю библейскую хронологию были необходимы внешние источники, и в конечном итоге они были обнаружены среди археологических останков двух наиболее важных и наиболее образованных цивилизаций древнего мира.

В конце 18 века европейские ученые стали интенсивно изучать Египет с его удивительными памятниками и огромным сокровищем иероглифических надписей. Но только с расшифровкой египетских иероглифов французским ученым Жан – Франсуа Шампольоном в 1820–х годах (на основе трех идентичных текстов на трех языках на Розеттском камне) стала очевидной историческая ценность египетских останков для датировки и, возможно, проверки исторических событий в Библии. Хотя определение отдельных фараонов, упомянутых в историях об Иосифе и Исходе, осталось точно не известным, стали очевидны другие прямые связи. Победная стела, воздвигнутая фараоном Мернептахом в 1207 году до н. э., упоминала о великой победе над народом, названным Израилем (в действительности слово «Израиль» на стеле было установлено произвольно христианскими исследователями, более вероятный перевод этого слова – «Сирия», – *примеч. переводчика*). В более позднюю эпоху фараон Шишак (Сусаким), упомянутый в 3 Царств 14:25 как пришедший в Иерусалим для получения дани в пятом году правления сына Соломона, был идентифицирован как фараон двадцать второй династии Шешонк I, правивший в 945–924 гг. до н. э. Он оставил запись о своей кампании на стене храма Амона в Карнаке в Верхнем Египте.

Другой богатый источник открытий для хронологии и исторической идентификации пришел с широких равнин между Тигром и Евфратом, древнего региона Месопотамии. Начиная с 1840–х годов научные представители Англии, Франции, а со временем США и Германии, обнаружили города, огромные дворцы и клинописные архивы Ассирийской и Вавилонской империй. Главные монументы и города этих сильных восточных империй были раскрыты впервые с библейского периода. Такие места, как Ниневия и Вавилон, прежде известные в основном из Библии, теперь оказались столицами могущественных и агрессивных империй, чьи художники и писцы тщательно задокументировали военные кампании и политические события своего времени. Так, в месопотамских клинописных архивах среди прочих были обнаружены ссылки на ряд важных библейских царей – израильских церей Аммрия (Омри), Ахава и Ииуя (Егу) и иудейских царей Езекию и Манассию. Эти внешние ссылки позволили ученым рассмотреть библейскую историю с более широкой точки зрения, а также синхронизировать времена правления библейских монархов с более полными системами датирования древнего Ближнего Востока. Постепенно были созданы состыковки, и даты правления израильских и иудейских царей, ассирийских и вавилонских правителей и египетских фараонов были установлены в порядок, впервые дающий довольно точную датировку.

Кроме того, еще намного раньше на мир древнего Ближнего Востока и, соответственно, на культурную среду, из которой в конечном итоге появилась Библия пролили свет месопотамские и египетские архивы из среднего и позднего бронзового века (2000–1150 гг. до н. э.) из таких городов как Мари, Телль эль – Амарна и Нузи.

В районах ближе к Израилю будут также найдены отдельные надписи, которые предлагают вниманию еще более конкретные упоминания. Триумфальная стела моавитского царя Меши, обнаруженная в 19–м веке в Трансиордании, упоминает победу Меши над войсками Израиля и предоставляет внешнее доказательство войны между Израилем и Моавом, о которой сообщается в 4 Царств 3:4–27. Самая значительная надпись для исторической проверки была обнаружена в 1993 году в районе Тель – Дан на севере Израиля, по – видимому, сообщающая о победе арамейского царя Газаила над царем Израиля и царем из «дома Давидова» в девятом веке до н. э. Как и моавитская надпись, она предоставляет внебиблейский ориентир для истории древнего Израиля.

Без сомнения, наиболее важным источником данных об историческом контексте Библии пришел в результате более чем ста лет современных археологических раскопок в Израиле, Иордании и соседних регионах. Тесно связанная с достижениями в археологической технике всего мира, библейская археология стала способна определить длинную последовательность легко датируемых архитектурных стилей, керамических изделий и других артефактов, которая позволяет ученым датировать слои погребенных городов и захоронений с достаточной степенью точности.

Начатая в начале 20 века американским ученым Вильямом Ф. Олбрайтом, эта отрасль археологии сосредоточена на раскопках холмов больших городов (называемых на арабском языке «теллями», на иврите – «телями»), состоящих из множества наложенных городских уровней (слоев), в которых можно проследить развитие общества и культуры на протяжении тысячелетий.

После десятилетий раскопок, исследователи смогли воссоздать огромный археологический контекст, в который должна быть включена библейская история. (Рис. 3). Начиная с первых в регионе свидетельств сельского хозяйства и оседлых общин в самом конце каменного века, археологи пошли на определение роста городских цивилизаций в бронзовом веке (3500–1150 гг. до н. э.) и превращение их в территориальные государства в последующий период, в железном веке (1150–586 гг. до н. э.), когда, вероятно, произошло большинство исторических событий, описанных в Библии.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ*

Ранний бронзовый век	3500-2200 гг. до н.э.
Промежуточный бронзовый век	2200-2000 гг. до н.э.
Средний бронзовый век	2000-1550 гг. до н.э.
Поздний бронзовый век	1550-1150 гг. до н.э.
Железный век I	1150-900 гг. до н.э.
Железный век II	900-586 гг. до н.э.
Вавилонский период	586-538 гг. до н.э.
Персидский период	538-333 гг. до н.э.

** Датировка следует системе, описанной в этой книге. Датировка от раннего бронзового до среднего бронзового веков является приблизительной и основана на культурных соображениях. Датировка от позднего бронзового века до персидского основана на исторических событиях.*

ЦАРИ ИЗРАИЛЯ И ИУДЕИ*

Иудея		**Израиль**	
Саул ок. 1025 – 1005 гг. до н.э. Давид ок. 1005 – 970 гг. до н.э. Соломон ок. 970 – 930 гг. до н.э.			
Ровоам	931 – 914	Иеровоам I	931 – 909
Авия	914 – 911	Надав	909 – 908
Аса	911 – 870	Вааса	908 – 885
Йосафат	870 – 846**	Эла	885 – 884
Йорам	851 – 843**	Замврий (Зимри)	884
Охозия	843 – 842	Фамний (Тивни)	884 – 880***
Гофолия (Аталия)	842 – 836	Амврий (Омри)	884 – 873
Йоас	836 – 798	Ахав	873 – 852
Амасия	798 – 769	Охозия	852 – 851
Озия	785 – 733**	Иорам	851 – 842
Иоафам (Йотам)	743 – 729**	Иуй (Йегу)	842 – 814
Ахаз	743 – 727**	Йоахаз	817 – 800**
Езекия	727 – 698	Иоас	800 – 784
Манассия	698 – 642	Иеровоам II	788 – 747**
Аммон	641 – 640	Захария	747
Йосия	639 – 609	Шаллум	747
Йоахаз	609	Манаим (Менахем)	747 – 737

Йоаким	608 – 598	Факия (Пекахия)	737 – 735
Йехония	597	Факей (Пеках)	735 – 732
Седекия	596 – 586	Осия	732 – 724
* Согласно *Anchor Bible Dictionary*, Том. 1, стр. 1010 и Галиль *»Хронология царей Израиля и Иудеи»* ** Включая совместное правлениеё *** Одновременное правление с другим соперником			

Рис. 3. Основные археологические периоды и хронология иудейских и израильских царей.

К концу 20–го века археология показала, что между находками в Израиле и на всем Ближнем Востоке и миром, описанным в Библии, было слишком много материальных соответствий, чтобы утверждать, что Библия была поздней и причудливой жреческой литературой, написанной вообще без каких-либо исторических оснований. Но в то же время между находками и библейским повествованием было слишком много противоречий, чтобы утверждать, что Библия предоставляла точное описание происходившего в действительности.

От библейской иллюстрации к антропологии древнего Израиля

До тех пор, пока критики библейских текстов и библейские археологи сохраняли свои в основном противоречивые взгляды на историческую достоверность библии, они продолжали жить в двух разных интеллектуальных мирах. Критики текстов продолжали рассматривать Библию как объект анализа, который может быть разделен на все более мелкие источники и субисточники, в соответствии с теми или иными религиозными и политическими идеями, которые они выражали. В то же время археологи часто принимали историческое повествование Библии за чистую монету. Вместо того, чтобы использовать археологические данные в качестве независимого источника для реконструкции истории региона, они по – прежнему для интерпретации своих находок полагались на библейское повествование, особенно на традиции о возникновении Израиля. Конечно, по мере того, как продолжались раскопки и исследования, появлялись новые понимания того, как возник и развивался Израиль. Были подняты вопросы относительно исторического существования патриархов, а также о датировке и масштабах Исхода. Были разработаны и новые теории, которые предположили, что израильского завоевания Ханаана как единой военной кампании, как настаивает книга Иисуса Навина, возможно, не было. Но в отношении библейских событий, начинающихся от времени Давида ок. 1000 г. до н. э., существовал археологический консенсус, по крайней мере до 1990–х годов, что Библия может считаться в основном достоверным историческим документом.

Однако, в 1970–х годах на поведение библейской археологии начали влиять новые тенденции, и в конечном итоге они изменили основной упор и полностью перевернули традиционные отношения между артефактом и библейским текстом. Впервые археологи, работающие на билейских землях, не стремились использовать свои находки как иллюстрации для Библии; в драматическом переходе к методам социальных наук они стремились изучать реалии человеческой жизни, стоящие *за* текстом. В раскопках древних памятников особое внимание больше не уделялось только местам, связанным с Библией. Раскопанные артефакты, архитектура и модели поселений, а также кости животных, семена, химический анализ образцов почвы и долгосрочные антропологические модели, взятые из многих культур мира, стали ключом к восприниманию более широких изменений в экономике, политической истории, религиозных обычаях, плотности населения и самой структуре общества древних израильтян. Применяя методы, используемые археологами и антропологами в других регионах, все возрастающее число ученых попыталось понять, как взаимодействие человека с комплексной, фрагментированной природной средой земли Израиля влияло на развитие его уникальной социальной системы, религии и духовного наследия.

Новый взгляд на библейскую историю

Последние достижения в области археологии, наконец, позволили нам преодолеть разрыв между изучением библейских текстов и археологическими находками. Теперь мы можем видеть, что Библия, наряду с отличительными формами керамики, архитектурными стилями и надписями на иврите, является типичным артефактом, который много рассказывает об обществе, в котором он возник.

Это потому, что теперь уже понятно, что такие явления как делопроизводство, административная переписка, царские хроники и составление национального Священного Писания, особенно такого глубокого и сложного как Библия, связаны с определенной стадией социального развития. Археологи и антропологи, работающие во всем мире, внимательно изучили условия, в которых появляются сложные жанры письма, и почти в каждом случае они являются признаком формирования государства, в котором власть централизована в национальных институтах, таких как официальный культ или монархия. Другие черты этого этапа социального развития включают монументальное строительство, экономическую специализацию и наличие густой сети объединенных общин размером от больших городов до региональных центров и до средних городков и маленьких деревень.

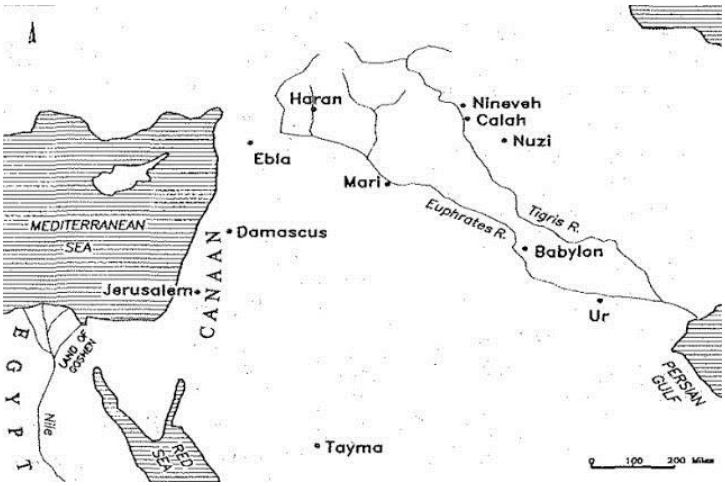
До недавнего времени как текстуальные ученые, так и археологи предполагали, что древний Израиль достиг стадии полного государственного образования во время объединенной монархии Давида и Соломона. Действительно, многие библеисты продолжают верить, что самым ранним источником Пятикнижия является документ J (или Яхвист), и что он был составлен в Иудее в эпоху Давида и Соломона, в 10 веке до н. э. В этой книге мы будем аргументировать, что такой вывод является крайне маловероятным. Из анализа археологических доказательств нет никаких признаков широкой письменности или других атрибутов полноценной государственности в Иудее (и, в частности, в Иерусалиме), аж до времени, более чем два с половиной столетия спустя, около конца 8–го века до н. э. Конечно, никакой археолог не может отрицать, что Библия содержит легенды, персонажи и фрагменты рассказов, которые уходят далеко в глубь времен. Но археология может показать, что Пятикнижие и Девтерономическая история несут безошибочные признаки своей первоначальной компиляции в 7–м веке до н. э. Почему это так, и что это значит для нашего понимания библейской саги, и является главной темой этой книги.

Мы также увидим, какая часть из библейского повествования является продуктом надежд, страхов и амбиций, достигших кульминации в Иудее во время правления царя Иосии в конце 7 века до н. э. Мы будем доказывать, что историческое ядро Библии возникло из чисто политических, социальных и духовных условий и сформировалось под влиянием творчества и видения неординарных личностей. Многое из того, что считается само собой разумеющимся в качестве точной истории – рассказы о патриархах, Исходе, завоевании Ханаана и даже сага о славной объединенной монархии Давида и Соломона – является, скорее, творческим выражением мощного религиозного реформаторского движения, которое процветало в Иудейском царстве в позднем железном веке. Хотя эти рассказы могут основываться на определенном историческом ядре, они в первую очередь отражают идеологию и мировоззрение своих авторов. Мы покажем, как повествование Библии уникально подходило для дальнейшей религиозной реформы и территориальных амбиций Иудеи во время важных заключительных десятилетий 7–го века до н. э.

Но предположение, что большинство известных историй Библии не происходило так, как Библия о них повествует, совсем не означает, что у древнего Израиля не было подлинной истории. В следующих главах мы восстановим историю древнего Израиля на основе археологических свидетельств – единственного источника информиации о библейском периоде истории, который не был широко исправлен, отредактирован или переделан многими поколениями библейских книжников. При поддержке археологических находок и внебиблейских записей, мы увидим, что библейское повествование само является частью истории, а не бесспорной исторической основой, которой должны соответствовать каждая отдельная археологическая находка или заключение. Наш рассказ будет резко отклонятся от знакомого библейского повествования. Это история не одного, а двух избранных царств, которые вместе составляют исторические корни народа Израиля.

Одно царство, царство Израиль, родилось в плодородных долинах и возвышенностях на севере земли Израиля и выросло, чтобы быть среди самых богатых, самых космополитических и самых мощных царств в регионе. Сегодня об этом почти полностью забыли, за исключением той злодейской роли, которую оно играет в библейских книгах Царств. Другое царство, Иудея, возникло в каменистом, неприветливом южном нагорье. Оно выжило благодаря своей изоляции и жесткой преданности своему Храму и царской династии. Эти два царства представляют

собой две части древнего Израиля, два совершенно разных общества с разными взглядами и разными национальными идентичностями. Шаг за шагом мы проследим те стадии, в которых истории, память и надежды обоих государств были мощно объединены в едином Священном Писании, которое, больше чем любой другой документ, когда-либо написанный, сформировал (и продолжает формировать) лицо западного общества.

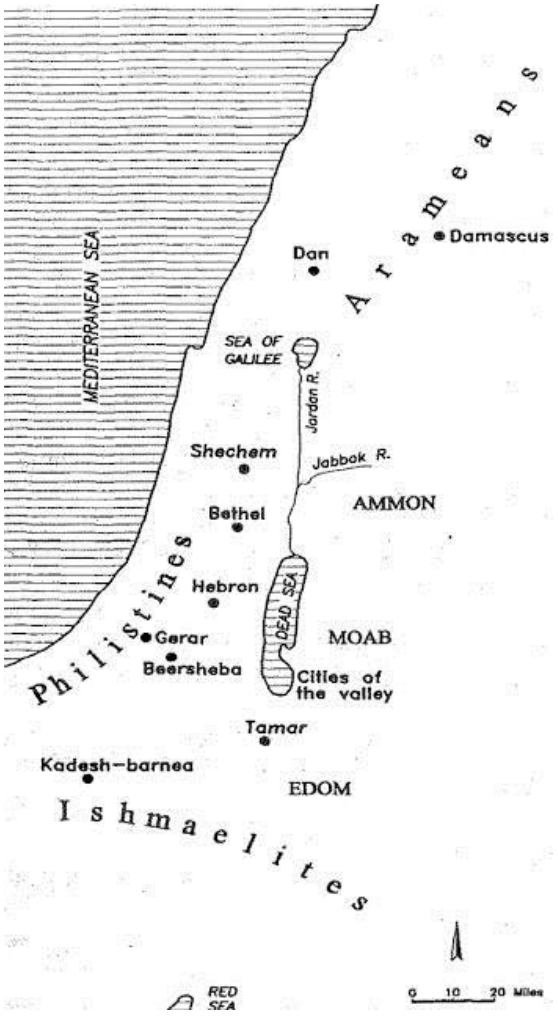


Часть первая. Библия как история?

Глава 1. В поисках патриархов

Вначале была единственная семья с особыми отношениями с Богом. Со временем эта семья увеличивалась и значительно умножилась, превратившись в народ Израиля. Это первое великое библейское сказание, рассказ о мечтах переселенцев и божественных обещаниях, которые служат красочным и вдохновляющим вступлением в последующую историю народа Израиля. Авраам был первым патриархом и получателем божественных обещаний земли и обильного потомства, которые переносились из поколения в поколение к его сыну Исааку, сыну Исаака Иакову, также известному как Израиль. Среди двенадцати сыновей Иакова, каждый из которых стал предком израильского племени, Иуде отведена особая главенствующая роль.

Библейский рассказ о жизни патриархов – это блестящая история как о семье, так и о народе в целом. Она черпает свою эмоциональную силу от записи проникновенной человеческой борьбы отцов, матерей, мужей, жен, дочерей и сынов. В некотором смысле она является типичной семейной историей со всеми ее радостями и горестями, любовью и ненавистью, обманом и хитростью, нуждой и процветанием. Это также универсальная философская история об отношениях между Богом и человечеством, о преданности и послушании, о добре и зле, о вере, благочестии и аморальности. Это история о выборе Богом народа, вечном божественном обете земли, процветания и роста. Из почти всех точек зрения – исторической, психологической и духовной – патриархальные повествования являются великим литературным достижением. Но являются ли они достоверными летописями появления народа Израиля? Есть ли какие-нибудь свидетельства того, что праотцы Авраам, Исаак и Иаков, а также праматери Сарра, Ревекка, Лия и Рахиль – жили на самом деле?



Сага о четырех поколениях

Книга Бытия описывает Авраама как архетипического человека веры и родового патриарха, изначально пришедшего из Ура в южной Месопотамии и переселившегося со своей семьей в городе Харране, располагающемся на одном из притоков верхнего Евфрата (Рис. 4). Именно там Бог явился ему и повелел: *«Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение…»* (Быт. 12:1–2). Повинуясь словам Бога, Аврам (как он тогда назывался) взял свою жену Сару, племянника Лота и отправился в Ханаан. Он бродил со своими стадами по центральному нагорью, перемещаясь в основ-

ном между Сихемом на севере, Вефилем (возле Иерусалима) и Хевроном на юге, а также далее на юг в Негев (Рис. 5).

Во время своего путешествия Аврам в нескольких местах соорудил жертвенники Богу и нашел истинную природу своей судьбы. Бог обещал Авраму и его потомкам все земли от «*от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата* « (Быт. 15:18). И чтобы показать его роль как патриарха многих народов, Бог изменил имя Аврама на *Авраам* – «*Я сделаю тебя отцом множества народов* « (Быт. 17:5). Он также изменил имя Сары на Сарра, чтобы подчеркнуть, что ее статус точно также изменился.

Семья Авраама была источником всех народов региона. Во время его странствия в Ханаан пастухи Авраама и пастухи Лота стали ссориться. Для того, чтобы избежать дальнейших семейных конфликтов, Авраам и Лот решили разделить землю. Авраам и его люди остались в западной горной местности, в то время как Лот и его семья ушли в восточном направлении к Иорданской долине и остановились в Содоме возле Мертвого моря. Люди Содома и близлежащей Гоморры оказались злыми и коварными, поэтому Бог серой и огнем полностью уничтожил грешные города. Затем Лот ушел сам по себе к восточным холмам, чтобы стать прародителем трансиорданских народов Моава и Аммона. Авраам также стал отцом нескольких других древних народов. Так как его жена Сара вследствие ее девяностолетнего возраста не могла иметь детей, Авраам взял свою наложницу Агарь, египтянку, рабыню Сары. У них появился ребенок, названный Измаилом, который со временем должен был стать прародителем всех арабских народов южной пустыни.

Наиболее важным во всем библейском повествовании является то, что Бог завещал Аврааму еще одного ребенка, и его любимая жена Сара чудесным образом родила сына, Исаака, когда Аврааму было уже сто лет. Один из наиболее впечатляющих образов в Библии – когда Бог ради испытания веры Авраама приказывает тому принести в жертву любимого сына Исаака на горе в земле Мориа. Бог остановил жертвоприношение, но вознаградил Авраама обновлением своего завета. Мало того, что потомство Авраама вырастет в великую нацию, но также станет столь же многочисленным, сколько звезд на небе и песка на берегу моря – а в будущем все нации мира будут благословлены в нем.

Исаак мужал, бродя со своими стадами возле южного города Беэр – Шева, и в конце концов женился на Ревекке, молодой женщине из земли его отца далеко на севере. В то же время, семейные корни в землю обетованную врастали все глубже. Авраам купил пещеру Махпелу в Хевроне на горном юге страны для захоронения своей любимой жены. Он сам также хотел быть погребенным там.

Размножение продолжалось. В их стане в Негеве жена Исаака, Ревекка, родила близнецов с совершенно разными характерами и темпераментом, чьи потомки будут вести борьбу друг с другом сотни лет. Исав, могучий охотник, был чуть старше и любимцем Исаака, в то время как Иаков, более молодой, более деликатный и чувствительный, был любимцем матери. И хотя брат Исав, как старший, был законным наследником божественного завета, Ревекка замаскировала своего сына Иакова, завернув его в козьи шкуры, и представила все так, чтобы слепой и немощный патриарх ошибочно подумал, что Иаков – это Исав, и дал ему право первородства и благословление вместо старшего сына.

Возвратившись в стан, Исав обнаружил обман и кражу благословления. Но ничего сделать уже было нельзя. Его престарелый отец Исаак обещал Исаву только, что тот станет отцом обитающих в горах Эдома (эдомитов): «вот, от тука земли будет обитание твое и от росы небесной свыше» (Быт. 27:39). Таким образом, был создан еще один народ региона этого времени, и как показывает Бытие 28:9, Исав возьмет жену из семьи его дяди Измаила и породит еще и другие племена. И эти племена будут в постоянной вражде с израильтянами, а именно с потомками его брата, Иакова, укравшего у Исава божественное право первородства.

Иаков вскоре бежал от гнева оскорбленного брата, отправившись далеко на север в дом своего дяди Лавана в Харран, чтобы найти себе жену. По дороге на север Бог подтвердил наследственные права Иакова. Иаков остановился ночевать в Вефиле и во сне увидел лестницу, ведущую от земли в небеса, и ангелов Божьих, поднимающихся и спускающихся по ней. Стоящий выше их всех Бог обновил свое обещание, которое он дал Аврааму:

«*Я Яхве, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака. Землю, на которой ты лежишь, Я дам*

тебе и потомству твоему; и будет потомство твое, как песок земной; и распространишься к морю и к востоку, и к северу и к полудню; и благословятся в тебе и в семени твоем все племена земные; и вот Я с тобою, и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в сию землю, ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе .» (Быт. 28:13–15)

Иаков продолжил путь на север в Харран, где оставался в течение нескольких лет с Лаваном, женившись на двух его дочерях, Лие и Рахили, и став отцом одиннадцати сыновей – Рувима, Симеона, Левия, Иуды, Дана, Неффалима, Гада, Ассира, Иссахара, Зевулона и Иосифа – от двух его жен и двух служанок. Затем Бог повелел Иакову возвратиться в Ханаан со своей семьей, хотя на своем пути при пересечении реки Яббок в Трансиордании тот был вынужден бороться с мистическим существом. Был ли это ангел Божий или сам Бог, но он изменил имя Иакова на Израиль (буквально: «Тот, кто боролся с Богом»). «*ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь* « (Быт. 32:28) Затем Иаков возвратился в Ханаан, сделав стоянку возле Сихема и построив жертвенник в Вефиле – в том месте, где Бог открыл себя ему по пути в Харран. Во время их движения дальше на юг во время родов умерла Рахиль, родив при этом Вениамина, последнего из сыновей Иакова. Вскоре умер и отец Иакова Исаак, который был похоронен в пещере Махпеле в Хевроне.

Постепенно семья превращалась из клана в народ. И все же дети Израиля на этой стадии были семьей ссорящихся братьев, среди которых Иосиф, любимый сын Иакова, был ненавидим остальными братьями из-за своих странных снов, которые предрекали ему стать во главе семьи. Хотя большинство братьев собирались убить Иосифа, Рувим и Иуда отговорили их. Вместо убийства братья продали Иосифа группе купцов – измаильтян, ведущих караван верблюдов в Египет. Братья притворились огорченными и объяснили патриарху Иакову, что Иосифа растерзал хищный зверь. Иаков оплакал своего любимого сына.

Но зависть братьев не помешала великой судьбе Иосифа. Обосновавшись в Египте, он быстро разбогател и получил положение благодаря своим особенным способностям. После толкования сна фараона, предсказав семь хороших лет и семь плохих, он был назначен великим визирем фараона. На этой высокой должности он реформировал экономику Египта, сохраняя излишки продовольствия в хорошие годы на будущие плохие годы. Действительно, когда настали голодные годы, Египет был к ним хорошо подготовлен. В соседнем Ханаане Иаков и его сыновья страдали от голода, и Иаков отправил десять из одиннадцати своих сыновей в Египет за продовольствием. В Египте они пришли к визирю Иосифу, теперь ставшему взрослым. Сыновья Иакова не узнали своего давно потерянного брата, и сам Иосиф поначалу не стал раскрывать им свою личность. Затем в трогательной сцене Иосиф признался, что он – их презираемый брат, которого они прогнали и продали в рабство.

Дети Израиля, наконец, воссоединились, и их престарелый отец пришел жить со всей своей семьей неподалеку от своего великого сына, в земле Гесем. На смертном одре Иаков благословил сыновей и двух внуков, сынов Иосифа – Манассию и Ефраима. Из всех привилегий Иуда получил царское право родства:

Иуда! тебя восхвалят братья твои. Рука твоя на хребте врагов твоих; поклонятся тебе сыны отца твоего. Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается. Преклонился он, лег, как лев и как львица: кто поднимет его? Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель, и Ему покорность народов . (Быт. 49:8–10)

А после смерти Иакова его тело было перенесено обратно в Ханаан – на территорию, которая в некотором будущем должна стать владением племени Иуды по наследству, – и было захоронено в пещере Малпеле в Хевроне. Иосиф тоже умер, а дети Израиля остались в Египте, где развернется следующая глава их истории как народа.

Безуспешный поиск исторического Авраама

Прежде чем описать вероятное время и исторические обстоятельства, в которых из более ранних источников было соткано воедино повествование о библейских патриархах, важно объяснить, почему так много ученых предшествующего столетия были убеждены, что сказание о патриархах, по крайней мере, в общих чертах, было исторически верным. Пастушеский уклад жизни патриархов в основных чертах казался археологам начала 20 века похожим на жизнь современных бедуинов Ближнего Востока. Идея ученых была в том, что образ жизни бедуинов был практически неизменным на протяжении тысячелетий, что придавало правдо-

подобие библейским рассказам с описанием богатства, выражающегося в количестве овец и коз (Быт. 30:30–43), постоянными клановыми конфликтами с оседлыми сельскими жителями по поводу колодцев с водой (Быт. 21:25–33) и спорами по поводу пастбищ (Быт. 13:5–12). Кроме того, явные ссылки на месопотамские и сирийские места, вроде места рождения Авраама – Ура и Харрана на притоке Евфрата (где продолжала жить большая часть семьи Авраама после его миграции в Ханаан), казалось, соответствовали результатам археологических раскопок на восточной дуге плодородного полумесяца (условное название региона на Ближнем Востоке, в котором в зимние месяцы наблюдается повышенное количество осадков. – прим. перев.), где были обнаружены центры цивилизаций древнего Ближнего Востока.

И все же было что-то гораздо более глубокое и связанное с современной религиозной верой, что мотивировало ученых на поиски «исторических» патриархов. Многие ранние библейские археологи прошли подготовку как священнослужители или теологи. Они были убеждены, что их вера в обещание Бога Аврааму, Исааку и Иакову – неотъемлемое право еврейского народа по рождению и переданное христианам, как объяснял в своем Послании к Галатам ап. Павел – было реальностью. И если оно было реальностью, это предположительно происходило с реальными людьми, а не было творением неизвестных древних книжников.

Французский ученый – доминиканец и археолог Роланд дэ Во указывал, к примеру, что «если вера в историю Израиля не основана на истории, такая вера ошибочна, а значит, и наша вера тоже». И старейший авторитет американской археологии Вильям Ф. Олбрайт повторил то же мнение, что «в целом картина в книге Бытия исторична, и нет никаких причин сомневаться в точности ее общих биографических деталей». Действительно, в первые десятилетия 20 века, когда происходили великие открытия в Месопотамии и активизация археологической деятельности в Палестине, многие библейские историки и археологи были убеждены, что новые открытия могут сделать вероятным, если вообще не полностью доказать, что патриархи были историческими фигурами. Они аргументировали это тем, что библейские повествования, даже если они были скомпилированы в более позднее время, такое как период объединенной монархии, по крайней мере, сохранили основные очертания подлинной, древней исторической действительности.

Действительно, Библия предоставляет большое количество специфической хронологической информации, которая должна помочь, прежде всего, точно определить, когда жили патриархи. Библия рассказывает раннюю историю Израиля последовательно от патриархов до Египта, Исхода, блужданий в пустыне, завоевания Ханаана, периода судей и до основания монархии. Она также предоставляет ключ к подсчету специфических дат. Наиболее важная подсказка – это указание в 1 Царей 6:1 о том, что Исход состоялся за 480 лет до начала строительства Иерусалимского Храма (четвертого года правления Соломона). Кроме того, в Исход 12:40 говорится, что израильтяне пережили 400 лет рабства в Египте до Исхода. Добавив чуть более двух сотен лет для перекрытия сроков жизни патриархов в Ханаане до того, как израильтяне мигрировали в Египет, мы приходим к библейской дате около 2100 года до н. э. собственного отъезда Авраама в Ханаан.

Конечно, имелись некоторые явные проблемы для принятия такой даты в целях точной исторической реконструкции, не последняя из которых – это чрезвычайно долгие продолжительности жизни Авраама, Исаака и Иакова, которые переходили далеко за сотню лет. Вдобавок, поздние генеалогии, прослеженные у потомков Иакова, были запутанными, если не сказать взаимно противоречащими. Моисей и Аарон, к примеру, идентифицировались в Библии как *четвертое* поколение сына Иакова – Левия, в то время как Иисус Навин, современник Моисея и Аарона, был объявлен как *двенадцатое* поколение от Иосифа, другого сына Иакова. Это вряд ли было незначительным расхождением.

Американский ученый Олбрайт, тем не менее, утверждал, что определенные уникальные детали в рассказе книги Бытие могут иметь ключевое значение для проверки их исторической основы. Элементы, такие как личные имена, необычные традиции брака и законы продажи земель, могут быть выявлены в записях обществ Месопотамии второго тысячелетия до н. э., откуда согласно сообщению пришел Авраам. Не менее важно то, что патриархи описаны как ведущие жизнь бедуинов, передвигающиеся со своими стадами в центральных возвышенностях Ханаана между Сихемом, Вефилем, Беэр – Шевой и Хевроном. Все эти элементы убедили

Олбрайта в том, что патриархи были реальными. Таким образом, он и его коллеги начали искать свидетельства пастушеских групп месопотамского происхождения по всему Ханаану 2000 года до н. э.

Тем не менее, поиск исторических патриархов в конечном счете был неудачным, так как ни один из периодов предлагаемых Библией дат полностью не совместим на фоне библейских историй. (Для получения дополнительной информации см. Приложение 1). Предполагаемая миграция на запад групп из Месопотамии в Ханаан – так называемая миграция аморреев – в которой Олбрайт расположил приход Авраама и его семьи, позже была признана иллюзорной. Археология полностью опровергла утверждение, что внезапное массовое перемещение населения в это время имело место.

А кажущиеся параллели между Месопотамскими законами и обычаями второго тысячелетия, с одной стороны, и описанными в библейском повествовании, с другой, были настолько общими, что они могли применяться практически в любой период истории в древнем Ближнем Востоке. Жонглирование датами не помогло в решении этого вопроса. Последующие попытки дэ Во поместить повествование о патриархах в среднем бронзовом веке (2000–1550 гг. до н. э.), а также попытки Спейсера и Гордона поместить их на фоне архивов 15–го века до н. э., обнаруженных в Нузи на севере Ирака, а также израильским библейским историком Биньямином Мацаром разместить их в раннем железном веке таким же образом окончились неудачей установления убедительных ссылок. Подчеркнутые параллели были настолько общими, что они могли быть обнаружены во многих периодах.

Все инициативы создали что-то вроде замкнутого круга. Научные теории о возрасте патриархов (в историческом существовании которых тогда не было сомнений) изменились в соответствии с открытиями, от середины третьего тысячелетия до н. э. до конца этого тысячелетия, до начала второго тысячелетия до н. э., до середины второго тысячелетия, до раннего железного века. Главная проблема была в том, что ученые, которые принимали библейские расчеты как реалистические, верили, что возрасты патриархов должны быть рассмотрены, так или иначе, как ранние фазы в *последовательной* истории Израиля.

Некоторые предательские анахронизмы

Критические текстологи, которые идентифицировали разные источники, лежащие в основе книги Бытие, настаивали, что патриархальные повествования были оформлены в письменном виде в сравнительно позднее время, во времена монархии (10–8 вв. до н. э.) или позже, во время плена или в послепленный период (6–5 вв. до н. э.). Германский библеист Юлиус Велльгаузен утверждал, что рассказы о патриархах в произведениях как J, так и E отразили чаяния поздней израильской монархии, которые спроецированы на жизни легендарных отцов в основном мифического прошлого. Таким образом, библейские рассказы должны рассматриваться как национальная мифология с исторической основой не более чем в гомеровской саге о путешествиях Одиссея или саге Виргилия об основании Рима Энеем.

В последние десятилетия американские библеисты Джон Ван Сетерс и Томас Томпсон обозначили дополнительные проблемы недостоверных и мнимых археологических свидетельств о библейских патриархах во втором тысячелетии до н. э. Они утверждали, что даже если поздние тексты содержали некоторую раннюю традицию, подбор и расположение рассказов выражает явные послания библейских редакторов во время компиляции, а не сохраняли достоверный исторический отчет.

Но когда производилась эта компиляция? Библейский текст обнаруживает некоторые подсказки, которые могут определить время ее окончательного составления. Возьмем, к примеру, повторяющиеся упоминания верблюдов. Истории патриархов, как правило, связаны со стадами верблюдов; но и в рассказе о продаже в рабство Иосифа его братьями (Бытие, 37:25) верблюды также описываются в качестве вьючных животных, используемых в торговых караванах. Благодаря археологическим исследованиям мы теперь знаем, что верблюды не были одомашнены в качестве вьючных животных ранее конца второго тысячелетия и не использовались широко в этом качестве на Ближнем Востоке вплоть до 1000 года до н. э. И даже еще более красноречивые детали – верблюжий караван, везущий «*стираксу, бальзам и ладан* « в истории об Иосифе демонстрирует очевидное знакомство с основными продуктами прибыльной аравийской торговли, процветавшей под управлением ассирийской империи в 8–7 вв. до н.

э.

Действительно, раскопки в Тель – Йемме в южной прибрежной равнине Израиля – чрезвычайно важном перевалочном пункте на основном караванном пути между Аравией и странами Средиземноморья – показывают резкое увеличение числа верблюжьих останков в седьмом веке до н. э. Кости принадлежали исключительно взрослым верблюдам, предположительно, вьючным животным, подтверждая этим, что они были из числа пришлых животных, а не местно выращенных стад (среди которых должны были быть найдены кости молодых животных). Действительно, именно в это время ассирийские источники описывают верблюдов, используемых в караванах в качестве вьючных животных. Только тогда верблюды стали достаточно рядовым, обычным явлением ландшафта, которое будет отражено как случайная деталь литературного повествования.

Также существует проблема относительно филистимлян. Мы слышим о них в связи с встречей Исаака с «Авимелехом, царем филистимским» в городе Гераре (Быт. 26:1). Филистимляне, группа переселенцев из Эгейского или Средиземноморского побережья, еще не создали своих поселений вдоль прибрежной равнины Ханаана с того времени еще около 1200 лет. Их города процветали в 11 и 10 веках до н. э. и продолжали доминировать в регионе именно в ассирийский период. Упоминание о Гераре как филистимском городе в повествовании об Исааке и упоминание города (без филистимской атрибутики) в истории об Аврааме (Быт. 20:1) предполагают его особое значение или по крайней мере широкую известность во время составления повествований о патриархах. Герар сегодня идентифицируется с Телль – Харором на севере долины Беэр – Шевы, а раскопки показали, что в первом железном веке – ранней фазе филистимской истории – он был не более чем маленькой, совсем незначительной деревней. А вот в конце восьмого – седьмом веке до н. э. он стал сильной, хорошо укрепленной административной крепостью на юге, что служит очевидным хронологическим ориентиром.

Были ли эти нелепые детали поздней вставкой в раннюю традицию или были ли они показателями того, что как эти детали, так и само повествование, были поздними? Многие ученые, особенно из тех, кто поддерживал идею «исторических» патриархов, считали их случайными деталями. Но, как высказался Томас Томпсон еще в 1970 году, специфические ссылки в тексте на города, соседние народы и знакомые места – это как раз те аспекты, которые отличают истории о патриархах от полностью мистических народных сказаний. Они чрезвычайно важны для определения даты. Другими словами, «анахронизмы» гораздо более важны для датировки и понимания значения и исторического контекста рассказов о патриархах, чем поиск древних бедуинов или математические подсчеты возраста патриархов и генеалогий.

Такое сочетание верблюдов, аравийских товаров, филистимлян и Герара, также как других мест и народов, упоминаемых в историях о патриархах в Бытие, имеет большое значение. Все эти ключи указывают на время составления на много веков позже того времени, в котором размещает патриархов Библия. Эти и другие анахронизмы предлагают интенсивный период написания этих повествований в восьмом и седьмом веках до н. э.

Живая карта древнего Ближнего Востока

Когда мы проверяем генеалогии патриархов и многих народов, которые возникли с их встреч, браков и из семейных отношений, становится свидетельством то, что они предлагают красочную карту человечества с несомненной точки зрения царства Израиль и царства Иудеи в 8 и 7 веках до н. э. Эти истории предлагают изощренные комментарии по политическим вопросам в этом регионе в ассирийский и нео – вавилонский период. Мало того, что многие из этнических терминов и названий мест могут быть датированы этим временем, но также их характеристики прекрасно состыковываются с отношениями соседних народов и государств с Иудеей и Израилем.

Начнем с арамеев (сириян), которые доминируют в историях женитьбы Иакова с Лией и Рахиль, и его отношений с дядей Лаваном. Арамеи не упоминаются как отдельная этническая группа в текстах древнего Ближнего Востока до 1100 года до н. э. Они стали доминирующим фактором на северных границах израильтян в начале 9 века до н. э., когда на территории современной Сирии образовался ряд арамейских царств. Среди них царство Арам – Дамаск было временами то союзником, то соперником царства Израиль в борьбе за контроль над богатыми сельскохозяйственными территориями, лежащими между основными центрами – в долине

верхнего Иордана и Галилее. И цикл рассказов об Иакове и Лаване, фактически, метафорически выражают сложные и зачастую бурные отношения между Арамом и Израилем на протяжении многих веков.

С одной стороны, Израиль и Арам были частыми военными соперниками. С другой, большая часть населения северных территорий Израиля, видимо, по происхождению были арамеями. Так, книга Второзаконие заходит так далеко, что описывает Иакова как «странствующего арамеянина» (Втор. 26:5), а рассказы об отношениях между отдельными патриархами и их арамейскими родственниками Иаковом и Лаваном ясно выражают осознание общего происхождения. Библейское описание напряженности отношений между Иаковым и Лаваном и их возможное создание пограничного «памятника» к востоку от Иордана в качестве границы между их народами (Быт. 31:51–54, в основном «Элогистическая» – E, или «северная» часть рассказа) отражает терририальный раздел между Арамом и Израилем в 9–8 веках до н. э.

Сказания о патриархах также ясно отражают отношения Израиля и Иудеи с их восточными соседями. В течение 8 и 7 столетий до н. э. их контакты с царствами Аммона и Моава зачастую были враждебными; Израиль фактически доминировал над Моавом в начале 9 столетия до н. э. Поэтому имеет существенное значение – и это занятно – как восточные соседи унижены в патриархальной родословной. Бытие 19:30–38 (особенно текст J) информирует нас о том, что эти нации были рождены от кровосмесительного союза. После того как Бог разрушил города Содом и Гоморру, Лот и две его дочери укрылись в пещере в горах. Дочери, неспособные найти подходящих мужей в своем изолированном месте жительства и отчаявшиеся заиметь детей, напоили отца вином, и он опьянел. Тогда они возлегли с ним и со временем родили двух сыновей – Моава и Аммона. Не было в седьмом веке иудея, который, глядя через Мертвое море в сторону соперничающего царства, мог бы сдержать презрительную улыбку, вспоминая историю такой сомнительной репутации их предков.

Библейские истории о двух братьях Иакове и Исаве предоставляют еще более очевидный случай из седьмого века, представленный в костюме древности. Бытие 25 и 27 (южный, J текст) рассказывают нам о близнецах – Исаве и Иакове, детьми Исаака и Ребекки. Бог говорит беременной Ребекке: «*два племени во чреве твоем, и два различных народа произойдут из утробы твоей; один народ сделается сильнее другого, и больший будет служить меньшему* « (25:23). По мере развития событий мы узнаем, что Исав старше, а Иаков младше. Поэтому описание двух братьев отцов Едома и Израиля, служит божественной легитимизацией политических отношений между двумя нациями в поздние монархические времена. Иаков – Израиль чувствительный и воспитанный, в то время как Исав – Едом более примитивный охотник и человек улицы. Но Едом не существовал как отдельное политическое образование вплоть до относительно позднего периода. Из ассирийских источников мы знаем, что реальных царств и никакого государства Едом не было до конца 8–го века до н. э. Едом появляется в древних записях как отдельное образование только после завоевания региона Ассирией. И он стал серьезным соперником Иудее только с началом прибыльной аравийской торговли. Археологические свидетельства также очевидны: первая крупномасштабная волна заселения в Едоме сопровождается созданием крупных поселений и крепостей, возможно, началась в конце восьмого века до н. э., но достигла пика только в седьмом веке и начале шестого столетия до н. э. До этого район был малонаселенным. И раскопки в Боцре – столице Эдома позднего железного века II – показали, что он вырос и стал крупным городом только в ассирийский период.

Так и здесь, истории об Иакове и Исаве – утонченном сыне и великом охотнике – искусно приспособлены как стилизованные под старину легенды для отражения соперничества в поздний монархический период.

Народы пустыни и империй на Востоке

В течении 8 и 7 веков до н. э. прибыльная караванная торговля специями и редкими благовониями с севера Аравии, пролегающая через пустыни и южные границы Иудеи в порты Средиземноморья, была значимым фактором в экономике всего региона. Для народа Иудеи ряд народов кочевого происхождения был ключевым в этой дальней торговой системе. Несколько родословных, включенных в истории о патриархах, преподносят детализированную картину народов южных и восточных пустынь позднего монархического времени – снова через метафоры семейных отношений – какую роль они играли в современной им иудейской

истории. В частности, Измаил презираемый сын Авраама и Агари, описан в Бытие, как прародитель многих аравийских племен, которые населяли территорию на южной окраине Иудеи. Портрет далеко не лестный. Он описан как вечный странник, «*дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него; жить будет он пред лицем всех братьев своих* « (Быт. 16:22, что не удивительно – документа J). Среди его многочисленных детей – различные южные племена, которые установили новый контакт с Иудеей в ассирийский период.

Среди потомков Измаила, перечисленных в Быт. 25:12–15, к примеру, есть кедариты (от его сына Кедара), которые впервые упоминаются в ассирийских записях конца 8–го столетия до н. э. и часто упоминаются во время правления ассирийского царя Ашшурбанипала в 7 веке до н. э. До этого времени они жили за пределами области Иудеи и непосредственного интереса Израиля, занимая западные окраины Плодородного Полумесяца. И наконец, сыны Измаила Адбеел и Наваиоф представляют северные аравийские группы, которые также впервые упоминаются в ассирийских надписях конца 8 и 7–го столетия. И наконец, сын Измаила Фема, вероятно, связанный с великим караванным оазисом Тайма (Tayma) на северо – западе Аравии, упомянут в ассирийских и вавилонских источниках 8–го и 6–го веков до н. э. Это был один из двух основных городских центров северной Аравии с 600 года и в течении 5–го века до н. э. Группа, названная Савва (Sheba), которая упомянута в другом перечислении южных народов (Быт. 25:3), также проживала в южной Аравии. Поскольку ни одно из этих специфическим имен не имеют отношения и даже не присутствуют в опыте народа Израиля до ассирийского периода, возникает мало сомнений, что эти генеалогические пассажи были созданы в конце 8–9–м веках до н. э. (прим. 1)

Другие топонимы, упомянутые в сказаниях о патриархах, связные с пустыней и окружающие пустыню, служат далее для подтверждения даты окончательной композиции. Бытие 14, история большой войны, которую вели захватчики с севера (во главе с мистическим Кедорлаомером из Елама в Месопотамии) с царями городов равнины, является уникальным источником в книге Бытие, который может быть датирован изгнаннического или постизгнаннического временем. Но это дает интересную географическую информацию, относящуюся к 7 веку до н. э. «*Мишпат, который есть Кадес* « (Быт. 14:7) – скорее всего является указанием на Кадеш – Барнеа, великий оазис на юге, который будет играть важную роль в сказаниях об Исходе. Эйн – эль – Кудейрат на востоке Синая, место, которое было раскопано и показало, что оно было впервые населено в 7 – начале 6–го веков до н. э. Кроме того, это место, названное в том же стихе Библии как Тамар, скорее всего должно идентифицироваться с Эйн – Хацева на севере Аравии, где раскопки обнажили большую крепость, которая также функционировала главным образом в Позднем Железном веке. Таким образом, география и даже основная ситуация пугающего конфликта с месопотамскими захватчиками показалась бы зловеще знакомой народу Иудеи в 7 веке до н. э. И это еще не все. Сказания Бытия также обнаруживают безошибочное знакомство с расположением и репутацией ассирийской и вавилонской империй 9–6 веков до н. э. Ассирия конкретно упоминается в связи с рекой Тигр в Быт. 2:14 и двумя царскими столицами ассирийской империи – Ниневией (признанной столицей империи в 7 веке до н. э.) и ее предшественником Калахом – упомянуты в Быт. 10:11 (оба документы J). Город Харран играет доминирующую роль в рассказах о патриархах. Это место, еще называемое Эски Харран, или «старый Харран», расположено на юге Турции, на границе с Сирией; он процветал в начале второго тысячелетия до н. э. и снова – в новоассирийский период. Наконец, ассирийские тексты упоминают города в районе Харрана, которые носят имена Ферра (Терах), Нахор и Серуг – предков Авраама (Быт. 11:22–26), источник P). Возможно, что они были одноименными предками этих городов.

Иудейская судьба

Германский библеист Мартин Нот давно утверждал, что счет событий ранних периодов существования Израиля – рассказы о патриархах, Исход и блуждания по Синаю – изначально не были единой сагой. Он предположил, что они были отдельными традициями отдельных племен, которые были соединены в единое повествование в целях политического объединения разрозненных гетерогенных израильских обществ. По его мнению, географическая направленность каждого цикла историй, особенно о патриархах, предлагает важный ключ к тому, где такое объединение – не обязательно событий – историй имело место. Множество

рассказов, связанных с Авраамом, происходят в южной части горной страны, в частности, области Хеврон на юге Иудеи. Исаак связан с южной окраиной иудейской пустыни, в частности, районом Беэр – Шевы. Напротив, деятельность Иакова имела место по большей части в северной горной стране и Трансиордании – местностях, представляющих интерес для северного царства Израиль. Поэтому Нот предположил, что патриархи изначально были отдельными предками, которые в конечном итоге были сведены в единую генеалогию в целях создания объединенной истории.

Теперь очевидно, что выбор Авраама с его тесной связью с Хевроном, ранним иудейским царским городом, и Иерусалим («Салемом» в Быт 14:18) должен был также подчеркнуть примат Иуды даже на самых ранних этапах израильской истории. Это почти так же, как если бы американское священное писание описывало доколумбовую историю, уделяя особое внимание острову Манхэттэн или участку земли, впоследствии ставшему Вашингтоном. Отмеченное политическое значение включения таких деталей в большом повествовании ставит под сомнение историческую достоверность.

Как мы увидим далее, подробнее, в следующих главах, Иудея была достаточно изолированным и малонаселенным царством вплоть до 8 века до н. э… Оно было несопоставимо по территории, богатству и военной мощи с царством Израиль на севере. Грамотность была весьма ограниченной, и ее столица Иерусалим был маленьким, удаленным горным городком. Однако после того как северное царство в 720 году до н. э. было уничтожено Ассирией, Иудея безмерно выросла в численности населения, развивая комплекс государственных институтов, и стала значимой силой в регионе. Она управлялась древней династией и обладала наиболее важным из сохранившихся храмов Бога Израиля. Таким образом, в конце 8–го – седьмом веке до н. э. иудеи выработали уникальное чувство собственной важности и божественного предназначения. Они видели свое выживание как доказательство Божьих намерений со времени патриархов, что Иуда должен господствовать на всей земле Израиля. Как выжившая из всех израильских государств, Иудея видела свой практический смысл как естественного наследника израильских территорий и израильского населения, пережившего ассирийскую экспансию. Нужен был мощный способ выразить это понимание как народу Иудеи, так и рассеянным ассирийцами израильским общинам. Так родилась пан – израильская идея с центром в Иудее.

Сказания о патриархах, таким образом, изобразили единую родословную израильского народа, ведущую от главного иудейского патриарха Авраама. Однако, несмотря на то, что рассказы в Бытие вращаются вокруг Иудеи, они не пренебрегают и славой северных израильских традиций. В этом отношении важно отметить, что Авраам строил жертвенники Яхве в Сихеме и Вефиле (Быт. 12:7–8), двух наиболее важных культовых центра северного царства, а также Хевроне (Быт. 13:18), наиболее важном центре Иудеи после Иерусалима. Поэтому фигура Авраама функционирует в качестве объединителя северной и южной традиций, соединяя север и юг. Тот факт, что Аврааму приписывают создание жертвенников в Вефиле и Сихеме, является ярким свидетельством претензий иудеев – даже места отправления культа, осквернённые идолопоклонничеством во время израильских царей, когда-то были священными местами, связанные с южным патриархом.

Вполне возможно и даже вероятно, что отдельные эпизоды сказаний о патриархах основаны на местных традициях. Тем не менее, каким образом они используются и порядок, в котором они располагаются, превращают их в мощное выражение мечтаний иудеев 7–го века. Действительно, приоритет Иудеи над всеми другими не может быть подчеркнут сильнее, чем в последнем благословлении Иакова его сыновьям, процитированном выше. Хотя враги могут наседать со всех сторон, Иуде обещано, что он никогда не может быть свергнут.

Традиции патриархов, следовательно, должны рассматриваться как своего рода благочестивая «предыстория» Израиля, в которой Иуда сыграл решающую роль. Они описывают очень раннюю историю нации, очерчивают этнические границы, подчеркивают, что израильтяне были пришлыми, а не частью коренного населения Ханаана, и охватывают традиции как севера, так и юга, подчеркивая в конечном счете превосходство Иудеи.

В общеизвестных фрагментарных свидетельствах версии патриархальных рассказах Элогиста (Е), по – видимому, составленных в северном царстве Израиль перед разрушением в 720 г. до н. э., колено Иуды не играет никакой роли. Но в конце 8 и, несомненно, в 7 веке до н. э.

Иудея была центром того, что осталось от израильской нации. В этом свете мы должны рассматривать версии J (Яхвиста) патриархальных повествований в первую очередь как литературную попытку переопределить единство народа Израиля, а не как точный отчет о жизни исторических личностей, живущих более чем за тысячелетие до того.

Библейский рассказ о патриархах показался бы убедительно знакомым народу Иудеи в 7 веке до н. э. В рассказах вокруг стоянок Авраама и его потомков были знакомые народы и угрожающие враги в настоящем. Ландшафт патриархальных рассказов – это сказочное романтическое видение кочевого, пастушеского прошлого, особенно подходящего к пастушескому фону значительной части иудейского населения. Это были сшитые вместе фрагменты памяти, обрывки древних обычаев, легенд о рождении народов, а также проблемы, возникающие из современных им конфликтов. Многие источники и эпизоды, которые были объединены, являются свидетельством богатства традиций, из которых появилось библейское повествование – и разнообразие израильских и иудейских слушателей, которым оно было предназначено.

Бытие как преамбула?

Хотя рассказы Бытия вращаются вокруг Иудеи – и они были написаны в 7 столетии до н. э., что близко ко времени компиляции Второзаконических историй – как получилось, что они так далеки от девтерономических идей, таких как централизация культа и централизация вокруг Иерусалима? Они, кажется, даже благосклонны к северным местам культа, таких как Вефиль и Сихем, и описывают создание жертвенников во многих местах кроме Иерусалима. Возможно, мы увидим здесь попытку представить патриархальные традиции как своего рода благочестивую предысторию, до Иерусалима, до монархии, до Храма, когда отцы нации были монотеистами, но которым еще можно приносить жертвы в других местах. Изображение патриархов как пастухов и скотоводов, возможно, имело целью создать атмосферу глубокой древности на стадии формирования общины, которое только недавно пришло к национальному самосознанию.

Значение всего этого в том, что как часть J Пятикнижия, так и Девтерономическая история были написаны в 7 веке до н. э. в Иудее, в Иерусалиме, когда северного царства Израиль больше не было. Идеи, основные истории и даже персонажи из обоих частей были, вероятно, широко известны.

Источник J описывает очень раннюю историю нации, в то время как Девтерономическая история Второзакония рассматривает события более поздних веков с особым акцентом на пан – израильской идее, божественной защите династии Давидидов и на централизации культа в иерусалимском Храме.

Великий гений из 7–го века создал национальный эпос, который был тем способом, которым он сплел ранние истории вместе, не лишая их человечности и индивидуального своеобразия. Авраам, Исаак и Иаков оставались в то же время яркими духовными портретами и метафорическими предками народа Израиля. И двенадцать сыновей Иакова были добавлены к традиции как младшие члены более полной родословной. Искусством библейского повествования дети Авраама, Исаак и Иаков действительно соединены в единую семью. Такова была сила легенды, которая объединила их – гораздо более мощной, вечной, чем мимолетные приключения нескольких исторических лиц, пасущих овец в горах Ханаана.

Глава 2. А был ли Исход?

Героическая фигура Моисея, противостоящего фараону – тирану, десять казней и массовый Исход израильтян из Египта простирались сквозь века как главные незабываемые образы библейской истории. Посредством божественно управляемого лидера (а не отца), который представлял народ перед Богом, а Бога – перед народом, израильтяне двигались почти невозможным курсом от безнадежного положения рабов назад к границам Земли Обетованной. Эта история освобождения из рабства настолько важна, что этим знаменательным событиям, которые испытывает одно поколение в течении сорока лет, посвящены четыре пятых от главного священного писания Израиля – библейские книги Исход, Левит, Числа и Второзаконие. За эти годы произошли многие чудеса: неопалимая купина, язвы, разделение Чермного моря, появление в пустыне манны и дарование на Синае Божьих законов, все из которых были видимыми проявлениями Божьего господства как над природой, так и над человечеством. Бог Из-

раиля, прежде известный только патриархам, здесь явил себя всему народу как всемирное божество. Но история ли это? Может ли археология помочь нам установить время, когда лидер по имени Моисей мобилизовал свой народ на великий акт освобождения? Можем ли мы проследить путь Исхода и скитаний в пустыне? Можем ли мы хотя бы определить, был ли Исход вообще (так, как он описан в Библии)? Двести лет интенсивных раскопок и исследований останков египетской цивилизации предоставили детальную хронологию событий, личностей и мест времен фараонов. Повествование об Исходе переполнено изобилием подробных и специфических географических указаний, даже больше, чем сказания о патриархах. Могут ли они предоставить достоверный исторический фон к великому эпосу о побеге израильтян из Египта и получения ими Закона на Синае?

Израиль в Египте: библейская сага

Рассказ об Исходе описывает две важные традиции, объединение которых имеет решающее значение для всего дальнейшего хода истории израильтян. С одной стороны, двенадцать сыновей Иакова и их семьи, проживая в изгнании в Египте, выросли в великий народ. С другой, этот народ проходит процесс освобождения и получения божественного законодательства, которые раньше были бы невозможны. Таким образом, сообщение Библии указывает на потенциальную силу объединенного, благочестивого народа, когда он начал претендовать на независимость от самого сильного государства на земле.

Для этой драматической духовной трансформации все было подготовлено в конце книги Бытия. Сыновья Иакова жили в безопасности под защитой их брата Иосифа, который получил власть как влиятельное должностное лицо в иерархии Египта. Они были процветающими и довольными в городах восточной дельты Нила и имели возможность ходить на ханаанскую родину туда и обратно. После смерти отца Иакова сыновья погребли его тело в гробнице, которая была подготовлена для него – рядом с его отцом Исааком и дедом Авраамом в пещере Махпела в Хевроне. И в течение четырехсот тридцати лет потомки двенадцати братьев и их ближайших родственников превратились в великий народ – как и обещал Бог – и стали известны египтянам как евреи. *«Сыны Израилевы расплодились и размножились, и возросли и усилились чрезвычайно, и наполнилась ими земля та»* (Исх. 1:7). Но времена изменились, и к власти пришел новый фараон, *«который не знал Иосифа»* . Опасаясь, как бы евреи не предали Египет одному из его врагов, этот новый фараон поработил их, заставив строить царские города Пифом и Раамсес. *«Но чем более изнуряли его, тем более он умножался и тем более возрастал, так что опасались сынов Израилевых»* (Исх. 1:12). Порочный круг угнетения продолжал усиливаться: *«и делали жизнь их горькою от тяжкой работы над глиною и кирпичами и от всякой работы полевой, от всякой работы, к которой принуждали их с жестокостью»* (Исх. 1:14)

Опасаясь демографического взрыва этих опасных работников – иммигрантов, фараон повелел утопить всех младенцев мужского пола в Ниле. Тем не менее, из этой ужасной меры пришло орудие еврейского освобождения. Ребенок из колена Левия, отправленный в корзине по течению реки, был найден дочерью фараона. Он получил имя Моисей (от еврейского корня «вытаскивать из воды») и рос в царском дворце. Годами позже, когда Моисей стал взрослым, он увидел, как египетский надсмотрщик бьет еврейского раба, и его глубоко спрятанные чувства вырвались наружу. Он убил надсмотрщика и скрыл его тело в песке. Опасаясь последствий своего поступка, Моисей бежал в пустыню – в землю Мадиамскую – где стал жить новой жизнью пустынного кочевника. Именно во время своего скитания как одинокого пастуха возле Хорива, «горы Божьей», он получил откровение, которое изменило мир.

В пустыне у светящегося, горящего ярким пламенем тернового куста, который горел, но не сгорал, Бог Израиля явил себя Моисею в качестве освободителя народа Израиля. Он заявил, что освободит их от рабства и даст им свободную жизнь в Земле Обетованной. Бог назвался Богом Авраама, Исаака и Иакова, и открыл Моисею свое скрытое, мистическое имя – Яхве («Я тот, кто Я есть»). И он торжественно поручил Моисею с его братом Аароном вернуться в Египет, чтобы противостоять фараону демонстрацией чудес и чтобы потребовать свободу дому Израиля.

Но сердце фараона ожесточилось, и он ответил Моисею, что страдания евреев усилятся. Поэтому, Бог повелел Моисею угрожать Египту серией страшных язв, если фараон по – преж-

нему станет противиться божественному приказу «отпустить мой народ» (Исх. 7:16). Фараон не смягчился, и вода в Ниле превратилась в кровь. Затем то жабы, то мошки, то песьи мухи роились по стране. Загадочная болезнь уничтожила скот египтян. Язвы и нарывы покрыли их кожу и кожу выживших животных. С небес сыпал град, уничтожая посевы. И все же фараон по – прежнему не желал смягчиться. Тогда Египет покрыли тучи саранчи и тьма, и, в конце концов, ужасная гибель всех первенцев, как людей, так и животных, по всей земле Нила.

Чтобы защитить израильских первенцев, Бог повелел Моисею и Аарону подготовить всем израильтянам агнцев для жертвы, кровью которых нужно помазать дверные косяки каждого израильского дома, и никто не должен выходить из своих дверей в день убийства египетских первенцев. Он также повелел им приготовить для Исхода пресные хлеба. Когда фараон увидел десять ужасных казней, гибель первенцев, включая собственного сына, он, наконец, смягчился и позволил израильтянам забрать свой крупный и мелкий скот и уйти.

Таким образом, множество израильтян, количеством около шестисот тысяч пеших мужчин, не считая женщин и детей (Исх. 12:37), вышли из городов восточной дельты по направлению к Синаю. Но *«когда фараон отпустил народ, Бог не повел [его] по дороге земли Филистимской, потому что она близка; ибо сказал Бог: чтобы не раскаялся народ, увидев войну, и не возвратился в Египет». И «обвел Бог народ дорогою пустынною к Чермному морю»* (Исх. 13:17–18). И когда фараон, сожалея о своем решении, отправил «шестьсот колесниц отборных и все колесницы Египетские» за сбежавшими израильтянами, Чермное море расступилось перед израильтянами, чтобы те смогли пройти на Синайский полуостров словно посуху. И как только они переправились, расступившиеся воды моря чудесным образом поглотили египтян, что отразилось в библейской Песне моря (Исх. 15:1–18).

Руководимые Моисеем, массы израильтян прошли через пустыню, следуя тщательно отмеченным маршрутом по местам, в которых они испытывали жажду и голод, роптали, но были успокоены и накормлены благодаря заступничеству Моисея перед Богом. Наконец, достигнув горы Божьей, где Моисей получил свое первое великое откровение, народ Израиля собрался, как и Моисей, подняться на гору, чтобы получить Закон, в согласии с которым только что освобожденные израильтяне должны жить вечно. Хотя собрание на Синае было омрачено тем, что израильтяне сделали себе золотого тельца, пока Моисей был на горе (отчего Моисей в гневе разбил первые скрижали), Бог передал народу через Моисея десять заповедей, а затем свод законов о священном ритуале, праведности и питании. Священный ковчег завета, содержащий скрижали с божьими законами, отныне станет боевым знаменем и самым священным национальным символом, сопровождающим израильтян во всех их странствиях.

Отправившись из своего стана в пустыне Фаран, израильтяне послали разведчиков для сбора данных о народе Ханаана (Чис. 13). Но разведчики вернулись с сообщениями, настолько пугающими о силе хананеев и их городских укреплений, что израильтяне пали духом и возроптали против Моисея, умоляя вернуться в Египет, где они, по крайней мере, могли остаться в живых. Видя это, Бог решил, что поколение, которому было известно рабство в Египте, не доживет до времени наследования Земли Обетованной, и израильтяне должны оставаться странниками в пустыне в течении сорока лет. Поэтому они пошли в Ханаан не прямым путем, а в обход через оазис Кадеш – Барнеа, долину Араву, земли Эдома и Моава к востоку от Мертвого моря.

Заключительный акт истории Исхода происходил на равнинах Моава в Трансиордании, откуда видна Земля Обетованная. Здесь постаревший Моисей открыл израильтянам полный текст Законов, которые им необходимо исполнять для того, чтобы они действительно унаследовали Ханаан. Этот второй свод законов включал книгу Второзаконие (названную от греческого слова deuteronomion, «второй закон»). Он настойчиво предупреждал от опасности идолопоклонничества, устанавливал календарь праздников, перечислял широкий спектр социального законодательства и постановлял, что как только земля будет завоевана, Богу Израиля можно будет поклоняться лишь в одном святилище, *«месте, которое изберет Яхве, Бог твой»* (Втор. 26:2). Затем, после назначения Иисуса, сына Навина, лидером израильтян в кампании быстрого завоевания Ханаана, 120–летний Моисей взошел на вершину горы Нево и умер. Переход от семьи к нации был завершен. Теперь народ столкнулся с проблемой исполнения своей Богом данной судьбы.

Привлекательность Египта

Одно можно сказать наверняка. Основная ситуация, описанная в саге об Исходе, – феномен прихода в Египет иммигрантов из Ханаана и поселения в восточных областях дельты – достаточно проверена в археологических находках и исторических текстах. Уже в ранних записях, зафиксированных в древние времена, Египет манил народы Ханаана как место убежища и безопасности во времена, когда засуха, голод и войны делали жизнь трудной или даже невыносимой. Эта историческая связь базировалась в основном на экологических и климатических контрастах между Египтом и Ханааном, двумя соседними землями, разделенными Синайской пустыней. В Ханаане, обладающим типичным средиземноморским климатом, засушливое лето, а дожди падают только в зимний период. В каждый конкретный год количество осадков может отличаться в очень широких пределах. Поскольку сельское хозяйство Ханаана было так зависимо от климата, годы с обильными осадками приносили процветание, но годы с малым количеством осадков приносили засуху и голод. Таким образом, на жизнь народов Ханаана глубоко влияли колебания между годами хороших, умеренных и низких осадков, которые непосредственно соотносились с годами процветания, лишений и настоящего голода. И во времена жестокого голода было только один выход – спуститься в Египет. Египет не зависел от дождей, так как получал воду из Нила.

В Египте также были хорошие и плохие годы (обусловленные колебаниями уровня воды в Ниле во время паводка, вследствие большой разницы в осадках у своих истоков в центральной Африке и Эфиопском нагорье), но они редко сопровождались настоящим голодом. Нил, даже если уровень был низким, по – прежнему оставался надежным источником воды для орошения, и, в любом случае, Египет был хорошо организованным государством и, так или иначе, подготовленным к лучшим или худшим годам благодаря хранению зерна на правительственных складах. В древности дельта Нила представляла собой гораздо более привлекательный ландшафт, чем это кажется сегодня. Сегодня вследствие заиления и геологических изменений Нил разделяется только на две основные ветви к северу от Каира. Но широкий спектр древних источников, включая две карты римско – византийского периода, сообщает, что когда-то Нил разделялся на целых семь ответвлений и создавал значительно большую область хорошо орошаемой земли. Восточная ветвь была расширена там, где сейчас находится болотистая, соленая, засушливая зона на северо – западе Синая. А рукотворные каналы, вытекающие из нее, несли свежую воду для всей области, превращая то, что в настоящее время является засушливыми солеными болотами области Суэцкого канала, в зеленые, плодородные, густонаселенные земли. В последние годы в геологических и топографических исследованиях в дельте и пустыне на востоке были идентифицированы как восточная ветвь Нила, так и рукотворные каналы.

Существует веская причина полагать, что во времена голода в Ханаане – так, как и описывает библейское повествование – скотоводы и земледельцы отправились бы в Египет, чтобы поселиться в восточной дельте и наслаждаться ее надежным плодородием. И все же археология предоставила намного более полную картину больших семитских сообществ, которые в бронзовом веке по целому ряду причин пришли из южного Ханаана, поселились в дельте и достигли разного уровня благосостояния. Некоторые из них привлекались в качестве безземельных рабочих для строительства и общественных работ. В другие времена они, возможно, приходили только потому, что Египет предлагал им возможность для торговли и лучшие экономические условия. На знаменитой росписи гробницы Бени Хасана из Среднего Египта, датированной 19–м веком до н. э., изображена группа людей из Трансиордании, спустившаяся в Египет с животными и товарами (по всей видимости, торговцев, а не наемных рабочих). Другие хананеи могли быть приведены в дельту армией фараонов в качестве военнопленных в ходе кампаний против мятежных городов – государств Ханаана. Нам известно, что некоторые из них использовались в качестве рабов для возделывания земель, принадлежащих храмам. Некоторые даже поднимались по социальной лестнице и временами становились правительственными чиновниками, солдатами и даже жрецами.

Такая демографическая ситуация вдоль восточной дельты – эмиграция азиатских народов в Египет для привлечения к принудительным работам в дельте – не ограничивались бронзовым веком. Скорее, она отражала традиционные ритмы региона, включая последние

столетия железного века, вплоть до времени, когда были написаны повествования об Исходе.

Взлет и падение гиксосов

Рассказ об Иосифе, занимающем высокое положение в Египте (как повествует книга Бытия) является наиболее известной историей ханаанских иммигрантов, получивших власть в Египте, но существуют и другие источники, которые предлагают принципиально похожую картину – с египетской точки зрения. Самый важный из них был написан египетским историком Манефоном в третьем веке до н. э. Он записал историю чрезвычайного успеха иммигрантов, хотя с его патриотической позиции египтянина это представляло собой национальную трагедию. Основывая свои рассказы на неназванных «священных книгах» и «народных рассказах и легендах», Манефон описал массивное и жестокое вторжение в Египет иноземцев с востока, которых он назвал *гиксосами,* загадочной греческой формой египетского слова, которое он переводит как «цари – пастухи», но которое в действительности означает «правители иностранных земель». Манефон сообщает, что гиксосы обосновались в дельте в городе под названием Аварис. И они основали там династию, которая с большой жестокостью правила Египтом в течении более чем пяти столетий.

В первые годы современных исследований ученые отождествляли гиксосов с царями 15–й династии Египта, которые правили приблизительно в 1670–1570 годах до н. э. Первые ученые принимали буквально сообщение Манефона и искали свидетельства могущественного иностранного народа или этнической группы, которая прибыла издалека с целью вторжения и завоевания Египта. Последующие исследования показали, что надписи и печати с именами гиксосских правителей были западно – семитскими – другими словами, ханаанскими. Недавние археологические раскопки в восточной дельте Нила подтвердили это заключение и показали, что гиксосское «вторжение» было, скорее, постепенным процессом переселения из Ханаана в Египет, чем молниеносной военной кампанией.

Самые важные раскопки были предприняты профессором Венского Университета Манфредом Бьетаком в Телль – эль – Даба, месте в восточной дельте, идентифицированном как Аварис, столица гиксосов. (Рис. 6). Проведенные здесь раскопки показывают постепенное увеличение ханаанского влияния на стили керамики, архитектуры и гробниц приблизительно от 1800 г. до н. э. Ко времени 19–й династии (примерно 150 лет спустя) культура места, которое в итоге стало огромным городом, была преимущественно ханаанской: находки в Телль – эль – Даба свидетельствуют о долгом и постепенном развитии в дельте ханаанского присутствия и мирном захвате власти. Тот факт, что Манефон, писавший почти 15 столетий спустя, описывает, скорее, жестокое вторжение, чем постепенное мирное переселение, следует понимать на фоне его собственного времени, когда память о вторжениях в Египет ассирийцев, вавилонян и персов в 7 и 6 веках до н. э., была еще свежа в египетском сознании.

Но здесь есть еще более красноречивые параллели между сказанием о гиксосах и библейским повествованием об израильтянах в Египте, несмотря на их резкое отличие в тональности. Манефон описывает, что гиксосское вторжение в Египет было, в конце концов, прекращено добродетельным египетским царем, который напал и разбил гиксосов, «убив многих из них, а остальных отбросил за сирийскую границу». Фактически, Манефон считал, что после этого гиксосы были изгнаны из Египта, они основали город Иерусалим и построили там храм. Гораздо более надежным является египетский источник 16 века до н. э., рассказывающий о подвигах фараона Яхмоса из 18 династии, который разрушил Аварис и преследовал остатки гиксосов до их главной цитадели в южном Ханаане (Шарухен возле Газы), которую он захватил после длительной осады. И действительно, в середине 16 века до н. э. Телль – эль – Даба был заброшен, обозначая этим прекращение там ханаанского влияния.

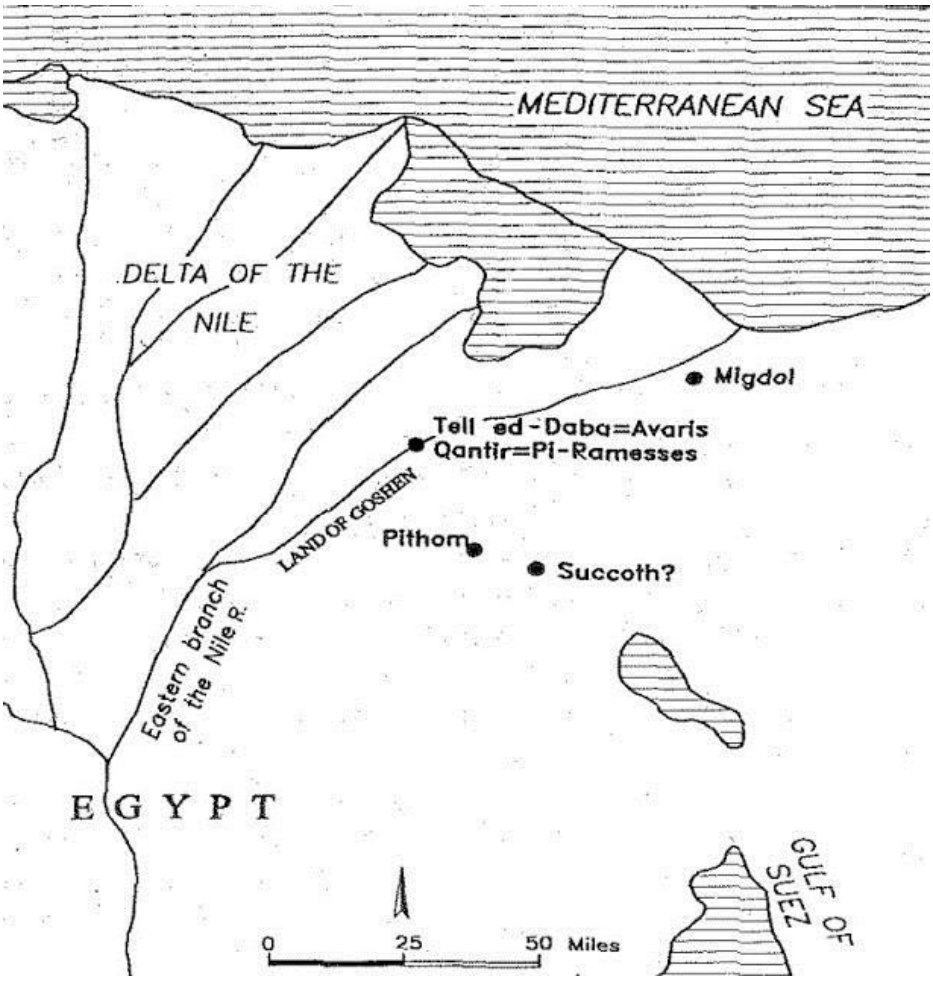
Таким образом, независимые археологические и исторические источники рассказывают о миграции семитов из Ханаана в Египет и насильственном изгнании их оттуда. Это основная схема переселения и насильственного возвращения в Ханаан параллелен библейским сказаниям об Исходе. Остаются два ключевых вопроса: первый – кем были эти семитские переселенцы? И второй – как соотносится дата их пребывания в Египте с библейской хронологией?

Противоречия в датах и царях

Изгнание гиксосов, как правило, датируется около 1570 года до н. э. (на основании египетских записей и археологических свидетельств разрушения городов Ханаана). Как мы уже

упоминали в предыдущей главе при обсуждении датировки эпохи патриархов, 3 Царств 6:1 рассказывает нам, что начало строительства Храма в четвертом году правления Соломона имело место через 480 лет после Исхода. Следуя соотношению дат правления израильских царей, а также внешних египетских и ассирийских источников, Исход должен был состояться в 1440 году до н. э. Это более чем на сто лет позже даты изгнания египтянами гиксосов (около 1570 года до н. э.). Но есть и более серьезные трудности. Библия явным образом говорит о принудительном труде детей Израиля и упоминает, в частности, строительство города Раамсес (Исход 1:11). В 15 веке до н. э. такое название было немыслимо. Первый фараон, именуемый Рамсесом, взошел на трон более чем на сотню лет позже традиционной библейской даты. В результате многие ученые, как правило, отвергли буквальное значение библейской датировки, полагая, что число 480 было не более, чем символический промежуток времени, составляющий продолжительность жизней 12 поколений, каждая из которых длилась традиционные сорок лет. Такая очень схематизированная хронология помещает строительство Храма примерно на полпути между концом первого плена (в Египте) и концом второго (в Вавилоне).

Тем не менее, большинство ученых рассматривали особое библейское упоминание имени Рамсеса как деталь, которая сохранилась в подлинной исторической памяти. Иными словами, они утверждали, что Исход должен был состояться в 13 веке до н. э. Существовали и другие особые детали библейского рассказа об Исходе, указывающие на ту же эпоху. Во – первых, египетские источники сообщают, что город Пи – Рамсес («Дом Рамсеса») был построен в дельте в дни великого египетского царя Рамсеса II, который правил в 1279–1213 гг. до н. э., и что, по – видимому, к его строительству были привлечены семиты. Во – вторых, и самое важное, на стеле, описывающей кампанию фараона Мернептаха (сына Рамсеса II) в Ханаане в самом конце 13 века, было обнаружено самое раннее упоминание Израиля в небиблейском тексте. Надписи



рассказывают о разрушительной кампании в Ханаане, вследствие которой народ, названный Израилем, был уничтожен настолько, что фараон хвалился тем, что «семени его больше нет». Хвастовство явно пустое, но оно показывает, что какая-то группа, известная как Израиль, к тому времени уже была в Ханаане. В самом деле, в то время в нагорной части Ханаана появились десятки поселений, которые были связаны с ранними израильтянами. Поэтому, если исторический Исход имел место, утверждали ученые, то он должен был состояться в конце 13 века до н. э.

Из всех сохранившихся древних текстов стела Мернептаха первой упоминает имя Израиль. Это снова поднимает главные вопросы: Кем были семиты в Египте? Могут ли они рассматриваться как израильтяне в любом значимом смысле? Никаких упоминаний имени Израиль не обнаружено на каких-либо надписях или документах, связанных с периодом гиксосов. Оно не упоминается ни в более поздних египетских надписях, ни в обширном египетском клинописном архиве 14–го века до н. э. в Телль – эль – Амарне, содержащем около

четырех сотен писем, в которых детально описываются социальные, политические и демографические условия в Ханаане этого времени. Как мы обоснуем в следующей главе, израильтяне только постепенно выделились в отдельную группу в Ханаане, начиная с конца 13 века до н. э. Не существует узнаваемых археологических свидетельств о присутствии израильтян в Египте непосредственно до этого времени.

Был ли возможен массовый Исход во времена Рамсеса II?

Мы теперь знаем, что решение проблемы Исхода не такое простое, как выстраивание в ряд дат и царей. Изгнание гиксосов из Египта в 1570 году до н. э. произошло в период, когда египтяне стали чрезвычайно опасаться вторжения в свои земли чужаков. И отрицательное влияние воспоминаний о гиксосах символизировало состояние души, которое также можно увидеть в археологических остатках. Только в последние годы стало ясно, что со времени Нового Царства, начинающегося после изгнания гиксосов, египтяне ужесточили свой контроль над потоками переселенцев из Ханаана в дельту. Они создали систему крепостей вдоль восточной границы дельты и управляли ими с помощью администраторов и военных гарнизонов. Папирус конца 13 века до н. э. сообщает, как тщательно командиры крепостей контролировали передвижение иностранцев: «Мы завершили проход шасу из Эдома [т. е. бедуинов] через крепость Мернептаха Хотепхермаата, которая находится в *Tjkw* , к бассейнам Pr-Itm, которые находятся в *Tjkw* , чтобы напоить их стада».

Это сообщение интересно в другой связи: это названия двух наиболее важных мест, упомянутых в библейском рассказе об Исходе (Рис. 6). Суккот (Исх. 12:37, Чис. 33:5) – это еврейская форма египетского *Tjkw* , названия, ссылающегося на место или территорию в восточной дельте, которая появляется в египетских текстах от времен 19–й династии, династии Рамсеса II. Пифом (Исх. 1:11) – еврейская форма, образованная от *Pr-Itm* – «Дом [т. е., Храм] бога Атума». Это имя впервые появляется в Египте во времена Нового Царства. Действительно, еще два географических названия, которые появляются в повествовании об Исходе, кажется, соответствуют реалиям восточной дельты во время Нового Царства. Первое, которое мы упомянули выше, это город, называемый Раамсес – по – египетски Пи – Рамсес, или «Дом Рамсеса». Этот город был построен в 13 веке до н. э. в качестве столицы Рамсеса II в восточной дельте, в непосредственной близости от руин Авариса. Тяжелые работы в каменоломнях, как описано в библейском рассказе, были обычным явлением в Египте. Рисунки в египетских гробницах 15 века до н. э. в деталях изображают такое специализированное строительство. И последнее, название Мигдол, которое появляется в рассказе об Исходе (Исх. 14:2) – это типичное название в Новом Царстве египетских крепостей на восточной границе дельты и вдоль международной дороги из Египта в Ханаан в северном Синае.

Таким образом, граница между Ханааном и Египтом тщательно контролировалась. Если бы большая масса беглых израильтян проследовала через пограничные укрепления фараонов, должна была бы существовать запись об этом. Однако в обильных египетских источниках, относящихся в основном ко времени Нового Царства и 13 веку до н. э., в частности, нет никаких ссылок на израильтян, нет даже ни одного намека. Нам известны только кочевые группы из Эдома, которые входили в Египет из пустыни. Стела Мернептаха ссылается на Израиль, как на группу людей, всегда проживающую в Ханаане. Но у нас нет ни одной нити, ни даже одного слова о древних израильтянах в Египте – ни в монументальных надписях на стенах храмов, ни в надписях в гробницах, ни в манускриптах. Израиль полностью отсутствует – и как потенциальный враг Египта, и как друг, и как подчиненный народ. В Египте попросту не существует таких находок, которые могли бы непосредственно ассоциироваться с отдельной иностранной этнической группой (в отличие от сосредоточения работников – переселенцев из многих мест), живущей на отдельной территории восточной дельты, как следует из библейского рассказа о сынах Израиля, проживающих совместно на земле Гессем (Быт. 47:27).

Мало того, побег более чем небольшой группы из-под египетского контроля во время Рамсеса II, представляется совершенно неправдоподобным, также как и пересечение пустыни, и вход в Ханаан. В 13 веке Египет был на пике своей мощи – доминирующей силой в мире. Египетский контроль Ханаана был жестким; в различных местах страны были построены египетские крепости, а египетские чиновники управляли делами региона. Письма из Телль – эль – Амарны, которые датированы столетием раньше, рассказали нам, что боевой единицы из 50

солдат было достаточно для усмирения беспорядков в Ханаане. А на протяжении всего периода Нового Царства большие египетские армии прошли через Ханаан на север вплоть до Евфрата в Сирии. Поэтому главная магистраль, которая шла из дельты вдоль побережья северного Синая в Газу и затем в сердце Ханаана была крайне важна для фараонов.

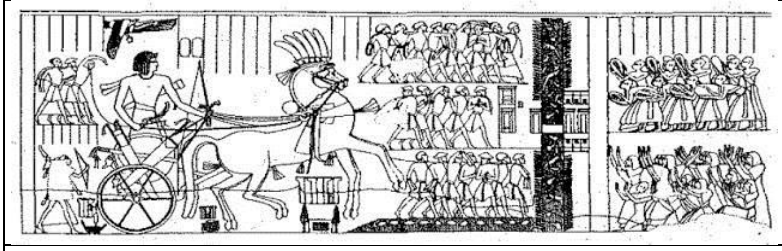


Рис. 7. Рельеф времен фараона Сети I (ок. 1300 г. до н. э.). Выгравированый на стене храма Амона в Карнаке, рельеф изображает международную дорогу из Египта в Ханаан вдоль северного побережья Синайского полуострова. Египетские форты с водоемами обозначены в списке ниже.

Потенциально наиболее уязвимый участок дороги – тот, который пересекал засушливую и опасную пустыню северного Синая между дельтой и Газой – был наиболее защищенным. На расстоянии дня пути вдоль всей дороги, которая называлась Путь Гора, была создана сложная система египетских крепостей, зернохранилищ и колодцев. Эти дорожные станции позволяли армии фараона, при необходимости, удобно и эффективно пересечь Синайский полуостров. Летописи великого египетского завоевателя Тутмоса III рассказывают нам, что он во главе своего войска прошел расстояние в 250 км из дельты в Газу всего за десять дней. Рельеф из времен отца Рамсеса II фараона Сети I (около 1300 года до н. э.) показывает крепости и водоемы в виде древней карты, на которой проложен путь из восточной дельты к юго – западным границам Ханаана (Рис. 7). Останки этих крепостей были обнаружены в ходе археологических исследований 1970–го года на севере Синая Элиезером Ореном из Университета им. Бен – Гуриона. Орен обнаружил, что каждая из этих дорожных станций, четко соответствуя местам, указанным на древнем египетском рельефе, состояла из трех составных частей: сильной крепости, сделанной из кирпича в типичном военном египетском стиле, продовольственных хранилищ и водного резервуара.

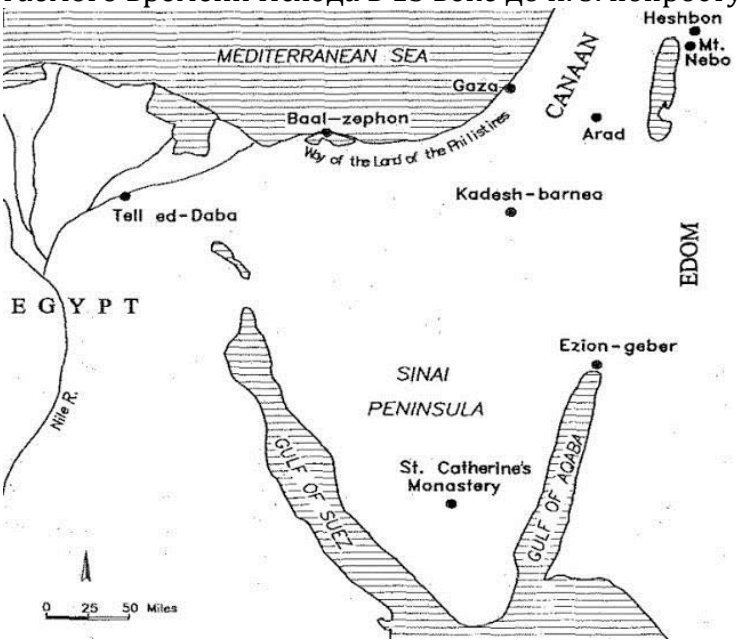
Оставляя в стороне возможность боговдохновенных чудес, вряд ли можно согласиться с идеей о бегстве большой группы рабов из Египта в пустыню и затем в Ханаан через ряд тщательно охраняемых пограничных укреплений во время такого грозного египетского присутствия. Любые группы, убегающие из Египта против воли фараона, были бы легко обнаружены и остановлены не только египетской армией из дельты, но и египетскими солдатами из крепостей на севере Синая и в Ханаане.

Действительно, библейское повествование намекает на опасность попыток побега по прибрежному маршруту. Таким образом, единственной альтернативой было повернуть в непригодные пустыни Синайского полуострова. Но возможность того, что большая группа людей странствовала по Синайскому полуострову, также противоречит археологии.

Призрачные странники?

Согласно библейскому повествованию, сыны Израиля странствовали в пустыне и горах Синайского полуострова, перемещаясь вокруг и останавливаясь в различных местах, в течение целых сорока лет (Рис. 8). Даже если большое количество бежавших израильтян (указанное в тексте как шестьсот тысяч) является сильно преувеличенным или может представлять меньшие группы людей, текст описывает выживание большого количества людей в самых сложных условиях. Должны существовать какие-то археологические следы их длительного (на протяжении целого поколения) пребывания в пустыне. Однако, за исключением египетского крепостей вдоль северного побережья, на Синайском полуострове никогда не было выявлено ни одного лагеря или признака пребывания во времена Рамсеса II, его непосредственных предшественников или преемников. И это вовсе не из-за отсутствия таких попыток. Повторные археологические исследования на всей территории Синайского полуострова, включая гористую область вокруг традиционного расположения горы Синай возле монастыря святой Екатерины (см. Приложение 2), принесли только отрицательные свидетельства: нет ни единого черепка, ни одного сооружения, ни одного дома и никаких следов древнего лагеря. Можно возразить, что сравнительно небольшая группа израильтян могла и не оставить после себя никаких материальных остатков. Но современные археологические методы вполне способны

отследить даже очень небольшие остатки охотников – собирателей и кочевников – скотоводов в любой части мира. Действительно, археологические записи с Синайского полуострова обнаруживают свидетельства о деятельности кочевников в таких эпохах как третье тысячелетие до н. э., а также эллинистический и византийский периоды. Никаких доказательств предполагаемого времени Исхода в 13 веке до н. э. попросту не существует.



Вывод о том, что Исход не происходил в то время и в том виде, как он описан в Библии, кажется неопровержимым, когда мы проверяем свидетельства в определенных местах, где сыны Израиля, как утверждается, останавливались в течение довольно длительного периода во время странствий по пустыне (Числа 33) и где почти наверняка могли бы быть обнаружены некоторые археологические указания, если таковые существуют. Следуя библейскому повествованию, сыны Израиля разбили лагерь в Кадеш – Барнеа на тридцать восьмом году из сорока лет пустынных странствий. Основное расположение этого места становится ясным из описания южной границы земли Израиля в Числа 34. Оно было обнаружено археологами в большом и хорошо орошаемом оазисе Эйн эль – Кудейрат в восточной части Синая на границе между современными Израилем и Египтом. Название Кадеш, вероятно, сохранилось сквозь века в названии находящегося неподалеку небольшого источника, называемого Эйн Кадис. В центре этого оазиса находится небольшой холм с останками, напоминающими о крепости позднего железного века. И все же повторные раскопки и исследования по всему району не предоставили даже малейшего доказательства деятельности в позднем бронзовом веке, ни даже единственного черепка, оставленного крошечной группой испуганных беженцев.

Эцион – Гевер – еще одно место, о котором сообщается, что в нем становились лагерем сыны Израиля. Его упоминания в других местах Библии как о позднем портовом городе на северной оконечности Аккабского залива способствовало его идентификации археологами как холма на современной границе между Израилем и Иорданией на полпути между городами Эйлат и Акаба. Раскопки здесь в период между 1938–1940 годами обнаружили выразительные останки позднего железного века, но никаких бы то ни было следов пребывания позднего бронзового века. Из длинного списка лагерей в пустыне, только Кадеш – Барнеа и Эцион – Гевер можно с уверенностью определить, хотя и они не показывают следов путешествия израильтян. А что насчет других стоянок и народов, упомянутых в истории о странствиях израильтян? Библейское повествование рассказывает, как ханаанский царь Арада, «который жил в Негеве», напал на израильтян и некоторых взял в плен, что вызвало их гнев, и они обратились за божественной помощью, чтобы уничтожить все ханаанские города (Числа 21:1–3). Почти двадцать лет интенсивных раскопок места Телль Арад, что к востоку от Беэр – Шевы, обнаружили останки большого города периода ранней бронзы, площадью около 25 гектаров, и крепости железного века. Но не было никаких останков из поздней бронзы, когда это место, видимо, было пустынным. То же самое относится и ко всей долине Беэр – Шевы. В позднем бронзовом веке город Арад просто не существовал.

Такая же ситуация очевидна и к востоку от Иордана, где странствующие израильтяне были вынуждены принять бой в городе Хешбоне, столице Сигона, аморрейского царя, который попытался препятствовать проходу израильтян через его территорию по пути в Ханаан (Числа, 21:21–25, Втор. 2:24–35, Судей 11:19–21). Раскопки в Телль – Хесбане к югу от Аммана на месте погибшего древнего Хешбона, показали, что в период поздней бронзы там не было города, даже маленькой деревни. И вот еще что. Согласно Библии, когда сыны Израиля двигались по Трансиорданском плато, они встретили вооруженное сопротивление не только в Моа-

ве, но также и от полноценных государств Эдома и Аммона. Однако, мы теперь знаем, что в позднем бронзовом веке Трансиорданское плато было очень малонаселенным. Фактически, большая часть этого региона, включая Эдом, который в библейском повествовании упоминается как государство, управляемое царем, в то время не была даже заселена оседлым населением. Проще говоря, археология показала нам, что в Эдоме не было царей, которые могли бы встретить израильтян. Теперь картина становится ясной. Места, упомянутые в повествовании об Исходе, являются настоящими. Несколько из них были хорошо известны и, видимо, заселены в гораздо более ранние периоды или более поздние периоды, после основания Иудейского царства, когда впервые текст библейского повествования был изложен в письменной форме. К сожалению для тех, кто ищет исторический Исход, указанные места были незаселенные как раз в то время, когда они, как о них сообщается, сыграли свою роль в событиях блуждания сынов Израиля по пустыне.

Назад в будущее: подсказки 7 века до н. э

Так что же все это нам дает? Можем ли мы сказать, что Исход, странствия по пустыне и, что наиболее важно, ниспослание Закона на Синае не содержат даже зерна истины? Так много исторических и географических элементов из столь многих периодов могли быть встроены в рассказ об Исходе, что трудно остановиться на одном единственном периоде, в котором могло иметь место что-нибудь подобное. В древности существовал вечный цикл миграций в Египет. Был конкретный случай господства гиксосов в дельте в период средней бронзы. Есть наводящие параллели с элементами эпохи Рамсеса, связанные с Египтом, вместе с первым упоминанием Израиля (в Ханаане, а не в Египте). Многие топонимы в книге Исход, такие, как Красное море (на иврите Yam Suph), река Шихор в восточной дельте (Нав. 13:3), и места стоянок израильтян в Пиха – хирот, похоже, имеют египетскую этимологию. Все они связаны с географией Исхода, но они не дают четкого указания, что они принадлежат к определенному периоду в истории Египта.

Историческая неопределенность рассказа об Исходе включает в себя тот факт, что нет никаких упоминаний имени какого-либо конкретного египетского монарха из Нового царства (в то время как более поздние библейские материалы упоминают фараонов по именам, например Сусаким и Нехо). Отождествление Рамсеса II, как фараона Исхода, произошло в результате современного научного предположения, основанного на идентификации географического названия Пи – Рамсес (Исх. 1:11; 12:37). Но есть несколько бесспорных ссылок на седьмой век до н. э. За расплывчатой ссылкой на боязнь израильтян идти прибрежным маршрутом нет никакого упоминания о крепостях египтян на севере Синая или их цитаделей в Ханаане. Библия может отражать реальность Нового Царства, но она может так же хорошо отражать более поздние условия железного века, ближе ко времени, когда повествование об Исходе было записано.

И это именно то, что предложил египтолог Дональд Редфорд. Самые памятные и согласующиеся географические детали рассказа об Исходе исходят из седьмого века до н. э, во времена великой эпохи процветания Иудейского царства – спустя шесть веков после предполагаемых событий Исхода. Редфорд показал, как много деталей в повествовании Исхода можно объяснить в этой ситуации, которая была также последним периодом имперской власти Египта, во время правления Двадцать шестой династии.

Великие цари этой династии, Псамметих I (664–610 гг. до н. э.) и его сын Нехо II (610–595 гг. до н. э.), вполне сознательно лепили из себя гораздо более древних фараонов Египта. Они принимали активное участие в строительных проектах по всей дельте в попытках восстановить утраченную славу своего государства и повысить его экономическую и военную мощь. Псамметих основал свою столицу в Саисе в западной дельте (отсюда и название Саитская династия в качестве альтернативного обозначения двадцать шестой династии). Нехо занимался еще более амбициозным проектом общественных работ в восточной дельте: постройкой канала через Суэцкий перешеек, чтобы связать Средиземное море с Красным морем через восточные притоки Нила. Археологические исследования в восточной дельте выявили учреждение некоторых из этой чрезвычайных мероприятий именно Саитской династией, а также присутствие там большого числа иностранных поселенцев.

Фактически, эпоха Саитской династии дает нам один из лучших исторических примеров

этого феномена поселения иностранцев в дельте Нила. В дополнение к греческим торговым колониям, которые возникали там со второй половины 7 века до н. э, многие мигранты из Иудеи находились в дельте в начале 6 века до н. э., образуя большое сообщество (Иеремия 44:1, 46:14). Кроме того, общественные работы, начатые в этот период, хорошо соответствуют деталям Исхода. Хотя место, носящее имя Пифом, упоминается в текстах конца 13 века до н. э., более известный и выдающийся город Пифом был построен в конце 7 века до н. э. Надписи, обнаруженные в Телль – Масхуте в восточной дельте, позволили археологам отождествить это место с Пифомом. Раскопки здесь показали, что, за исключением краткого заселения в средней бронзе, он не был заселен до времен Двадцать шестой династии, когда здесь развился значительный город. Более того, хотя Мигдол (упомянутый в Исход 14:2) служит общим названием для крепостей времени Нового царства, но конкретный, имеющий важное значение Мигдол известен в восточной дельты в седьмом веке до н. э. Это не случайно, что пророк Иеремия, живший в конце седьмого и начале шестого веков до н. э, говорит нам (44:1, 46:14) об иудеях, живущих в дельте, упоминая, в частности, Мигдол. Наконец, название Гесем – территория, где в восточной дельте поселились израильтяне (Бытие 45:10) – не египетское название, а семитское. Начиная с седьмого века до н. э. арабы – кедариты расширили границы оседлых земель Леванта, а в шестом веке они достигли дельты. Позже, в пятом веке, они стали доминирующим фактором в дельте. По словам Редфорда, название Гесем происходит от Гешем – династического имени царской семьи кедаритов.

Фон седьмого века до н. э. проявляется также и в некоторых своеобразных египетских именах, упомянутых в рассказе об Иосифе. Все четыре имени – Цафнаф – Панеах (великий визирь фараона), Потифар (царский офицер), Потифера (жрец), и Асенефа (дочь Потифера), хотя иногда используются в более ранних периодах истории Египта, достигают своей наибольшей популярности в седьмом и шестом веках до н. э. Дополнительные, кажущиеся случайными, подробности, кажется, созвучны библейским сюжетам, включая множество конкретных деталей из этого периода: опасение египтян вторжения с востока. Египет никогда не подвергся бы вторжению с этой стороны до нападения Ассирии в седьмом веке. И все же в рассказе об Иосифе драматическое напряжение усиливается, когда он обвиняет своего брата, недавно прибывшего из Ханаана, в шпионстве, который «пришел высмотреть наготу земли сей» (Бытие 42:9). И в рассказе об Исходе фараон опасается, что уходящие израильтяне будут сотрудничать с врагом. Эти драматические штрихи будут иметь смысл только после великого века египетского могущества времен династии Рамсеса, на фоне вторжения в значительно ослабленный Египет ассирийцев, вавилонян, персов в седьмом и шестом веках до н. э.

И наконец, все основные места, которые играют роль в рассказе о скитаниях израильтян, были заселены в седьмом веке, а в некоторых случаях они были заселены только в это время. Большое укрепление в Кадеш – Барнеа было основано в седьмом веке. Существует дискуссия об тождестве строителей укрепления – служил ли он далеким южным форпостом Иудейского царства на пути в пустыню в конце седьмого века или был построен в начале седьмого века под эгидой ассирийцев. Но в любом случае, место, столь важное в повествовании об Исходе как основное место стоянки израильтян, было важным и, возможно, известным форпостом в пустыне в конце монархического периода. Южный портовый город Эцион – Гевер также процветал в это время. Кроме того, царства Трансиордании были известными густонаселенными местами в седьмом веке. Наиболее значимым является случай Эдома. Библия описывает, как Моисей послал эмиссаров из Кадеш – Барнеа к царю Эдома просить разрешение пройти через его территорию на пути в Ханаан. Царь Эдома отказался дать такое разрешение, и израильтяне пошли в обход его страны. Но в это время в Эдоме не существовало царства. Археологические исследования показывают, что Эдом достиг государственности только под покровительством ассирийцев в седьмом веке до н. э. До этого периода он был малонаселенной отдаленной местностью, населенной в основном пастухами и кочевниками. Не менее важно то, что Эдом был разрушен вавилонянами в шестом веке до н. э, и оседлая жизнь там восстановилась только в эллинистическую эпоху.

Все эти признаки говорят о том, что повествование об Исходе достигло своей окончательной формы во время Двадцать шестой династии, т. е. во второй половине седьмого и первой половине шестого века до н. э. Его многочисленные ссылки на конкретные места и собы-

тия в этот период достаточно четко показывают, что автор или авторы интегрировали в рассказ многие современные им детали. (Это было сделано почти таким же способом, как европейские раскрашенные манускрипты средневековья, изображающие Иерусалим европейским городом с башнями и зубцами для того, чтобы усилить свое непосредственное впечатление на современных читателей.) Более древние, менее формализованные легенды освобождения из Египта могли быть искусно вплетены в мощную сагу, которая заимствовала знакомые пейзажи и памятники. Но может ли быть простым совпадением то, что географические и этнические подробности как рассказов о патриархах, так и рассказа об освободительном Исходе имеют признаки того, что они были составлены в седьмом веке до н. э? Были ли связаны воедино древние зерна исторической правды, или основные рассказы впервые были скомпонованы именно тогда?

Вызов новому фараону

Ясно, что сага об освобождении из Египта не была скомпонована как оригинальное произведение в седьмом веке до н. э. Основные черты этой истории были, конечно, известны задолго до этого. Намеки на Исход и блуждания по пустыне содержатся в предсказаниях пророков Амоса (2:10; 3:1, 9:7) и Осии (11: 13:04 1), которые жили на целое столетие раньше. И оба разделяют воспоминания о великом историческом событии, которое касалось освобождения из Египта и состоялось в далеком прошлом. Но какого рода эти воспоминания?

Египтолог Дональд Редфорд утверждает, что отголоски великих событий оккупации Египта гиксосами и их насильственного изгнания из дельты звучали на протяжении столетий, чтобы стать центральной, разделяемой памятью народов Ханаана. Эти созданные в Египте истории ханаанских колонистов, достигших господства в дельте, а затем вынужденных вернуться на родину, могли бы послужить центром солидарности и сопротивления египетскому контролю над Ханааном в период поздней бронзы. Как мы увидим, с возможной ассимиляцией многих ханаанских общин в кристаллизующийся народ Израиля, этот мощный образ свободы может иметь возросшее значение для все более широкого сообщества. Рассказы об Исходе пережили бы время царств Иудеи и Израиля и были разработаны в качестве национальной саги – призыва к национальному единству перед лицом постоянных угроз со стороны великих империй. Нельзя точно сказать, было ли библейское повествование расширением и разработкой смутных воспоминания об иммиграции ханаанеев в Египет и их изгнании из дельты Египта во втором тысячелетии до н. э, или нет. Однако представляется очевидным, что библейский рассказ об Исходе брал свою силу не только из древних традиций и современных ему географических и демографических деталей, но и из еще более прямых современных ему политических реалий.

Седьмой век было временем великого возрождения, как в Египте, так и в Иудее. В Египте после долгого периода упадка и тяжелых лет подчинения ассирийской империи, фараон Псамметих I захватил власть и снова превратил Египет в крупную международную силу. Как только Ассирийская империя начала рушиться, Египет стал двигаться, чтобы заполнить политический вакуум, занимая прежние территории Ассирии и устанавливая постоянное египетское правление. Между 640 и 630 до н. э., когда ассирийцы отозвали свои войска из Палестины, Финикии и территорий бывшего Израильского царства, Египет подчинил большинство из этих областей, ассирийское ярмо сменилось удушливым политическим господством Египта.

А в Иудее это было время царя Иосии. Идея того, что Яхве в конечном счете выполнит обещания, данные патриархам, Моисею и царю Давиду – огромного и единого народа Израиля, живущего в безопасности на своей земле – была одной из политически и духовно мощных идей для Иосии. Это было время, когда Иосия предпринял честолюбивую попытку воспользоваться крахом ассирийцев и объединить всех израильтян под своей властью. Его программа заключалась в расширении на север от Иудеи, на территории, где все еще, спустя сотню лет после падения Израильского царства, жили израильтяне, а также в реализации мечты о славной единой монархии – большом и мощном государстве всех израильтян, поклоняющихся одному единому Богу в одном храме, в одной столице (Иерусалиме) под руководством одного царя из рода Давида.

Следовательно, стремление могучего Египта расширить свою империю и стремление крошечной Иудеи присоединить территории бывшего Израильского царства и установить

свою независимость находились в прямом конфликте. Египет времен Двадцать шестой династии с ее имперскими устремлениями стоял на пути исполнения желаний Иосии. Образы и воспоминания из прошлого теперь стали оружием в национальном испытании воли между сынами Израиля и фараона с его колесницами.

Таким образом, мы можем увидеть составление повествования об Исходе с поразительной новой точки зрения. Так же, как письменная форма повествования о патриархах соединила вместе разрозненные традиции происхождения на службе национального возрождения Иудеи седьмого века, полностью разработанный рассказ о противостоянии с Египтом, о великой силе Бога Израиля и его чудесном спасении своего народа еще более непосредственно служил политическим и военным целям. Великая сага о новом начале и втором шансе должна была получить отклик в сознании читателей седьмого века, напоминая об их собственных трудностях и давая им надежду на будущее.

Отношение к Египту в Иудее конца монархии всегда было смесью страха и отвращения. С одной стороны, Египет всегда предоставлял безопасный приют во время голода и убежище для беглецов, поэтому воспринимался как потенциальный союзник против вторжения с севера. В то же время, всегда имелись подозрения и враждебность по отношению к большому южному соседу, который с древнейших времен стремился контролировать жизненно важный сухопутный маршрут через земли Израиля на север в Малую Азию и Месопотамию. Теперь молодой лидер Иудеи был готов столкнуться с великим фараоном, и древние традиции из разных источников создали единый эпос, который укрепил Иосию в его политических целях.

В последующие века, во время вавилонского изгнания и после него, к рассказу об Исходе будут добавлены новые слои. Но теперь мы можем увидеть, как под давлением растущего конфликта с Египтом в седьмом веке до н. э было собрано удивительное сочинение. Сага об Исходе Израиля из Египта не является ни исторической правдой, ни литературной выдумкой. Это мощное выражение памяти и надежд, которое родилось в мире перемен. Противостояния между Моисеем и фараоном отражало важное противостояние молодого царя Иосии и недавно взошедшего на трон фараона Нехо. Чтобы закрепить этот библейский образ к единой дате нужно передать глубинный смысл рассказа. Пасха не указывает на единичное событие, а является продолжительным опытом национального сопротивления существующей власти.

Глава 3. Завоевание Ханаана

Национальная судьба Израиля могла исполниться только в земле Ханаана. Книга Иисуса Навина рассказывает о молниеносной военной кампании, в течение которой могущественные цари Ханаана были разбиты в бою, а израильские племена унаследовали свою землю. Это история о победе Божьего народа над высокомерными язычниками, вечная эпопея о новых завоеванных рубежах и захваченных городах, в которой проигравшие должны понести окончательное наказание в виде лишений и смерти. Это волнующая военная сага о героизме, хитрости и горькой мести, рассказанная вместе с некоторыми из самых ярких библейских историй: падением стен Иерихона, остановкой солнца в Гаваоне, и сожжением большого ханаанского города Хацора. Кроме того, это подробный географический очерк о ландшафте Ханаана и историческое объяснение того, как каждое из двенадцати израильских племен вступило в свое традиционное территориальное наследование земли обетованной.

Но если Исхода израильтян, как мы видели, не было в том виде, в каком он описан в Библии, как насчет самого завоевания? Проблем еще больше. Как армия в лохмотьях, путешествующая с женщинами, детьми и престарелыми, возникшая после проведенных в пустыне десятилетий, могла быть способной осуществить эффективное вторжение? Как мог такой неорганизованный сброд одолеть большие крепости Ханаана, имеющие свои профессиональные армии и хорошо подготовленные колесничные войска?

А было ли завоевание Ханаана на самом деле? Является ли эта центральная сага Библии (и последующей истории Израиля) историей или мифом? Несмотря на то, что древние города Иерихон, Гай, Гаваон, Лахиш, Хацор и почти все другие, упомянутые в рассказе о завоевании, были обнаружены и раскопаны, свидетельства исторического завоевания израильтянами Ханаана, как мы увидим, являются слабыми. Здесь также археологические данные могут помочь отделить события истории от ярких образов продолжительного библейского рассказа.

План битвы Иисуса Навина

Сага о завоевании начинается в конце последней книги Моисеевого Пятикнижия (книги Второзакония), когда мы узнаем, что Моисей, великий вождь, не сможет привести сынов Израиля в Ханаан. Как член поколения, которое лично испытало горечь жизни в Египте, он тоже должен был умереть, не входя в Землю Обетованную. Перед смертью и захоронением в Моаве на горе Нево Моисей подчеркнул важность соблюдения божьих законов как ключевого условия к предстоящему завоеванию и, в соответствии с указаниями Бога, передал командование над израильтянами своему давнему заместителю Иисусу Навину. После многих поколений рабства в Египте и сорок лет скитаний в пустыне, теперь израильтяне стояли на самой границе Ханаана, через реку от земли, где жили их предки Авраам, Исаак и Иаков. Бог повелел, чтобы в настоящее время эта земля была очищена от всех следов идолопоклонства, что повлечет за собой полное уничтожение хананеев.

Во главе с Иисусом Навином, блестящим военачальником со склонностью к тактическим неожиданностям, израильтяне быстро одержали одну победу за другой в потрясающей серии осад и открытых сражений. Сразу же за Иорданом лежал древний город Иерихон – место, которое должны были захватить израильтяне, чтобы создать себе плацдарм. Так как израильтяне готовились пересечь Иордан, Иисус Навин послал в Иерихон двух разведчиков для того, чтобы получить разведданные о вражеских приготовлениях и прочности укреплений. Разведчики вернулись с обнадеживающими новостями (предоставленными блудницей по имени Рахав), что жителям уже стало страшно при известии о приближении израильтян. Народ Израиля немедленно перешел Иордан вместе с ковчегом завета, возглавляющим их лагерь. История последующего завоевания Иерихона слишком знакома, чтобы ее рассказывать: израильтяне следуют велению Бога, которое передал им Иисус, торжественно шествуя вокруг высоких стен города. А на седьмой день, после оглушительного рева боевых труб израильтян, мощные стены Иерихона посыпались вниз (Нав. 6).

Следующей целью был город Гай, близ Вефиля, расположенный в горной местности Ханаана в стратегическом месте – на одной из главных дорог, ведущих из долины реки Иордан в нагорье. На этот раз город был взят не благодаря чудесам, а блестящей тактике Иисуса Навина, подобающей греческим воинам у Трои. В то время как Иисус выстроил большую часть своих войск в открытом поле к востоку от города, дразня защитников Гая, он тайно установил засаду с западной стороны. И когда воины Гая выбежали из города, чтобы вступить в бой с израильтянами и преследовать их в пустыне, тайный отряд из засады вошел в незащищенный город и поджег его. Тогда Иисус Навин развернул свою отступающую армию и перебил всех жителей Гая, захватывая весь скот и городские трофеи в качестве военной добычи и позорно вешая царя Гая на дереве (Нав. 8:1–29).

Теперь среди жителей других городов Ханаана стала распространяться паника. Услышав, что случилось с людьми Иерихона и Гая, гаваонитяне, населявшие четыре города к северу от Иерусалима, послали своих эмиссаров к Иисусу, чтобы просить о пощаде. Так как они утверждали, что являются иностранцами в этой стране, а не местными (которых Бог велел уничтожить), Иисус согласился заключить с ними мир. Но когда выяснилось, что гаваонитяне солгали и на самом деле являются коренными в этой земле, Иисус наказал их, заявив, что они всегда будут служить в качестве «дровосеков и водоносов для израильтян" (Нав. 9:27).

Первоначальные победы израильских захватчиков в Иерихоне и в городах центрального нагорья стали непосредственной причиной беспокойства среди более могущественных царей Ханаана. Адониседек, царь Иерусалима, быстро создал военный союз с царем Хеврона в южном нагорье и царем Ярмута, Лахиша и Еглона в предгорьях Шефелы на западе. Ханаанские цари выстроили свои объединенные силы вокруг Гаваона, но в молниеносном броске, двигаясь всю ночь от Иорданской долины, Иисус удивил армию коалиции Иерусалима. Ханаанские силы в панике бежали по крутому гребню Вефорона на запад. Когда они бежали, Бог бил их большими камнями с неба. На самом деле, Библия говорит нам: *«больше было тех, которые умерли от камней града, нежели тех, которых умертвили сыны Израилевы мечом»* (Нав. 10:11). Солнце садилось, а праведное убийство не закончилось, поэтому Иисус в присутствии всей армии израильтян обратился к Богу и попросил, чтобы солнце остановилось на месте, пока не будет исполнена божественная воля. Тогда солнце "*стояло среди неба и не спешило к западу почти целый день. И не было такого дня ни прежде, ни после того, в который Господь так слушал бы*

гласа человеческого. Ибо Господь сражался за Израиля» (Нав. 10:13–14).

Бежавшие цари были, наконец, схвачены и были преданы мечу. Затем Иисус продолжил кампанию и уничтожил ханаанские города южной части страны, полностью завоевав этот регион для народа Израиля.

Заключительный акт состоялся на севере страны. Коалиция ханаанских царей, возглавленная Иавином Асорским, «многочисленный народ, который множеством равнялся песку на берегу морском; и коней и колесниц было весьма много» (Нав. 11:4), встретившая израильтян в открытом бою в Галилее, которая закончился полным уничтожением ханаанских сил. Хацор, самый важный город Ханаана, «глава всех тех царств» (Нав. 11:10), был захвачен и сожжен. Таким образом, благодаря этой победе вся земля обетованная, от южных пустынь до снежной вершины горы Хермон на севере страны, стала владением израильтян. Божественное обещание, действительно, было выполнено. Ханаанские силы были уничтожены, и сыны Израиля приготовились разделить между племенами эту землю как свое, Богом данное, наследство.

Другой вид Ханаана

Как и с рассказом об Исходе, археология обнаружила драматические расхождения между Библией и ситуацией в Ханаане в предлагаемое время завоевания, между 1230 и 1220 годами до н. э. Хотя мы знаем, что группа под названием Израиль уже присутствовала где-то в Ханаане около 1207 года до н. э., данные об общей политической и военной ситуации в Ханаане наводят на мысль, что молниеносное вторжение этой группы было бы нереальным и в высшей степени неправдоподобным.

Существуют многочисленные свидетельства о делах в Ханаане в египетских текстах позднего бронзового века (1550–1150 гг. до н. э.): в форме дипломатических писем, списков завоеванных городов, выгравированных на стенах египетских храмов картин осад, летописей египетских фараонов, литературных произведений и гимнов. Пожалуй, самым подробным источником информации о Ханаане в этот период являются письма из Телль – эль – Амарна. Эти тексты представляют собой часть дипломатической и военной переписки могущественных фараонов Аменхотепа III и его сына Эхнатона, правивших Египтом в 14 веке до н. э.

Почти четыре сотни таблиц из Амарны, разбросаные сейчас по музеям всего мира, включают письма, посланные в Египет правителями сильных государств, таких, как хетты Анатолии и правители Вавилонии. Но большинство из них были отправлены правителями городов – государств Ханаана, которые в этот период были вассалами Египта. Среди отправителей писем были также и правители ханаанских городов, которые позже стали знаменитыми в Библии, такие, как Иерусалим, Сихем, Мегиддо, Хацор и Лахиш. А самое главное – письма из Амарны показывают, что Ханаан был египетской провинцией, тщательно контролируемой египетской администрацией. Столица провинции была расположена в Газе, но египетские гарнизоны были размещены по всей стране в ключевых городах, таких как Бет – Шеан к югу от Галилейского моря и порт Яффа (в настоящее время часть города Тель – Авив).

В Библии египтяне не упоминаются вне границ Египта и ни разу не упоминаются ни в одном из сражений в Ханаане. Тем не менее, современные тексты и археологические находки показывают, что египтяне управляли и внимательно следили за делами страны. Князья ханаанских городов (описанные в Книге Иисуса Навина как могущественные враги) были, в действительности, жалкими и слабыми. Раскопки показали, что в этот период города Ханаана не были настоящими городами того типа, который известен нам из более поздней истории. Они были в основном административные крепостями для элиты (жилищем правителя, его семьи и его небольшой свиты чиновников) вместе с крестьянами, живущими разбросано в небольших деревнях по всей окрестности. Типичный город имел только дворец, храмовый комплекс, а также некоторые другие общественные здания – вероятно, резиденции для высокопоставленных чиновников, постоялые дворы и другие административные здания. Но никаких городских стен не было. Грозные ханаанские города, описанные в истории о завоевании, не были защищены укреплениями!

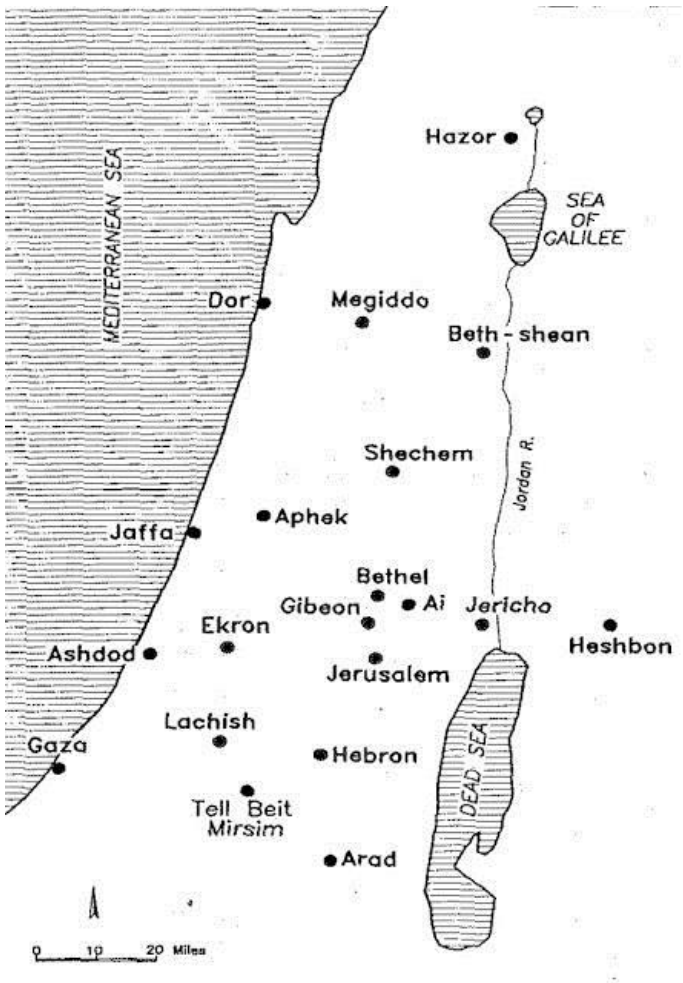
Причина видимо в том, что Египтом твердо отвечал за безопасность всей провинции. Поэтому не было никакой необходимости в массивных оборонительных стенах. Существовали также и экономические причины отсутствия укреплений в большинстве ханаанских городов. С введением тяжелой дани, подлежащей выплате фараону князьями Ханаана, местные мелкие

правители, возможно, не имели средств (или власти) для организации монументальных общественных работ. На самом деле, Ханаан поздней бронзы был лишь тенью того процветающего общества, которым он был несколькими столетиями ранее в период средней бронзы. Многие города были покинуты, а другие сократился в размерах, а общая численность оседлого населения не превышало сто тысяч. Одним из доказательств небольших масштабов этого общества является просьба в одном из писем из Амарны, посланном царем Иерусалима, к фараону прислать пятьдесят человек для того, «чтобы защитить землю». Незначительный масштаб вооруженных сил этого периода подтверждается еще одним письмом, посланным царем города Мегиддо, который просит фараона отправить сотню солдат, чтобы защитить город от нападения его агрессивного соседа, царя Сихема.

Письма из Амарны описывают ситуацию на протяжении 14 века до н. э., приблизительно за сто лет до предполагаемой даты израильского завоевания. У нас нет такого подробного источника информации о делах в Ханаане в течение 13 века до н. э. Но фараон Рамсес II, правивший на протяжении большей части 13 века, вряд ли ослабил свой военный контроль над Ханааном. Он был сильным царем, возможно, самый сильный из всех фараонов, который глубоко интересовался иностранными делами.

Другие указатели – как литературные, так и археологические – кажется, показывают, что в 13 веке до н. э. египетское иго над Ханааном было сильнее, чем когда-либо. Во времена сообщаемых беспорядков, египетская армия пересекла бы Синайскую пустыню вдоль побережья Средиземного моря и пошла бы против мятежных городов или беспокоящих ее людей. Как уже упоминалось, военный путь на севере Синайского полуострова был защищен рядом крепостей и снабжен источниками пресной воды. После пересечения пустыни, египетская армия могла легко разгромить любые мятежные силы и навязать свою волю местному населению.

Археология открыла драматические свидетельства степени египетского присутствия в самом Ханаане. В 1920–х годах на месте Бет – Шеана к югу от Галилейского моря была раскопана египетская крепость. Её различные здания и дворы, содержащие статуи и исписанные иероглифами памятники со времен фараонов Сети I (1294–1279 гг. до н. э.), Рамсеса II (1279–1213 гг. до н. э.) и Рамсеса III (1184–1153 гг. до н. э.). Древний ханаанский город Мегиддо раскрыл свидетельства сильного египетского влияния даже в более поздние времена Рамсеса VI, правившего в конце 12 века до н. э. Это было долгое время спустя предполагаемого завоевания израильтянами Ханаана.



Очень маловероятно, что египетские гарнизоны по всей стране остались бы в стороне, когда группа беженцев из Египта сеяла хаос по всей провинции Ханаана. И невозможно себе представить, чтобы уничтожение захватчиками стольких верных вассальных городов не оставило бы абсолютно никаких следов в обширных записях египетской империи. Единственное независимое упоминание названия Израиль в этот период (победная стела Мернептаха) сообщает лишь, что эти неизвестные люди, живущие в Ханаане, потерпели сокрушительное поражение. Что-то явно не складывается, когда библейское повествование, археологические данные и египетские записи расположены бок о бок.

По стопам Иисуса Навина?

Однако, есть (или, по крайней мере, были) контраргументы к египетским свидетельствам. Прежде всего, было ясно, что книга

Иисуса Навина не была совершенно выдуманной басней. Она точно отражает географию земли Израиля. Ход кампании Иисуса Навина следовал логическому географическому порядку. В начале 20 века, ряд ученых отобрали места, которые можно было уверенно отождествить с ходом завоевания израильтян, и начали копать, чтобы увидеть, можно ли найти какие-либо свидетельства упавших стен, сожженных балок или полного уничтожения.

Наиболее заметной фигурой в этих поисках снова был американский ученый Уильям Фоксвелл Олбрайт из университета Джона Хопкинса в Балтиморе, блестящий лингвист, историк, библейский ученый и археолог, который утверждал, что патриархи были подлинными историческими личностями. На основе своего толкования археологических данных он считал, что подвиги Иисуса Навина также были историческими. Самые известные раскопки Олбрайта состоялись в 1926–1932 годах на холме под названием Телль Бейт Мирзим, расположенном в предгорьях к юго – западу от Хеврона (Рис. 9). Исходя из его географического положения, Олбрайт определил это место как ханаанский город Девир, чьё завоевание израильтянами упоминается в трех разных историях Библии: дважды в Книге Иисуса Навина (10:38–39; 15:15–19) и один раз в Книге Судей (1:11–15). Хотя такое определение позже было оспорено, археологические находки из Телль Бейт Мирзим по – прежнему занимают центральное место в исторических дебатах.

Раскопки обнаружили небольшой и сравнительно бедный неукрепленный город, который был разрушен внезапным катастрофическим пожаром в конце поздней бронзы, в соответствии с Олбрайтом – около 1230 года до н. э. За пеплом этого сожженного города Олбрайт усмотрел, как он думал, свидетельство прихода новых поселенцев: разброс грубой керамики, которая была ему известна из других мест в нагорье, и которую он интуитивно определил как израильскую. Свидетельства, казалось, доказывали историчность библейских повествований: ханаанский город (упомянутый в Библии) был сожжен руками израильтян, которые затем унаследовали его и поселились на его развалинах.

В самом деле, результаты Олбрайта, казалось, будут воспроизведены всюду. На древнем кургане около арабской деревни Бейтин, отождествленном с библейским городом Вефиль, в девяти милях к северу от Иерусалима раскопки раскрыли ханаанский город, населенный в период поздней бронзы. Он был разрушен в результате пожара в конце 13 века до н. э. и, видимо, снова заселен другой группой в первом железном веке. Это соответствует библейской истории ханаанского города Луз, который было захвачен членами дома Иосифа, которые заселили его и изменила его название на Вефиль (Суд. 1:22–26). Южнее, на внушительном холме Телль эд – Дувейр в Шефеле – месте, отождествленном с известным библейским городом Лахиш (Нав. 10:31–32) – британская экспедиция в 1930 году обнаружила останки еще одного большого города поздней бронзы, разрушенного в пожаре.

Открытия продолжились в 1950–х годах, после создания государства Израиль, когда израильские археологи начали сосредоточиваться на вопросе завоевания земли обетованной. В 1956 году ведущий израильский археолог Игаль Ядин инициировал раскопки древнего города Хацор, описанного в книге Иисуса Навина «главою всех тех царств» (Нав. 11:10). Это был идеальный полигон для археологических поисков завоеваний израильтян. Хацор, отождествленный на основе его местоположения и известности с огромным холмом Телль – эль – Ваккас в Верхней Галилее, оказался крупнейшим город Ханаана поздней бронзы. Он охватывал площадь восьмидесяти гектаров – в восемь раз больше, чем такие известные места как Мегиддо и Лахиш.

Ядин обнаружил, что хотя пик процветания Хацора пришелся на среднюю бронзу (2000–1550 гг. до н. э.), но он продолжал процветать и в поздней бронзе. Это был потрясающий город с храмами и огромным дворцом. Это богатство архитектурного стиля дворцов, скульптуры и другие мелкие находки – уже намекали на результаты раскопок Ядина – с тех пор были обнаружены и в 1990–х годах в ходе новых раскопок в Хацоре под руководством Амнона Бен – Тора из Еврейского университета. Число клинописных табличек намекало на присутствие царских архивов. Одна из восстановленных таблиц содержит царское имя Ибни – и царь Хацора по имени Ибни – Адду упоминается в архиве из Мари. Хотя обе датируются гораздо более ранними временами (в период средней бронзы), они могут быть этимологически связаны с именем хацорского царя Иавина, упомянутого в Библии. Наводящее повторение этого имени может

означать, что оно было династическим именем, связанным с Хацором на протяжении веков, и вспоминающимся еще долго после разрушения города.

Раскопки Хацора показали, что великолепие этого ханаанского города, как и во многих других городах в разных частях страны, подошло к жестокому концу в 13 веке до н. э. Внезапно, без видимой тревоги и каких-либо признаков упадка, Хацор был атакован, разрушен и сожжен. Сегодня все ещё сохранились стены дворца высотой в 2 метра из сырцового кирпича, который стал красным от страшного пожара. После периода заброшенности в одной части обширных развалин было основано бедное поселение. Его керамика напоминала керамику древних поселений израильтян в центральном нагорье к югу.

Таким образом, на протяжении большей части 20 века археология, казалось, подтверждает библейский рассказ. К сожалению, со временем консенсус ученых растворился.

Действительно ли трубы разрушают?

В разгар эйфории – почти в тот самый момент, когда казалось, что битва была выиграна завоевание для Иисуса Навина – возникли некоторые тревожные противоречия. Даже тогда, когда мировая пресса сообщила, что завоевание Иисуса Навина было подтверждено, многие из самых важных частей археологической головоломки просто не подходили.

Иерихон был в числе самых важных. Как мы уже отмечали, города Ханаана были неукрепленными, и не было никаких стен, которые могли бы упасть вниз. В случае Иерихона, не было никаких следов заселения какого-либо рода в 13 веке до н. э., а более раннее селение поздней бронзы, датируемое 14 веком до н. э., было маленьким и бедным, незначительным и неукрепленным. Не существовало также никаких признаков разрушения. Таким образом, знаменитая сцена шествия вооруженных сил израильтян вместе с Ковчегом Завета вокруг защищенного стеной города, в результате чего могучие стены Иерихона разрушаются при дутье на них боевыми трубами, была, проще говоря, романтическим миражом.

Аналогичное расхождение между археологией и Библией был найден на месте древнего Гая, где, согласно Библии, Иисус заложил свою хитрую засаду. Ученые идентифицировали большой холм Хирбет – эт – Телль, расположенный на восточном склоне нагорья к северо – востоку от Иерусалима, как древний город Гай. Его географическое положение, прямо к востоку от Вефиля, точно соответствует библейскому описанию. Современное арабское название места, эт – Телль, означает *«руины»* , которое более или менее соответствует смыслу библейского еврейского названия Гай. И никакого альтернативного места поздней бронзы где-нибудь в окрестностях не было. Между 1933 и 1935 годами еврейский археолог Юдит Марке – Краузе провела крупномасштабные раскопки в эт – Телле и нашла обширные останки огромного города периода ранней бронзы, датированного более чем за тысячелетие до гибели Ханаана поздней бронзы. Но не было извлечено ни одного глиняного черепка или любого другого признака селения позднего бронзового века. Возобновленные в 1960–х годах раскопки на этом участке представили такую же картину. Как и в Иерихоне, здесь не было никакого поселения во времена его предполагаемого завоевания сынами Израиля.

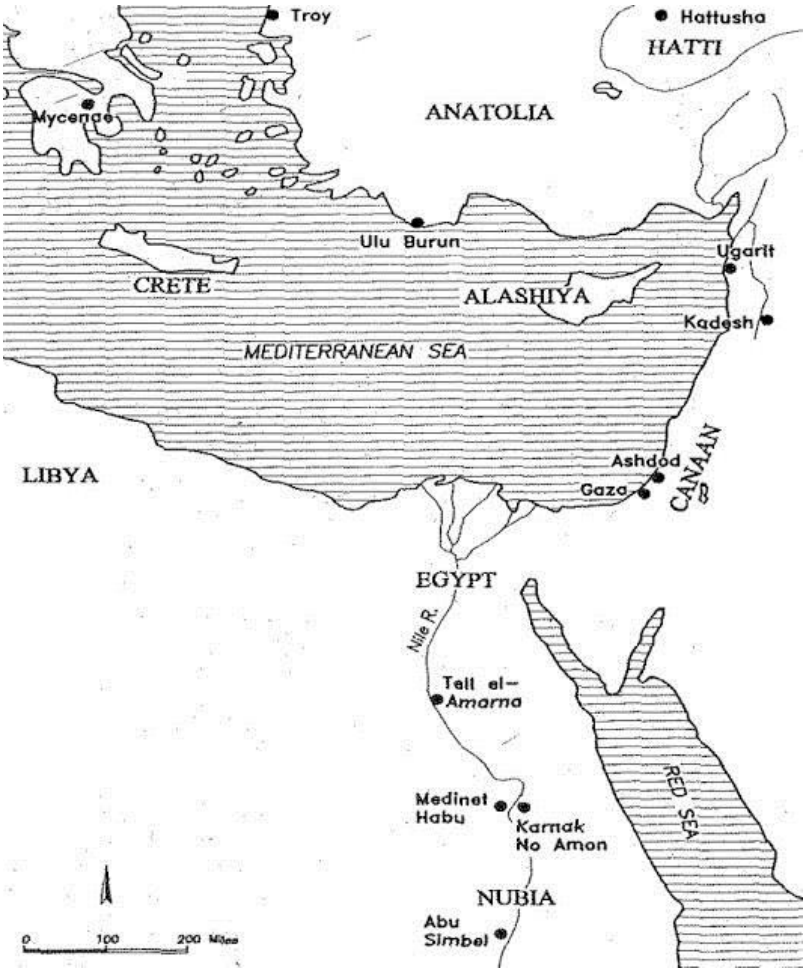
А как насчет саги о гаваонитянах с их просьбой защиты? Раскопки на холме в деревне Эль – Джиб, к северу от Иерусалима, который ученые согласованно определили в качестве места библейского Гаваона, раскрыли останки из средней бронзы и железного века, но никаких останков из поздней бронзы. Бесплодные археологические изыскания на местах трех других «гаваонитянских» городов Кефиры Беерофа и Кириаф – Иарима показали ту же картину: ни на одном из этих мест не было каких-либо останков позднего бронзового века. Это же касается и других городов, упомянутых в рассказе о завоевании и в сводном списке царей Ханаана (Нав. 12). Среди них мы находим Арад (в Негеве) и Хешбон (в Трансиордании), о которых мы говорили в предыдущей главе.

Страстные объяснения и сложные логические обоснования не заставили себя долго ждать, потому что слишком много было поставлено на карту. Что касается Гая, Олбрайт предположил, что история его завоевания изначально относилась к близлежащему Вефилю, потому что Вефиль и Гай были тесно связаны как географически, так и традиционно. В случае Иерихона, некоторые ученые пытались найти экологические объяснения. Они предположили, что целый пласт, представляющий Иерихон во времена завоевания, в том числе укрепления, был размыт.

Лишь недавно ученые, в конце концов, согласованно отказались от истории завоевания. Что касается уничтожения Вефиля, Лахиша, Хацора и других ханаанских городов, свидетельства из других регионов Ближнего Востока и восточной части Средиземного моря показывают, что разрушители не были непременно израильтянами.

Средиземноморский мир 13 в. до н.э

Географическая направленность Библии почти полностью сконцентрирована на земле Израиля, но для того, чтобы понять масштабы событий, имевших место в конце позднего бронзового века, нужно посмотреть далеко за пределы границ Ханаана, на всё восточное Средиземноморье (Рис. 10). Раскопки в Греции, Турции, Сирии и Египте раскрывают потрясающие истории потрясений, войн и широкомасштабного социального распада. В последние годы 13 века и в начале 12 века до н. э. весь древний мир пережил драматическое преобразование, так как разрушительный кризис смел царства бронзового века, и начал появляться новый мир. Это был один из самых драматических и хаотических периодов в истории, с падением старых империй и возвышением новых сил, стремящихся занять их место.



До этого, еще в середине 13 века до н. э., регионом правили две великие империи. На юге на своем пике был Египет. Во времена правления Рамсеса II он контролировал Ханаан, в том числе территории современных Ливана и юго – западной Сирии. На юге он господствовал над Нубией, а на западе правил над Ливией. Египетская империя занималась монументальной строительной деятельностью и принимала участие в прибыльной торговле в восточном Средиземноморье. Эмиссары и купцы из Крита, Кипра, Ханаана и Хатти посещали Египет и приносили дары фараону. Бирюзовые и медные рудники на Синайском полуострове и в Негеве разрабатывались египетскими экспедициями. В Египте никогда не было такой обширной и могущественной империи. Чтобы почувствовать величие Египта в 13 веке до н. э. необходимо лишь постоять перед храмом Абу – Симбел в Нубии или знаменитыми храмами в Карнаке и Луксоре.

Другая великая империя региона была сосредоточена в Анатолии. Это было могущественное Хеттское государство, которое управлялось из своей столицы Хаттусы, расположенной к востоку от современной турецкой столицы Анкары. Хетты контролировали Малую Азию и северную Сирию. Они достигли выдающихся достижений в архитектуре, литературе и военном деле. Огромный город Хаттуса, со своими колоссальными укреплениями и высеченном в скале храмом, передает современным посетителям ощущение величия хеттов.

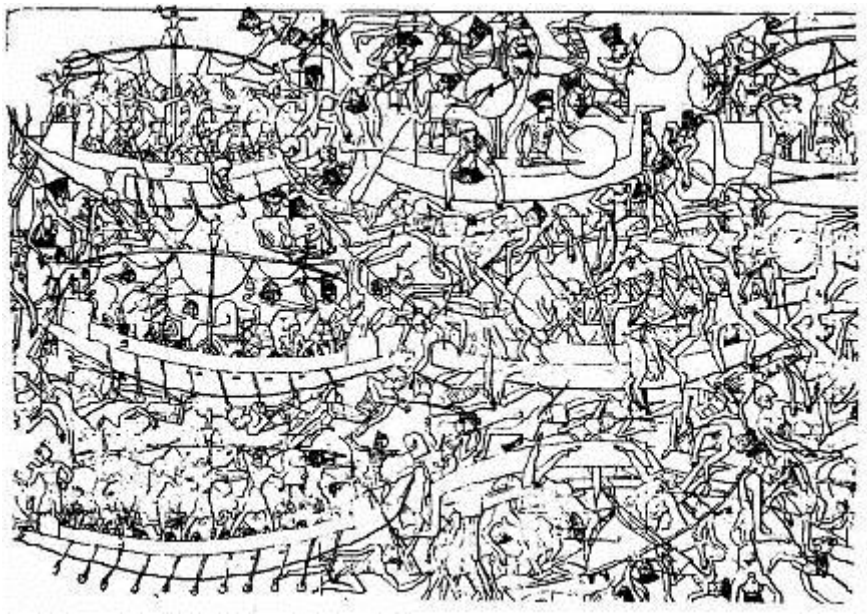
Две империи – египетская и хеттская – граничили между собой в Сирии. Неизбежное столкновение между ними пришлось на начало 13 века. Две грозные армии встретились в Кадеше на реке Оронт в Западной Сирии. На одной стороне был хеттский царь Муваталли, а с другой стороны стоял тогда еще молодой и неопытный Рамсес II. У нас имеются записи битвы с обеих сторон и обе претендуют на победу. Истина где-то посередине. Видимо, битва закончилась без явного победителя, и двум великим державам пришлось пойти на компромисс. Новый хеттский царь Хаттусили III и теперь закаленный в боях Рамсес II вскоре подписали мирный договор, которым объявлялась дружба между двумя державами и «навсегда" отвер-

галась вражда. Он был запечатан символическим актом обручения Рамсеса с хеттской принцессой.

Мир, созданный этим египетско – хеттским пактом, предлагал более широкие возможности для другой великой державы на западе. Это сила была крепкой не из-за своей военной мощи, а из-за своих морских навыков. Это был микенский мир, который создал знаменитые цитадели Микен и Тиринфа, роскошные дворцы Пилоса и Фив. Это был мир, который, по – видимому, обеспечил романтический фон для Илиады и Одиссеи; мир, который создал знаменитые образы Агамемнона, Елены, Приама и Одиссея. Мы не уверены, находился ли микенский мир под властью одного центра, такого как Микены. Скорее всего, это была система нескольких центров, каждый из которых правили большими территориями: что-то вроде городов – государств Ханаана или системы полисов классической Греции, но в гораздо большем масштабе.

Микенский мир, который впервые был раскрыт в драматических раскопках Генриха Шлимана в Микенах и Тиринфе в конце 19 века, начал раскрывать свои секреты много лет спустя, когда было расшифровано его Линейное письмо В. Обнаруженные в микенских дворцах глиняные дощечки подтверждают, что микенцы говорили по – гречески. Средством их силы и богатства была, по – видимому, торговля в восточном Средиземноморье.

Остров Кипр, в то время известный как Аласия, также играл важную роль в этом мире 13 века до н. э. Он был основным производителем меди в восточной части Средиземного моря и воротами торговли с Левантом. Впечатляющие сооружения, построенные с тесаного камня, показывают, каким процветающим стал остров в то время.



Мир позднего бронзового века отличался большим могуществом, богатством и активной торговлей. Знаменитый теперь Улу – бурунский корабль, найденный у побережья южной Турции, намекает на времена подъема. Судно, перевозящее на борту груз из медных и оловянных слитков, бревна черного дерева, смолу терпентинного дерева, слоновую кость и кость бегемота, яичную скорлупу страуса, пряности и другие товары, плыло вдоль побережья Малой Азии когда-то около 1300 года до н. э., когда оно, очевидно, потонуло во время шторма. Подводные раскопки этого крушения и восстановление его богатого груза показали, что это небольшое судно – конечно, обычное в то время – курсировало по прибыльным торговым маршрутам во всем восточном Средиземноморье вместе с предметами роскоши и товарами народного потребления, набранными в каждом порту захода. Важно помнить, что этот мир совсем не был древней версией современного Общего рынка, в котором каждый народ свободно торгует со всеми остальными. Это был мир, пребывающий под жестким контролем царей и князей любой политической области, и за которым внимательно следили Египет и другие великие державы того времени. В этом мире спокойствия и процветания элит бронзового века их внезапное и жестокое падение, безусловно, произвело бы неизгладимое впечатление – в воспоминаниях, легендах и поэзии.

Большой переворот

Вид из дворцов городов – государств Ханаана, возможно, выглядел мирным, но на горизонте возникли проблемы, которые приведут к обрушению всей экономики и социальной структуры позднего бронзового века. К 1130 году до н. э. мы видим совершенно другой мир, настолько отличный, что житель Микены, или Но – Амона (столицы Египта, современного Луксора), или Хаттусы из 1230 года до н. э. не смог бы узнать его. К тому времени Египет был

бледной тенью своего былого величия и потерял большую часть своей внешней территории. Хатти уже не существовало, а Хаттуса лежала в руинах. Микенский мир было стирался из памяти, его дворцы были разрушены. Кипр преобразился, его торговля медью и другими товарами прекратилась. Многие крупные ханаанские порты вдоль побережья Средиземного моря, в том числе и большой морской торговый центр Угарита на севере, были сожжены дотла. Впечатляющие города внутри страны, такие как Мегиддо и Хацор, стали заброшенными грудами развалин.

Что случилось? Почему старый мир исчез? Ученые, которые работали над этой проблемой, были убеждены, что основной причиной этого было вторжение таинственных и жестоких групп, названных «народами моря», мигрантов, которые пришли с запада по суше и по морю и опустошили все, что стояло на их пути. Угаритские и египетские записи начала 12 века до н. э. упоминаниют этих мародеров. Текст, найденный в руинах порта города Угарит, предоставляет драматическое свидетельство о ситуации около 1185 года до н. э. Посланный Аммурапи, последним царем Угарита, к царю Аласии (Кипра), он отчаянно описывает, как « прибыли вражеские лодки, враг поджег города и сеет хаос. Мои войска находятся в хеттской стране, мои лодки в Ликии, и страна была покинута на произвол судьбы». Кроме того, письмо того же периода от великого царя Хатти к префекту Угарита выражает его беспокойство по поводу присутствия группы «народов моря», названной Шикалайя, «которая живет на лодках».

Через десять лет, в 1175 году до н. э., на севере страны все было кончено. Хатти, Аласия и Угарит лежали в руинах. Но Египет все еще был грозной силой и решил отчаянно обороняться. Монументальные надписи Рамсеса III в храме Мединет Хабу в Верхнем Египте рассказывают о народах моря, готовящих заговор с целью разорить заселенные земли восточного Средиземноморья: «*Зарубежные страны составили заговор на своих островах. Ни одна земля не может устоять перед их оружием. … Они шли вперед к Египту, в то время как пламя было заготовлено перед ними. Их союзом были филистимляне, тевкры, шекелеш, деньен и вешеш, объединенные земли. Они возложили руки свои даже на далекие страны, лежащие у края Земли, их сердца уверенны и самонадеянны: «Наши планы будут иметь успех!»*

Яркие изображения последующих битв покрывают наружную стену храма (Рис. 11). На одном из них показано сплетение египетских и иностранных судов в разгаре хаотического морского боя вместе с лучниками, готовыми поразить корабли своих врагов, и умирающими воинами, упавшими в море. Морские захватчики сильно отличаются от египтян, а также от изображений азиатов в египетском искусстве. Наиболее поразительной особенностью в их внешности являются их отличительные головные уборы: одни носят рогатые шлемы, другие – необычные головные уборы, украшенные перьями. Рядом – картина напряженной наземной битвы показывает египтян, вступивших в бой с воинами «народов моря», в то время как семьи из мужчин, женщин и детей, едущих на переселение в другое место на деревянных телегах, запряженных быками, беспомощно наблюдают за битвой. Исход наземных и морских сражений, в соответствии с описанием фараона Рамсеса III, был убедительным: «*Те, кто достиг моей границы, – их семени нет, их сердца и души прикончены во веки веков. Те, кто вместе вышли вперед на море, – тех поглотило пламя. … Они были втащены, закрыты и простерты на берегу моря, убиты, и превращены в груды от головы до концов».*

Кем были эти угрожающие «народы моря»? Научные споры об их происхождении и факторах, заставивших их передвигаться на юг и восток, продолжаются до сих пор. Некоторые говорят, что они были эгейцами, другие предполагают, что местом их происхождения является южная Анатолия. Но что заставило тысячи мигрирующих людей колесить по земле и морю в поисках нового дома? Одна возможность заключается в том, что они были сбродным союзом пиратов, безродных моряков и бедных крестьян, руководимых голодом, демографическим давлением или нехваткой земли. Двигаясь на восток и уничтожая хрупкую сеть международной торговли в восточной части Средиземноморья, они нарушили экономику бронзового века и предали забвению великие империи того времени. Более современные теории предложили совершенно иные объяснения. Некоторые указывают на внезапное изменение климата, которое опустошило сельское хозяйство и вызвало массовый голод. Другие предполагают полный распад сообществ во всем Восточном Средиземноморье, которые стали слишком специализированы, чтобы пережить экономические изменения или социальные потрясения. В обоих этих

возможных сценариях внезапные миграции «народов моря» были не причиной, а следствием. Иными словами, разрушение дворцовых экономик позднего бронзового века заставило орды мигрирующих людей скитаться по всей восточной части Средиземноморья, чтобы найти новое пристанище и средства к существованию.

Правда, мы действительно не знаем точную причину упадка позднего бронзового краха во всем регионе. Однако археологические свидетельства последствий очевидные. Наиболее драматические свидетельства происходит из южных районов Израиля – от Филистии, земли филистимлян, которые были одним из народов моря, упомянутым в надписи Рамсеса III. Раскопки в двух основных филистимских центрах, Ашдоде и Экроне, обнаружили данные об этих смутных годах. В 13 веке до н. э. Ашдод, в частности, был процветающим ханаанским центром под египетским влиянием. Оба Ашдод и Экрон уцелели, по крайней мере, до дней Рамсеса III и, по крайней мере, один из них, Ашдод, был уничтожен пожаром. Филистимские иммигранты основали города на этих руинах, и к 12 веку до н. э. Ашдод и Экрон стали процветающими городами с новой материальной культурой. Прежняя смесь египетских и ханаанских черт в области архитектуры и керамики была заменена чем-то совершенно новым в этой части Средиземноморья: згейским стилем архитектуры и керамики.

В других частях региона порядок позднего бронзового века был нарушен из-за распространения насилия, источник которого не совсем ясен. Из-за длительного периода времени (почти столетие), в течение которого рухнула ханаанская система городов – государств, не исключено, что усиление кризиса привело к конфликтам между соседними ханаанскими городами за контроль над жизненно важными сельскохозяйственными землями и крестьянскими деревнями. В некоторых случаях все более притесняемые крестьяне и кочевое население могли напасть на богатые города в своей стране. Один за другим старые ханаанские центры подверглись внезапным драматическим пожарам или постепенно пришли в упадок. На севере был сожжен Хацор вместе с обезглавленными и разбитыми статуями богов в своем царском дворце. На прибрежной равнине в страшном пожаре был разрушен Афек; в толстом слое мусора от этого разрушения были найдены клинописные таблички о совершении жизненно важной сделки по покупке пшеницы между Угаритом и Египтом. Южнее, внушительный ханаанский город Лахиш был сожжен и заброшен. И в богатой долине Изреель был предан огню Мегиддо, а его дворец был погребен под 2–метровым слоем мусора из обгорелого кирпича.

Следует подчеркнуть, что это большое преобразование в каждом месте не было внезапным. Археологические данные свидетельствуют о том, что разрушение ханаанского общества было относительно длительным и постепенным процессом. В стилях керамики, найденной в развалинах Хацора периода поздней бронзы, отсутствуют отличительные формы конца 13 века, поэтому он должен был подвергнуться опустошению несколько раньше. В Афеке клинописные письма из слоя разрушения содержат имена должностных лиц Угарита и Египта, которые также известны из других источников и, таким образом, могут быть датированы приблизительно 1230 годом до н. э. Египетские крепости могли быть разрушены в любое время на протяжении последующих двух – трех десятилетий. В Лахише в слое разрушения землекопы нашли металлический фрагмент, вероятно, штуцер от главных ворот города, носящего имя фараона Рамсеса III. Эта находка говорит нам о том, что Лахиш должен был быть уничтожен не ранее времени правления этого монарха, правившего между 1184 и 1153 годами до н. э. Наконец, в руинах Мегиддо была найдена металлическая основа статуи, содержащая имя Рамсеса VI (1143–1136 гг. до н. э.), что указывает на то, что большой ханаанский центр Изреельской долины, вероятно, был уничтожен во второй половине 12 века.

Цари каждого из этих четырех городов – Хацора, Афека Лахиша и Мегиддо, по преданию, были побеждены израильтянами под руководством Иисуса Навина. Но археологические данные показывают, что разрушение этих городов произошло за промежуток времени более века. Среди возможных причин упоминают вторжение, социальный распад или гражданскую войну. Это не было сделано отдельной военной силой, и, конечно же, не в единой военной кампании.

Передающиеся воспоминания

Еще до того, как археологические находки поставили под сомнение историческую основу завоевания Иисусом Навином Ханаана, узкий круг немецких исследователей Библии размышлял по поводу развития скорее израильской литературной традиции, а не военной стратегии.

Как преемники традиции высшей критики 19 века, они указали на внутреннюю непоследовательность библейского текста, который содержит, по крайней мере, две различные и противоречащие друг другу версии о завоевании Ханаана.

Немецкие ученые всегда считали книгу Иисуса Навина сложной коллекцией легенд, героических рассказов и местных мифов из разных частей страны, которые были составлены на протяжении веков. Библейские ученые Альбрехт Альт и Мартин Нот, в частности, утверждали, что многие из рассказов, которые сохранились в книге Иисуса Навина, были не более чем этиологическими традициями, то есть, они были легендами о том, как появились известные достопримечательности или природные диковинки. Например, люди, живущие в городе Вефиле железного века или вокруг него, несомненно, заметили огромный холм руин ранней бронзы прямо на востоке. Эти развалины были почти в десять раз больше, чем их собственный город, и остатки этих укреплений по – прежнему впечатляли. Так что, утверждали Альт и Нот, вокруг развалин, возможно, начали разрастаться легенды, рассказы о победе древних героев, которые объясняли, как мог быть уничтожен такой большой город.

В другой области страны люди, живущие в предгорьях Шефелы, возможно, были поражены огромным размером камня, закрывающего вход в таинственную пещеру недалеко от города Македы. Таким образом могли возникнуть истории, связывающие огромный камень с героическими поступками в их собственном туманном прошлом: камень опечатывал пещеру, где спрятались пять древних царей и где позже они были похоронены, как описано в Книге Иисуса Навина 10:16–27. Согласно этой точке зрения, библейские истории, которые заканчивались замечанием, что определенный ориентир все ещё можно было видеть «и по сей день», вероятно, были легендами именно такого рода. В определенный момент эти отдельные истории были собраны и связаны в единую кампанию великого мифического лидера завоевания.

В отличие от своей оценки о легендарном, в значительной степени, характере книги Иисуса Навина, Альт и Нот рассматривали первую главу Книги Судей как обладающую возможным достоверным ядром воспоминаний о древних победах широко разбросанных горных ополченцев над различными городами, которые господствовали над ними. В Действительно, хаотическая ситуация разрушения ханаанских городов в одних местах и их выживание в других вполне соответствует археологическим данным. Однако, нет никаких причин, почему рассказ о завоевании в книге Иисуса Навина не может включать также народные воспоминания и легенды, которые служили напоминанием об этом историческом преобразовании. Они могут предложить нам очень отрывочные кадры насилия, страсти, эйфории от уничтожения городов и ужасного убийства их жителей, которые действительно происходили. Такой жгучий опыт вряд ли был бы полностью забыт, и в самом деле, их когда-то яркие воспоминания, постепенно разрастающиеся на протяжении веков, возможно, стали сырьем для гораздо более развитого пересказа. Таким образом, нет оснований полагать, что сожжения Хацора враждебными силами, к примеру, никогда не было. Но то, что на самом деле было хаотической серией потрясений, вызванных различными факторами и осуществленными различными группами, стало – много столетий спустя – блестяще созданной сагой о территориальном завоевании под благословением и прямым руководством Бога. Литературное производство этой саги было предпринято в целях, совершенно отличных от ознаменования местных легенд. Оно было, как мы увидим, важным шагом к созданию пан – израильской идентичности.

Опять назад в будущее?

Эта основная картина постепенного накопления легенд и преданий и их окончательного включения в единую всеобъемлющую сагу с определенной богословской точкой зрения является продуктом удивительно творческого периода литературного производства в Иудейском царстве в 7 веке до н. э. Пожалуй наиболее выразительной из всех улик, свидетельствующих о том, что книга Иисуса Навина была написана именно в это время, является список городов на территории племени Иуды, подробно изложенный в Книге Иисуса Навина 15:21–62. Список точно соответствует границам Иудейского царства во время царствования Иосии. Кроме того, топонимы, упомянутые в списке, тесно связаны со схемой расселения 7 века до н. э. в том же регионе. И некоторые из мест были заняты только в последние десятилетия 7 века до н. э.

Но география не является единственной ссылкой на время Иосии. Идеология религиозной реформы и территориальные устремления, характерны для этого периода, также очевид-

на. Библейские ученые уже давно считают книгу Иисуса Навина частью так называемой Девтерономической истории, семикнижного сборника библейского материала от Второзакония до 4 Царств, который был составлен во время царствования Иосии. Девтерономическая история неоднократно возвращается к мысли, что вся земля Израиля должна управляться божественно избранным лидером всего народа Израиля, который строго следует законам, принесенным из Синая, и еще более строгим предостережениям против идолопоклонства, данным Моисеем в Книге Второзакония. Язык, стиль и бескомпромиссные богословские послания, переданные книгой Второзакония, можно обнаружить в книге Иисуса Навина, особенно в тех отрывках, где истории отдельных сражений сплетаются вместе в большое повествование. А общий план битв в книге Иисуса Навина гораздо лучше соответствует реалиям 7 века, чем обстановке позднего бронзового века.

Первые два сражения в книге Иисуса Навина, в Иерихоне и Гая (то есть, в районе Вефиля), велись на территориях, которые были первой мишенью экспансионизма Иосии после вывода войск Ассирии из провинции Самарии. Иерихон был юго – восточным форпостом северного Израильского царства, а позже и ассирийской провинции, расположенным напротив стратегической переправы через реку Иордан. Вефиль был главным и столь ненавистным культовым центром северного царства и центром ассирийского переселения не – израильских народов. Позже оба места были мишенями деятельности Иосии: Иерихон и его округа процветали после поглощения Иудеей, а северный храм в Вефиле был полностью разрушен.

Точно так же, история завоевания Шефелы соответствует новой иудейской экспансии в этом очень важном и плодородном регионе. Эта область – традиционная житница Иудеи – несколько десятилетий ранее была завоевана ассирийцами и передана филистимским городам. Действительно, 4 Царств 22:1 говорит нам, что мать Иосии была родом из города по имени Боцкат (Воцкаф). Это место упоминается в Библии только один раз в списке городов колена Иуды, датированном временем Иосии. (Нав. 15:39). Там Боцкат появляется между Лахишем и Еглоном – двумя ханаанскими городами, которые играют важную роль в рассказе о завоевании Шефелы Иисусом Навином. Затем сага о кампании Иисуса Навина поворачивает на север, выражая предвидение 7 века о будущих территориальных завоеваниях. Ссылка на Хацор напоминает не только о его репутации в далеком прошлом как наиболее выдающегося из ханаанских городов – государств, но также и реалии предыдущего века, когда Хацор был самым важным центром Израильского царства на севере, а чуть позже и важным региональным центром Ассирийской империи, с впечатляющим дворцом и крепостью. Не менее значимым является упоминание Нафот – Дора, возможно, намекая на те дни, когда прибрежный город Дор служил столицей ассирийской провинции. В общем, северные территории, описанные в книге Иисуса Навина, соответствуют побежденному Израильскому царству, а позже ассирийской провинции, которую Иудея считала божественно определенным наследием народа Израиля, которрре вскоре будет возвращено «новым» Иисусом.

Новое завоевание Земли Обетованной?

Ко времени коронации Иосии в 639 году до н. э. идея о святости и единстве земли Израиля – концепция, которая с такой страстью подчеркнута в Книге Второзакония – была далека от реализации. За исключением крошечного центрального района Иудейского царства (традиционное наследие племен Иуды и Симеона и узкая полоска традиционной земли Вениамина на севере), подавляющее большинство земли обетованной в течение почти столетия находилось под властью иностранной державы – Ассирии. Иудея тоже была вассалом Ассирии.

Объяснение Библии этой неудачной ситуации было как мрачным, так и простым. В последнее время народ Израиля не выполнял законов завета, которые были главным условием для их наследования земли. Они не искоренили все следы языческого поклонения. Они не перестали возносить хвалу богам других народов при своих попытках разбогатеть за счет торговли или политических союзов. Они не следовали верно законам чистоты в личной жизни. И они не заботились даже о том, чтобы оказать малейшую помощь своим собратьям израильтянам, которые оказались в нужде, глубоко в долгах или попали в рабство. Одним словом, они перестали быть святой общиной. Только неукоснительное соблюдение законодательства из недавно обнаруженной «Книге Закона» позволит преодолеть грехи предыдущих поколений и позволит им вернуть себе владение всей землей Израиля.

Спустя несколько лет уход ассирийцев и объединение всех израильтян казались возможными. Книга Иисуса Навина предлагает незабываемый эпос с ясным уроком – когда народ Израиля точно исполнял условия завета с Богом, он был непобедим. Эта точка зрения была создана с помощью некоторых из самых ярких сказок (падением стен Иерихона, остановившимся солнцем в Гаваоне, разгромом ханаанских царей на узком подъеме у Бет – Хорона), преобразованных в единый эпос на хорошо знакомом и наводящем фоне 7 века, и разыгранных в местах наибольшего интереса девтерономической идеологии. Читая и читая эти истории, иудеи конца 7 века до н. э. увидели бы в них выражение своих заветных желаний и религиозных убеждений.

В этом смысле, книга Иисуса Навина является классическим литературным выражением желаний и фантазий людей в определенном месте и времени. Возвышающаяся фигура Иисуса Навина была использована для того, чтобы создать метафорический портрет Иосии, потенциального спасителя всего народа Израиля. Действительно, американский библеист Ричард Д. Нельсон продемонстрировал, как фигура Иисуса Навина описывается в Девтерономической истории с точки зрения, как правило, характерной для царя. Божье поручение к Иисусу о его назначении руководителем (Нав. 1:1–9) оформлено с помощью фразеологии восхождения на трон. Обещание преданности людей для полного послушания Иисусу как преемнику Моисея (Нав. 1:16–18) напоминает обычай общественного поклона только что коронованному царю. Иисус руководит церемонией обновления завета (Нав. 8:30–35). Эта роль стала прерогативой царей Иудеи. Еще более красноречивым является тот отрывок, в котором Бог повелевает Иисусу, день и ночь поучаться в «книге Закона» (Нав. 1:8–9) в сверхъестественном соответствии с библейским описанием Иосии как царя, кто единственный связан с изучением Закона, того, кто «обратился бы к Господу всем сердцем своим, и всею душею своею, и всеми силами своими, по всему закону Моисееву» (4 Царств 23:25).

Это не просто обычные параллели между праведными библейскими персонажами, но и прямые параллели во фразеологии и идеологии, не говоря уже об одинаковых территориальных целях Иисуса и Иосии. Конечно, экспансия Иосии, или желание присоединить территории северного царства в нагорье, подняли большие надежды, но, в то же время, столкнулись с серьезными практическими трудностями. Существовала простая военная задача. Необходимо было доказать местным жителям северного нагорья, что они действительно являются частью великого народа Израиля, который воевал вместе с народом Иудеи, чтобы унаследовать их землю обетованную. Существовала также проблема смешанных браков с инородными женщинами, которые должны были быть обычной практикой среди израильтян, которые уцелели на территории северного царства, и среди которых ассирийцы поселили иностранных изгнанников.

Это был царь Иосия, который скрывался за маской Иисуса Навина, заявляя, что народ Израиля должен оставаться полностью в стороне от коренного населения земли. Таким образом, Книга Иисуса Навина блестяще подчеркивает глубокие и наиболее насущные проблемы 7 века. И, как позже мы сможем увидеть, сила этой эпопеи смогла выдержать еще долго после того, как амбициозный и благочестивый план царя Иосии отвоевать землю Ханаана трагически провалился.

Глава 4. Кем были древние израильтяне?

Библия не оставляет места для сомнений или двусмысленности об уникальном происхождении народа Израиля. Как прямые потомки патриархов Авраама, Исаака и Иакова, двенадцать колен Израиля являются биологическими потомками двенадцати сыновей Иакова на протяжении многих поколений. Несмотря на 430 лет рабства в Египте, израильтяне описаны как никогда не забывающие свои корни в Ханаане и свое общее достояние. В самом деле, Библия подчеркивает, что строгое поддержание Израилем своего отличительного образа жизни и особых отношений с Богом станет ключом к его будущему. Во Второзаконии Моисей пообещал израильскому народу, что если они будут строго соблюдать законы завета, избегать смешанных браков со своими соседями и тщательно избегать языческих обрядов Ханаана, то они всегда будут в безопасности, владея землей обетованной. Как только большое завоевание Ханаана было завершено, книга Иисуса Навина в мельчайших подробностях рассказывает о том, как израильский лидер разделил землю – теперь уже очищенную от коренного населения Ханаана

– среди победивших израильских племен как их вечное наследие.

Тем не менее, в книге Иисуса Навина и следующей книге Судей есть некоторые серьезные противоречия в этом описании племенного наследования всей земли Израиля. Хотя книга Иисуса Навина в одном месте заявляет, что израильтяне овладели всей обещанной Богом землей и победили всех своих врагов (Нав. 21:43–44), другие места в книге Иисуса Навина и в книге Судей ясно описывают, что многие хананеи и филистимляне жили в непосредственной близости от израильтян. Как и в случае с Самсоном, смешанные браки не были чем-то неслыханным. И также были проблемы внутри клана. В Книге Судей племена Израиля объединяются, чтобы вести войну с племенем Вениамина, пообещав, что они никогда не породнятся с ними (Суд. 19–21). В конце концов, оказывается, что различные племена остались решать свои местные проблемы под руководством своих харизматических лидеров. Песнь Деворы (Суд. 5) даже перечисляет, какие именно племена были верными и прислушались к созыву собрания за дело всего Израиля, а какие племена предпочли остаться в своих домах.

Если, как предполагает археология, сказания о патриархах и Исходе были легендами, собранными в более поздние времена, и если нет убедительных доказательств единого вторжения в Ханаан под руководством Иисуса Навина, что же нам делать с утверждениями израильтян о древней государственности? Кто были эти люди, которые прослеживают свои традиции от общих исторических и культовых событий? Археология снова может предоставить некоторые неожиданные ответы. Раскопки деревень древних израильтян, а также их керамики, домов и зернохранилищ может помочь нам восстановить их ежедневную жизнь и культурные связи. И археология удивительно показывает, что люди, жившие в этих деревнях, были коренными жителями Ханаана, которые только постепенно развили этническую идентичность, которую можно было бы назвать израильской.

Наследование земли обетованной

Как только большое завоевание Ханаана закончилось, книга Иисуса Навина сообщает нам, что «земля успокоилась от войны» (Нав. 11:23). Все хананеи и другие коренные народы Ханаана были полностью уничтожены. Иисус созвал племена для раздела земли. Рувим, Гад и половина колена Манассии получили территории к востоку от реки Иордан, а все остальные получили свои части к западу. Неффалим, Ашер, Завулон, Иссахар поселились в нагорьях и долинах Галилеи. Другая половина колена Манассии, Ефрем и Вениамин получили основную часть центрального нагорья, простирающуюся от долины Изреель на севере до Иерусалима на юге. Иуде было отведено южное нагорье от Иерусалима до долины Беэр – Шевы на юге. Симеон унаследовал засушливый район долины Беэр – Шевы и прилегающей прибрежной равнины. Хотя Дан первоначально получил наследство на прибрежной равнине, племя изменило свой дом на другую область на севере страны. После той последней миграции карта Святой земли была завершена.

Или нет? Создавая загадочное противоречие с декларируемыми принципами полной победы, книга Иисуса Навина сообщает, что огромные территории в самом Ханаане, расположенные за пределами племенного наследия, еще предстоит завоевать. Среди них «все земли филистимлян» вдоль южного побережья страны, финикийское побережья дальше на север, и район долины Бекаа на северо – востоке (Нав. 13:1–6). Книга Судей идет еще дальше, перечисляя важные неподчиненные ханаанские анклавы на территории более половины племен. Большие ханаанские города прибрежной равнины и северных долин, такие как Мегиддо, Бет – Шеан, Дор и Гезер, перечислены в Книге Судей как незахваченные – хотя их правители в книге Иисуса Навина были включены в список побежденных ханаанских царей. Кроме того, аммонитяне и моавитяне, живущие по ту сторону реки Иордан, остались враждебными. И яростные мадианитяне и амаликитянские налетчики на верблюдах из пустыни всегда были угрозой для народа Израиля. Таким образом, угроза, с которой столкнулись только что поселившиеся израильтяне, была как военной, так и религиозной. Внешние враги угрожали физической безопасности израильтян и хананеи, оставаясь в стране, создавали смертельную опасность, заманивая израильтян в отступничество, и разрушая тем самым силу торжественного завета Израиля с Богом.

Все было готово для многих лет затяжной борьбы. Следующая за книгой Иисуса Навина, книга Судей представляет чрезвычайно богатую коллекцию захватывающих военных расска-

зов и историй индивидуального героизма в битвах между израильтянами и их соседями. Она содержит некоторые наиболее колоритные персонажи Библии и самые незабываемые образы. Гофониил из рода Халева в одиночку отбивает нападение сил таинственного врага Хусарсафема, «царя Месопотамии» (Суд. 3:7–11). Вениаминец Аод бесстрашно убивает Еглона, могущественного и комически тучного царя Моава, в его собственной комнате. (3:12–30). Самегар убивает шестьсот филистимлян рожном вола (3:31). Девора и Варак поднимают израильские племена против угрожающих ханаанских царей, оставшихся на севере, и героическая Иаиль, жена кенеянина Хевера, убивает спящего ханаанского военачальника Сисару, вонзив кол в его голову (4:1–5:31). Гедеон из племени Манассии очищает землю от идолопоклонства и защищает свой народ от налетчиков из пустыни мадианитян (6:1–8:28). И, конечно, она содержит знаменитую сагу о Самсоне, герое Дана, преданного и остриженного филистимской соблазнительницей Делилой, который идет на верную смерть в Газе, ослепленный и униженный, разрушая столпы большого филистимского храма Дагона (13:1–16:31).

Богословское значение этого раннего периода расселения ясно выражено в самом начале книги Судей, в его отрезвляющем исчислении отступничества и наказания. Если израильтяне останутся обособленными от коренного населения, они будут вознаграждены. Если они соблазнятся ассимилироваться, божественное наказание будет быстрым и суровым. Но они не слушаются. Только вмешательство боговдохновенных праведных лидеров, названых «судьями», спасает народ Израиля, по крайней мере временно, от потери всего:

И сыны Израилевы стали делать злое пред очами Господа и стали служить Ваалам; оставили Господа Бога отцов своих, Который вывел их из земли Египетской, и обратились к другим богам, богам народов, окружавших их, и стали поклоняться им, и раздражили Господа; оставили Господа и стали служить Ваалу и Астартам. И воспылал гнев Господень на Израиля, и предал их в руки грабителей, и грабили их; и предал их в руки врагов, окружавших их, и не могли уже устоять пред врагами своими. Куда они ни пойдут, рука Господня везде была им во зло, как говорил им Господь и как клялся им Господь. И им было весьма тесно. И воздвигал [им] Господь судей, которые спасали их от рук грабителей их; но и судей они не слушали, а ходили блудно вслед других богов и поклонялись им [и раздражали Господа], скоро уклонялись от пути, коим ходили отцы их, повинуясь заповедям Господним. Они так не делали. Когда Господь воздвигал им судей, то Сам Господь был с судьею и спасал их от врагов их во все дни судьи: ибо жалел их Господь, слыша стон их от угнетавших и притеснявших их. Но как скоро умирал судья, они опять делали хуже отцов своих, уклоняясь к другим богам, служа им и поклоняясь им. Не отставали от дел своих и [не отступали] от стропотного пути своего. (Суд. 2:11–19)

Рассказывает ли Библия такую версию истории, какой она была на самом деле? Действительно ли израильтяне поклонялись одному Богу на протяжении веков, но иногда сползали в многобожие своих соседей? В более общем плане, как они жили? Какова была их культура? Помимо рассказов о продолжающейся борьбе с идолопоклонством, Библия очень мало говорит нам о повседневной жизни израильтян. Из книги Иисуса Навина мы узнаем в основном о точных границах различных племенных наделов. В Книге Судей мы читаем о боях с врагами Израиля, но мы очень мало слышим о том, какие поселения израильтяне решили создать и как они себя обеспечивали. После столетий в качестве иммигрантов – работников в Египте и сорока лет блуждания в Синайской пустыне, они не могли быть хорошо подготовленными для того, чтобы начать возделывать узкие долины и неровные горные земли Ханаана. Как они научились тому, чтобы стать оседлыми земледельцами и так быстро адаптироваться к рутинам и тяжестям оседлой сельской жизни?

Переселенцы из пустыни?

Из стелы Мернептаха мы знаем о существовании народа по имени Израиль, живущего в Ханаане около 1207 г. до н. э. До недавнего времени, несмотря на сомнения в исторической точности Исхода и рассказов о завоевании, немногие библейские историки и археологи сомневались в том, что израильтяне были переселенцами, которые проникли в Ханаан извне.

Видимые отличия между хананеями и израильтянами были наиболее явными в сфере материальной культуры. Непосредственно над слоями разрушения различных ханаанских городов позднего бронзового века археологи регулярно обнаруживали множество случайно вырытых ям и грубой керамики. Несомненным остается то, что они интерпретируются как

временные палаточные лагеря «полукочевников». Многие ученые считали, что они распознали знакомую схему в этой археологической ситуации, а именно: массовое движение перемещенных жителей пустыни, которые вторглись в заселенные земли, потом начали расселятся и постепенно переняли оседлый образ жизни. Ученые, знакомые с набегами бедуинов на сельскохозяйственные регионы Ближнего Востока, считали, что между кочевниками пустыни и оседлыми крестьянами всегда существовал конфликт – постоянная борьба между пустыней и посевами. Хотя израильтяне, возможно, не вошли в Ханаан единой армией, признаки их прибытия казались явными. По сравнению с монументальными зданиями, ввозимыми предметами роскоши, и тонкими керамическими сосудами, выявленными в уровнях предыдущих ханаанейских городов, грубые лагеря и орудия прибывающих израильтян, казались находящимися на гораздо более низком уровне цивилизации, чем остатки замененного населения.

Такое сравнение образа жизни привело к тому, что стало называться моделью «мирного проникновения», впервые выдвинутой немецким библейским ученым Альбрехтом Альтом в 1920–х годах. Альт предположил, что израильтяне были скотоводами, которые бродили со своими стадами в постоянных сезонных миграциях между краем пустыни и заселенными землями. На некоторое время в конце эпохи поздней бронзы – по причинам, которые для него были не совсем ясными – они начали селиться в малонаселенных горных районах Ханаана.

По Альту, на самом деле этот процесс с самого начала был постепенным и вполне мирным. Прибывающие израильтяне – скотоводы очистили лес и начали заниматься мелким сезонным сельским хозяйством наряду с выпасом стад. Со временем они приняли более оседлый образ жизни, создавая постоянные деревни и сосредотачивая все больше своей усилий на сельском хозяйстве. И только в последующие дни, когда выросло количество новых поселенцев и выросла их потребность в еще большем количестве земли и воды (так выходило из теории), начались проблемы израильтян с хананеями. Конфликты за право на землю и водные ресурсы в конечном итоге привели к местным стычкам. Именно они были настоящим фоном борьбы между израильтянами и их соседями, которую книга Судей так живо передает. (Подробное описание теории мирного проникновения в Приложении С).

Таким образом, было предположено, что евреи были рассеянными группами прибывающих скотоводов, а не единой армией. «Израильская» стела Мернептаха не предлагает никакой дополнительной информации о точном местонахождении, размере или характере этого народа. Но другие выжившие египетские надписи – хотя предоставляют только маленький проблеск о том, о чем должен быть значительно более полный отчет – упоминают две группы посторонних, которые предпочли жить или были оттеснены проживать на окраинах ханаанского городского общества. Оба представляют особый интерес для поисков ранних израильтян.

Первые – Хабиру, группа, описанная различными нелестными способами в письмах четырнадцатого века до н. э. из Тель – эль – Амарна (а также в других текстах бронзового века). Проживая вне основной части Ханаанского общества, вынуждены покинуть свои дома в результате войны, голода или тяжелого налогообложения, они иногда называются преступниками или разбойниками, иногда в качестве наемных солдат. В одном случае даже сообщается, что они присутствовали в Египте в качестве наемных рабочих, трудящихся на государственных строительных проектах. Короче говоря, они были беженцами или мятежными беглецами от системы, живущими на социальной окраине городского общества. Никто не был таким бесправным, как они; худшее, что местный мелкий князь мог сказать о соседнем князе было то, что «он стал Хабиру». В прошлом ученые полагали, что слово *Хабиру* (и ее альтернативные формы, *Хапиру, Апиру*) имело прямую языковую связь со словом *Иври* и поэтому *Хабиру* в египетских источниках обозначало ранних израильтян. Сегодня мы знаем, что эта связь не так проста. Широкое использование этого термина на протяжении многих веков и по всему Ближнему Востоку показывает, что он имеет скорее социально – экономическое значение, чем обозначение конкретной этнической группы. Тем не менее, такая связь не может быть полностью исключена. Вполне возможно, что феномен Хабиру могли помнить и в последующие века и, таким образом, включить в библейские рассказы.

Второй группой, упомянутой в египетских текстах, были Шасу. Они, по – видимому, были кочевниками – скотоводами, пастухами овец и коз, которые жили в основном в приграничных ройонах Ханаана и Трансиордании. Отчет египетского рейда против повстанцев на юге Ханаа-

на в дни Рамсеса III в начале двенадцатого века до н. э. дает нам хорошее описание этих людей. Египетский писатель описывает разграбление их «*палаточных лагерей для людей и имущества, а также, скот, который был без числа* «. Они были явно проблематичным и неконтролируемым элементом с особенно большим присутствием в пустыне и высокогорных границах. О них также известно то, что они иногда мигрировали в восточную дельту Египта, о чем свидетельствует папирус тринадцатого века о их перемещении через египетские приграничные крепости.

Могут ли они быть таинственным «Израилем», только названным по – другому?

Переселившиеся крестьяне?

Теория мирного проникновения Альта попала под яростную критику в 1970–х годах из-за новых и гораздо более подробных этнографических данных и антропологических теорий о связи между кочевниками – скотоводами и оседлыми общинами на Ближнем Востоке. Основная критика ранних идей о борьбе между пустыней и посевами содержалась в том, что фермеры и пастухи были гораздо более интегрированными и не чужими друг для друга. По существу, они были элементами единого общества. Итак, в смелые 1960–х и 1970–х годы возникла еще одна уникальная теория о происхождении израильтян.

Сперва выдвинутая американским библейским ученым Джорджем Менденхоллом, а затем разработанная американским библейским историком и социологом Норманом Готвальдом, эта теория предположила, что ранние израильтяне не были ни вторгнувшимися захватчиками, ни проникнувшими кочевниками, а крестьянскими повстанцами, которые бежали из ханаанских городов в пустую горную местность. Менденхолл и Готвальд на основе доказательств, содержащихся в египетских документах (в основном в табличках из Тель – эль – Амарна), утверждали, что в конце бронзового века Ханаан был многослойным обществом с нарастающими социальной напряженностью и экономическим неравенством. Городская элита контролировала земли, богатства и торговлю; крестьяне в деревнях были лишены благосостояния и прав. С ухудшением ситуации в Ханаане в поздней стадии позднего бронзового века тяжелое налогообложение, жестокое обращение со стороны помещиков и постоянные домогательства со стороны властей – как местных, так и египетских – стали невыносимыми.

Таким образом, Менденхолл и Готвальд предположили, что для многих не было другого выхода, кроме как покинуть свои дома и искать новые рубежи. Некоторые из них, возможно, стали Хабиру, то есть людьми, живущими на периферии общества, создавая проблемы властям. Многие переселились в относительно пустые леса нагорья, вдали от ханаанского и египетского контроля. И в их новой родине эти крестьянские повстанцы создали более равноправное общество – менее разделенное и менее жесткое. При этом они стали «израильтянами».

Готвальд далее предложил, что новые идеи равенства были импортированы в Ханаан небольшой группой людей, которые пришли из Египта и поселились в горной местности. Возможно, эта группа пребывала под влиянием оригинальных египетских религиозных идей, таких как те, которые стимулировали монотеистическую революцию Эхнатона в четырнадцатом веке до н. э. Следовательно, эта новая группа стала тем ядром, вокруг которого в нагорье кристаллизировались новые поселенцы. Поэтому рост раннего Израиля был социальной революцией обездоленных против своих феодалов, возбужденной прибытием новой дальновидной идеологии.

К сожалению, эта теория не имеет археологических доказательств в свою поддержку – и действительно, большая часть свидетельств категорически противоречит ей. Как мы видели, материальная культура новых деревень была полностью отличной от культуры ханаанской низменности, если поселенцы были беженцами из долин, мы ожидали бы увидеть по крайней мере больше сходства в архитектуре и стилях керамики. Что более важно, в последних археологических исследованиях городов позднего бронзового века стало ясно, что сельскохозяйственный сектор ханаанского общества начал становиться убогим в начале шестнадцатого века до н. э. В самом деле, это ослабление и менее населенная сельская местность – и, как следствие, падение сельскохозяйственного производства – возможно сыграло свою роль в развале городской культуры. Но оно, конечно, не могло бы обеспечить энергию для новой сильной волны поселений в горной местности. Наконец, даже после конца эпохи поздней

бронзы и уничтожения ханаанских городских центров, большинство из низменных деревень сумело выжить и продолжить свое существование, как и раньше. Это наблюдается в самом сердце ханаанской культуры: Изреельской и Иорданской долинах и южной прибрежной филистимской равнине.

Поэтому мы на самом деле не видим орд переселившихся людей, покидающих свои дома в низменностях в поисках новой жизни на горной окраине. Ответ на вопрос «Кем были израильтяне?» должен был прийти откуда-то еще.

Внезапный археологический прорыв

Ранние идентификации и более широкие социологические теории о ранних израильтянах были основаны в первую очередь на расшифровке рассеянных, фрагментарных надписей и на субъективной интерпретации библейского повествования – но не на археологии. Печально, но факт, что на протяжении десятилетий археологи искали ключи к разгадке происхождения израильтян во всех неправильных местах. Поскольку многие из них приняли рассказ Иисуса Навина за чистую монету, они сосредоточили почти все свои усилия на раскопках главных холмов ханаанских городов – таких, как Иерихон, Вефиль, Лахис, и Хацор. Сегодня мы знаем, что эта стратегия была ошибочной, в то время как эти главные холмы обнаруживают много свидетельств о городской культуре позднего бронзового века, они почти ничего не говорят нам о израильтянах.

Эти крупные ханаанские города были расположены вдоль прибрежной равнины и в долинах – далеко от лесистых горных районов, где появились ранние израильтяне. До конца 1960–х годов было предпринято только одно комплексное археологическое исследование для поиска доказательств чисто израильских мест. Оно было проведено израильским археологом Йохананом Ахарони в незначительной области – в самом северном краю области, которая позже перешла под контроль израильтян, в суровых и лесистых горах Верхней Галилеи. Ахарони обнаружил, что в районе отсутствовали селения позднего бронзового века и что он был заселен на счет малых, бедных мест первого железного века (около 12–11 в. до н. э.), которые он определил как первых поселенцев из колен Неффалима и Ашера. Казалось, что полевые работы Ахарони в Верхней Галилее должны были бы обеспечить поддержку теории мирного проникновения. Единственной проблемой было то, что его исследование происходило далеко к северу от центрального района израильского поселения.

Удивительно, как может показаться, что израильский центральный район в нагорьях западной Палестины между Изреельской долиной и долиной Беэр – Шевы – это практически археологическая *terra incognita* . Отсутствие археологических исследований в центральном нагорье было не только из-за научных предпочтений. С 1920 по 1967 годы война и политическая нестабильность на Ближнем Востоке препятствовали тщательному археологическому исследованию в сердце нагорья. Но позже, после войны 1967 года, археологический ландшафт полностью изменился. Молодое поколение израильских археологов под влиянием новых тенденций в мировой археологии вышли в поле с новыми методами исследований: их целью было изучить, нанести на карту и проанализировать древний ландшафт нагорья, а не только копать.

Начиная с 1940–х годов археологи признали важность региональных исследований, которые изучали населенные пункты в течении времени. Раскопки в отдельных местах производили сильно локализованные описания материальной культуры древнего населения, выявляя последовательности стилей керамики, ювелирных изделий, оружия, домов и могил конкретной общины. Но региональные исследования, в которых древние участки большой площади наносятся на карту и датируются по характерным керамическим черепкам, собранным на поверхности, изменяют глубину и ширину. Эти исследования показали, где селились древние люди и размер их поселений. Выбор некоторых топографических ниш (например, холмов, а не долин) и определенных экономических ниш (например, зерноводство, а не садоводство), легкость доступа к основным дорогам и водным источникам раскрывает многое о жизни и, в конечном счете, социальной идентичности населения больших областей, а не отдельных общин. Не менее важно то, что исследования, в которых наносятся на карту места из разных периодов, позволяют археологам отслеживать изменения в демографической истории данного региона в течение длительного периода времени.

В годы с 1967 года, центральный район поселений израильтян – традиционные терри-

тории племен Иуды, Вениамина, Ефрема и Манассии – были охвачены интенсивными исследованиями. Команды археологов и студентов прочесали практически каждую долину, хребет и склон в поисках следов стен и россыпей керамических черепков. Работы в поле был медленными, за один рабочий день охватывая в среднем около одной квадратной мили. Информация о каких-либо признаках заселения, начиная с каменного века до времен Османской империи, была записана в целях изучения истории долговременного заселения нагорья. Статистические методы были использованы для оценки размера каждого населенного пункта в каждом из периодов заселения. Экологическая информация на каждом месте была собрана и проанализирована для того, чтобы восстановить природный ландшафт в разные эпохи. В нескольких перспективных случаях были проведены также раскопки.

Эти исследования произвели переворот в изучении раннего Израиля. Открытие в нагорье остатков густой сети деревень, все из которых по – видимому основаны на протяжении нескольких поколений, указало, что драматические социальные преобразования произошли в центральном нагорье Ханаана около 1200 г. до н. э. Не существовало никаких признаков насильственного вторжения или даже мирного проникновения четко определенных этнических групп. Вместо этого оказалось, что это было изменением образа жизни. В прежде малонаселенном нагорье от Иудейской пустыни на юге до гор Самарии на севере, вдали от ханаанских городов, которые пребывали в процессе распада и дезинтеграции, внезапно выросло около двести пятьдесят горных общин. Это были первые израильтяне.

Жизнь на границе нагорья

Раскопки некоторых из небольших мест железного века, обнаруженных в ходе исследований, показали, какой удивительно равномерной была внезапная волна заселения нагорья. Типичная деревня, как правило, была расположена на вершине холма или на крутом хребте с видом на окружающий пейзаж. Она была основана на открытой местности в окружении природных лесов, состоящих в основном из деревьев дуба и терпентинного дерева. В некоторых случаях деревни были основаны на краю узкой долины между горами, видимо для облегчения доступа к сельскохозяйственным землям. Во многих случаях они были построены на самой восточной, вероятно плодородной, земле с видом на пустыню, рядом с хорошими пастбищами. В любом случае, деревни казались самодостаточными. Их жители брали воду из близлежащих источников или хранили зимнюю дождевую воду для постоянного использования в высеченных в скалах и оштукатуренных цистернах. Самым удивительным из всего был крошечный масштаб этих населенных пунктов. В большинстве случаев они были размером не более 1 акра и содержали, по оценкам, около пятидесяти взрослых и пятидесяти детей. Даже самые крупные поселения в горах достигали размеров только 3 или 4 акров, с населением в несколько сотен человек. Все население этих нагорных деревень на пике процесса заселения, около 1000 г. до н. э., было не более сорока пяти тысяч человек.

В отличие от культуры ханаанских городов и сел в низменности, горные деревни не имели общественных зданий, дворцов, складов или храмов. Признаки любого сложного вида учета, такие как письма, печати и оттиски печатей, почти полностью отсутствуют. Почти нет предметов роскоши: нет заграничных керамических изделий и практически нет ювелирных изделий. Действительно, деревенские дома были весьма похожие по размерам, предполагая, что богатство среди семей было распределено довольно равномерно. Дома были построены из необработанных камней, с грубыми каменными столбами, которые подпирали и поддерживали крышу или верхний этаж. Обычное здание, размером около шестидесяти квадратных метров, предположительно размещало от четырех до пяти человек – размер среднестатистической семьи. Во многих случаях между домами были вырыты ямы для хранения зерна, которые были обложенные камнем (Рисунок 12). Эти хранилища, а также большое количество лезвий серпов и шлифовальных камней, найденных в каждом доме, показывают, что зерноводство являлось одной из основных занятий сельских жителей. Но скотоводство было по – прежнему важным; огороженные дворы возле домов, по – видимому, использовались для безопасного содержания животных в ночное время.

Удобства жизни были простыми. Керамика была грубой и простой, без фантазии или богато украшенных сосудов. Посуда включала главным образом кувшины и горшки – основная утварь для повседневной жизни. Кувшины по – видимому использовались для хранения воды,

масла и вина. Мы почти ничего не знаем о погребальных обычаях, возможно потому, что могилы были просты и мертвых хоронили без жертвоприношений. Кроме того, почти нет никаких культовых указаний. Никаких святынь в деревнях найдено не было, так что их конкретные религиозные убеждения нам неизвестны. В одном случае в крошечном горном месте в северном нагорье, раскопанном Амихаем Мазаром из Еврейского университета, была обнаружена бронзовая фигурка быка, что указывает на поклонение традиционным божествам Ханаана. В другом месте, на горе Гевал, Адам Зерталь из Хайфского университета обнаружил необычную каменную структуру, которую он определил как алтарь древних израильтян, но точная функция этого места и его окруженных стенами корпусов является спорной.

Следует также отметить, – в отличие от рассказов Библии о почти постоянных войнах между израильтянами и их соседями – что деревни не были укреплены. Либо жители чувствовали себя в безопасности в своих отдаленных населенных пунктах и не считали нужным вкладывать в оборону, либо они не имели средств или надлежащей организации для проведения такой работы. Никакого оружия, такого как мечи и копья, обнаружено не было, хотя такие находки характерны для городов в низменностях. Не было никаких признаков сожжения или внезапного разрушения, которые могли бы указать на насильственное нападение.

Одна деревня первого железного века, Избет Сарта, расположенная на самом западном краю нагорья с видом на прибрежную равнину, была почти полностью раскопана и поэтому предоставила достаточно информации для надежного восстановления своего натурального хозяйства. Подробный анализ раскопанных данных Баруха Розена, израильского специалиста по древнему сельскохозяйственному производству и питанию, предположил, что деревня (с приблизительным населением около ста человек), вероятно поддерживалась около восмистами гектарами прилегающих земель, четыреста пятьдесят из которых культивировали, а остальные использовались под пастбища. В условиях раннего железного века, те поля с помощью около сорока волов для пахоты за год могли произвести до пятидесяти трех тонн пшеницы и двадцать одну тонну ячменя. Кроме того, жители, по – видимому, содержали стадо размером около трехсот овец и коз. (Следует отметить, однако, что эта деревня была расположена в плодородной области предгорий. Большинство деревень в горах не были такими «богатыми».)

Все это показывает, что основная борьба ранних израильтян происходила не с другими народами, а с каменистой местностью, густыми лесами нагорья и суровой, а иногда и непредсказуемой, окружающей средой. Но они, похоже, жили относительно мирно и были в состоянии поддерживать самодостаточную экономику. Они были совершенно изолированы от региональных торговых путей, а также, кажется, были весьма удаленные друг от друга. Нет никаких признаков того, что горные деревни обменивались между собой какими-то торговыми товарами. Это неудивительно, потому что в этих деревнях нет никаких доказательств значительного социального расслоения, никаких признаков административных зданий для сотрудников, больших резиденций высокопоставленных лиц или специализированных изделий высококвалифицированных ремесленников.

Древние израильтяне появились в горах около 1200 года до н. э. как пастухи и фермеры. Их культура была простой. Это все, что мы знаем. Но откуда они взялись?

Новые подсказки о происхождении израильтян

Как оказалось, ответ на вопрос о происхождении израильтян лежал в остатках их самых ранних поселений. Большинство раскопанных в нагорье деревень выявили свидетельства о жизни израильтян после нескольких десятилетий или даже века от их основания. За эти годы дома и дворы были расширены и реконструированы. Лишь в очень немногих случаях остатки начального поселения сохранились нетронутыми под позднейшими зданиями. Один такой случай был на месте уже упомянутой деревни Избет Сарта.

Самые ранние фазы этого места имели весьма необычный план, очень отличный от более поздней группы прямоугольных домов со столбами, которые возникли на этом месте позже. Первое поселение было построено в форме овала с рядом комнат, окружающих большой открытый двор (Рис. 13). Эти внешние комнаты были связаны друг с другом таким образом, что образовали своего рода непрерывный пояс для защиты внутреннего двора. Большой, огороженный двор намекает на то, что жители имели стада, вероятно, стада овец и коз. Открытие

нескольких хранилищ лезвий серпов и шлифовальных камней указывает на то, что они также занимались земледелием.

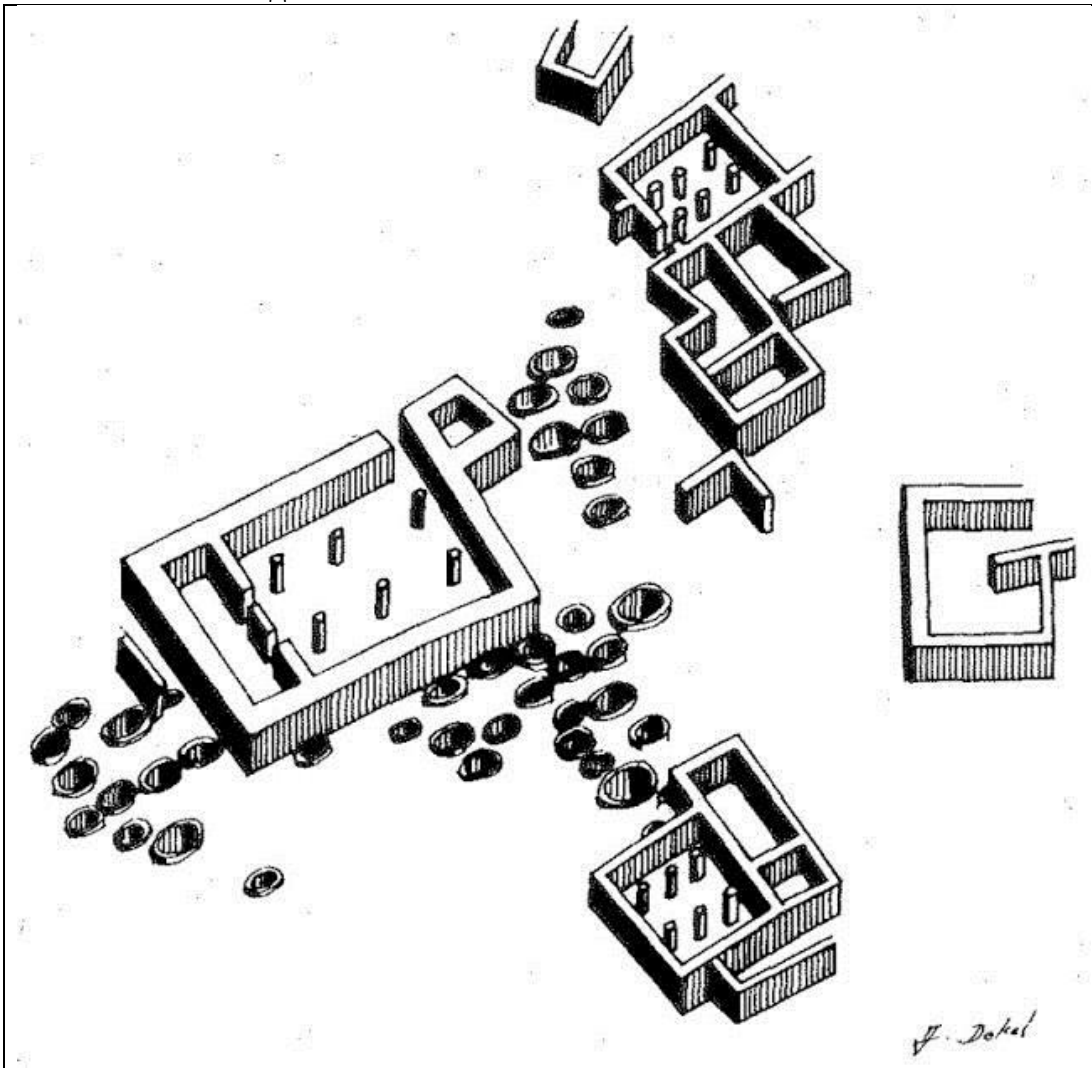


Рис 12. Раскопанный участок Избет Сарта, деревни позднего первого железного века в западном предгорье с изображенными колонными домами и зернохранилищами

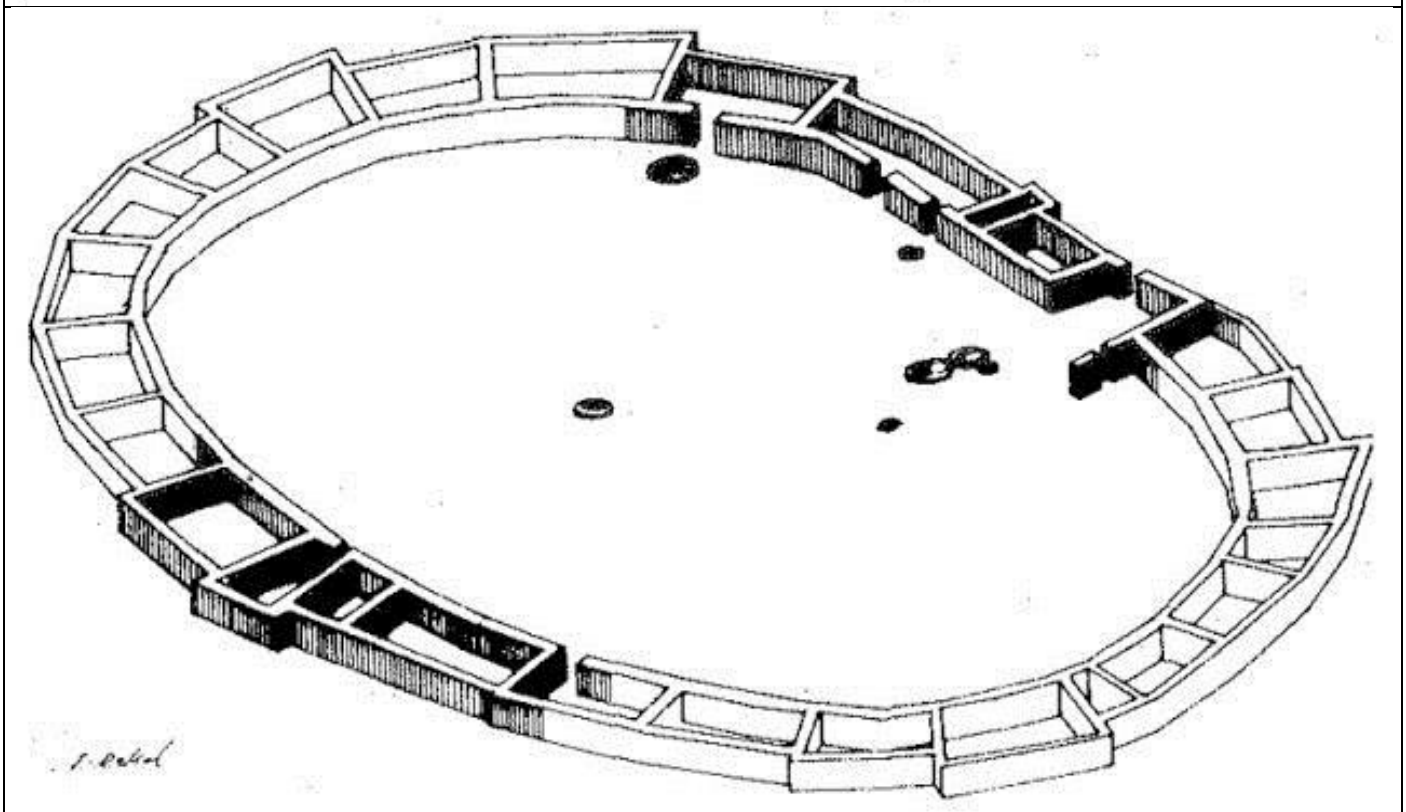


Рис. 13. Фаза раннего первого железного века в Избет – Сарта. Овальный ряд свидетельствует о скотоводческом происхождении жителей

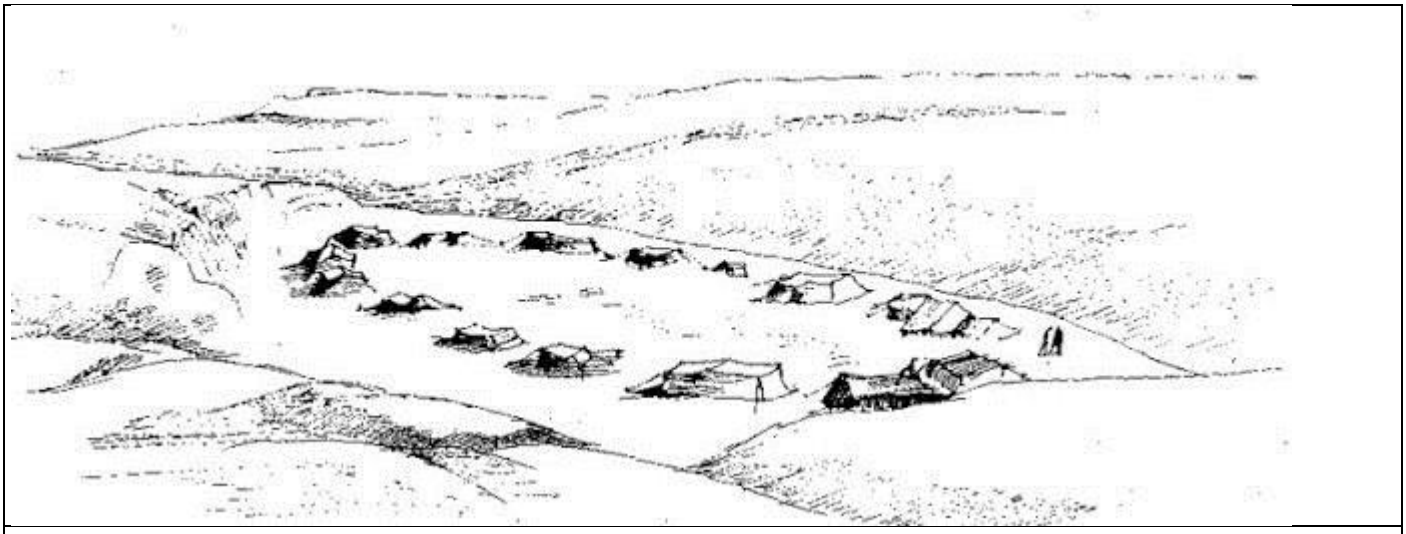


Рис. 14. Овальный лагерь бедуинов близ Иерихона, как он показан на рисунке XIX века

Подобные овальные места были обнаружены в центральном нагорье и в горах Негева на юге. Сравнительные места, которые датированы другими периодами, были найдены в Синае, Иордании и других районах Ближнего Востока. В общем, такой тип ограждения кажется особенностью селений в нагорье и на краю пустыни. План этой самой ранней деревни первого железного века похож не только на места бронзового и железного века в степных землях, но и на бедуинские палаточные лагеря, описанные и даже сфотографированные путешественниками в Иудейской пустыне, Трансиордании и Синае в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков (Рис. 14). В таком типе лагеря ряд палаток окружают открытый двор, где стада оставались на ночь. Места нагорья и Негева железного века странно одинаковые по форме, размеру и количеству блоков. Хотя в древних поселениях каменные стены заменили переносные палатки, их форма ясно объясняет их функцию в обоих видах поселений. Люди, живущие в этих местах – как в прошлом, так и в настоящем – были скотоводами, заинтересованными в первую очередь в защите своих стад. Все это показывает, что большая часть первых израильтян были когда-то кочевниками – скотоводами.

Но они были кочевниками – скотоводами, переживающими глубокую трансформацию. Предполагаемый переход от ранних палаточных лагерей к деревням подобного плана из каменных сооружений и, позднее, к более постоянным прямоугольным домам со столбами указывает, что они отказались от своего мигрирующего образа жизни, отказались от большей части своих животных и переключились на постоянное сельское хозяйство. Преобразования, подобные этому, до сих пор можно увидеть на Ближнем Востоке. Бедуины в процессе оседания часто заменяют свои палатки на аналогичные каменные или кирпичные сооружения. Они также стремятся сохранить план традиционного палаточного лагеря в планировке своих первых постоянных селений. Позже они постепенно отходят от этой традиции и переходят к постоянным оседлым деревням. Очень похожая эволюция проявляется в остатках горных деревень железного века.

Существует еще одна подсказка, которая указывает в том же направлении: типы мест, которые поселенцы первого железного века выбрали для своего первого постоянного поселения, предполагают происхождение от кочевого скотоводства. Многие из горных селений, действующих от начала железного века, были расположены в восточной части региона, недалеко от края пустыни. Создание поселений в этом районе позволило сельским жителям продолжать выпас овец и коз до постепенного перехода к земледелию в качестве основного средства существования. Только потом они начали расширяться на запад, который менее восприимчивый к сельскому хозяйству и скотоводству и более подходящий для выращивания оливковых рощ и виноградных лоз.

Таким образом, многие из ранних израильтян были, по – видимому, кочевниками, которые постепенно становились фермерами. Тем не менее, кочевники должны были откуда-то прийти. Здесь также археологическим свидетельствам, обнаруженным в последнее время, есть что сказать.

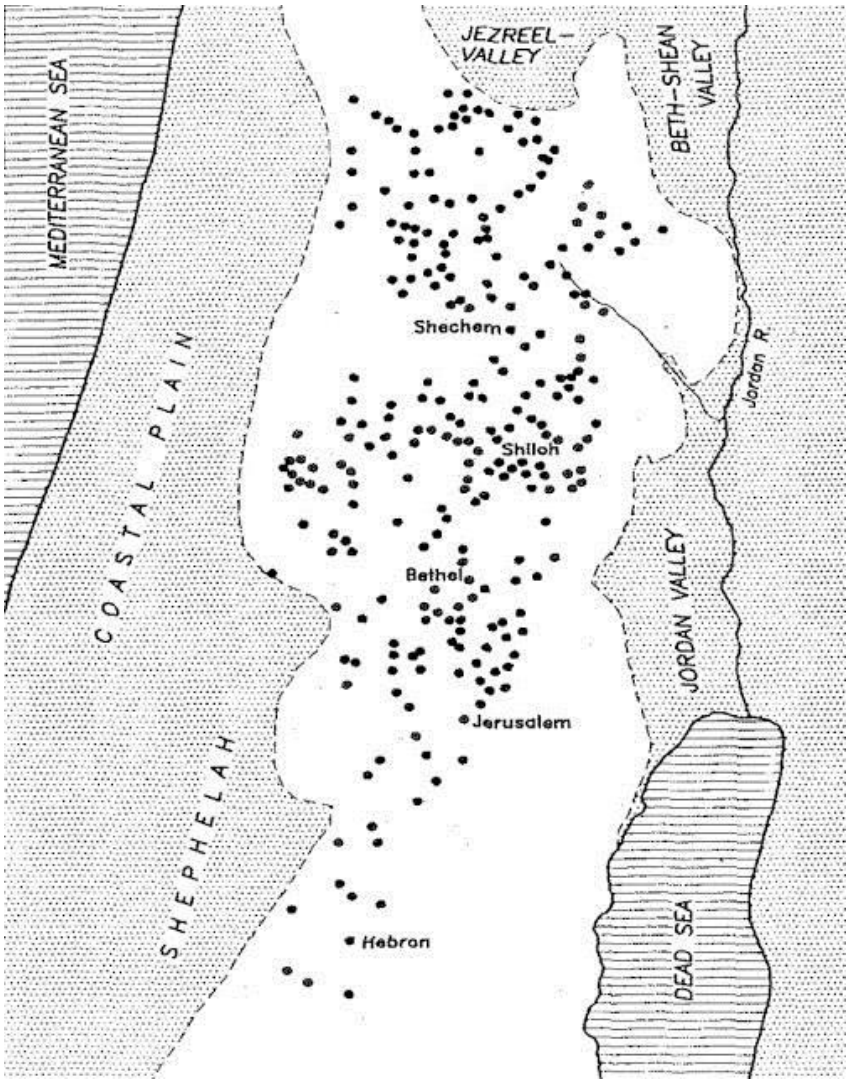
Скрытые циклы Ханаана

Обширные горные исследования последних десятилетий собрали данные о природе человеческой оккупации в этом регионе на протяжении многих тысячелетий. Один из самых больших сюрпризов был в том, что драматическая волна скотоводов, осевших и ставших долговременными фермерами в двенадцатом веке до н. э., не была уникальным событием. В самом деле, археологические данные свидетельствуют о том, что до двенадцатого века до н. э. были ещё две предыдущие волны подобного заселения нагорья, обе из которых сопровождались возможным возвращением жителей к бродячему, скотоводческому образу жизни.

ТАБЛИЦА 1 ВОЛНЫ ЗАСЕЛЕНИЯ НАГОРЬЯ

ПЕРИОД	ДАТИРОВКА	ГЛАВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
Ранний бронзовый век	3500 – 2200 гг. до н. э.	*Первая волна* заселения; зарегистрировано около 100 селений
Промежуточный бронзовый век	2200 – 2000 гг. до н. э.	Кризис поселений; большинство селений запущены
Средний бронзовый век	2000 – 1550 гг. до н. э.	*Вторая волна* заселения; зарегистрировано около 220 селений
Поздний бронзовый век	1550 – 1150 гг. до н. э.	Кризис поселений; зарегистрировано только около 25 селений
Первый железный век	1150 – 900 гг. до н. э.	*Третья волна* заселения; зарегистрировано около 250 селений
Второй железный век	900 – 586 гг. до н. э.	Система заселения развивается и достигает более 500 селений (восьмой век до н.э.)

Мы теперь знаем, что первое заселение нагорья произошло в эпоху ранней бронзы, начавшейся более двух тысяч лет до возникновения ранних израильтян, около 3500 года до н. э. На пике этой волны заселения было зарегистрировано почти сто деревень и больших городов, разбросанных по центральному хребту. Более тысячи лет спустя, около 2200 года до н. э., большинство горных населенных пунктов были заброшены и нагорье вновь стало приграничной территорией. Однако вторая волна заселения, сильнее первой, начала набирать силу в среднем бронзовом веке вскоре после 2000 года до н. э. Эта волна началась с создания небольших, разбросанных деревень, которые постепенно превратились в сложную сеть около 220 населенных пунктов, в диапазоне от деревень до городов, до укрепленных региональных центров. Население этой второй волны заселения, по разным оценкам, было около сорока тысяч. Многие из главных, укрепленных центров этого периода – Хеврон, Иерусалим, Вефиль, Силом, и Сихем – станут важными центрами во



времена израильтян. Однако вторая волна заселения нагорья подошла к концу где-то в шестнадцатом веке до н. э. И на этот раз нагорье будет оставаться малонаселенной приграничной зоной на протяжении четырех столетий.

И наконец – как третья главная волна – около 1200 г. до н. э. началось заселение древних израильтян (Рис. 15). Как и её предшественники, волна началась с преимущественно небольших сельских общин с общим населением около 45 000 человек в 250 селениях. Она постепенно превратилась в развитую систему с крупными городами, средними местными торговыми центрами и небольшими деревнями. На кульминации этой волны заселения в восьмом веке до н. э. после создания царств Иудеи и Израиля, она охватывала более пяти сотен населенных пунктов с населением около 160 000 человек.

Этот резкий рост населения стал возможным благодаря полному использованию местного сельскохозяйственного потенциала. Нагорье имеет прекрасные местности для выращивания оливок и винограда – наиболее прибыльного сектора традиционной экономики Ближнего Востока. Во всех трех периодах интенсивного заселения нагорья излишки вина и оливкового масла, вероятно, отправлялись в низины и даже экспортировались за пределы Ханаана, особенно в Египет. Были исследованы найденные в Египте сосуды раннего бронзового века и обнаружилось, что они были сделаны из глины с ханаанского нагорья. В одном исключительном случае сосуд из Ханаана все еще содержал остатки виноградных косточек.

Таким образом, сходства между схемами заселения трех основных волн очевидны. Во многих случаях определенные места были заняты во всех трех периодах. Не менее важно то, что общие модели заселения во всех волнах разделяют определенные особенности. Во – первых, кажется, что южная часть нагорья всегда была менее населенной, чем северная часть, что, как мы увидим, было результатом их очень разных природных условий. Во – вторых, кажется, что каждая волна демографического роста начиналась на востоке и постепенно расширялась на запад. Наконец, каждая из трех волн характеризуется примерно одинаковой материальной культурой – керамикой, архитектурой и планировкой деревень – что, возможно, было результатом похожих экологических и экономических условий.

В периоды между пиками заселения нагорья, когда города, поселки и даже большинство деревень были заброшены, нагорье было далеко не безлюдно. Важное свидетельство этого пришло из неожиданного источника – не из надписей или раскопанных зданий, а из тщательного анализа раскопанных костей животных. Кости, собранные на участках, которые процветали в периоды интенсивного заселения нагорья, содержат относительно большую долю крупного рогатого скота – что обычно указывает на экстенсивное земледелие и использование плуга. Действительно, эти пропорции аналогичны тому, что мы видим в традиционной деревне крестьянских общин на сегодняшнем Ближнем Востоке.

Однако, резкое отличие можно увидеть в костях, собранных в нескольких местах нагорья, также занятых в периоды между основными волнами заселения. Поголовье крупного рогатого скота минимально, но присутствует исключительно большая часть овец и коз. Это похоже на структуру стад среди групп бедуинов. Для скотоводов, которые занимаются лишь незначительным сезонным сельским хозяйством и проводят большую часть года в поисках свежих пастбищ, тяжелый, медленный крупный рогатый скот является бременем. Он не может двигаться так же быстро и так далеко, как овцы и козы. Таким образом, в периоды интенсивного заселения нагорья большинство людей были заняты в сельском хозяйстве, а в кризисные годы люди занимались выпасом овец и коз.

Являются ли такие драматические колебания распространенными? На Ближнем Востоке люди всегда имели опыт быстрого перехода от деревенской жизни к животноводству – или назад от скотоводства к оседлому сельскому хозяйству – в соответствии с меняющимися политическими, экономическими и даже климатическими условиями. Многим группам в регионе удалось изменить свой образ жизни в соответствии с наилучшей выгодой в определенный момент. Дорога, соединяющая деревенскую жизнь и кочевое скотоводство, всегда был улицей с двусторонним движением. Антропологические исследования истории заселения в Иордании, юго – западной Сирии и средней долины Евфрата в девятнадцатом и начале двадцатого веков показывают именно это. Все чаще тяжелое налогообложение и угроза призыва в Османскую армию были в числе факторов, которые вынуждали бесчисленные деревенские семьи поки-

нуть свои дома в сельскохозяйственных районах и исчезнуть в пустыне. Там они занимались животноводством, которое всегда была более устойчивым, хотя и менее удобным, образом жизни.

Обратный процесс происходит во времена, когда безопасность и экономические условия улучшаются. Бывшими кочевниками основываются оседлые общины, которые берут на себя специализированную роль в двухчастном, или диморфном, обществе. Один сегмент этого общества специализируется на сельском хозяйстве, в то время как другие продолжают традиционный выпас овец и коз.

Эта модель имеет особое значение для вопроса, кем были первые израильтяне? Потому что два компонента общества Ближнего Востока – фермеры и кочевники – скотоводы – всегда поддерживали взаимозависимые экономические отношения, даже если иногда между двумя группами существовали напряженности в отношениях. Кочевникам нужны рынки оседлых деревень с целью получения зерна и другой сельскохозяйственной продукции, в то время как фермеры зависят от регулярных поставок кочевниками мяса, молочных продуктов и шкур. Тем не менее, две стороны обмена не полностью совпадают: сельские жители для выживания могут полагаться на свою собственную продукцию, в то время как кочевники – скотоводы не могут существовать исключительно на продуктах их стад. Им нужно зерно, чтобы дополнить и сбалансировать свое очень жирное питание мясом и молоком. До тех пор, пока есть деревни, с которыми можно торговать, кочевники могут продолжать сосредотачиваться на животноводстве. Но когда зерно невозможно получить в обмен на продукты животноводства – кочевники – скотоводы вынуждены выращивать его для себя сами.

И это очевидно, что именно вызвало внезапную волну заселения нагорья. В Ханаане позднего бронзового века существование большого населения кочевников – скотоводов в нагорье и пустынных полосах было возможно только до тех пор, пока ханаанские города – государства и деревни могли производить достаточно избытков зерна для торговли. Такова была ситуация в течение трех веков египетского господства над Ханааном. Но когда эта политическая система рухнула в двенадцатом веке до н. э., ее экономические связи перестали функционировать. Логично предположить, что жители Ханаана были вынуждены сосредоточиться на местных средствах существования и не производить значительного избытка зерна сверх того, что им было необходимо для себя. Таким образом нагорным и пустынным скотоводам пришлось адаптироваться к новым условиям и производить свое собственное зерно. Вскоре требования сельского хозяйства приведут к сокращению пределов сезонных миграций. Стада должны были быть сокращены, так как период миграций становилась все короче, все больше и больше усилий вкладывалось в сельское хозяйство, и произошел необратимый переход на оседлость.

Процесс, который мы описываем здесь, по сути, противоположный тому, что мы имеем в Библии: появление древних израильтян было результатом распада ханаанской культуры, а не его причиной. И большинство израильтян пришло не извне Ханаана – они вышли из него. Не существовало массового исхода из Египта. Не существовало насильственного завоевания Ханаана. Большинство людей, которые стали ранними израильтянами, были местными жителями – те же самые люди, которых мы видим в нагорье на протяжении бронзового и железного веков. Ранние израильтяне сами были – ирония из ироний – по происхождению хананеями!

В каком смысле древний Израиль был уникальным?

В более плодородных районах нагорья к востоку от Иордана мы видим те же взлеты и падения в оседлой деятельности, тот же кризис в позднем бронзовом веке и точно такую же волну заселения в первом железном веке. Проведенные в Иордании археологические исследования показали, что история заселения территорий Аммона, Моава и Эдома в целом аналогична той, что и в раннем Израиле. Мы могли бы взять наше археологическое описание типичной израильской деревни первого железного века в нагорье к западу от реки Иордан и использовать его почти без изменений как описание ранней моавитской деревни. Эти люди жили в деревнях такого же типа, в похожих домах, использовали похожие гончарные изделия и вели почти одинаковый образ жизни. Но из Библии и других исторических источников мы знаем, что люди, которые жили в деревнях первого железного века к востоку от реки Иордан, не стали израильтянами, вместо этого, они позже сформировали царства Аммон, Моав и Едом.

Итак, было ли что-либо особенное в деревнях людей, которые сформировали древний Израиль, что отличало их от соседей? Можем ли мы сказать, как кристаллизировалась их этническая и национальная идентификация?

Сегодня, как и в прошлом, люди демонстрируют свою этническую принадлежность по – разному: языком, религией, обычаем одеваться, практикой захоронения, а также разработкой пищевых запретов. Простая материальная культура, оставленная нагорными пастухами и крестьянами, ставшими первыми израильтянами, не дает четкого указания о их диалекте, религиозных обрядах, одежде или обычаях захоронения. Но была обнаружена одна очень интересная деталь об их привычках питания. Кости, извлеченные при раскопках маленьких деревень древних израильтян в нагорье, отличаются от костей селений в других частях страны в одном существенном отношении: нет свиней. Кости, собранные из более ранних поселений в нагорье, содержат останки свиней и это же касается и для последующих поселений (после железного века). Но в течение железного века – эпохи израильских царств – в нагорье свиней не готовили и не ели и даже не выращивали. Сравнительные данные из прибрежных филистимских населенных пунктов за тот же период – первого железного века – показывают удивительно большое количество свиней, представленных среди извлеченных костей животных. Хотя ранние израильтяне не ели свинину, филистимляне явно это делали, как и аммонитяне и моавитяне к востоку от реки Иордан.

Запрет на свинину не можно объяснить только экологическими или экономическими причинами. Это может, в самом деле, быть подсказкой того, что мы имеем особую, коллективную идентичность среди нагорных деревень к западу от реки Иордан. Возможно, прото – израильтяне перестали есть свинину только потому, что окружающие народы, их противники – ели ее, и они начали рассматривать себя отличными. Отличительная кулинарная практика и пищевые обычаи являются двумя способами, в которых образуются этнические границы. Монотеизм, традиции Исхода и завета, по – видимому, пришли гораздо позже. Полтысячелетия до времени составления библейского текста с его подробными законами и диетическими правилами, израильтяне решили – по причинам, которые нам не совсем ясны – не есть свинину. Когда современные евреи делают то же самое, они продолжают древнейший, археологически подтвержденный, культурный обычай народа Израиля.

Книга Судей и Иудея в VII веке до н. э

Мы никогда не будем знать, в какой степени истории Книги Судей основаны на подлинных воспоминаниях о местных героях и сельских конфликтах, сохранившихся на протяжении веков в форме эпических поэм или популярных рассказов. Но историческая достоверность Книги Судей не может быть определена из-за возможного включения героических рассказов из предыдущих эпох. Ее наиболее существенной особенностью является общая литературная модель, которая описывает историю Израиля в период после завоевания земли как повторяющийся цикл греха, божественного возмездия и спасения (2:11–19). Только в последнем стихе (21:25) есть намек, что цикл может быть разрушен – с основанием монархии.

Очевидно, что эта богословская интерпретация рассказов в Книге Судей была разработана несколько веков после событий, которые она якобы описывает. Хотя отдельные истории столкновений израильтян с филистимлянами, моавитянами, мадианитянами и аммонитянами показывают много различных установок и персонажей, все они используются для иллюстрации сложных отношений между Богом и своим народом. Яхве изображен как разгневанное, разочарованное божество, который избавил израильтян от египетского рабства и дал им землю обетованную в качестве вечного наследия только для того, чтобы обнаружить их греховными, неблагодарными людьми. Снова и снова они предавали Яхве, следуя за чужими богами. Поэтому Яхве наказывал их, отдавая их в руки врагов для того, чтобы они могли почувствовать боль от насилия и страданий – и молить Яхве о помощи. Принимая их покаяние, Яхве затем спасал их, назначая им среди них праведного лидера, чтобы привести их к победе против их противников. Главной является теология, а не история. Завет, обещание, отступничество, покаяние и искупление являются циклической последовательностью, которая проходит через всю Книгу Судей. И так оно и должно было казаться народу Иудеи в седьмом веке до н. э., когда такая же циклическая последовательность применялась к ним.

Библейские ученые давно признали, что Книга Судей является частью Девтерономиче-

ской истории, которая, как мы утверждали, является большим выражением израильских надежд и политических устремлений, составленным в Иудее во времена царя Иосии в седьмом веке до н. э. Истории о заселении нагорья ранними израильтянами являются уроком людям и имели непосредственное отношение к современным делам. Так как Иосия и его сторонники смотрели на север с мечтами об объединении земли Израиля, то они подчеркивали, что завоевание было бесполезным без постоянного и исключительного послушания Яхве. Девтерономистическое движение видело языческое население в земле Израиля и во всех соседних царствах как смертельную опасность. Своды законов Второзакония и исторические уроки Девтерономистической истории давали ясно понять, что народ Израиля не должен поддаваться соблазну идолопоклонства, чтобы не страдать новыми бедствиями.

Глава, которая открывает Книгу Судей, создает четкую связь между прошлым и настоящим. Хотя многие ученые рассматривают ее как позднее добавление, библейский историк Барух Халперн причисляет ее к подлинной Девтерономической истории. В этой главе рассказывается о том, как племена, которые составляли ядро южного царства (Иуда и Симеон), прекрасно выполнили свою святую миссию завоевания всех ханаанских городов на их территории. Таким образом Иудейское царство было защищено от непосредственной опасности идолопоклонства в своей среде. Но в случае с племенами, которые позднее составили ядро северного царства Израиля, это было не так. Все они, как сообщается, потерпели неудачу в своем стремлении ликвидировать хананеев, и хананейские анклавы, сохранившиеся в каждой из их племенных территорий, подробно перечислены (Суд. 1:21, 27–35). Не удивительно то, что благочестивая Иудея выжила, а отступник Израиль был побежден. Действительно, большая часть рассказов в Книге Судей соглашается с грехом и наказанием северных племен. Ни одна история не обвиняет явно Иудею в идолопоклонстве.

Но Книга Судей неявно предлагает выход из бесконечного цикла греха и божественное возмездия. Она намекает на то, что цикл уже один раз был нарушен. Снова и снова, как мантру, она повторяет выражение «*В те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым* .» (Суд. 21:25). Это напоминание о том, что вскоре после периода судей пришел великий царь править над всеми племенами Израиля – благочестивый Давид, который заключил вечный завет с Богом. Этот царь прогонит влияние чужих богов на сердца и ежедневные обычаи израильтян. Он учредит единую столицу в Иерусалиме и назначит постоянное место для ковчега завета. Один Бог, почитаемый в одном храме, расположенном в одной единственной столице, и один царь из династии Давида были ключами к спасению Израиля – как во времена Давида, так и во время нового Давида, царя Иосии. По искоренении любого следа поклонения чужим богам, которое привело Израиль к греху в прошлом, Иосия положил бы конец бесконечным циклам отступничества и стихийных бедствий и привел бы Иудею в новый золотой век процветания и надежды.

Тем не менее, как мы теперь знаем, волнующее библейское описание праведных израильских судей – хотя и могущественных и неотразимых – имеет очень мало общего с тем, что на самом деле происходило в нагорье Ханаана в раннем железном веке. Археология показала, что главной образующей силой в рождении Израиля был комплекс социальных преобразований среди скотоводов Ханаанского нагорья. И эта образующая сила была гораздо сильнее, чем более поздние библейские понятия греха и искупления.

Глава 5. Воспоминания о Золотом Веке?

После столетий борьбы и скитаний библейский Израиль нашел свой постоянный духовный центр в Храме и царском дворце в Иерусалиме. Как рассказывают книги Царств, помазание Давида, сына Иессея, в качестве царя над всеми племенами Израиля завершило процесс, начавшийся с подлинного обещание Бога Аврааму много веков назад. Сильный хаос периода судей теперь уступил времени, в котором обещания Бога могли быть надежно выполнены под руководством праведного царя. Хотя первым выбором на израильский престол был задумчивый, красивый Саул из колена Вениамина, но этим царем был его преемник Давида, который стал центральной фигурой ранней истории израильтян. Существовало почти бесчисленное количество песен и рассказов о легендарном царе Давиде. Они рассказывали о его убийстве могучего Голиафа единым камнем, пущенным из пращи; о его вхождении в царский двор благодаря своему мастерству игры на арфе; о его приключениях как мятежника и флибустьера; о

его похотливом стремлении к Вирсавии и о его завоевании Иерусалима, а потом и огромной империи. Его сын Соломон, в свою очередь, запомнился как мудрейший из королей и величайший из строителей. Истории рассказывают о его блестящих решениях, его невообразимых богатствах и его строительстве большого храма в Иерусалиме.

На протяжении веков читатели Библии во всем мире рассматривали эпоху Давида и Соломона как золотой век в истории Израиля. До недавнего времени многие ученые соглашались, что объединённая монархия была первым библейским периодом, который действительно мог бы считаться историческим. В отличие от туманных воспоминаний о странствиях патриархов, или чудесного Исхода из Египта, или кровавых видений книг Иисуса Навина и Судей, история Давида была весьма реалистичной сагой о политическом маневрировании и династических интригах. Хотя многие детали ранних подвигов Давида конечно являются легендарными переработками, ученые долгое время считали, что история его прихода к власти хорошо соотносится с археологической действительностью. Первоначальное, рассеянное заселение израильтянами своих нагорных деревень медленно слилось в более централизованные формы организации. И угроза для израильтян от прибрежных филистимских городов могла бы обеспечить перелом, который ускорил рост израильской монархии. Действительно, археологи ясно определили уровни уничтожения бывших филистимских и ханаанских городов, которые, по их мнению, отмечают пути широких завоеваний Давида. И впечатляющие городские ворота и дворцы, обнаруженные на нескольких важных объектах в Израиле, были рассмотрены как свидетельство строительной деятельности Соломона.

Однако многие из археологических опор, которые когда-то укрепили историческую основу рассказов о Давиде и Соломоне, в последнее время оказались под вопросом. Настоящие масштабы «империи» Давида горячо обсуждаются. Раскопки в Иерусалиме не предоставили свидетельств того, что во времена Давида и Соломона это был большой город. И памятники, приписываемые Соломону, в настоящее время наиболее правдоподобно связывают с другими царями. Таким образом, пересмотр свидетельств имеет огромное значение. Ибо если не было патриархов, не было Исхода, не было завоевания Ханаана – и не было процветающей объединенной монархии под руководством Давида и Соломона – можем ли мы сказать, что древний библейский Израиль, каким он описан в Пятикнижие Моисея, книгах Иисуса Навина, Судей и Царств, когда-либо существовал?

Царская династия в Израиле

Библейский эпос о преобразовании Израиля от периода судей до времен монархии начинается с большого военного кризиса. Как описано в 1 Царств 4–5, огромные полчища филистимлян разгромили в бою израильский племенной союз и унесли священный Ковчег Завета в качестве военного трофея. Под руководством пророка Самуила, жреца святилища в Силоме (расположенного на полпути между Иерусалимом и Сихемом), израильтяне позже отвоевали ковчег, который был возвращен и установлен в древнем Кириаф – Иариме к западу от Иерусалима. Но дни судей были сочтены. Военные угрозы, с которыми теперь сталкивается народ Израиля, требовали постоянного руководства. Старейшины Израиля собрались в доме Самуила в Раме к северу от Иерусалима и попросили его назначить царя Израиля, «как у всех народов». Хотя Самуил предупредил об опасностях царства в одном из самых красноречивых антимонархический мест Библии (1 Царств 8:10–18), Бог приказал ему сделать так, как просят люди. И Бог раскрыл свой выбор Самуилу: первым царем Израиля будет Саул, сын Киса, из племени Вениамина. Саул был красивым молодым человеком и храбрым воином, еще одним, чьи внутренние сомнения и наивные нарушения священных законов о жертвоприношениях, военных трофеях и другие священных запретов (1 Царств 15:10–26) приведут к его окончательному отвержению и, в конечном итоге, к трагическому самоубийству на горе Гильбоа, когда израильтяне были разгромлены филистимлянами.

Даже тогда, когда Саул ещё царствовал как царь Израиля, он не знал, что его преемник уже выбран. Бог приказал Самуилу идти к семье Иессея из Вифлеема, «где я приготовил себе царя между его сыновьями» (1 Царств 16:1). Младшим из этих сыновей был красивый, рыжий пастух по имени Давид, который, наконец, принес спасение Израилю. Сначала произошла удивительная демонстрация военной доблести Давида. Филистимляне собрались вновь, чтобы вести войну против Израиля, и две армии стояли друг против друга в долине Ела в Шефеле.

Секретным оружием филистимлян был гигантский воин Голиаф, который насмехался над Богом Израиля и призывал любого израильского воина поучаствовать в единоборстве с ним. Большой страх напал на Саула и его солдат, но молодой Давид, посланный своим отцом для того, чтобы принести еду своим трем старшим братьям, служащим в армии Саула, бесстрашно принял вызов. Крича Голиафу: «Ты идешь против меня с мечом, копьем и щитом, но я иду против тебя в имя Господа» (1 Царств 17:45), – Давид взял небольшой камень из своей пастушьей сумки и бросил его с убийственной точностью прямо в лоб Голиафа, убив того на месте. Филистимляне были разгромлены. Давид, новый герой Израиля, подружился с сыном Саула Ионафаном и женился на дочери царя Мелхоле. Давид был величайшим всенародно признанным героем Израиля – даже большим, чем царь. Восторженные крики его поклонников: «Саул поразил тысячи, а Давид – десятки тысяч!» (1 Царств 18:7), привели к ревности царя Саула. Оставался только вопрос времени, когда Давид оспорит лидерство Саула и будет претендовать на царствование над всем Израилем.

Убегая от убийственной ярости Саула, Давид стал лидером отряда беглецов и рыцарей удачи, а также стекающихся к нему людей, которые были в бедственном положении или по уши в долгах. Давид и его люди бродили в предгорьях Шефелы, Иудейской пустыни, а также в южных окраинах Иудейской пустыни – в областях, расположенных вдали от центра власти царства Саула к северу от Иерусалима. К несчастью, в бою с филистимлянами далеко к северу на горе Гильбоа, сыновья Саула были убиты врагом, а Саул покончил жизнь самоубийством. Давид быстро проследовал в Иудею в древний город Хеврон, где народ Иудеи объявил его царем. Это было началом большой империи Давида и его династии, началом знаменитой единой монархии.

Как только Давид и люди его подавили все оставшиеся очаги сопротивления сторонников Саула, представители всех племен в надлежащем порядке собрались в Хевроне, чтобы объявить Давида царем над всем Израилем. После семи лет правления в Хевроне, Давид двинулся на север для того, чтобы завоевать иевусейскую крепость Иерусалим – на которую до тех пор не претендовало ни одно из израильских племен – чтобы сделать ее своей столицей. Он постановил, чтобы Ковчег Завета принесли из Кирьяф – Иарима.

Тогда Давид получил удивительное, безусловное обещание от Бога:

И теперь так скажи рабу Моему Давиду: так говорит Господь Савaоф: Я взял тебя от стада овец, чтобы ты был вождем народа Моего, Израиля; и был с тобою везде, куда ни ходил ты, и истребил всех врагов твоих пред лицом твоим, и сделал имя твое великим, как имя великих на земле. И Я устрою место для народа Моего, для Израиля, и укореню его, и будет он спокойно жить на месте своем, и не будет тревожиться больше, и люди нечестивые не станут более теснить его, как прежде, с того времени, как Я поставил судей над народом Моим, Израилем; и Я успокою тебя от всех врагов твоих. И Господь возвещает тебе, что Он устроит тебе дом. Когда же исполнятся дни твои, и ты почиешь с отцами твоими, то Я восставлю после тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его. Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его на веки. Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном; и если он согрешит, Я накажу его жезлом мужей и ударами сынов человеческих; но милости Моей не отниму от него, как Я отнял от Саула, которого Я отверг пред лицом твоим. И будет непоколебим дом твой и царство твое на веки пред лицом Моим, и престол твой устоит во веки. (2 Царств 7:8–16)

После этого Давид начал широкие освободительные войны и экспансии. В серии смелых битв он уничтожил власть филистимлян и победил в Трансиордании аммонитян, моавитян и эдомитян, завершив свои кампании подчинением арамеев далеко на севере. Возвращаясь с триумфом в Иерусалим, Давид теперь господствовал над огромной территорией, гораздо более обширной, чем племенное наследство Израиля. Но Давид не нашел покоя даже в это время величия. Династические конфликты – в том числе восстание его сына Авессалома – привели к большой озабоченности продолжением своей династии. Незадолго до смерти Давида жрец Садок помазал Соломона как следующего царя Израиля.

Соломон, которому Бог дал «мудрость и понимание сверх меры», укрепил династию Давида и создал свою империю, которая теперь простиралась от Евфрата до земли филистимлян и до границы Египта (3 Царств 4:24). Источником его огромного богатства стала сложная си-

стема налогообложения и принудительного труда, требовавшегося от каждого из израильских племен, а также торговые экспедиции в южные экзотические страны. В знак признания его славы и мудрости, легендарная царица Савская посетила его в Иерусалиме и привела ему целый караван ослепительных подарков.

Величайшим достижением Соломона была его строительная активность. В Иерусалиме он построил великолепный, богато украшенный храм Яхве, открыв его с большой помпезностью, и построил рядом красивый дворец. Он укрепил Иерусалим, а также важные провинциальные города Хацор, Мегиддо и Гезер, содержал конюшни с сорока тысячами стойл для лошадей своих тысячи четыреста колесниц и двенадцати тысяч всадников.

Он заключил договор с царем Тира Хирамом, который отправлял ливанские кедры для строительства храма в Иерусалиме и стал партнером Соломона в зарубежных торговых предприятиях. Библия описывает славу Соломона: «Царь Соломон превосходил всех царей земли богатством и мудростью. И все цари на земле искали видеть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую вложил Бог в сердце его» (1 Царств 10: 23–24).

Существовали ли Давид и Соломон на самом деле?

Этот вопрос, так прямо поставлен, может показаться намеренно провокационным. Давид и Соломон являются такими знаковыми фигурами как в иудаизме, так и в христианстве, что последние утверждения радикальных библейских критиков о том, что царь Давид «не более историческая фигура, чем король Артур», были встречены во многих религиозных и научных кругах с негодованием и презрением. Библейские историки, такие как Томас Томпсон и Нильс Питер Лемч из университета Копенгагена, а также Филипп Дэвис из университета Шеффилда, получившие от своих противников название «библейские минималисты», утверждают, что Давид и Соломон, единая израильская монархия, да и всё библейское описание истории Израиля являются не более чем подробной, умелой идеологической конструкцией, созданной в Иерусалиме в жреческих кругах в послепленные или даже эллинистические времена.

Однако, с чисто литературной и археологической точки зрения минималисты в чем-то правы. Внимательное прочтение библейского описания дней Соломона четко показывает, что оно является изображением идеализированного прошлого, славного Золотого Века. Описания сказочных богатств Соломона (делающие «серебро в Иерусалиме равноценным с простыми камнями», в соответствии с 3 Царств 10:27) и его легендарный гарем (вмещающий семьсот жен и принцесс, а также триста наложниц, в соответствии с 3 Царств 11:3) являются подробностями слишком преувеличенными, чтобы быть правдой. Кроме того, не смотря на все свои упомянутые богатства и могущество, ни Давид, ни Соломон не упоминаются ни в одном известном египетском или месопотамском тексте. Кроме того, археологических свидетельств известных строительных проектов Соломона в Иерусалиме не существует. Раскопки девятнадцатого и начала двадцатого веков вокруг Храмовой горы в Иерусалиме не смогли идентифицировать даже следов легендарного Храма Соломона или дворцового комплекса. И хотя некоторые уровни и сооружения на объектах других районов страны действительно были связаны с эпохой единой монархии, их датировка, как мы увидим, далеко не очевидная.

С другой стороны, были выстроены сильные аргументы в борьбе с некоторыми возражениями минималистов. Многие ученые утверждают, что в Иерусалиме остатки периода Соломона отсутствуют, потому что они были полностью уничтожены массивными сооружениями Ирода на Храмовой горе в период ранней Римской империи. Кроме того, отсутствие внешних упоминаний о Давиде и Соломоне в древних надписях вполне понятно, так как эпоха, в которой они предположительно правили (около 1005 – 930 гг. до н. э.), была периодом, когда великие империи Египта и Месопотамии пребывали в состоянии упадка. Поэтому не удивительно, что нет никаких упоминаний Давида и Соломона в довольно скудных современных египетских и месопотамских текстах.

Однако летом 1993 года, в библейском месте Тель – Дан на севере Израиля, был обнаружен обломочный артефакт, навсегда изменивший характер спора. Это была надпись «Дом Давида», часть черного базальтового памятника, обнаруженная разбитой, и повторно использованная в более позднем слое в качестве строительного камня. Написана на арамейском, языке Арамейского царства Сирии, она рассказывала о подробностях вторжения в Израиль арамейского царя, чье имя не упоминается на фрагментах, которые до сих пор были обнаружены. Но

вряд ли есть сомнение в том, что она рассказывает историю о нападении царя Дамаска Азаила на северное царство Израиля около 835 года до н. э. Эта война произошла в ту эпоху, когда Израиль и Иудея были отдельными царствами, и результатом которой было горькое поражение обоих. Наиболее важной частью надписи является хвастливое описание Азаилом своих врагов:

[Я убил Йехо]рама сына [Ахава], царя Израиля, и [я] убил [Ахаз]ияху сына [Иорама цар]я из Дома Давида. И я оставил [их города в руинах и превратил] их землю в [запустение].

Это неоспоримое доказательство известности династии Давида менее чем через сто лет после правления Соломона, сына Давида. Тот факт, что Иудея (или, возможно, ее столица Иерусалим) упомянута только ссылкой на её правящий дом является убедительным доказательством того, что слава Давида не была литературным изобретением гораздо более позднего периода. Кроме того, французский ученый Андре Лемер недавно предложил, что аналогичную ссылку на дом Давида можно найти на знаменитой надписи Меши, царя Моава, девятого века до н. э., которая была найдена в XIX веке к востоку от Мертвого моря. Таким образом, дом Давида был известен во всем регионе, это ясно подтверждает библейское описание того, как личность по имени Давид становится основателем династии царей Иудеи в Иерусалиме. Поэтому мы не должны больше ставить вопрос о самом существовании Давида и Соломона. Теперь мы должны посмотреть, согласуются ли объемные библейские описание великих военных побед Давида и больших строительных проектов Соломона с археологическими данными.

Новый взгляд на царство Давида

Мы уже видели, что первый этап израильского заселения ханаанского нагорья был постепенным местным явлением, в котором местные группы скотоводов стали селиться в малонаселенной горной местности и формировать самодостаточные деревенские общины. Со временем, с ростом горного населения, в ранее незанятых областях были основаны новые деревни, двигаясь от восточных степных земель и внутренних долин в сторону западных скалистых холмов нагорья. На данном этапе началось выращивание оливок и винограда, особенно в северной горной местности. С растущим разнообразием мест расположения и культур, выращиваемых в различных деревнях по всей нагорной стране, старый режим самодостаточности не мог больше сохраняться. Жители, сосредоточенные на выращивании фруктовых садов и виноградников, обязательно должны обменивать некоторые излишки производства вина и оливкового масла на другие основные товары, такие как зерно. Со специализацией начался рост классов управляющих и торговцев, профессиональных солдат и, в конечном итоге, царей.

Аналогичные модели горного заселения и постепенного социального расслоения были обнаружены археологами, работающими в Иордании на древних землях Аммона и Моава. Довольно похожий процесс социальных преобразований, возможно, произошел во многих горный регионах Ближнего Востока, как только они освободились от власти великих империй бронзового века или царей низинных городов – государств.

В то время, когда в железном веке весь мир опять начал оживать, возникли новые царства, которые настороженно относились к своим соседям и, видимо, отличали себя друг от друга характерными национальными обычаями и поклонением национальному божеству. Тем не менее, процесс их специализации, организации и групповой идентичности был далек от формирования большой империи. Характер обширных завоеваний, приписываемых Давиду, требовал огромной организации, трудовых ресурсов и вооружений. Поэтому интерес ученых начал сосредоточиваться на археологических свидетельствах населения, населенных пунктов, экономических и организационных ресурсах Иудеи, собственного региона Давида, чтобы увидеть, имеет ли библейское описание историческое подтверждение.

Таблица 2. Цари Объединенной монархии

Царь	Ориентировочные даты правления	Библейское свидетельство	Археологические находки
Саул	1025-1005 гг. до н.э.	Первый царь, назначенный пророком Самуилом	В нагорье продолжение системы поселений первого железного века
Давид	1005-970 гг. до н.э.	Завоевывает Иерусалим и делает его своей столицей; основывает	Никаких доказательств завоеваний Давида или его империи. В долинах ханаанская культура продолжается

		огромную монархию, которая охватывает большинство территорий земли Израиля	непрерывно. В нагорье – продолжение системы поселений первого железного века
Соломон	970-931 гг. до н.э.	Строит Храм и дворец в Иерусалиме. Также активен в Мегиддо, Хацоре і Гезере	Никаких следов монументальной архитектуры или важного города в Иерусалиме. Никаких следов грандиозной строительной активности в Мегиддо, Хацоре и Гезере, на севере продолжается ханаанская материальная культура

Последние археологические исследования в высокогорных районах предложили новые важные доказательства уникального характера Иудеи, которая занимала южную часть нагорья, растянувшись примерно к югу от Иерусалима до северных окраин пустыни Негев. Она образует однородное экологическое целое из пересеченной местности, трудной связи, скудных и очень непредсказуемых осадков. В отличие от северного нагорья с широкими долинами и природными сухопутными путями в соседние регионы, Иудея всегда была сельскохозяйственно отсталой и изолированной от соседних регионов ландшафтными преградами, окружающими его со всех сторон, кроме севера.

На востоке и юге Иудея граничит с засушливыми районами Иудейской пустыни и Негева. А на западе – в направлении плодородного и процветающего предгорья Шефелы и прибрежной равнины – центральный хребет резко снижается. Путешествуя на запад от Хеврона, приходится спускаться более тысячи триста футов вниз по крутым, каменистым склонам на расстояние всего чуть более трех километров. Далее к северу, западней от Иерусалима и Вифлеема, склон более умеренный, но его еще труднее пройти, поскольку он включает в себя множество узких, длинный хребтов, разделенных глубокими оврагами. Сегодня плоское центральное плато, из Иерусалима в Вифлеем и Хеврон, пересечено дорогами и широко обрабатывается. Но для того, чтобы очистить каменистую местность в той мере, которая бы позволила эту деятельность, потребовались тысячелетия настойчивого труда. В бронзовом веке и в начале железного века этот район был скалистым и покрытым плотными кустарниками и лесами с очень небольшим количеством открытых земель, пригодных для сельскохозяйственных угодий. Во времена поселений израильтян там были созданы только горстки постоянных деревень; окружающая среда Иудеи гораздо лучше подходила для скотоводческих групп.

Система поселений Иудеи двенадцатого – одиннадцатого веков до н. э. продолжала развиваться и в десятом веке. Количество деревень и их размер постепенно росли, но характер системы резко не изменился. К северу от Иудеи на западных склонах нагорья развились обширные сады и виноградники, но в Иудее этого не произошло из-за неблагоприятного характера местности. Насколько мы можем видеть на основе археологических исследований Иудея оставалась относительно незаселенной постоянным населением, совершенно изолированной, и очень незначительной вплоть до (и после) предполагаемого времени Давида и Соломона, без каких-либо крупных городских центров и без выраженной иерархии деревень, сел и городов.

В поисках Иерусалима

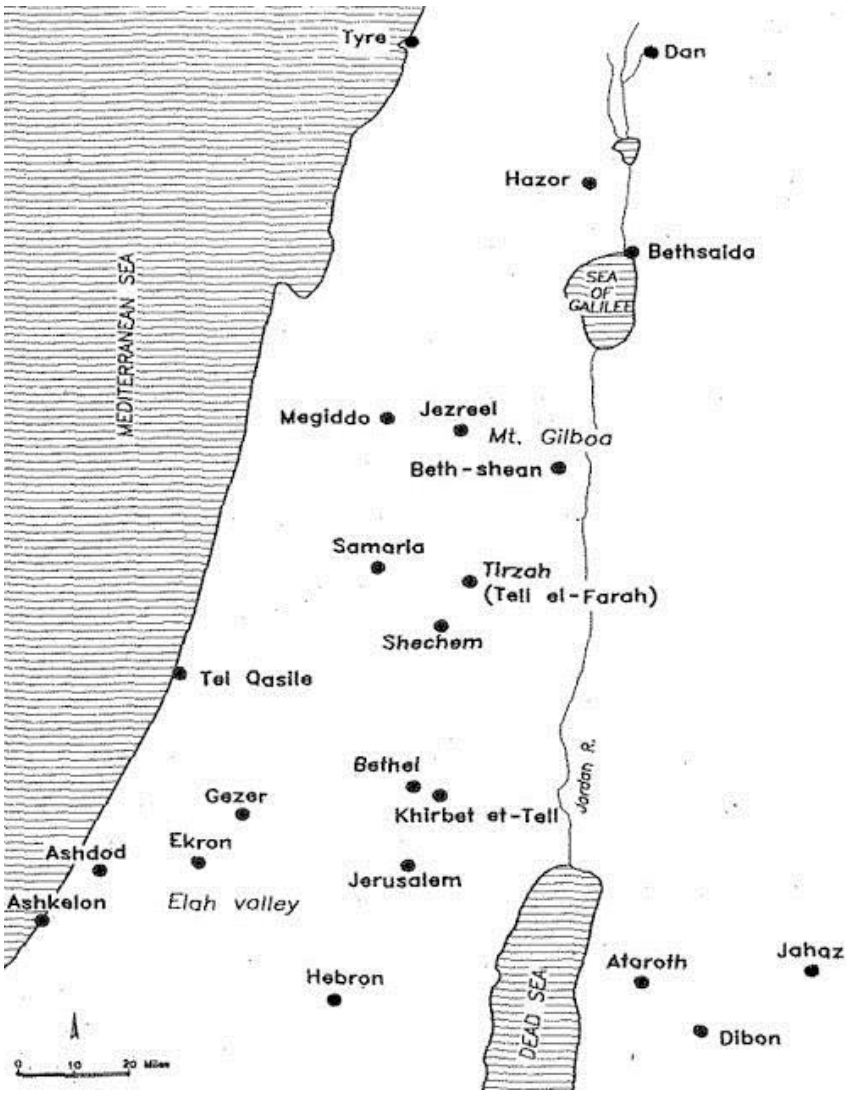
Изображение Иерусалима во времена Давида, и тем более во времена его сына Соломона, на протяжении веков было предметом мифотворчества и романтики. Паломники, крестоносцы, и провидцы всех видов распространяли сказочные истории о величии Города Давида и Храма Соломона. Поэтому не удивительно, что поиск останков Храма Соломона был одной из первых задач, которыми занималась библейская археология в девятнадцатом веке. Задание было нелегким и очень редко плодотворным в связи с характером места.

Живя в непрерывности и очень надстроенный, Иерусалим лежит в седле к востоку от водораздела Иудейских гор, очень близко к краю Иудейской пустыни. В сердце его исторической части находится Старый Город, окруженный стенами времен Османской империи. Христианский квартал расположен к северо – западу от Старого города, около церкви Святого Гроба Господня. Еврейский квартал расположен на юго – востоке, с видом на Стену Плача и Храмовую гору. Последняя охватывает юго – восточный угол османского города. К югу от Храмовой

горы, вне стен османского города, тянется длинный, узкий, относительно низкий хребет города Давида – старый холм Иерусалима бронзового и раннего железного веков. Он отделен от окружающих холмов двумя оврагами. Восточный (Кедронская долина) отделяет его от деревни Силоам. В этом овраге находится источник Гихон, основной источник воды библейского Иерусалима.

Иерусалим раскапывался снова и снова – и в особенно интенсивный период исследования остатков бронзового и железного веков в 1970–х и 1980–х годах под руководством Игаля Шило из Еврейского университета в городе Давида, первоначальном городском центре Иерусалима. Удивительно, как отметил археолог Тель – Авивского университета Давид Уссишкин, полевые работы там и в других частях библейского Иерусалима не представили веских доказательств оккупации десятого века. Мало того, что отсутствуют какие-либо признаки монументальной архитектуры, также отсутствуют даже простые черепки глиняной посуды. Типы керамики, которые так характерны для других мест десятого века, очень редки в Иерусалиме. Некоторые ученые утверждают, что позже массовая строительная активность в Иерусалиме уничтожила все признаки раннего города. Однако раскопки в городе Давида показали впечатляющие находки из среднего бронзового века и более поздних веков железного века – только не из десятого века до н. э. Самой оптимистичной оценкой этого негативного доказательства является то, что Иерусалим десятого века был весьма ограниченным в размерах, возможно не больше типичной нагорной деревни.

Эта скромная оценка хорошо сочетается с довольно скудным характером заселения в тот же период остальной Иудеи, в состав которой входили только около двадцати небольших деревень и несколько тысяч жителей, многие из них были кочующими скотоводами. В самом деле, очень маловероятно то, что эта малонаселенная область Иудеи и небольшая деревня Иерусалим могли бы стать центром великой империи, простирающейся от Красного моря на юге до Сирии на севере. Мог ли даже самый харизматический царь содержать такое количество людей и оружия, необходимых для достижения и удержания таких огромных территориальных завоеваний? Не существует абсолютно никаких археологических указаний богатства, трудовых ресурсов и уровня организации, которые нужны были бы для поддержки больших армий, даже на короткое время, в поле. Даже если относительно небольшое число жителей Иудеи было в состоянии организовать быстрые атаки на соседние регионы, каким образом они были в состоянии управлять огромной и еще более честолюбивой империей сына Давида Соломона?



Сколь велики были завоевания Давида?

На протяжении десятилетий археологи верили, что доказательства, обнаружены во многих раскопках за пределами Иерусалима, поддерживают рассказ Библии об огромной Объединенной монархии (Рис. 16). Наиболее выдающимися победами Давида, согласно Библии, были

победы над филистимскими городами, некоторые из которых были широко раскопаны. Первая книга Царств дает подробные детали о столкновениях между израильтянами и филистимлянами: как армии филистимлян захватили Божий ковчег в битве при Авен – Езере; как Саул и его сын Ионафан погибли во время войн с филистимлянами, и, конечно, как молодой Давид свергнул Голиафа. Хотя некоторые детали этих историй явно легендарны, географические описания весьма точны. Что более важно, постепенное распространение в предгорьях и долине Изреель филистимской отличительной керамики, оформленной в эгейском стиле, является собой доказательство постепенного расширения филистимского влияния по всей стране. И когда были найдены доказательства уничтожения городов низменностей (около 1000 г. до н. э.), они, казалось, подтверждали обширные завоевания Давида.

Одним из лучших примеров этой линии рассуждений является случай с Тель – Касилем, небольшим участком на северной окраине современного Тель – Авива, впервые раскопанным израильским библейским археологом и историком Бенджамином Мацаром в 1948–1950 гг. Мазар обнаружил процветающий город филистимлян, который, однако, не упоминается в библейских рассказах. В нем последний слой, содержащий характерную филистимскую керамику и содержащий другие признаки филистимской культуры, был уничтожен пожаром. И хотя в Библии не было никакого конкретного упоминания завоевания Давидом этой области, Мацар, не колеблясь, заключил, что именно Давид сравнил этот город с землей в своей войне против филистимлян.

И так было по всей стране. Разрушительные деяния рук Давида видели в слоях пепла и разбросанных камнях на участках от земли филистимлян до долины Изреель и дальше. Почти в каждом случае, когда город с прежней филистимской или ханаанской культурой был атакован, уничтожен, или даже перестроен, в качестве причины рассматривались широкие завоевания царя Давида.

Могли ли израильтяне из центрального нагорья установить контроль не только над небольшим селением, таким как Тель – Касиль, но и над такими большими ханаанскими центрами, как Гезер, Мегиддо и Бет – Шеан? Теоретически, да; в истории есть несколько примеров установления контроля сельского населения над большими городами – особенно в тех случаях, когда нагорные военачальники или неформальные вожди использовали для обеспечения дани и признания преданности от крестьян и торговцев городов низменностей как угрозу насилия, так и обещание отцовской защиты. Но в большинстве случаев это были не прямые военные завоевания и создание формализованной, бюрократической империи, а более тонкие средства предводительства, при котором нагорный вождь предлагал низменным общинам некий вид защиты.

Конюшни, города и ворота царя Соломона?

Центр споров проходил не над доказательствами завоеваний Давида, а над их последствиями. Установил ли Соломон славное правление над всем царством, завоеванным Давидом? Хотя в Иерусалиме никогда не было идентифицировано никаких следов храма и дворца Соломона, для ученых было много других мест для поисков. Библейское повествование описывает восстановление Соломоном северных городов Мегиддо, Хацора и Гезера (3 Царств 9:15). Когда одно из этих мест, Мегиддо, в 1920–х и 1930–х годах было раскопано экспедицией Института востоковедения Чикагского университета, некоторые из его самых впечатляющих остатков железного века были приписаны Соломону.

Расположенный в стратегическом месте, где международная дорога из Египта на юге до Месопотамии и Анатолии на севере спускается с гор в Изреельскую долину, Мегиддо был одним из самых важных городов библейского Израиля. Кроме 3 Царств 9:15 он упоминается также в 3 Царств 4:12, в списке районов государства Соломона. Городской пласт называется слоем IV – последний почти полностью открытый по всей площади древнего кургана, содержит два набора больших общественных зданий, каждый из которых состоит из серии длинных комнат, соединенных друг с другом в ряд. Каждая из отдельных комнат была разделена на три узких прохода, отделенных друг от друга низкими перегородочными стенами из каменных столбов и желобами (Рис. 17).

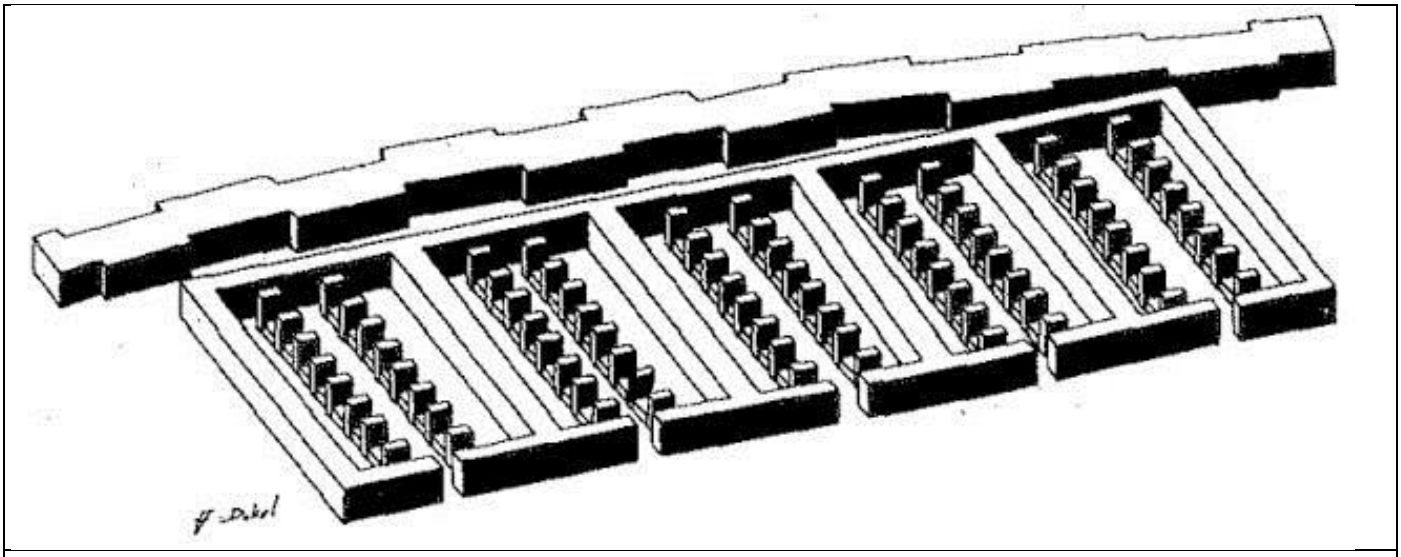


Рис. 17. Ряд колонных зданий в Мегиддо, идентифицированных как конюшни

Один из руководителей экспедиции, П. Л.О. Гай, определил эти здания как конюшни времен Соломона. Его интерпретация была основана на библейском описании строительства Соломона в Иерусалиме (3 Царств 7:12), на конкретной ссылке на строительную деятельность Соломона в Мегиддо в 3 Царств 9:15, и на упоминание Соломоновых городов для колесниц и всадников в 3 Царств 9:19. Гай сказал так: «Если мы спросим себя, кто в Мегиддо, вскоре после победы царя Давида над филистимлянами, построил с помощью квалифицированных иностранных мастеров город со многими конюшнями? Я верю, что мы найдем наш ответ в Библии… если читать историю Соломона, будь то в книгах Царств или в книгах Хроник, то поражаешься частотой, с которой возникают колесницы и лошади».

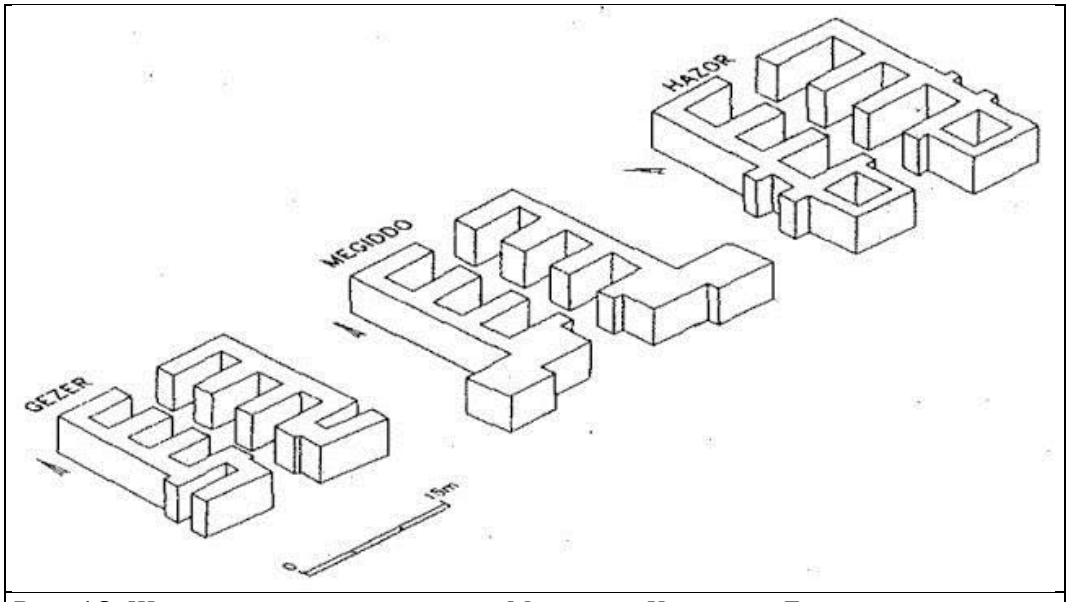


Рис. 18. Шестикамерные ворота в Мегиддо, Хацоре и Гезере

Очевидное доказательство величия Соломоновой империи было в значительной мере подкреплено в 1950–х годах раскопками Игаля Ядина в Хацоре. Ядин и его команда обнаружили большие городские ворота, датируемые железным веком. Они имели своеобразную планировку: там была башня и три камеры по обе стороны ворот, что привело к возникновению термина «шестикамерных» ворот (Рис. 18). Ядин был ошеломлен. Аналогичные ворота – и по расположению, и по размеру – были раскрыты на двадцать лет раньше командой Восточного Института в Мегиддо! Возможно, и не конюшни были верным признаком присутствия Соломона по всей стране.

Итак, Ядин пошел копать Гезер, третий город, упомянутый в 3 Царств 9:15 как восстановленный Соломоном – но не в поле, а в библиотеку. Гезер был раскопан в начале века британским археологом Р. А. С Макалистером. Когда Ядин перелистал доклады Макалистера, он был поражен. В плане здания, которое было определено Макалистером как «замок Маккавеев», датируемый вторым столетием до н. э., Ядин смог легко определить контуры точно такого же типа ворот, которые были найдены в Мегиддо и Хацоре. Ядин больше не колебался. Он заявил, что царский архитектор из Иерусалима нарисовал генеральный план Соломоновых городских ворот, и что этот генеральный план потом был отправлен в провинцию.

Ядин резюмировал это так: «В истории археологии не существует примера, где рассказ

настолько помог в идентификации и датировке структур в нескольких наиболее важных местах в Святой Земле как 3 Царств 9:15… Наше решение приписать слой (в Хацоре) Соломону было основано прежде всего на рассказе 3 Царств, стратиграфии и керамике. Но когда в дополнение мы обнаружили в этом пласте шестикамерные двухбашенные ворота, соединенные с казематной стеной, идентичные по плану и размеру с воротами в Мегиддо, мы были уверены, что мы успешно определили город Соломона».

Слишком хорошо, чтобы быть правдой?

Соломоновы открытия Ядина не закончились. В начале 1960–х годов, он отправился в Мегиддо с небольшой группой студентов, чтобы уточнить однородность ворот Соломона, которые в Гезере и Хацоре были связаны с полым казематным укреплением, но только при Мегиддо связаны с монолитной стеной. Ядин был уверен, что в Мегиддо копатели ошибочно отнесли монолитную стену к воротам, и что они пропустили нижележащую казематную стену. Так как ворота были полностью выставлены командой Чикагского университета, Ядин решил раскопать участок к востоку от ворот, где американская команда обнаружила видимый комплекс конюшен, отнесенных к Соломону.

То, что он нашел, произвело революцию в библейской археологии на целое поколение. Под конюшнями Ядин нашел останки прекрасного дворца размером около шести тысяч квадратных метров, построенного из больших блоков тесаного камня (рис. 24). Дворец был построен на северной окраине холма, и был соединен с рядом комнат, которые были соединены с шестикамерными воротами и которые Ядин интерпретировал как отсутствующую казематную стену. Немного похожий дворец, построенный из красивых отделанных блоков, был обнаружен командой Восточного института на южной стороне холма и он также лежал под городом конюшен. Архитектурный стиль обоих зданий был тесно похож на распространенный и отличительный тип дворцов северной Сирии железного века, известный как *bit hilani* , состоящий из монументального входа и ряда небольших комнат, окружающих официальную приемную. Поэтому этот стиль был бы уместен для намесника в Мегиддо, возможно, приставника Вааны, сына Ахилуда (3 Царств 4:12). Вскоре ученик Ядина Давид Уссишкин закрепил связь этих зданий с Соломоном, продемонстрировав, что библейское описание дворца, построенного Соломоном в Иерусалиме, идеально подходит для дворцов в Мегиддо.

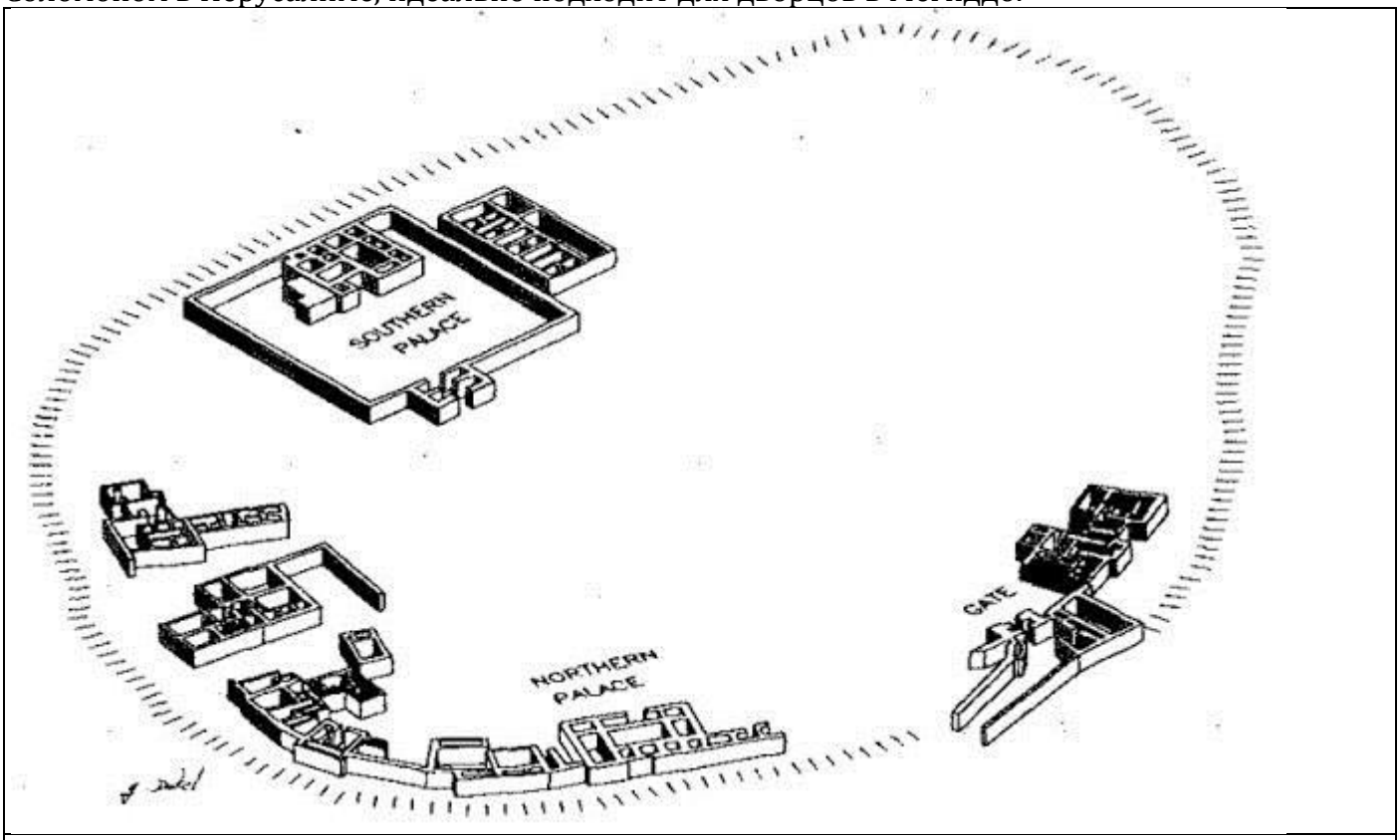


Рис. 24. Мегиддо

Вывод казался неизбежным. Ворота и двое дворцов представляли Мегиддо времен Соломона, а конюшни на самом деле принадлежали более позднему городу, построенному царем

северного царства Израиль Ахавом в начале девятого века до н. э. Этот последний вывод был важным краеугольным камнем в теории Ядина, так как ассирийская надпись девятого века описывала большое войско из колесниц израильского царя Ахава.

Для Ядина и многих других, археология казалась соответствующей Библии более тесно, чем когда-либо. Библия описывает территориальные экспансии царя Давида – действительно, последние ханаанские и филистимские города по всей стране были уничтожены страшным пожаром. Библия описывает строительную деятельность Соломона в Хацоре, Мегиддо, и Гезере – похожие ворота безусловно показывали, что три города были построены вместе, по единому плану. Библия говорит, что Соломон был союзником царя Тира Хирама, и что он был великим строителем – действительно, великолепные дворцы Мегиддо в своей архитектуре показывают северное влияние, и они были самыми красивыми зданиями, обнаруженными в Израиле в слоях железного века.

В течение нескольких лет ворота Соломона символизировали наиболее впечатляющую археологическую поддержку Библии. Однако основные вопросы исторической логики в конечном итоге подорвали их значение. Нигде больше в регионе – от восточной Турции на севере через западную Сирию к Трансиордании на юге – в десятом веке до н. э. не было никаких признаков таких же развитых царских институтов или монументальных зданий. Как мы видели, родина Давида и Соломона Иудея была явно слаборазвитой, и нет никаких доказательств каких-либо богатств великой империи, вытекающих из нее. И существует еще более тревожная хронологическом проблема: дворцы железного века *bit hilani* , которые должны были служить прототипами для дворцов Соломона в Мегиддо, впервые появляются в Сирии в начале девятого века до н. э., по крайней мере полвека спустя времени Соломона. Как архитекторы Соломона могли перенять архитектурный стиль, которого еще не существовало? Наконец, есть вопрос о контрасте между Мегиддо и Иерусалимом: возможно ли такое, чтобы царь, который построил в провинциальном городе сказочные дворцы из тесаного камня, правил из маленькой, удалённой и слаборазвитой деревни? Как оказалось, теперь мы уже знаем, что археологические доказательства обширных завоеваний Давида и величия царства Соломона, возникли в результате очень ошибочной датировки.

Вопросы датировки

Идентификация останков из периода Давида и Соломона, – а также из времен правления царей, которые следовали им в следующем столетии – была основана на доказательствах двух классов. Окончание отличительной филистимской керамики (датировано около 1000 г. до н. э.) было тесно связано с завоеваниями Давида. А строительство монументальных дворцов и ворот в Мегиддо, Хацоре и Гезере было связано с царствованием Соломона. В последние несколько лет обе поддержки начали рушиться (для более подробной информации см. Приложение 4). Во – первых, мы больше не можем быть уверены, что стили характерной филистимской керамики не сохранились и в десятом веке – вскоре после смерти Давида – и поэтому она будет бесполезна для датировки (ещё меньше для проверки) его предполагаемых завоеваний. Во – вторых, новый анализ архитектурных стилей и форм керамики в известных уровнях Соломона в Мегиддо, Гезере и Хацоре указывает на то, что они на самом деле датируются началом девятого века до н. э., спустя десятилетия после смерти Соломона! Третий класс доказательств, более точные лабораторные методы радиоуглеродной датировки, теперь, похоже, подтверждает это. До недавнего времени нельзя было использовать радиоуглеродную датировку для таких сравнительно современных периодов как железный век из-за его широкого предела вероятности, часто протяженностью века или более. Но усовершенствования методов радиоуглеродной датировки значительно снижают предел вероятности. Многие образцы из основных мест, включенных в спорный десятый век, были проверены и, кажется, поддерживают новую хронологию. Место раскопок в Мегиддо, в частности, предоставило несколько потрясающих противоречий принятым интерпретациям. Пятнадцать образцов древесины были взяты из больших балок крыши, которая рухнула в страшном пожаре и разрушении, приписанному Давиду. Поскольку некоторые из балок могли использоваться в более ранних постройках, то только самые поздние даты из всего набора данных могут смело указать, когда были построены эти сооружения. Действительно большинство образцов хорошо попадают в десятый век – намного позже времени Давида. Дворцы, приписанные Соломону, построены на

два слоя выше этого уничтожения, должны быть более поздними.

Эти сроки были подтверждены анализом параллельных слоев в таких известных местах, как Тель – Дор на побережье Средиземного моря и Тель – Адар на берегу Галилейского моря. Спорадическое рассмотрение из ряда других, менее известных мест, таких как Эйн Хагит близ Мегиддо и Тель – Кинерет на северном побережье Галилейского моря, также поддерживает эту датировку. Наконец, ряд образцов из слоя разрушения в Тель – Рехове вблизи Бет – Шеана, который является современником предполагаемого Соломонового города Мегиддо, выдал датировку середины девятого века до н. э. – намного позже его описанного уничтожения фараоном Сусакимом в 926 г. до н. э. По существу, археология неправильно датировала как «Давидовы», так и «Соломоновы» останки на целое столетие. Находки, датированы временем перед Давидом в конце одиннадцатого века, принадлежали середине десятого века, а те, которые датированы времени Соломона, принадлежали началу девятого века до н. э. Новая датировка поместила появление монументальных сооружений, укреплений и других признаков полной государственности именно в момент их первого появления в остальной части Леванта. Она исправила несоответствие в датах между дворцовыми сооружениями *bit hilani* в Мегиддо и их аналогиями в Сирии. И наконец, она позволяет нам понять, почему находки из десятого века в Иерусалиме и в Иудее так бедны. Причина в том, что в то время Иудея была все еще отдалённым и неразвитым регионом. Едва ли существуют основания для сомнений в историчности Давида и Соломона. Однако есть много причин поставить под вопрос размеры и величие их государства. Если не было большой империи, если не было памятников, если не было великолепной столицы, каков был характер царства Давида?

Наследие Давида: от племенного княжества железного века до династического мифа

Материальная культура высокогорья во времена Давида оставалась простой. Земля в подавляющем большинстве была сельской без следов письменных документов, надписей или даже каких-либо признаков широко распространенной письменности, что является необходимым для функционирования настоящей монархии. С демографической точки зрения, область поселений израильтян была почти однородной. Трудно увидеть какие-либо доказательства единой культуры или централизованного государства. Область на севере от Иерусалима была довольно плотно заселенной, в то время как область на юге от Иерусалима – центр будущего царства Иудеи – была по – прежнему очень малонаселенной. Сам Иерусалим был, в лучшем случае, не больше типичной деревни нагорья. Больше мы не можем ничего сказать.

Оценки численности населения для более поздних фаз периода поселений израильтян применяются также и к десятому веку до н. э. Они дают представление о масштабе исторических возможностей. Из общего числа примерно в сорок пять тысяч человек, живущих в горах, больше 90 процентов жили бы в деревнях на севере страны. Остальными были бы: около пяти тысяч человек, разбросанных между Иерусалимом, Хевроном и около двадцати небольшими деревнями Иудеи, и другие группы, которые возможно продолжали заниматься скотоводством. Такие маленькие и изолированные общества, как эти, должны были бы хранить память о таком чрезвычайном лидере, как Давид, так как его потомки продолжали править в Иерусалиме в течение следующих четырех сотен лет. Сначала, в десятом веке, их правление распространялось не на империю, не на роскошные города, не на захватывающую столицу. Археологически мы не можем сказать о Давиде и Соломоне больше ничего за исключением того, что они существовали, и что их легенда выжила.

Но очарование Девтерономического историка седьмого века до н. э. воспоминаниями о Давиде и Соломоне, – да и очевидное продолжающееся почитание иудеями этих персонажей – может быть лучшим, если не единственным, доказательством существования какого-то древнего единого государства израильтян. Тот факт, что Девтерономист использует единую монархию в качестве мощного инструмента политической пропаганды, предполагает, что в его время эпизод о Давиде и Соломоне в качестве правителей на относительно большой территории в центральной горной местности был все еще живым и широко распространенным.

Конечно, в седьмом веке до н. э. условия в Иудее изменились почти до неузнаваемости. Теперь Иерусалим был относительно крупным городом, в котором доминировал Храм Бога Израиля, служивший единой национальной святыней. Институты монархии, профессиональная армия и администрация достигли уровня сложности, который соответствовал и даже

превышал сложность царских институтов соседних государств. И снова мы видим пейзажи и костюмы Иудеи седьмого века в качестве общего фона незабываемой библейской истории, на этот раз о мифическом золотом веке. Щедрый визит в Иерусалим торгового партнера Соломона царицы Савской (3 Царств 10:1–10) и торговля редкими товарами из отдаленных рынков, таких как земля Офир на юге (3 Царств 9:28; 10:11), несомненно, отражают участие Иудеи седьмого века в прибыльной арабской торговле. То же самое справедливо и для описания строительства Фадмора в пустыне (3 Царств 9:18) и торговых экспедиций в далекие земли, начинающихся в Ецион – Гавере в Акабском заливе (3 Царств 9:26) – два места, которые были надежно определены и которые не были заселены до поздних монархических времен. И царскую гвардию Давида из Хелефеев и Фелефеев (2 Царств 8:18) – ученые давно пришли к мнению, что она была эгейского происхождения – следует понимать на фоне службы греческих наемников, самой передовой боевой силой того дня, в египетской и, возможно, иудейской армиях седьмого века.

В конце монархических времен в Иудее и Иерусалиме была разработана сложная теология для подтверждения связи между наследником Давида и судьбой всего народа Израиля. Согласно Девтерономической истории благочестивый Давид был первым, кто остановил цикл идолопоклонства (народа Израиля) и божественного возмездия (от Яхве). Благодаря его преданности, верности и праведности Яхве помог ему завершить незаконченную работу Иисуса Навина, а именно: завоевать остальную землю обетованную и установить славную империю над всеми огромными территориями, обещанными Аврааму. Это были теологические надежды, а не точные исторические описания. Они были главным элементом в мощной мечте о национальном возрождении седьмого века, которая стремилась собрать вместе рассеянных, измученных войной людей для того, чтобы доказать им, что они сталкивались с волнующей историей под прямым вмешательством Бога. Славная эпопея об Объединенной монархии – как и истории патриархов, а также саги об Исходе и завоевании – блестящее сочинение, которое сплело вместе древние героические сказания и легенды в последовательное и убедительное пророчество для народа Израиля в седьмом веке до н. э.

В то время, когда библейский эпос впервые был создан, для народа Иудеи взошел на престол новый Давид, намереваясь восстановить славу своих далеких предков. Это был Иосия, описанный как самый преданный из всех царей Иудеи. И Иосия был в состоянии вернуть историю вспять от своих дней, к временам легендарной единой монархии. Очищая Иудею от мерзости идолопоклонства – впервые введенной в Иерусалиме Соломоном со своим гаремом иностранных жен (3 Царств 11:1–8) – Иосия может свести на нет преступления, которые привели к разрушению «империи» Давида. То, что хотел сказать Девтерономический историк, является простым и эффективным: есть еще способ вернуть себе былую славу.

Так Иосия приступил к созданию единой монархии, которая связала бы Иудею с территориями бывшего северного царства посредством царских институтов, вооруженных сил и целеустремленной преданности Иерусалиму, важному городу в библейском повествовании о Давиде. Как монарх, сидящий в Иерусалиме на троне Давида, Иосия был единственным законным наследником империи Давида, то есть территорий Давида. Он хотел «возвратить» территории уничтоженного в то время северного царства; царства, рожденного грехами Соломона. И слова 3 Царств 4:25 о том, что «Иудея и Израиль жили в безопасности от Дана до Вирсавии», подытоживают эти надежды на территориальное расширение и поиск мирного, процветающего времени, похожего на мифическое прошлое, когда царь правил из Иерусалима над объединенными территориями Иудеи и Израиля.

Как мы видели, историческая действительность царства Давида и Соломона была совсем не сказкой. Она было частью больших демографических изменений, которые привели к появлению царств Иудеи и Израиля – в резко отличающейся исторической последовательности, чем описывает Библия. До сих пор мы проверяли библейскую версию образующей истории Израиля, написанной в седьмом веке до н. э., и мы предоставили намеки на археологическую реальность, лежащую в ее основе. Теперь пришло время рассказать новую историю. В последующих главах, мы предоставим основные контуры роста, падения и возрождения совсем другого Израиля.

Часть вторая. Возвышение и падение древнего Израиля

Глава 6. Одно государство, одна нация, один народ? (930–720 гг. до н. э.)

Ход истории Израиля (как нам об этом серьезно сообщают книги Царств) движется с почти трагической неизбежностью от единства к расколу, и от раскола к национальной катастрофе. После славного царствования Давида и Соломона, когда всем Израилем правили из Иерусалима, и бывалого периода беспрецедентного процветания и могущества, племена северного нагорья и Галилеи, сопротивляясь налоговым требованиям сына Соломона Ровоама – гневно отделяются. Далее следуют двести лет разделения и ненависти между братьями с независимыми израильскими царствами, Израилем на севере и Иудеей на юге, периодически готовыми перегрызть друг другу глотки. Это рассказ о трагическом отделении, жестокости и идолопоклонстве северного царства. Там, согласно библейским рассказам, основается новый культовый центр, конкурирующий с Иерусалимским Храмом. Новые северо – израильские династии, соперники дома Давида, жестоко приходили к власти одна за другой. Со временем за свою греховность северяне заплатят окончательным наказанием – разрушением своего государства и изгнанием десяти северных племен.

Это видение занимает центральное место в теологии Библии и библейских надеждах на возможное воссоединение Иудеи и Израиля под властью династии Давида. Но оно попросту не является точным изображением исторической действительности. Как мы видели, не существует никаких убедительных археологических доказательств исторического существования огромной объединенной монархии с центром в Иерусалиме, которая бы охватывала всю землю Израиля. Наоборот, данные показывают сложные демографические преобразования в нагорье, в ходе которых единое этническое самосознание только начало медленно формироваться.

И здесь мы приходим, пожалуй, к самому тревожному конфликту между археологическими находками и Библией. Если не было ни Исхода, ни завоевания, ни объединенной монархии, что нам делать с библейской мечтой об объединении? Что нам делать с длинными и сложными отношениями между царствами Иудеи и Израиля в течении почти двухсот лет? Существует веская причина полагать, что в нагорье всегда были два разные субъекты, из которых южный всегда был беднее и слабее, более сельскохозяйственный и менее влиятельный, пока он не достиг внезапного, захватывающего, выдающегося положения после падения северного царства Израиля.

Повесть о двенадцати племенах и двух царствах

В Библии северные племена последовательно изображаются как слабохарактерные неудачники с выраженной склонностью к греховности. Это отчетливо видно в Книге Судей, где отдельные племена сражаются с окружающими идолопоклонническими народами. Среди потомков двенадцати сыновей Иакова, только племенам Иуды и Симеона удалось захватить все ханаанские анклавы как свое Богом данное наследство. В результате, на юге не осталось хананеев, и не осталось ханаанских женщин, которые могли бы стать женами и оказывать дурное влияние. Но племена севера – это совсем другая история. Вениамин, Манассия, Ефрем, Завулон, Асир, Неффалим и Дан не выполнили то, что они должны были; они не прикончили хананеев. В результате, они снова и снова будут поддаваться искушению.

В тексте нет возражений тому, что северные племена были более многочисленными и заняли обширную территорию, и наверное не случайно первый царь Израиля Саул, из племени Вениамина, упоминается правителем территорий в северном нагорье. Но Саул нарушил религиозные законы и был доведен до самоубийства после разгрома своих войск филистимлянами. Бог снял свое благословение от этого северного помазанника, и старейшины северных племен должным образом обратились к Давиду, преступнику/герою/царю Иудеи, и провозгласили его царем над всем Израилем. Однако, несмотря на свое богатство и силу, северные племена изображены в 3 Царств лишь колониальными подданными сына Давида Соломона. Большие региональные столицы Соломона и города – хранилища Гезер, Мегиддо, Хацор были построены на их территории, и люди севера облагались налогом и привлекались к общественным работам назначенными Соломоном чиновниками. Некоторые северяне, как Иеровоам, сын Навата, из племени Ефрема, служили Иерусалимскому двору на важных должностях. Но Иудея изображена как сильная сторона, имеющая северные племена в качестве подданных.

После смерти Соломона и воцарения его сына Ровоама, северяне попросили сократить их

бремя. Но высокомерный Ровоам отклонил совет своих умеренных советников и ответил северянам теперь знаменитыми словами: *«Отец мой наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами».* (3 Царств 12:14). Знамя восстания было развернуто, так как северяне сплотились на клич об отделении: *"И увидели все Израильтяне, что царь не послушал их. И отвечал народ царю и сказал: какая нам часть в Давиде? нет нам доли в сыне Иессеевом; по шатрам своим, Израиль! теперь знай свой дом, Давид! И разошелся Израиль по шатрам своим."* (3 Царств 12:16). Северяне до смерти забросали камнями главного надсмотрщика Ровоама, и царь Ровоам в ужасе бежал обратно в Иерусалим.

Затем северяне собрались, чтобы провозгласить над собой царя, и выбрали Иеровоама, сына Навата, который служил в царском дворе Соломона. Объединенная монархия Давида и Соломона была полностью разрушена. Были созданы два независимые государства: Иудея, которая управлялась династией Давида из Иерусалима, со своей территорией, ограниченной в южной части центральным нагорьем; и Израиль, который контролировал обширные территории на севере. Первая столица северного царства была установлена в Фирце, расположенной к северо – востоку от Сихема. Новый царь Иеровоам решил создать конкурентов Храму в Иерусалиме, поэтому приказал вылить двух золотых тельцов и установить их в святынях в самых отдаленных уголках своего царства – в Вефиле на крайнем юге и Дане на севере.

Так начался бурный и судьбоносный период библейской истории Израиля. От родовой солидарности патриархального периода, от духовной солидарности Исхода и от политического единства объединенной монархии, теперь народ Израиля был разорван на две части.

Ошибочная схема эволюции?

Археологи и библейские историки в целом одинаково принимали за чистую монету библейское повествование о расцвете и падении единой монархии. Этническое единство и самобытность народа Израиля в целом были само собой разумеющимися. И историческая последовательность, как считало большинство библейских историков, проходила примерно так (за исключением, конечно, некоторого библейского мифотворчества и героических преувеличений): будь то путем завоевания или мирного проникновения, но израильтяне поселились в пустой горной местности. Сначала они самоорганизовались в некоего рода равноправное общество с харизматическими военными героями, спасавшими их от врагов. Тогда, в основном из -за филистимской угрозы, которая была гораздо более опасной, чем другие местные угрозы, они сделали выбор в пользу монархии, создали сильную армию, а также расширили свою территорию для того, чтобы основать грозную империю под руководством Давида и Соломона. Это был рассказ об устойчивой политической эволюции единого народа, от племен к объединенному государству, эволюционный процесс, который был практически завершен ко времени Соломона в X веке до н. э.

Поэтому распад единой монархии рассматривался как несчастный постскриптум к истории, которая уже исчерпала себя. Казалось, что только высокомерная и опрометчивая тирания сына Соломона Ровоама уничтожила громадное величие империи Соломона. Такое видение единой монархии и ее падения, казалось, будет подтверждено археологическими находками. Ученые верили, что строительство больших «соломоновых» городов с их воротами и дворцами было неоспоримым доказательством полномасштабной государственности в 10 веке до н. э. и контроля севера страны твердой рукой Иерусалима. До 1980–х годов, даже если понимание начального периода истории израильтянин стало несколько более тонким, было само собой разумеющимся, что объединенная монархия Давида и Соломона, как и её внезапное разрушение, были историческими фактами.

Прослеживая последующую историю двух государств – сестер Иудеи и Израиля, ученые почти слово в слово следуют библейской истории, в большинстве предполагая, что два государства – правопреемники имели почти одинаковый уровень политической организации и сложности. Так как Иудея и Израиль имели свои истоки в полноценной монархии Соломона, то они обое унаследовали полностью разработаные государственные институты, такие как суда, налоговая администрация и военные силы. В результате, два независимых царств, как полагали, соревновались друг с другом, боролись друг с другом, и помогали друг другу, в соответствии с меняющейся политической обстановки в регионе, но всегда на более или менее рав-

ных условиях. Некоторые региональные различия, конечно же, становились очевидными. Но большинство ученых пришли к выводу, что остальная история израильских царств состояла только в увеличении численности населения, интенсивном строительстве и войнах – но не в дальнейшем драматическом социальном развитии.

Это широко признанное представление теперь кажется неправильным.

Север против юга на протяжении тысячелетий

Интенсивные археологические исследования в центральном нагорье в 1980–х годах открыли новые возможности для понимания характера и происхождения двух горных государств Иудеи и Израиля. Новые точки зрения резко отличались от библейских сообщений. Исследования показали, что появление израильтян в горных районах Ханаана было не уникальным событием, а на самом деле только одной из серии демографических колебаний, которые можно проследить на протяжении тысячелетий.

В каждой из двух предыдущих волн расселения – в эпоху ранней бронзы (ок. 3500–2200 гг. до н. э.) и средней бронзы (ок. 2000–1550 гг. до н. э.) – коренное население нагорья перешло от скотоводства к сезонному сельскому хозяйству, к постоянным деревням, к трудной горной экономии таким образом, который был поразительно похож на процесс расселения израильтян в железном веке I (1150–900 гг. до н. э.). Но еще более удивительно, (исследования и фрагментарная историческая информация показали это в каждой волне заселения нагорья) в нагорье всегда, казалось, существовали два разные общества – северное и южное – занимая приблизительно области позднейших царств Иудеи и Израиля.

Карта горных мест ранней бронзы, например, ясно показывает две разные региональные системы расселения с разделительной линией между ними, проходящей примерно между Сихемом и Иерусалимом, границей, которая позже ознаменует границу между Израилем и Иудей. Как и царство Израиль позже, северная система расселения была плотной и обладала сложной иерархией крупных, средних и маленьких населенных пунктов, полностью зависимых от оседлого земледелия. Южный район, как и царство Иудея позже, был малонаселенным, состоял в основном из небольших населенных пунктов, которые не имели такого разнообразия размеров. На юге также было относительно большое количество археологических мест исключительно с разбросами керамических черепков, а не постоянных сооружений; это свидетельствует о том, что значительной частью населения являлись кочующие скотоводческие группы.

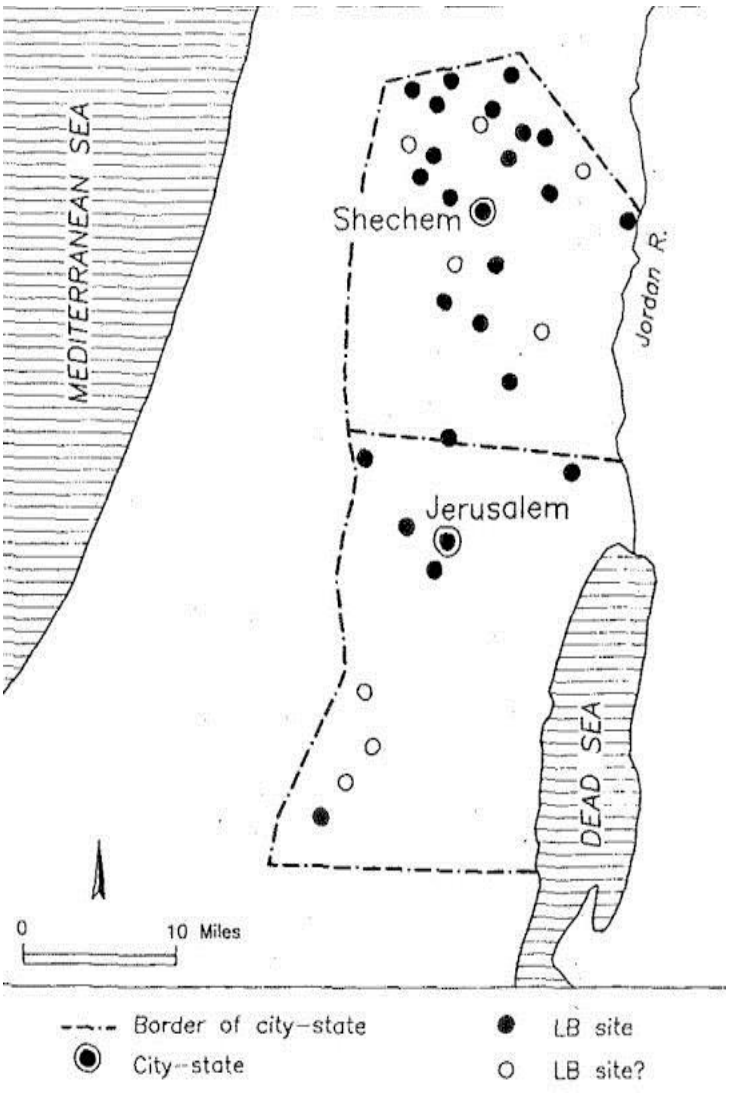
Каждый из северного и южного районов был во власти единого центра, который являлся по – видимому центром региональной политической и экономической централизации, а также, возможно, региональных религиозных обычаев. На юге, в эпохе ранней бронзы, таким был большой город, названный Хирбет – Э-Тель (библейский Гай), расположенный к северо – востоку от Иерусалима. Он охватывал площадь около 25 акров (ок. 10 гектаров), что составляет больше пятой части всей застроенной площади в южном нагорье. Его внушительные укрепления и монументальный храм подчеркивают его верховный статус в преимущественно сельском и скотоводческом южном нагорье. На севере было несколько главных городов, но господствующий только один, Тель – эль – Фара, расположенный вблизи большого пресноводного источника и охраняющий главную дорогу вниз к долине реки Иордан, по – видимому, контролирующий богатые сельскохозяйственные угодия региона. Это не простое совпадение, как мы увидим, что этот город, позже известный как библейская Тирца (Фирца), стал первой столицей северного царства Израиля.

В последующую эпоху средней бронзы в высокогорье волна расселения обладала точно такими же особенностями. На юге существовало очень мало постоянных поселений, большинство из них были крохотными, но было большое количество скотоводческих групп, о чем свидетельствуют их изолированные кладбища, не связаные с постоянными селениями. Север был гораздо более густонаселенным, с большей долей оседлых фермеров, чем скотоводов. Теперь главным городом на юге был Иерусалим, сильно укрепленный (каким был Гай в эпоху ранней бронзы), с присоединившимся вторичным центром, Хевроном, также укрепленным. Теперь крупным центром севера был Сихем. Раскопки на месте Телль – Балата на восточной окраине города выявили внушительные укрепления и массивный храм.

В дополнение к археологическим признакам северо – южного разрыва существуют неко-

торые важные текстуальные данные из Египта. Одним из источников являются так называемые тексты проклятий – надписи с проклятиями, написанные на керамических фрагментах статуэток военнопленных, которые должны были быть торжественно разбиты и похоронены, чтобы принести несчастье врагам Египта. Как древние варианты кукол вуду, покрытых зловещим граффити, эти тексты дают нам взглянуть на политическую географию Ханаана той эпохи, в частности тех мест и народов, которые наиболее угрожали египтянам. Тексты упоминают большое количество прибрежных и низменных городов, но только два горных центра: Сихем и (по мнению большинства ученых) Иерусалим.

Другая египетская ссылка на высокогорье дополняет картину. Это надпись, описывающая подвиги египетского генерала по имени Ху – Себек, который руководил египетской военной кампанией в горных районах Ханаана в девятнадцатом веке до н. э. Надпись ссылается на «землю» (а не «город») Сихем, и упоминает Сихем как параллель к Ретену – одному из египетских названий всей земли Ханаана. Это, кажется, показывает, что уже в начале второго тысячелетия до н. э. Сихем – один из важнейших центров царства Израиль – был центром большого территориального образования.



У нас нет текстовой информации о южных территориях средней бронзы, но есть много информации об их размере в следующий период – эпоху поздней бронзы. Письма из Тель – эль – Амарна 14–го века до н. э. подтверждают разделение центрального нагорья между двумя городами – государствами, или на самом деле ранними территориальными образованиями, Сихемом и Иерусалимом (Рис. 19). Большое количество писем обращается по имени к правителям этих двух городов – государств – царю по имени Абди – Хеба, который царствовал в Иерусалиме, и царю по имени Лабайю, который царствовал в Сихеме, каждый из которых контролировал территории размером около 1000 квадратных миль (ок. 2600 км^2). Это были крупнейшие территории, находящиеся под владением одного местного правителя, так как в это время прибрежная равнина и долины Ханаана были разделены на множество крошечных городов – государств, каждый из которых управлял небольшой территорией с относительно плотным населением. Хотя административно – территориальных единицы в нагорье были гораздо крупнее, но их население было гораздо меньше. Сихем и Иерусалим, Израиль и Иудея, всегда были отдельными и конкурирующими территориями. И для различия между ними были веские основания: север и юг занимали резко отличающиеся экологические зоны.

Два мира в нагорье

На первый взгляд кажется, что горная местность между долинами Изреель и Беэр – Шевы (Вирсавии) представляет собой однородный географический массив. Но экологические и топографические подробности предлагают совершенно иную картину. Север и юг имеют разные экосистемы, которые отличаются практически в каждом аспекте: топографии, скальных образованиях, климате, растительном покрове и потенциальных экономических ресурсах. Иудея всегда была самой отдаленной частью нагорья, изолированной топографическими и климатическими преградами. С другой стороны, северная часть нагорья состояла из смеси плодо-

родных долин, расположенных между примыкающими холмистыми склонами. Некоторые из этих долин имеют достаточно плодородной земли, чтобы содержать жителей нескольких деревень. Таким образом, это был довольно продуктивный регион, с внутренними долинами и восточной малорентабельной землей пустынной окраины, обрабатываемой в основном для выращивания зерна, в то время как в холмистых районах выращивали оливковые и виноградные сады. Хотя случайному путешественнику сегодня эта область по внешнему виду может показаться гораздо холмистей, чем на юге, в то же время передача и транспортировка сельскохозяйственной продукции здесь неизмеримо легче. Склоны к западу гораздо более умеренные и, по сути, способствуют, а не препятствуют проходу вниз к городам средиземноморской прибрежной равнины. На северной окраине этой области лежат широкие просторы долины Изреель, чрезвычайно богатого сельскохозяйственного района, который также служил в качестве основного сухопутного маршрута торговли и связи между Египтом и Месопотамией. На востоке пустынная степь была менее засушливой и менее суровой, чем дальше на юге, делая возможным относительно свободное перемещение людей и товаров между центральным хребтом, долиной реки Иордан и Трансиорданским нагорьем на востоке.

Любые территориальные единицы, которые возникали в северных горных районах, имели гораздо больший экономический потенциал, чем на юге. Хотя основной процесс заселения нагорья в обоих регионах была похож (переход от скотоводства и сезонного земледелия к все большей зависимости от специализированного сельского хозяйства), на севере для эксплуатации было больше ресурсов и богаче климат. На ранних стадиях каждой волны расселения, когда основная часть населения нагорья была сосредоточена на восточных окраинах степи и восточных долинах нагорья, они поддерживали сбалансированную, по сути самодостаточную экономику. Каждая сельская община обеспечивала свои собственные поставки как сельскохозяйственных культур, так и продуктов животноводства. Но когда демографическое давление и искушение экономических возможностей заставило расширяться к западной окраине нагорья, у северян было явное преимущество. Они смогли разработать более специализированную и сложную экономику, поскольку западные склоны северного нагорья были менее скалистыми, чем на юге, и гораздо более подходили для выращивания винограда и оливковых садов на небольших плоских участках на склонах холмов. Изначальная специализация в выращивании оливок и винограда способствовала развитию технологий для эффективной обработки этих продуктов в масло и вино. Это также привело к росту экономических институтов, таких как рынки, транспорт и обмен, для того, чтобы деревни, вырабатывающие вино и масло, могли получить жизненно необходимые зерно и продукты животноводства в обмен на свою собственную продукцию.

Результатом этого было усложнение общества северных горных районов и, в конечном счете, кристаллизация чего-то похожего на государство. Экспортная торговля с людьми низменности и, что более важно, на рынках в больших городах Египта и портах финикийского побережья продвинула все еще дальше. Таким образом, в начале железного века, северное нагорнье было готово стать богаче и более населенным, чем нагорье на юге.

Формирование государства в библейском мире

Эволюция горных районов Ханаана в два государственные образования была процессом естественного развития. Не существует каких бы то ни было археологических доказательств, что такое состояние севера и юга выросло из раннего политического единства, особенно одного с центром на юге. В десятом и девятом веках до н. э. Иудея была все еще очень слабонаселенной, с ограниченным количеством небольших деревень, на самом деле не больше двадцати или около того. Существуют все основания полагать, как из характерного родового состава, так и из археологических находок в Иудее, что скотоводческая часть населения была там по – прежнему значительной. И мы все еще не имеем твердых археологических доказательств, несмотря на беспрецедентные библейские описания его величия, что во времена Давида, Соломона и Ровоама Иерусалим был чем-то большим, чем скромная горная деревня. В то же время, северная половина нагорья – по сути территории, которые по сообщениям откололись от единой монархии – была густо оккупирована десятками населенных пунктов, с хорошо развитой системой расселения, которая включала крупные региональные центры, деревни всех размеров и крохотные деревушки. Проще говоря, в то время как Иудея была все еще экономи-

чески незначительной и отсталой, Израиль был на подъеме.

В самом деле, Израиль был на пути к развитой государственности в пределах нескольких десятилетий после предполагаемого конца единой монархии, около 900 года до н. э. Под развитой мы имеем в виду территорию, управляемую бюрократическим аппаратом, что проявляется в социальном расслоении, заметном по распространению предметов роскоши, крупным строительным проектам, процветающей экономической активности, включая торговлю с соседними регионами, а также очень развитой системе расселения.

В Израиле региональные административные центры развились в начале девятого века. Они были укреплены и обеспечены искусно сделанными дворцами, построенными из блоков тесаного камня и украшенными каменными капителями. Самые лучшие образцы найдены в Мегиддо, Изрееле и Самарии. Однако, на юге каменные капители и кладка из тесаного камня появляются только в седьмом веке до н. э. и то в меньших размерах, показывая меньшее иностранное влияние, и с худшим качеством строительства. Существует также большая разница в планировке и застройке столичных городов. Самария, столица северного царства, была основана как большой, роскошный центр правительства еще в девятом веке. Иерусалим стал полностью урбанизированным только в конце восьмого века.

Кроме того, производство оливкового масла развилось в Израиле еще в девятом веке. Но в Иудее, производство оливкового масла сместилось из местных частных домохозяйств в государственную промышленность только в седьмом веке до н. э. Наконец, мы должны посмотреть на историю заселения нагорья, согласно которой север был заселен раньше, чем Иудея, и достиг гораздо более высокого уровня заселения. В целом, можно с уверенностью сказать, что северное царство Израиль превратилось в полностью развитое государство не позднее, чем в начале девятого века до н. э. – в то время, когда общество и экономика Иудеи мало изменились от своих горных истоков. Все это также поддерживается историческими данными. В следующей главе мы увидим, как северное царство вдруг появилось на древней ближневосточной арене в качестве крупной региональной силы в коалиции, которая столкнулась с ассирийским царем Салманасаром III в битве при Каркаре в 853 году до н. э.

Не существует никаких сомнений, что два государства железного века, Израиля и Иудея, имели много общего. Оба поклонялись ЯХВЕ (среди других божеств). Их народы разделяли многие легенды, героев и рассказы о событиях далекого прошлого. Они также говорили на похожих языках (или диалектах иврита), и к восьмому веку до н. э оба писали тем же письмом. Но они также очень отличались друг от друга своим демографическим составом, экономическим потенциалом, материальной культурой и отношениями со своими соседями. Проще говоря, Израиль и Иудея переживали совсем разные истории и развили своеобразные культуры. В некотором смысле, Иудея была чуть больше сельской глубинки Израиля.

Век появления Израиля

На протяжении всех тысячелетий человеческой истории Ханаана, северное нагорье имело возможность быть богаче, чем южное нагорье, но оно не было столь процветающим и урбанизированным как ханаанские города – государства низменностей и прибрежной равнины. Что сделало возможным начальную независимость нагорье так это то, что, как мы видели, система городов – государств Ханаана в конце поздней бронзы испытала серию катастрофических разрушительных потрясений. Будь то по причине грабежей народов моря, или междугородного соперничества, или социальных волнений, экономике низменностей был нанесен сокрушительный удар.

Со временем, ханаанские жители низменностей снова стали процветать. К одиннадцатому веку до н. э. филистимляне, которые предварительно поселились вдоль южного побережья, объединили силу своих городов. Финикийские преемники прибрежных хананеев оккупировали морские порты на севере. В северных долинах, в то время как крупные города, такие как Мегиддо, в течении двенадцатого века до н. э. страдали от разрушения, жизнь в менее урбанизированной сельской местности непрерывно продолжалась. После нескольких десятилетий заброшенности даже крупные города были вновь оккупированы, по – видимому, тем же населением – местными жителями ханаанской низменности – и некоторые из наиболее важных ханаанских центров были восстановлены и продолжали существовать до десятого века до н. э.

Мегиддо является хорошим примером этого процесса. Через несколько десятилетий по-

сле разрушения города поздней бронзы с его искусно сделанным дворцом, на этом месте было возобновлено скромное поселение. Еще через нескольких десятилетий появились существенные признаки строительства и роста населения, вплоть до того, что Мегиддо вновь стал значительным городом (названным слоем VIA) почти со всеми признаками его прежней ханаанской культуры. Стили керамики напоминали такие же двенадцатого века до н. э.; планировка города напоминала размер и планировку последнего города в Мегиддо поздней бронзы, и самое главное, ханаанский храм по – прежнему функционировал. Раскопки в других крупных местах в долинах и северной прибрежной равнине, таких как Тель – Дор (на побережье к западу от Мегиддо) и Тель – Рехов (к югу от Галилейского моря), выявили аналогичную картину продолжения мира ханаанских городов – государств, с крупными городами, доминирующими над процветающей сельской местностью.

Но этот поздний расцвет Ханаана был недолгим. Города севера будут разрушены огнем и мечом. Опустошение было столь подавляющим, что они никогда не оправилась от шока. Это был последний вздох Ханаана. Что случилось?

Египет, который прошел через длительный период упадка и ухода из международной арены, наконец был готов восстановить свою власть над землями на севере. В конце десятого века до н. э. фараон Сусаким, основатель двадцать второй династии (известный в египетских надписях как Шешонк), начал агрессивный рейд на север. Это египетские вторжения упоминается в Библии, с отчетливой иудейской точки зрения, в отрывке, который предлагает самое раннее сопоставление между внешними историческими документами и библейским текстом: *«На пятом году царствования Ровоамова, Сусаким, царь Египетский, вышел против Иерусалима и взял сокровища дома Господня и сокровища дома царского, – Все взял; взял и все золотые щиты, которые сделал Соломон.»* (3 Царств 14:25–26). Но теперь мы знаем, что Иерусалим был далеко не единственной и даже не самой важной целью. Триумфальная надпись, сделанная по приказу Шешонка для стен большого храма в Карнаке в Верхнем Египте, перечисляет более ста пятьдесяти городов и деревень, опустошенных в ходе этой кампании. Они расположены на юге, сквозь центральное нагорье и сквозь долину Изреель и прибрежную равнину.

Когда-то великие ханаанские городе Рехов, Бет – Шеан (Вефсан), Таанах (Фаанахе) и Мегиддо перечислены в качестве мишеней египетских войск, и действительно в Мегиддо был найден фрагмент победной стелы, носящий имя Сусакима, но к сожалению, в свалке предыдущих раскопок, поэтому его точная археологическая связь была неясна. Толстые слои пожара и разрушения, выявленные в этих и других крупных городах севера, предоставляют драматические свидетельства внезапного и полного распада этой поздней ханаанской системы в конце десятого века до н. э. И Сусаким, который проводил кампанию в этом регионе в 926 году до н. э., является наиболее вероятным кандидатом, вызвавшим эту волну разрушения. Список в Карнаке и результаты последних раскопок, по – видимому, указывают на то, что Сусаким также ударил по развивающейся сети ранних деревень израильтян в нагорье.

Но кампания Сусакима не привела к прочному египетскому контролю Ханаана. Когда пыль осела, стало ясно, что удар в нагорье было только вспышкой (единственными видимыми последствиями которой стала заброшенность нескольких деревень к северу от Иерусалима). Но удар, нанесенный возрожденным ханаанским городам в долине Изреель был смертельным. Это имело огромное значение, так как уничтожение последних остатков ханаанской системы городов – государств открыло окно возможностей для людей северного нагорья, в то время уже переживающих период интенсивного экономического и демографического роста. Это открыло путь для возникновения полноценного царства, которое разширилось от северного нагорья до прилегающех низменностей в самом конце десятого века, или более вероятно, в начале девятого века до н. э.

Далеко на юге, южное нагорье (несколько деревень в окрестностях Иерусалима) продолжало старый строй разбросанных деревень и скотоводства. Несмотря на поздние библейские повествования о великой империи Давида и Соломона, которая подчинит и будет управлять страной от Дана на севере до Беэр – Шевы (Вирсавии) на юге, настоящая государственность не наступит здесь в течение еще двух сотен лет.

Четыре самосбывающиеся пророчества

Почему Библия рассказывает историю раскола и отделения Израиля от Иудеи, которая

так расходится с историческими свидетельствами? Если вековые ритмы жизни в горных районах Ханаана продиктовали две самостоятельные региональные культуры и, если государства Израиль и Иудея были по своей природе настолько разными с самого начала, почему в Библии они так систематически и убедительно изображают государства – близнецы?

Ответ намекнули четыре боговдохновенные предсказания будущего, которые умело вплетены в повествование о распаде единой монархии и создании независимого царства Израиля. Эти предстазания, написанные в форме прямого общения между Богом и большим количеством пророков, отражают попытки позднего поколения иудейских толкователей объяснить неожиданные повороты истории.

Народ Иудеи верил, что Бог обещал Давиду, что его династия, основанная в Иерусалиме, всегда будет в безопасности. Тем не менее, на протяжении веков Иудея оказалась в тени Израиля, чьи цари уделяли Иерусалиму мало внимания. Как это могло случиться? Библейское повествование прямо возлагает вину на религиозную неверность царя *Иудеи* . И оно обещает, что разделение Израиля на два соперничающих царства будет только временным наказанием за грехи старшего члена благословленной Богом династии Давида.

Первое пророчество за развал единства Израиля категорически порицало личные преступления сына Давида Соломона. Хотя Соломон был изображен одним из величайших царей всех времен, мудрым и богатым, правящим от Евфрата до границ Египта, он также был грешником, беря чужестранных женщин в качестве жен в свой царский гарем. Именно такой вид любовной связи ЯХВЕ строго запретил израильтянам, чтобы браки с идолопоклоннническими женщинами не обратили их сердце к поклонению другим богам. И это именно то, что сообщает Библия: *«Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу Богу своему, как сердце Давида, отца его. И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской. И делал Соломон неугодное пред очами Господа и не вполне последовал Господу, как Давид, отец его. Тогда построил Соломон капище Хамосу, мерзости Моавитской, на горе, которая пред Иерусалимом, и Молоху, мерзости Аммонитской. Так сделал он для всех своих чужестранных жен, которые кадили и приносили жертвы своим богам.»* (3 Царств 11:4–8)

Таким образом, наказание было неизбежным для наследника Давида, который *«не вполне последовал Господу, как Давид, отец его».* Поэтому ЯХВЕ сказал Соломону:

«И сказал Господь Соломону: за то, что так у тебя делается, и ты не сохранил завета Моего и уставов Моих, которые Я заповедал тебе, Я отторгну от тебя царство и отдам его рабу твоему; но во дни твои Я не сделаю сего ради Давида, отца твоего; из руки сына твоего исторгну его; и не все царство исторгну; одно колено дам сыну твоему ради Давида, раба Моего, и ради Иерусалима, который *Я избрал». (3 Царств 11:11–13)*

Таким образом первоначальное обещание Давиду была скомпрометировано, хотя и не полностью приостановлено, грехом Соломона.

Второе пророчество связано с «рабом Соломона», который будет править вместо Давида. Им был Иеровоам, сын Навата, ефремлянин, который служил в администрации Соломона чиновником, ответственным за принудительный набор работников среди племен на севере страны. Однажды по пути из Иерусалима он столкнулся с пророком Ахией из Силома, который сорвал с него одежду, в которую тот был одет, и разорвал ее на двенадцать частей, вручив Иеровоаму десять клочков. Пророчество Ахии было драматичным и роковым:

«Возьми себе десять частей, ибо так говорит Господь Бог Израилев: вот, Я исторгаю царство из руки Соломоновой и даю тебе десять колен, а одно колено останется за ним ради раба Моего Давида и ради города Иерусалима, который Я избрал из всех колен Израилевых. Это за то, что они оставили Меня и стали поклоняться Астарте, божеству Сидонскому, и Хамосу, богу Моавитскому, и Милхому, богу Аммонитскому, и не пошли путями Моими, чтобы делать угодное пред очами Моими и соблюдать уставы Мои и заповеди Мои, подобно Давиду, отцу его. Я не беру всего царства из руки его, но Я оставлю его владыкою на все дни жизни его ради Давида, раба Моего, которого Я избрал, который соблюдал заповеди Мои и уставы Мои; но возьму царство из руки сына его и дам тебе из него десять колен; а сыну его дам одно колено, дабы оставался светильник Давида, раба Моего, во все дни пред лицем Моим, в городе Иерусалиме, который Я избрал Себе для пребывания там имени Моего. Тебя Я избираю, и ты будешь владыче-

ствовать над всем, чего пожелает душа твоя, и будешь царем над Израилем; и если будешь соблюдать все, что Я заповедую тебе, и будешь ходить путями Моими и делать угодное пред очами Моими, соблюдая уставы Мои и заповеди Мои, как делал раб Мой Давид, то Я буду с тобою и устрою тебе дом твердый, как Я устроил Давиду, и отдам тебе Израиля; и смирю Я род Давидов за сие, но не на все дни. « (3 Царств 11:31–39)

В отличие от обещания Давиду, Божье обещание Иеровоаму было условным: ЯХВЕ будет защищать его государство только до тех пор, пока он будет делать то, что будет правильным в глазах Бога. Но он не делал:

"И обстроил Иеровоам Сихем на горе Ефремовой и поселился в нем; оттуда пошел и построил Пенуил. И говорил Иеровоам в сердце своем: царство может опять перейти к дому Давидову; если народ сей будет ходить в Иерусалим для жертвоприношения в доме Господнем, то сердце народа сего обратится к государю своему, к Ровоаму, царю Иудейскому, и убьют они меня и возвратятся к Ровоаму, царю Иудейскому. И посоветовавшись царь сделал двух золотых тельцов и сказал народу: не нужно вам ходить в Иерусалим; вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли Египетской. И поставил одного в Вефиле, а другого в Дане. И повело это ко греху, ибо народ стал ходить к одному из них, даже в Дан." (3 Царств 12:25–30)

Недавно установленный царь Иеровоам вскоре получил шокирующее видение гибели. В разгар совершения богослужения в храме золотого тельца в Вефиле, во время осеннего праздника, вероятно, для того, чтобы отвлечь паломников от торжеств в Иерусалиме, Иеровоам столкнулся у алтаря с пророческой личностью, которая в библейском тексте определена только как «человек Божий».

"И вот, человек Божий пришел из Иудеи по слову Господню в Вефиль, в то время, как Иеровоам стоял у жертвенника, чтобы совершить курение. И произнес к жертвеннику слово Господне и сказал: жертвенник, жертвенник! так говорит Господь: вот, родится сын дому Давидову, имя ему Иосия, и принесет на тебе в жертву священников высот, совершающих на тебе курение, и человеческие кости сожжет на тебе." (3 Царств 13:1–2)

Это беспрецедентное пророчество, потому что «человек Божий» раскрыл имя конкретного царя Иудеи, который, три века спустя, прикажет уничтожить эту самую святыню, убивая ее жрецов и оскверняя алтарь их останками. Это что-то похоже на чтение истории о рабстве, написанной в колониальной Америке семнадцатого века, в которой присутствует отрывок, предсказывающий рождения Мартина Лютера Кинга. И это еще не все: Иеровоам был глубоко потрясен пророчеством, и вскоре после этого его сын Авия заболел. Жена Иеровоама немедленно проследовала в старый культовый центр Силом за советом пророка Ахии – того самого пророка, который предсказал, что Иеровоам скоро будет править в качестве царя северных племен. У Ахии не было слов для утешения обеспокоенной матери. Вместо этого он выдал четвертое пророчество, одно из самых леденящих, которые содержит Библия:

«Пойди, скажи Иеровоаму: так говорит Господь Бог Израилев: Я возвысил тебя из среды простого народа и поставил вождем народа Моего Израиля, и отторг царство от дома Давидова и дал его тебе; а ты не таков, как раб Мой Давид, который соблюдал заповеди Мои и который последовал Мне всем сердцем своим, делая только угодное пред очами Моими; ты поступал хуже всех, которые были прежде тебя, и пошел, и сделал себе иных богов и истуканов, чтобы раздражить Меня, Меня же отбросил назад; за это Я наведу беды на дом Иеровоамов и истреблю у Иеровоама до мочащегося к стене, заключенного и оставшегося в Израиле, и выметту дом Иеровоамов, как выметают сор, дочиста; кто умрет у Иеровоама в городе, того съедят псы, а кто умрет на поле, того склюют птицы небесные; так Господь сказал. Встань и иди в дом твой; и как скоро нога твоя ступит в город, умрет дитя; и оплачут его все Израильтяне и похоронят его, ибо он один у Иеровоама войдет в гробницу, так как в нем, из дома Иеровоамова, нашлось нечто доброе пред Господом Богом Израилевым. И восставит Себе Господь над Израилем царя, который истребит дом Иеровоамов в тот день; и что? даже теперь. И поразит Господь Израиля, и будет он, как тростник, колеблемый в воде, и извергнет Израильтян из этой доброй земли, которую дал отцам их, и развеет их за реку, за то, что они сделали у себя идолов, раздражая Господа; и предаст Господь Израиля за грехи Иеровоама, которые он сам сделал и которыми ввел в грех Израиля» (3 Царств 14:7–16)

Аккуратность предыдущего пророчества «Божьего человека» выдает эпоху, когда оно

было написано. Царь Иосия из династии Давида, который завоевал и разрушил жертвенник в Вефиле, жил в конце седьмого века до н. э. Почему история, которая происходит в конце десятого века до н. э., нуждается во внесении фигуры из такого далекого будущего? Что является причиной описания того, что будет делать праведный царь по имени Иосия? Ответ на этот вопрос такой же, какой мы предложили для объяснения, почему истории патриархов, Исхода и завоевания Ханаана переполнены намеками седьмого века. Неизбежным является тот факт, что книги Царств такие же страстные религиозные аргументы, написанные в седьмом века до н. э., какими они являются произведениями истории. К этому времени Израильское царство уже исчезало из памяти, со своими разрушенными городами и большим количеством своих жителей, выдворенных в отдаленные уголки ассирийской империи. В то же время Иудея была процветающей и развивающей территориальные амбиции, претендующая стать единственным законным наследником обширной территории Израиля. Идеология и теология историка конца монархии была основана на нескольких столпах, одним из наиболее важных из которых была мысль, что израильский культ должен быть полностью централизован в Иерусалимском храме. Конкурирующий северный культовый центр в Вефиле, недалеко от Иерусалима, должен был рассматриваться в качестве угрозы еще до разрушения северного царства. И что еще хуже, он по – прежнему был действующим в начале седьмого века, вероятно, привлекая людей, живущих на территории бывшего северного царства, в большинстве израильтян, избежавших изгнания. Он создавал опасную конкуренцию политическим, территориальным и теологическим амбициям Иудеи во времена царя Иосии. И неизбежность падения Израиля, и триумфа Иосии, стала главной темой библейского рассказа.

Самая поучительная история

Таковы причины, почему на протяжении описания истории северного царства девтерономический историк передает читателю двойное, несколько противоречивое послание. С одной стороны он изображает Иудею и Израиль как государства – сестры, но с другой стороны он развивает между ними сильную вражду. Это было стремление Иосии распространиться на север и взять под контроль территории в нагорье, которые когда-то принадлежали северному царству. Таким образом, Библия поддерживает это стремление, объясняя, что северное царство было создано на территориях мифической объединенной монархии, которой правили из Иерусалима; что оно было родственным израильским государством; что его люди были израильтянами, которые должны поклоняться в Иерусалиме; что израильтяне, все еще проживающие на этих территориях, должны повернуться лицом к Иерусалиму; и что Иосия, наследник престола Давида и вечного обещания ЯХВЕ Давиду, является единственным законным наследником территории побежденного Израиля. С другой стороны, авторам Библии, нужно было сделать незаконным северный культ, особенно святыню в Вефиле, и показать, что все самобытные религиозные традиции северного царства были порочными, что они должны быть уничтожены и заменены централизованным поклонением в Иерусалимском храме.

Девтерономическая История выполняет все это. В конце 2 Царств благочестивый Давид показан основателем великой империи. В начале 3 Царств его сын Соломон садится на престол и продолжает процветать. Но богатства и процветания не достаточно. Наоборот, они привели к идолопоклонству. Грех Соломона привел к гибели Золотого Века. Затем ЯХВЕ избрал Иеровоама руководить отколовшимся государством северного царства, чтобы быть вторым Давидом. Но грехи Иеровоама даже больше, чем Соломона, и северное царство упускает свои возможности истории. Остальная история севера – это печальный упадок вплоть до уничтожения.

Однако, под руководством Иосии, наступает время, когда возрастет величие Иудеи. Но для того, чтобы возродить Золотой Век, этот новый Давид должен сначала отменить грехи Соломона и Иеровоама. Путь к величию должен пройти через очищение Израиля, главным образом, через разрушение святыни в Вефиле. Это приведет к воссоединению всего Израиля, людей и территории, под Храмом ЯХВЕ и престолом Давида в Иерусалиме.

Важно помнить то, что библейское повествование рассматривает раздел объединенной монархии Давида и Соломона не как заключительный акт, а как временную неудачу. Счастливый конец все еще возможен. Если люди решатся изменить свой образ жизни и снова жить как святой народ отдельно от чужестранных идолов и соблазнов, ЯХВЕ победит всех их врагов и даст им вечный покой и удовлетворение в их земле обетованной.

Глава 7. Забытое первое царство Израиля (884–842 гг. до н. э.)

Жестокость, идолопоклонство и жадность были отличительными чертами северного царства Израиль, как это изображено в кровавых подробностях в третьей и четвертой книгах Царств. После Иеровоама главные злодеи этой истории – это омриды, великая северная династия, основанная бывшим израильским военачальником по имени Омри (Амврий), чьи наследники выросли настолько могущественными, что им со временем удалось даже посадить одну из своих принцесс на престол Иудейского царства. Библия обвиняет самую известную чету омридов (царя Ахава и его пресловутую жену Иезавель, финикийскую принцессу) в многократном совершении некоторых из величайших библейских грехов: введении в земле Израиля культа чужих богов, убийстве жрецов и верных пророков Яхве, несправедливой конфискации собственности своих подданных и нарушении священной традиции Израиля с высокомерной безнаказанностью. Омриды вспоминаются как одни из самых презираемых персонажей библейской истории. Но новые археологические видения Израильского царства предлагает совершенно иной взгляд на их правление. Действительно, если бы библейские авторы и редакторы были историками в современном смысле этого слова, то они могли бы сказать, что Ахав был могущественным царем, который первым привел Израильское царство к известности на мировой арене, и что его брак с дочерью финикийского царя Эфваала был блестящим ходом в международной дипломатии. Они могли бы сказать, что омриды построили великолепные города в качестве административных центров своего растущего царства. Они могли бы сказать, что Ахаву и его отцу Омри до него удалось построить одну из самых сильных армий в регионе, с которой они завоевали обширные территории далеко на севере и в Трансиордании. Конечно, они также могли бы отметить, что Омри и Ахав не были особенно благочестивыми и что они иногда были своенравными и действовали жестоко. Но то же самое можно сказать практически о любом другом монархе древнего Ближнего Востока.

В самом деле, Израиль как государство пользовался природными богатствами и обширными торговыми связями, которые сделали его в значительной степени неотличимым от других процветающих царств региона. Как было отмечено в предыдущей главе, Израиль имел необходимую структуру, чтобы предпринять монументальные строительные проекты, создать профессиональную армию и аппарат чиновников, а также развить сложную иерархию городов, поселков и деревень, что сделало его первым полноценным израильским царством. Его характер, цели и достижения значительно отличались от таковых в Иудейском царстве. Поэтому они были почти полностью затушеваны библейским осуждением, которое поддерживает поздние претензии на господство южной династии Давида, унижая и искажая почти все, что сделала северная династия омридов.

Взлет и падение дома Омри

Книги Царств предлагают только поверхностное описание первых бурных десятилетий самостоятельного Израильского царства. После двадцати двух лет правления Иеровоама его сын и преемник Надав был свергнут в результате военного переворота, при котором все выжившие члены дома Иеровоама были убиты (таким образом, четко исполняя слова пророка Ахии о том, что никто из наследников Иеровоама не выживет). Новый царь Вааса, возможно, бывший военачальник, сразу же показал свой воинственный характер, объявив войну Иудейскому царствуо и продвинув свои войска в направлении Иерусалима. Но он был вынужден срочно снять свое давление на южное царство, когда в его собственное царство вторгся царь Дамаска Венадад.

Вскоре после смерти Ваасы его сын Ила был свергнут в результате еще одного военного восстания, при котором дом Ваасы был уничтожен (3 Царств 16:8–11). Но лидер восставших Зимри (Замврий), командующий колесницами, правил в течение всего семи дней. Народ Израиля поднялся, чтобы провозгласить следующим царем Израиля командующего армией Омри (Амврия). После короткой осады царской столицы Фирцы и самоубийства в пылающем дворце узурпатора Замврия Омри укрепил свою власть и установил династию, которая будет править северным царством в течении следующих сорока лет.

За двенадцать лет своего правления Омри построил новую столицу в месте под названием Самария и заложил основы для дальнейшего правления своей собственной династии. Затем на престол взошел его сын Ахав, который царствовал над Израилем в течение двадцати

двух лет. Библейская оценка Ахава была даже более жесткой, чем ее обычное отношение к северным монархам, подробно излагая степень его внешних связей и идолопоклонства с акцентом на его известную иностранную жену, которая привела своего мужа к отступничеству:

"И делал Ахав, сын Амврия, неугодное пред очами Господа более всех бывших прежде него. Мало было для него впадать в грехи Иеровоама, сына Наватова; он взял себе в жену Иезавель, дочь Ефваала царя Сидонского, и стал служить Ваалу и поклоняться ему. И поставил он Ваалу жертвенник в капище Ваала, который построил в Самарии. И сделал Ахав дубраву, и более всех царей Израильских, которые были прежде него, Ахав делал то, что раздражает Господа Бога Израилева." (3 Царств 16:30–33)

Иезавель, как сообщается, поддерживала языческое жречество в Самарии, принимая за своим просторным царским столом «*четыреста пятьдесят пророков Ваала и четыреста пророков Астарты* «. И она распорядилась, чтобы все пророки Яхве в Израильском царство были убиты.

ТАБЛИЦА 3
ДИНАСТИЯ ОМРИДОВ

Царь	Время правления *	Библейское свидетельство	Не-библейские данные	Археологические находки
Омри (Амврий)	884-873 гг. до н.э.	Основание Самарии	Упомянут на стеле Меши из Моава	Основание Самарии
Ахав	873-852 гг. до н.э.	Берет в жены финикийскую принцессу Иезавель; строит дом Ваала в Самарии; ворует виноградник Навуфея; ему противостоит пророк Илия; ведет несколько воен с арамеями и гибнет на поле боя	Салманасара III упоминает большые колесничные войска Ахава в битве при Каркаре в 853 году до н.э.; был, возможно, упомянут в надписи из Тель Дана	Основной этап строительства в Самарии, крепость в Изрееле; дворцы в Мегиддо; стены и ворота в Хацоре
Охозия	852-851 гг. до н.э.	Короткое правление; заболевает и умирает		
Иорам	851-842 гг. до н.э.	Побеждает Моав; ранен в бою с Азаилом из Арам-Дамаска; пророчества Елисея	По-видимому, упомянут в надписи из Тель Дана	Уничтожение крепости в Изрееле, а также слои разрушения в других местах на севере

** Согласно Anchor Bible Dictionary и «Хронологии царей Израиля и Иудеи» Гершона Галиля*

Затем библейское повествование большую часть своего описания омридов посвящает их преступлениям и грехам, а также их текущему противостоянию с Илией и его протеже Елисеем, двумя известными пророками Яхве, которые бродили по всему северу. Вскоре Илия столкнулся с Ахавом и потребовал, чтобы все пророки Ваала и Астарты, «которые едят за столом Иезавели», собрались на гору Кармил для состязания священных волеизъявлений. Там, перед «всем народом», каждая из двух сторон построила алтарь своему богу и принесла на нем в жертву быка, упрашивая избранное божество поглотить жертву огнем. В то время как Ваал не ответил на крики своих пророков, Яхве немедленно послал с небес большой огонь, чтобы употребить жертвоприношение Илии. Видя это, собранные очевидцы пали на лица свои. «Господь есть Бог», – закричали они, потом схватили пророков Ваала и перерезали их у ручья Кишон.

Царица Иезавель впала в ярость, и Илия быстро сбежал в пустыню. Достигнув опустошенной степи у Хорива, Божьей горы, он получил божественное откровение. Яхве говорил непосредственно с Илией и произнес пророчество о гибели всего дома Омри. Яхве поручил ему помазать Азаила на царя самого опасного противника Израиля, Арам – Дамаска. Илие также было приказано помазать военачальника Ахава Ииуя на следующего царя Израиля. Наконец,

Илие было поручено поставить вместо себя пророка Елисея. Эти трое, определил Яхве, накажут дом Омри за его грехи: *«Кто убежит от меча Азаилова, того умертвит Иуй; а кто спасется от меча Иуева, того умертвит Елисей.»* (3 Царств 19:17).

Не смотря на это Яхве дал северному царству второй шанс, когда пришел на помощь Израилю в тот момент, когда Венадад, царь Арам – Дамаска, вторгся в страну и осадил Самарию. В следующем году он дал и третий шанс, когда он позволил Ахаву победить Венадада в сражении у озера Кинерет. Но Ахав оказался недостойным этой божественной помощи. Он решил сохранить жизнь своего врага в обмен на земные вознаграждения: возвращение городов, ранее принадлежавших Израильскому царству, и право «устанавливать базары» в Дамаске. Пророк Яхве сказал Ахаву, что он заплатит своей жизнью за неповиновение требованию Яхве предать Венадада мечу.

Потом Библия повествует о безнравственном поведении злой четы с собственным народом, еще одном грехе, за который они должны были бы заплатить своей жизнью. Случилось так, что человек по имени Навуфей владел виноградником возле дворца Ахава в Изрееле, и этот виноградник встал на пути планов развития Ахава. Стремясь захватить земли для расширения своего дворца, Ахав сделал Навуфею предложение, от которого, думал Ахав, тот не сможет отказаться: он возьмет виноградник Навуфея и даст ему гораздо лучший, или, если Навуфея захочет, Ахав оплатит ему деньгами. Но Навуфей не был заинтересован по какой-либо причине раздавать свое семейное наследство и он упорно отказывался. Жена Ахава Иезавель имела другое решение: она сфабриковала против Навуфея доказательства в богохульстве и в удовлетворении наблюдала, как Навуфея до смерти побили камнями люди Изрееля. Не успел Ахав овладеть виноградником, как пророк Илия еще раз явился на сцене. Его пророчество было ужасающим: *Так говорит Господь: "Ты убил, и еще вступаешь в наследство?... На том месте, где псы лизали кровь Навуфея, псы будут лизать и твою кровь. ... Вот, Я наведу на тебя беды и выметy за тобою и истреблю у Ахава мочащегося к стене и заключенного и оставшегося в Израиле. И поступлю с домом твоим так, как поступил Я с домом Иеровоама, сына Наватова, и с домом Ваасы, сына Ахиина, за оскорбление, которым ты раздражил Меня и ввел Израиля в грех". Также и о Иезавели сказал Господь: "Псы съедят Иезавель за стеною Изрееля. Кто умрет у Ахава в городе, того съедят псы, а кто умрет на поле, того расклюют птицы небесные."* (3 Царств 21:19–24)

В то время царства Израиля и Иудеи заключили союз, в котором царь Иудеи Иосафат объединил войска с Ахавом, чтобы воевать с Арам – Дамаском у Галаадского Рамофа по ту сторону реки Иордан. В ходе боя Ахав был поражен стрелой и умер на поле боя. Его тело привезли в Самарию для царского погребения, а когда промывали его колесницу, то собаки лизали его кровь – мрачное исполнение пророчества Илии. Затем на престол вступил Охозия, сын Ахава, и он тоже тяжело согрешил. Пострадав от падения «через решетку с горницы своей, в Самарии», он отправил послов проконсультироваться у Веельзевула, бога филистимского города Экрон, о перспективах своего выздоровления. Но Илия, карая его за обращение к иностранному идолу, а не к Яхве, объявил о его неминуемой смерти. Наконец на трон взошел Иорам, брат Охозии, четвертый и последний царь династии омридов. В ответ на восстание Меши, царя Моава, который долго был вассалом Израиля, Иорам пошел против Моава. К нему присоединились Иосафат, царь Иудеи, и неназванный царь Эдома. Пророк Елисей предсказал победу только потому, что с ними был праведный иудейский царь Иосафат. И действительно, союз Израиля, Иудеи и Эдома победил моавитян, и их города были разрушены. Но династия омридов не смогла в итоге избежать своей судьбы полного уничтожения. С воцарением над Дамаском Азаила военная и политическая удача отвернулась от династии омридов. Азаил разбил армию Израиля в Галаадском Рамофе к востоку от Иордана, а израильский царь Иорам был тяжело ранен на поле боя. В этот момент кризиса Елисей направил одного из сыновей пророков Яхве, чтобы помазать Иуя, командующего армией, царем над Израилем. Таким образом, он, наконец, поразит дом Ахава. Так оно и случилось. Возвращаясь в компании царя Иудеи Охозии в дворец омридов в Изрееле, чтобы исцелить свои раны, Иорам столкнулся с Иуем (символически, в винограднике Навуфея), который и убил его стрелой, пущенной в самое сердце. Охозия пытался бежать, но был ранен, и скончался в соседнем городе Мегиддо, к которому он бежал. С уничтожением семьи Ахава близилась кульминация. Потом Иуй вошел в царскую кре-

пость Изрееля и приказал выбросить Иезавель из окна верхнего этажа дворца. Иуй приказал своим рабам забрать ее тело для погребения, но они обнаружили во дворе только ее череп, ноги и кисти рук – бродячие собаки съели тело Иезавели, как и предупреждало ужасающее пророчество Илии. В то же время сыновья Израильского царя, живущие в Самарии, – всего семьдесят – были убиты, а их головы были положены в корзину и отправлены к Иую в Изреель. Он распорядился, чтобы эти головы были выставлены на всеобщее обозрение у входа городских ворот. Затем Иуй отправился в Самарию, где он убил все, что осталось от дома Ахава. Таким образом, династия омридов была упразднена навсегда, и страшное пророчество Илии было исполнено до последнего слова.

Отдаленные границы и военная мощь

Придворная трагедии дома Омри является литературной классикой, наполненной яркими персонажами и театральными сценами, в которых преступления царской семьи против собственного народа обернулись кровавой кончиной. Память о правлении Ахава и Иезавели, очевидно, осталась яркой на протяжении веков, как мы видим по их включению таким выдающимся способом в Девтерономическую историю, составленную через двести лет после их смерти. Тем не менее, библейское повествование так тщательно заполнено противоречиями и анахронизмами и так очевидно находится под влиянием теологии писателей седьмого века до н. э., что оно должно рассматриваться скорее как исторический роман, а не как точные исторические хроники. Среди других несоответствий – описанное в истории северного царства вторжение в Самарию Венадада, царя Дамаска, произошло не во время царствования Ахава, а позже. Упоминание союза Израиля с неназванным царем Эдома также является анахронизмом, так как нет никаких доказательств существования в Эдоме монархии до времени, которое позднее более чем на сто лет от времени правления омридов. На самом деле, когда из библейского рассказа вынять анахронизмы, истории изданных угроз, выполненые пророчества, то остается очень мало поддающегося проверке исторического материала, за исключением последовательности израильских царей, некоторых из их самых известных строительных проектов, а также общие направления военной деятельности.

К счастью существуют, впервые в истории Израиля, некоторые важные внешние источники исторической информации, которые позволяют нам увидеть омридов с другой точки зрения: как могущественных в военном отношении правителей одного из самых сильных государств Ближнего Востока. Ключом к этому новому пониманию является внезапное появление монументальных надписей, которые непосредственно ссылаются на царство Израиль. Первое упоминание о северном царстве во времена омридов не случайно. Продвижение ассирийской империи от ее месопотамской глубинки на запад, с ее развитой бюрократией и древними традициями записывания деяний своих правителей в открытых описаниях – оказало глубокое влияние на культуру таких кристаллизированных государств, как Израиль, Арам и Моав. Начиная с девятого века до н. э. в записях ассирийцев о себе и о других меньших сил Ближнего Востока, мы, наконец, из первых рук получили некоторые свидетельства о событиях и личностях, описанных в библейском тексте.

Во времена Давида и Соломона, политическая организация в регионе еще не достигла той стадии, когда уже существуют обширная бюрократия и монументальные надписи. Спустя век, во времена омридов, внутренние экономические процессы и внешнее политическое давление привели к росту полностью развитых территориальных, национальных государств в Леванте. В антропологическом смысле, под *полностью развитой* мы подразумеваем территорию, управляемую сложным бюрократическим аппаратом, способным организовать крупные строительные проекты, содержать постоянную армию, а также развивать налаженные торговые связи с соседними регионами. Он способен вести учет своих действий в архивах и в монументальных надписях, открытых для всеобщего обозрения. В девятом веке и позже в монументальной письменности были зафиксированы важные (с точки зрения каждого царя) политические события. Эти надписи имеют решающее значение для установления точной даты событий и личностей, упомянутых в Библии. И для каждого, кто знает версию Библии, они предлагают весьма неожиданное представление о масштабах и силе Израильского царства.

Одной из наиболее важных является стела Меши, найденная в 1868 году на поверхности удаленного кургана Дибан на юге Иордании, к востоку от Мертвого моря, месте библейского

Дивона, столицы царства Моав. Эта монументальная надпись была сильно повреждена в спорах между конкурирующими европейскими исследователями и местными бедуинами, но ее сохранившиеся фрагменты были собраны вместе и представили нам то, что до сих пор является самым длинным не – библейским текстом, когда-либо найденным в Леванте. Она написана на моавитском языке, родственном библейскому ивриту, и описывает достижения царя Меши, который завоевал территории северного Моава и основал столицу в Дивоне. Открытие в девятнадцатом веке этой надписи вызвало большое волнение, потому что Меша упоминается в 4 Царств 3 в качестве мятежного вассала северного Израильского царства.

Здесь впервые присутствовала другая сторона истории, первое когда-либо найденное не – библейское описание омридов. События, записанные в надписи, состоялась в девятом веке до н. э., когда, в соответствии с его фрагментарным текстом, *«Омри [был] царь Израиля, и он притеснял Моав много дней…. И сменил его сын его, и он тоже сказал: «Буду притеснять Моав». В мои дни, он сказал так… И Омри завладел землей Медева. И он жил в ней дни свои и половину дней сына своего – сорок лет».*

Надпись продолжает рассказывать о том, как Меша в мятеже против Израиля постепенно расширил свою территорию, разрушая основные населенные пункты израильтян к востоку от Иордана, но в то же время укрепляя и украшая свою собственную столицу. Хотя Меша едва скрывает свое презрение к Омри и его сыну Ахаву, тем не менее, из его триумфальной надписи мы узнаем, что Израильское царство простиралось далеко на восток и юг от своего первоначального центра в центральном нагорье.

Из надписи «Дома Давида», обнаруженной в библейском городе Дан в 1993 году, мы узнаем также о конфликтах с Арам – Дамаском. Хотя имя монарха, который ее воздвиг, не было найдено на фрагментах, которые до настоящего времени восстановлены, из общего контекста мало кто сомневается, что это был могущественный Азаил, царь Арам – Дамаска. Он несколько раз упоминается в Библии, в частности, как Божий инструмент для усмирения дома Омри. Из надписи представляется, что около 835 года до н. э. Азаил захватил город Дан и воздвиг в нем триумфальную стелу. Надпись регистрирует слова победившего Азаила в его гневных обвинениях, что «царь И[з]раиля вошел ранее в землю моего отца». Так как надпись по – видимому упоминала имя сына Ахава и его преемника Иорама, выводы вполне очевидны. Израильское царство под руководством омридов простиралось от окрестностей Дамаска по всей центральной горной местности и долинам Израиля вплоть до южной территории Моава, правя над значительным населением не – израильтян.

Эта «империя» омридов, мы также узнаем, обладала могучей военной силой. Хотя библейский рассказ о династии омридов подчеркивает постоянные военные бедствия и не упоминает какой бы то ни было угрозы из Ассирии, существуют некоторые драматические свидетельства силы омридов из самой Ассирии. Салманасар III, один из величайших ассирийских царей, правивший в 858–824 гг. до н. э., предлагает, пожалуй, наиболее яркое (хотя и совершенно непреднамеренное) восхваление силы династии омридов. В 853 году до н. э. Салманасар произвел масштабное вторжение ассирийских войск на запад, чтобы запугать и, возможно, завоевать небольшие государства Сирии, Финикии и Израиля. Его наступающие армии столкнулись с анти – ассирийской коалицией возле Каркара на реке Оронт в западной Сирии. Салманасар хвастался своей великой победой в важном древнем тексте, известном как Надпись Монолита, найденном в 1840 году английским исследователем Остином Генри Лаярдом на месте древнего ассирийского города Нимруд. Темный каменный памятник, густо исписанный клинописью, с гордостью записал силы, выстроившиеся против Салманасара: «*1200 колесниц, 1200 кавалеристов, 20000 пехотинцев Адраазара из Дамаска; 700 колесниц, 700 кавалеристов, 10000 пехотинцев Ирхулени из Емафа; 2000 колесниц, 10000 пехотинцев Ахава, израильтянина; 500 солдат из Кью; 1000 солдат Мусри; 10 колесниц, 10000 солдат Ирканата…»*

Это не только самое раннее не – библейское свидетельство о царе Израиля. Как видно из упоминание «тяжелое вооружение» (колесницы), Ахав был самым сильным членом анти – ассирийской коалиции. И хотя великий Салманасар заявил о своей победе, практический результат этого противостояния говорит гораздо громче, чем царское хвастовство. Салманасар быстро вернулся в Ассирию, и по крайней мере на некоторое время ассирийский поход на запад был заблокирован.

Таким образом, из трех древних надписей (по иронии судьбы, трех злейших врагов Израиля) мы узнаем информацию, которая значительно дополняет библейский рассказ. Хотя Библия рассказывает о арамейской армии, осаждающей Самарию, на самом деле Омри и его преемники были могущественными царями, которые расширили территорию своего царства и содержали одну из крупнейших постоянных армий в регионе. И они были глубоко вовлечены в международную военную политику (в то время, когда в надписи Салманасара замалчивается о Иудейском царстве), постоянно стремясь сохранить свою независимость от региональных соперников и надвигающейся угрозы Ассирийской империи.

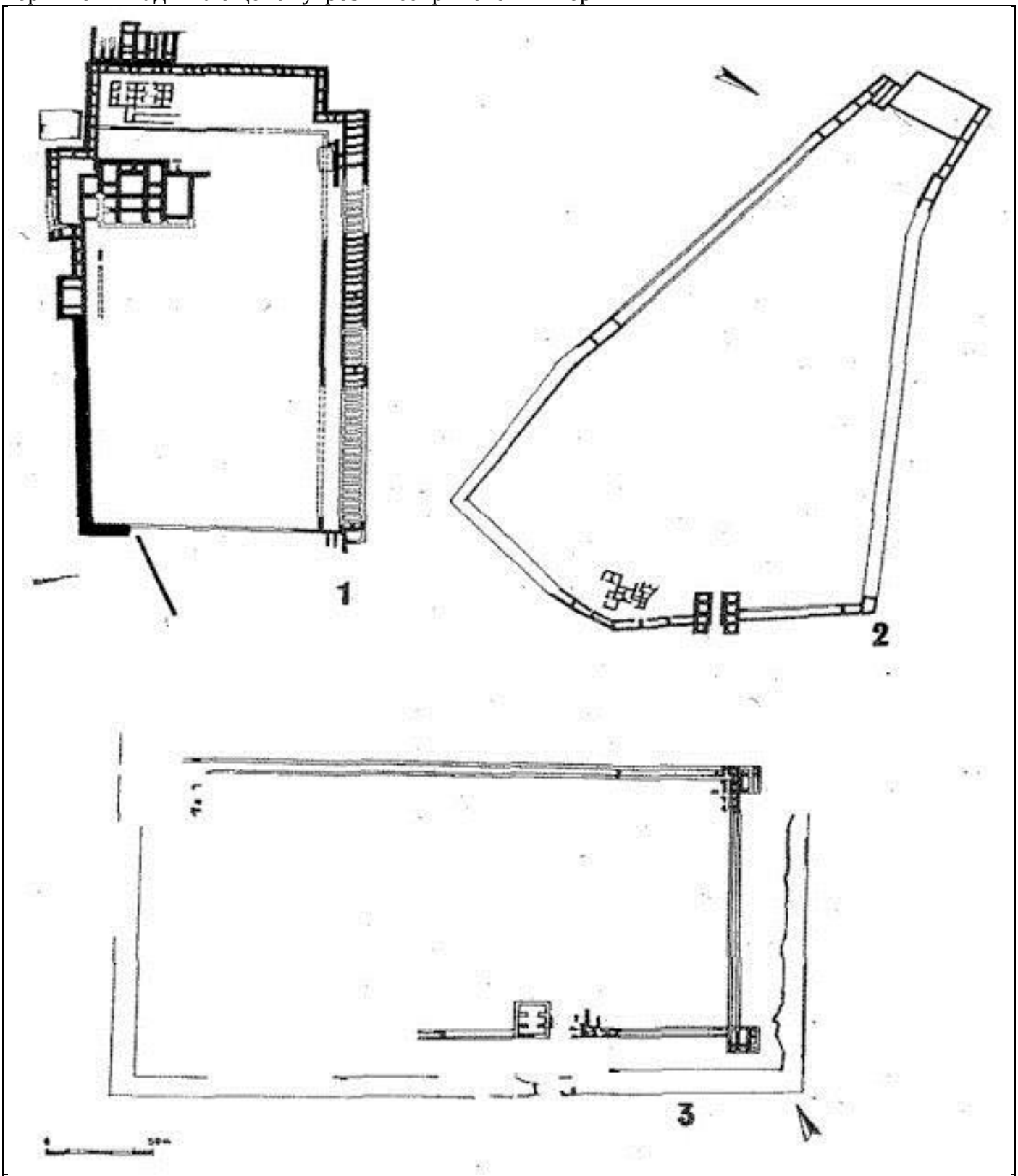


Рис. 20. Планировка трех городов омридов: 1) Самария; 2) Хацор; 3) Изреель.

Дворцы, конюшни и города – хранилища

Археологические данные также показывают, что омриды далеко превзошли каких-либо

других монархов Израиля или Иудеи как строители и администраторы. В некотором смысле, именно их правление было первым Золотым Веком израильских царей. Однако в Библии описание царства омридов довольно поверхностное. За исключением упоминания о искусно сделанных дворцах в Самарии и Изрееле, почти нет описаний размера, масштаба и богатства их царства. В начале XX века археология впервые начала вносить свой существенный вклад, так как начались основные раскопки на месте Самарии, столицы Омри. Не существует сомнений, что Самария действительно была построена Омри, так как в дальнейшем ассирийские источники называют северное царство «домом Омри», это признак того, что именно он был основателем ее столицы. Место, впервые раскопанное в 1908–1910 гг. до н. э. экспедицией Гарвардского университета, было дополнительно изучено в 1930 году совместной американско – британско – еврейско – палестинской командой. Это место в дальнейшем раскрыло великолепие династии омридов. Место расположения Самарии даже сегодня впечатляет. Расположенное в центре покатых холмов, засаженное оливковыми и миндальными садами, оно возвышается над богатым сельскохозяйственным регионом. Открытие некоторых керамических черепков, нескольких стен, и группы скальных сооружений показало, что оно было заселено уже до прибытия Омри, там в одиннадцатом и десятом веках до н. э. по – видимому была небольшая, бедная израильская деревня или ферма. Она могла быть наследием Шемера, первоначального владельца собственности, упомянутого в 3 Царств 16:24. В любом случае, с приходом Омри и его двора около 880 года до н. э. хозяйственные постройки были выровняны с землей и на вершине холма возник роскошный дворец с вспомогательными зданиями для рабов и персонала двора. Самария, очевидно, была с самого начала задумана в качестве собственной столицы династии омридов. Это было самым грандиозным архитектурным проявлением господства Омри и Ахава (Рис. 20:1). Расположенная на небольшом холме, она, однако, не была идеальным местом для огромной царской крепости. Для решения этой проблемы строители решили (смелые инновации в Израиле железного века) провести огромные земляные работы для создания на вершине холма громадной, искусственной платформы. Вокруг холма была построена огромная стена (созданная из связанных комнат или казематов), обрамляя вершину и верхние склоны в большое прямоугольное огражденное место. Когда эта подпорная стена была завершена, строительные бригады засыпали ее внутреннюю сторону тысячами тонн земли, привезенной из окрестностей.

Масштаб этого проекта был огромен. Земляная насыпь, уложенная позади несущей стены, в некоторых местах была почти 6 метров в глубину. Вот почему, вероятно, стены ограждения, окружающие и поддерживающие дворцовый комплекс, были построены в казематный способ: казематные камеры (которые также были засыпаны землей) были предназначены ослабить огромное давление насыпи. Так был создан царский акрополь площадью 2 гектара. Это огромное каменное и земляное сооружение по дерзости и экстравагантности (хотя, возможно, не по размеру) можно сравнить только с работой, которую осуществил Ирод Великий почти тысячелетие спустя на Храмовой горе в Иерусалиме.

Возвышаясь над одной стороной этой искусственной платформы, стоял исключительно большой и красивый дворец, который по своим масштабам и величию соперничал с дворцами той эпохи в государствах северной Сирии. Хотя в Самарии дворец омридов был раскопан лишь частично, но была обнаружена достаточная часть его планировки, чтобы узнать, что только центральное здание занимало площадь около 0,2 гектара. Со своими наружными стенами, построенными полностью из аккуратно вытесаного и плотно установленного тесаного камня, дворец является самым большим и самым красивым зданием железного века, когда-либо раскопанным в Израиле. Даже архитектурное украшение было исключительным. В развалинах залежей последующих веков были найдены каменные колонные капители уникального раннего стиля (Рис. 21), называемого прото – эолийским (из-за сходства с более поздним греческим эолийским стилем). Эти богато украшенные каменные капители, вероятно, украшали монументальные внешние ворота крепости или, возможно, искусно сделанный вход в сам главный дворец. Из интерьера мало что осталось, за исключением большого количества блях из слоновой кости с замысловатой резьбой, датированных, вероятно, восьмым веком до н. э. и содержащих сиро – финикийские и египетские мотивы. Эти предметы из слоновой кости, используемые в качестве инкрустации дворцовой мебели, могли бы объяснить намек в 3

Царств 22:39 на дом из слоновой кости, который, как сообщается, построил Ахав.

Рис. 21. Прото – эолийская капитель

Дворец окружали несколько административных зданий, но большинство огражденной территории оставалось открытым. Простые дома людей Самарии видимо теснились на склонах ниже акрополя. Визуальное впечатление от царского города омридов у посетителей, торговцев и официальных эмиссаров, прибывающих в Самарию, должно было быть ошеломляющим. Его приподнятая платформа и огромный, искусно сделанный дворец показывал богатство, силу и престиж.

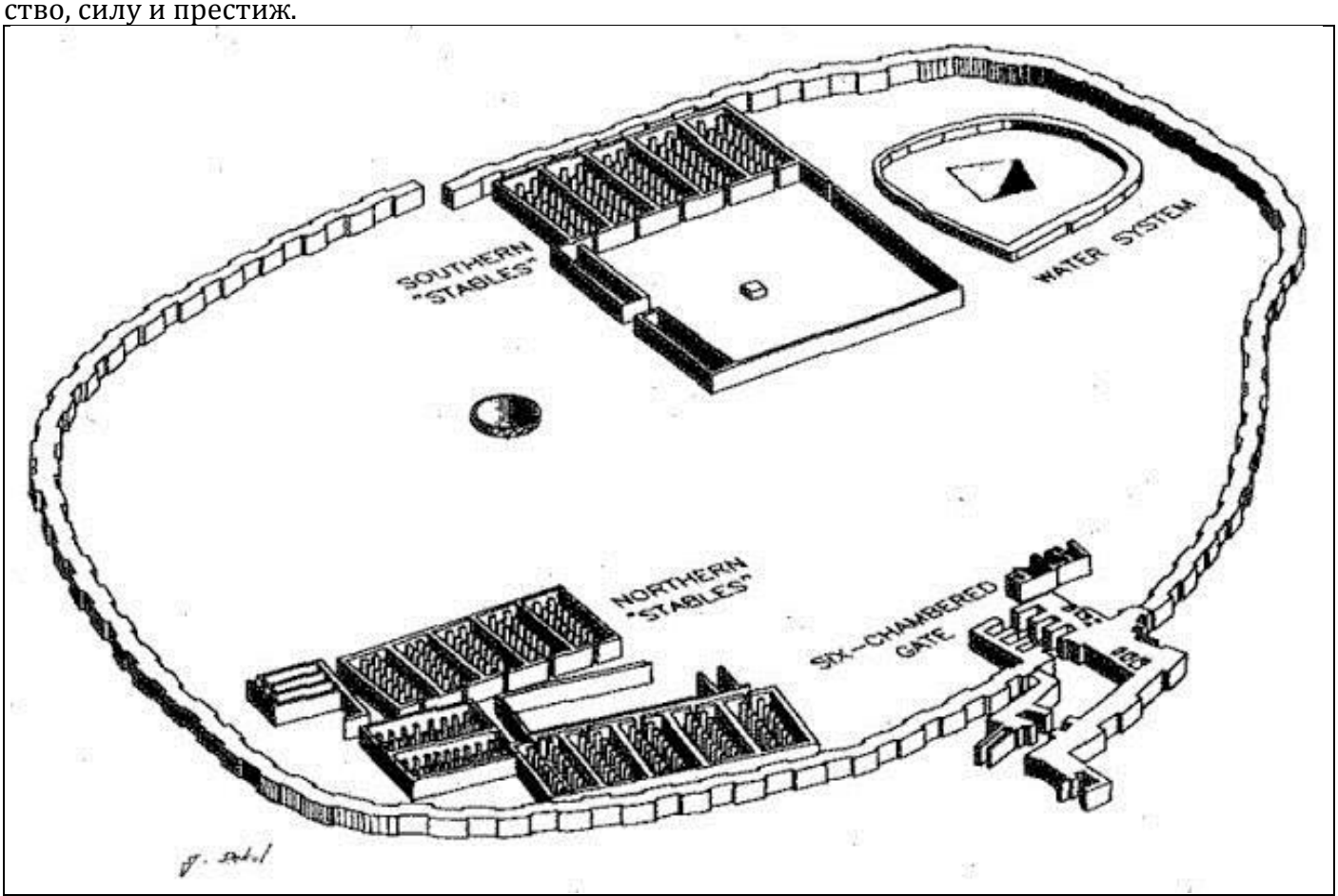


Рис. 22. Мегиддо восьмого века до н. э. Шестикамерные ворота (приписанные Ядином «соломоновому» слою) скорее всего принадлежат именно этому слою.

Самария была только началом открытия величия омридов. Следующим стал Мегиддо. В середине 1920–х годов, команда Чикагского Университета обнаружила дворец железного века, построенный из красиво отделанного тесаного камня. Первый руководитель раскопок в Мегиддо Кларенс С. Фишер из Института востоковедения также работал в Самарии и сразу же был поражен сходством строительства. Его в этом наблюдении поддержал Джон Кроуфут, руководитель Совместной Экспедиции в Самарию, который предположил, что сходство методов строительства и общего плана в Самарии и Мегиддо показало, что они оба были построены под покровительством омридов. Но этот вопрос архитектурного сходства не был в полной мере исследован в течение многих десятилетий. Члены команды Чикагского Университета были больше заинтересованы в славе Соломона, чем злых омридов. Они проигнорировали сходство

строительных стилей Мегиддо и Самарии и отнес комплексы колонных зданий (предположительно, конюшни) к более низкому слою времен объединенной монархии. В начале 1960–х, когда Игаль Ядин из Еврейского университета пришел к Мегиддо, он датировал дворцы Мегиддо (один, раскопанный в 1920–х годах, и один, обнаруженный им самим) временем Соломона и связал более высокий слой, содержащий конюшни и другие строения, с эпохой омридов. Этот город был, безусловно, впечатляющим (Рис. 22). Он был окружен массивными укреплениями и, согласно Ядину, снабжен большими четырех – камерными городскими воротами (построенными прямо поверх прежних «соломоновых» ворот). Самыми главными сооружениями в городе были две группы колонных зданий, которые задолго до этого были определены как конюшни. Тем не менее, Ядин связал их не с библейскими описаниями большой армии из колесниц Соломона, а с армией Ахава, отмеченной в надписи Салманасара. Однако, как мы увидим, Ядин неправильно определил город Ахава; эти конюшни, вероятно, принадлежали другому, еще более позднему израильскому царю.

Северный город Хацор (Асор), который Ядин раскопал в 1950–х и 1960–х годах, предоставил дополнительное явное свидетельство величия омридов. Хацор также был окружен массивными укреплениями. В центре этого города Ядин обнаружил колонное здание, по форме несколько похожее на конюшни Мегиддо, разделенное рядами каменных столбов на три длинные коридоры. Но это сооружение не содержало каменных желобов для кормления, поэтому оно было соответственно истолковано как царский склад. На восточной, узкой верхушке холма была обнаружена внушительная цитадель, защищенная массивной городской стеной.

Другим важным местом, связанным с омридами, является город Дан на крайнем севере в верховьях реки Иордан. Мы уже цитировали первые строки стелы, установленной в Дане Азаилом, царем Арам – Дамаска, отмечающие, что ранее омриды забрали эту область у арамеев. Раскопки в Дане под руководством Авраама Бирана из Еврейского Союзного Колледжа обнаружили массивные укрепления железного века, огромные, искусно сделанные городские ворота и святилище с «высотой». Этот большой подиум, с размером стороны около 20 метров, построенный из красиво отделанного тесаного камня, вместе с другими городскими монументальными зданиями был датирован временем омридов.

Однако, возможно, самыми впечатляющими инженерными достижениями, изначально связанными с омридами, являются огромные подземные водные тоннели, высеченные в скальной породе под городами Мегиддо и Хацор. Эти тоннели обеспечивали жителям города безопасный доступ к питьевой воде даже во время осады. В древности на Ближнем Востоке это было важнейшей задачей, так как важные города были окружены сложными укреплениями, позволяющими им выдержать нападение или осаду даже самого непреклонного врага, они редко имели источники пресной воды в пределах своих городских стен. Жители всегда могли собрать дождевую воду в резервуары, но ее было бы недостаточно, если бы осада продлилась до жарких, засушливых летних месяцев, особенно, если население города было бы раздуто беженцами.

Так как большинство древних городов находилось у родников, нужно было придумать безопасный доступ к ним. Высеченные в скале водные тоннели Хацора и Мегиддо являются одним из самых сложных решений этой проблемы. В Хацоре в твердой скале сквозь останки прежних городов была прорублена вниз большая вертикальная шахта. Из-за ее огромной глубины, почти 30 метров, нужно было построить несущие стены, чтобы предотвратить обвал. Широкие ступени вели на дно, где пологий тоннель, около 24 метров в длину, вел в бассейноподобную высеченную в скале камеру, в которую просачивалась грунтовая вода. Можно только представить себе процессию носителей воды, пробирающихся гуськом вниз по лестнице на всю длину подземного тоннеля, чтобы в темной пещере наполнить свои сосуды, и возвращающихся с водой наверх на улицы осажденного города, чтобы сохранить жизнь своим людям.

Система водоснабжения Мегиддо (Рис. 23) состояла из более простой шахты, глубиной более 30 метров, прорезанной сквозь прежние остатки к скальной породе. Оттуда она вела к горизонтальному тоннелю, длинной более 60 метров, с шириной и высотой, достаточной для одновременного движения нескольких людей, который вел к естественной пещере с родником на краю холма. Снаружи вход в пещеру был заблокирован и замаскирован. Ядин датировал обе системы водоснабжения Мегиддо и Хацора временем омридов. Он предложил соединить уме-

ние израильтян прорубывать системы водоснабжения с отрывком из стелы Меши, где царь Моава рассказал, как он с помощью израильских военнопленных вырыл водохранилище в своей собственной столице. Было очевидно, что строительство таких монументальных сооружений, требовало огромных затрат, эффективного государственного аппарата и высокого уровня технических навыков. С функциональной точки зрения инженеры железного века, возможно, могли бы достичь подобного результата с гораздо меньшими затратами просто прорыв колодец в грунтовые воды под холмом. Но визуальная выразительность этих больших водных сооружений, безусловно, повышала престиж царской власти, которая эксплуатировали их.

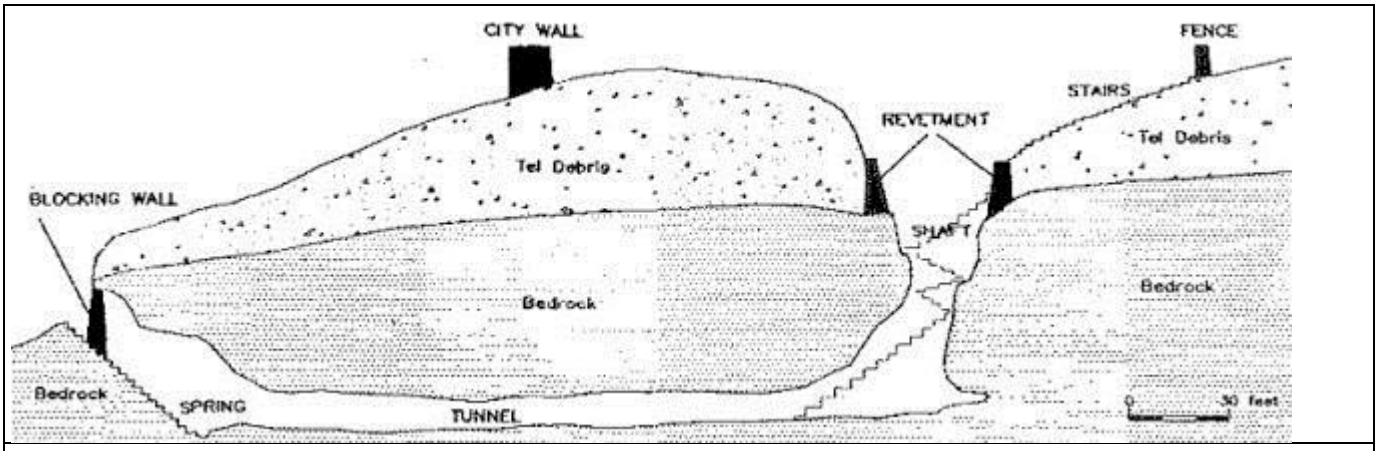


Рис. 23. Поперечное сечение системы водоснабжения Мегиддо

Забытый поворотный момент в истории Израиля

Хотя в начале и середине двадцатого века археологи присваивали омридам много великолепных строительных проектов, но в библейской истории период их правления над Израильским царством никогда не рассматривался как особенно созидательный момент. Красочный, да. Яркий, конечно. Но с чисто исторической точки зрения, в Библии история омридов (Ахава и Иезавели) казалась изложенной в вполне адекватных подробностях с дополнительной информацией из ассирийских, моавитских и арамейских текстов. Там, казалось, было еще очень много интригующих исторических вопросов, на которые предстояло ответить с помощью раскопок и дальнейших исследований: точный процесс расселения израильтян; политическая кристаллизация монархии во главе с Давидом и Соломоном или даже основные возможные причины ассирийских и вавилонских завоеваний в земле Израиля. Археология омридов обычно рассматривалась как боковой фонарь основной повестки дня библейской археологии, которому уделялось меньше внимания, чем Соломоновому периоду.

Но что-то было серьезно не так с этим первоначальным сопоставлением между библейской историей и археологическими находками. Новые вопросы, которые начали возникать касательно характера, масштабов и даже исторического существования обширного царства Соломона, и новая датировка археологических слоев неизбежно повлияли также и на научное понимание омридов. Ибо если Соломон на самом деле не строил «соломоновы» ворота и дворцы, то кто же? Очевидными кандидатами были омриды. Самые ранние архитектурные параллели отличительных дворцов, вырытых в Мегиддо (и первоначально приписанных Соломону), пришли из северной Сирии, предполагаемого места происхождения этого типа дворцов, в девятом веке до н. э., через целое столетие после времен Соломона. Это было именно временем правления омридов.

Окончательный ключ к новой датировке «соломоновых» ворот и дворцов пришел из библейского города Изреель, расположенного менее чем в 16 километрах к востоку от Мегиддо в самом сердце долины Изреель. Этот участок расположен в красивом возвышенном месте, наслаждаясь мягким климатом зимой и прохладным бризом летом и доминируя над широкой панорамой всей долины Изреель и окружающих ее холмов от Мегиддо на западе через Галилею на севере до Беф – Сана и Галаада на востоке. Изреель известен во многом благодаря библейской истории о винограднике Навуфея и планах Ахава и Иезавели по расширению дворца, а также как сцена кровавого и окончательного уничтожения династии омридов. В 1990–е годы это место было раскопано Давидом Усышкиным из Тель – Авивского университета и Джоном

Вудхедом из Британской школы археологии в Иерусалиме. Они обнаружили большую царскую крепость, очень похожую на такую же в Самарии (Рис. 20:3). Эта впечатляющая крепость была заселена лишь на короткое время в девятом веке до н. э., вероятно, только во время правления династии омридов, и была разрушена вскоре после ее строительства, возможно, в связи с падением омридов или с последующими вторжениями в северные районы Израиля армий Арам – Дамаска.

Как и в Самарии, огромные казематные стены, построенные вокруг первоначального холма в Изрееле, образовывали «коробку», которую нужно было заполнить многими тоннами земли. В результате крупномасштабных работ по заполнению и выравниванию был создан плоский подиум, на котором были построены внутренние здания царской крепости. В Изрееле археологи обнаружили другие поразительные элементы до сих пор непризнанного архитектурного стиля омридов. Снаружи казематную стену поддерживал пологий земляной вал, чтобы не допустить ее обвала. В качестве дополнительного оборонительного элемента крепость была окружена внушительным рвом, выкопанным в скальной породе, шириной не менее 7,5 метров и глубиной более 4,5 метров. Вход в царскую крепость омридов в Изрееле проходил через ворота, вероятно, шести – камерного типа.

Так как город Изреель был хронологически ограничен кратким периодом заселением в девятом веке до н. э., то он являет собой уникальный случай, когда отличительные стили керамики, найдены в нем, могут быть использованы как четкий указатель датировки периода омридов в других местах. Примечательно, что стили керамики, обнаруженые в Изреельской крепости, были почти идентичны тем, которые содержатся в слое «соломоновых» дворцов Мегиддо. Таким образом, с точки зрения архитектуры и керамики стало совершенно очевидно, что именно омриды, а не Соломон, построили здания из тесаного камня в Мегиддо, в придачу к крепостям в Изрееле и Самарии.

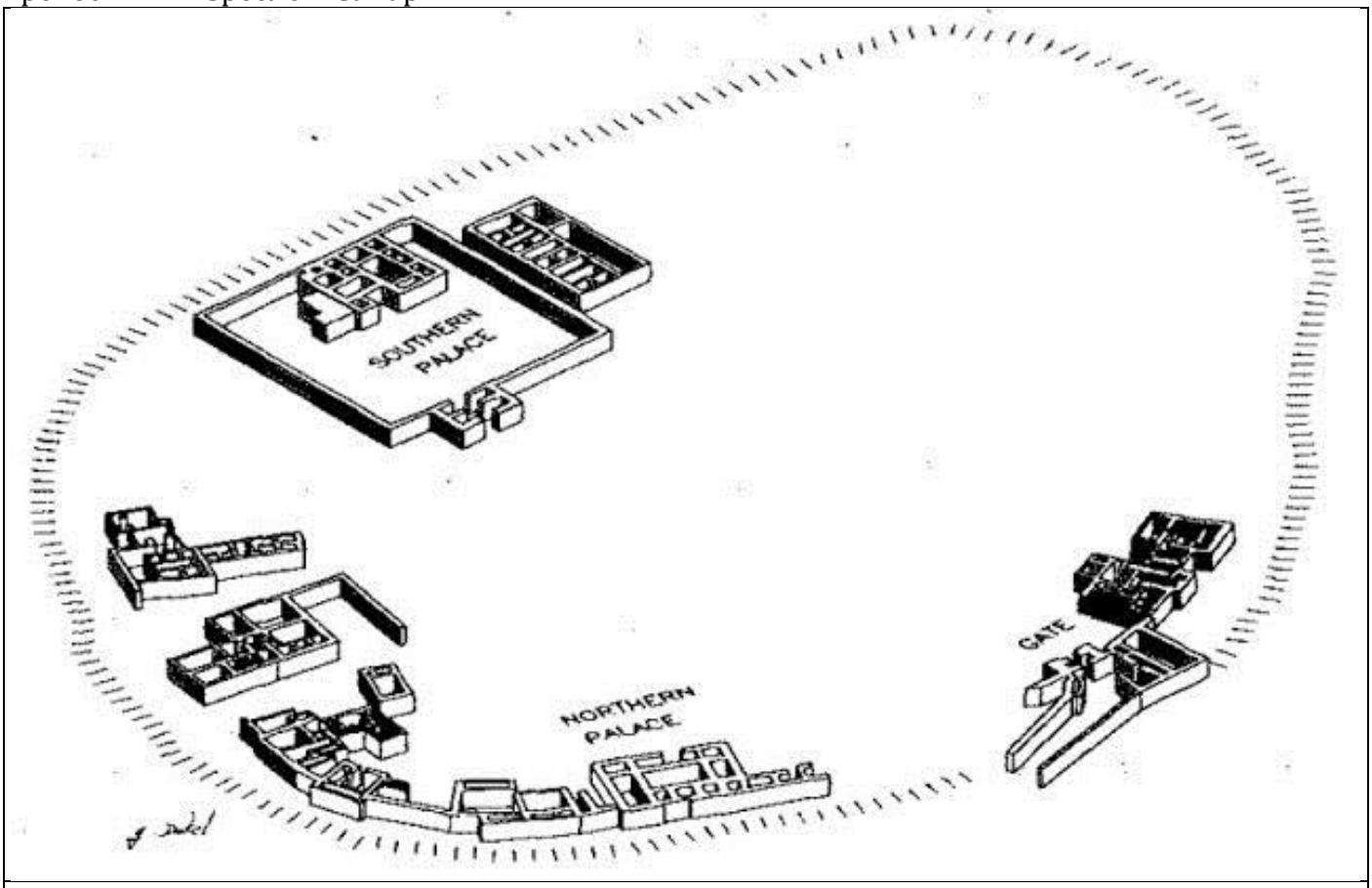


Рис. 24. Город омридов в Мегиддо

Гипотеза о том, что омриды, а не Соломон, создали первую в Израиле полностью развитую монархию, стала еще более убедительной с появлением новых интерпретаций данных, полученных из других крупных городов Израильского царства. В Хацоре в акрополе Ядин обнаружил треугольную крепость, окруженную казематной стеной, с входом через такие же шести – камерные ворота, как и в городе, основанном Соломоном в десятом веке до н. э. Новая

датировка по керамике на основании открытий в Изрееле переместила бы этот городской слой в начало девятого века до н. э. В самом деле, здесь присутствовало несомненное конструктивное сходство с дворцовыми крепостями в Самарии и Изрееле (Рис. 20:2). Хотя треугольная форма крепости в Хацоре была продиктована топографией места, ее строительство включало огромные работы по выравниванию и заполнению, которые подняли уровень участка ворот в соответствии с внешним участком на востоке. За пределами казематной стены был вырыт колоссальный ров, шириной примерно 45 метров и глубиной более 9 метров. Общее сходство с Изреелью и Самарией вполне очевидно. Поэтому еще один город, давно считавшийся соломоновым, скорее всего, принадлежал омридам.

Свидетельство о масштабе строительных проектов омридов возникает из более внимательного анализа останков в Мегиддо и Гезере. Хотя в Мегиддо нет казематной крепости, но два красивые дворцы на его вершине, которые были построены с помощью особой каменной кладки, напоминают методы строительства, используемые в Самарии (Рис. 24). Сходство особенно сильное в случае с южным дворцом в Мегиддо, построенным на краю большой площади в стиле северо – сирийских дворцов *bit hilani* и занимающим размеры около 20 х 30 метров. В непосредственной близости от ворот, ведущих в крепость с дворцом, были найдены две исключительно большие прото – эолийские капители (похожие на те, что использовались в Самарии). Они могли украшать вход в сам дворец. Норма Франклин из действующей экспедиции в Мегиддо определила еще одно сходство: южный дворец в Мегиддо и дворец в Самарии являются единственными зданиями в Израиле железного века, чьи блоки из тесаного камня владеют особым типом отметок каменщиков. Второй дворец, который был частично раскопан Ядином на северной окраине холма (в настоящее время полностью раскопан новой экспедицией в Мегиддо), тоже построен из тесаного камня в стиле дворцов северной Сирии.

Свидетельства в Гезере, пожалуй, самые фрагментарные из всех предполагаемых соломоновых городов, но найденного достаточно, чтобы показать сходство с другими городами омридов. На южной окраине города были обнаружены шести – камерные ворота, построенные из высококачественной каменной кладки, с изваяниями в косяках и соединенные с казематной стеной. Строительство ворот и казематной стены требовало выравнивания террасы на склоне холма и массивного заполнения. Кроме того, обломки стен показывают, что на северо – западной стороне холма было построено большое здание, возможно, дворец из тесаного камня. Оно тоже, по – видимому, было украшено отличительными прото – эолийскими капителями, которые были найдены в Гезере в начале двадцатого века.

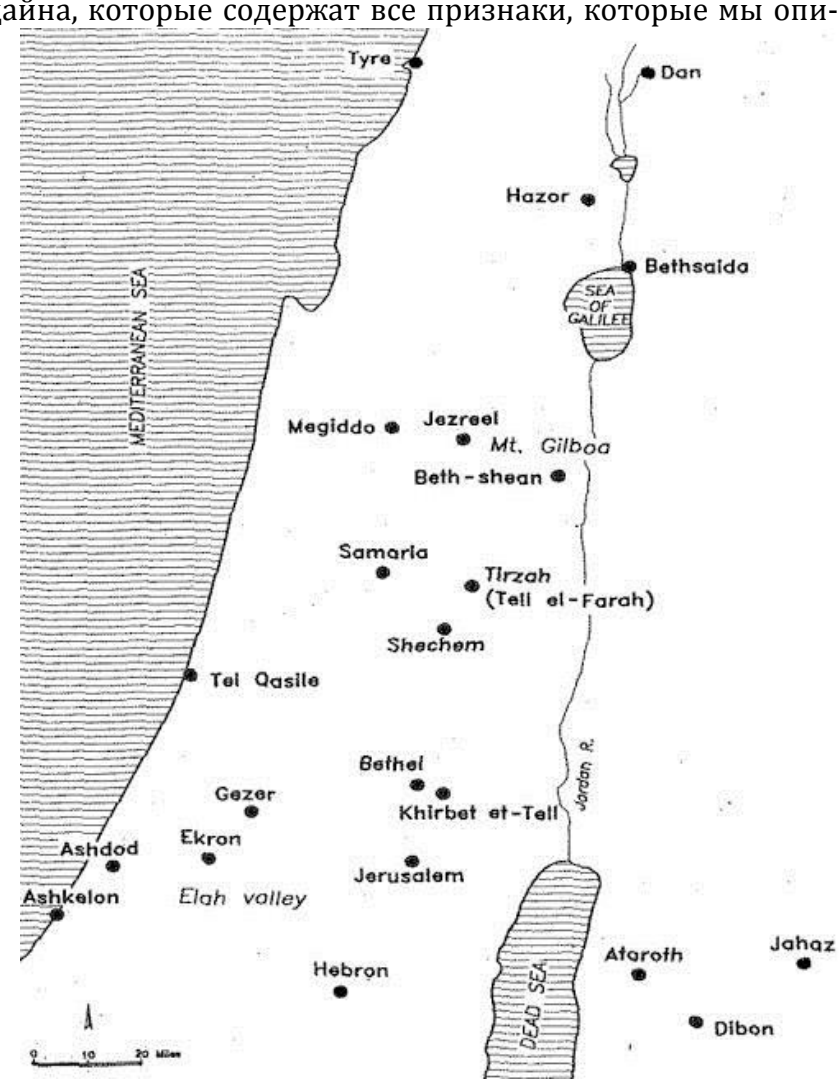
Эти пять мест дают нам некоторое представление о царской архитектуре Израиля во время Золотого Века омридов. В дополнение к искусственным платформам для ограждений дворцов различных размеров и масштабов, эти ограждения – по крайней мере в Самарии, Изрееле и Хацоре – по – видимому были в основном пустыми, за исключением специализированных административных зданий и царских дворцов. Высококачественные тесаные камни и прото – эолийские капители были отличительными декоративными элементами в этих местах. Главные входы в царские крепости, по – видимому были защищены шести – камерными воротами, а в некоторых случаях крепости были окружены рвом и насыпью.

Изменение датировки этих городов из эпохи Соломона до времен омридов имеет огромное значение для археологии и истории. Оно удаляет единственное археологические доказательство того, что когда-то существовала объединенная монархия, основанная в Иерусалиме, и предполагает, что Давид и Соломон в политическом плане были по сути горными вождями, чьи административные достижения оставались на довольно локальном уровне, ограниченным нагорьем. Что более важно, оно показывает, что, несмотря на библейский акцент на уникальности Израиля, на севере в начале девятого века до н. э. возникло горное царство совершенно обычного ближневосточного типа.

Забытый памятник правления омридов?

Теперь можно искать дополнительные примеры городов омридов в более отдаленных местах, далеко за пределами традиционных племенных наследий Израиля. Стела Меши сообщает, что в Моаве Омри построил два города, Атароф и Йахац, наверное, как свои южные пограничные крепости в Трансиордании (Рис. 16). Они оба также упоминаются в различных географических списках Библии, Атароф отождествляется с еще нераскопанным местом Хирбет

Атарус к юго – западу от современного иорданского города Мадаба. Йахац идентифицировать труднее. Он упоминается несколько раз в Библии как находящийся на краю пустыни близ Арнона, глубокого, извилистого каньона, который проходит через центр Моава – от восточной пустыни до своего выхода к Мертвому морю. Омриды по – видимому расширили свое господство до этого региона. А на северном берегу Арнона находятся отдаленные руины железного века, называнные Хирбет – эль – Мудайна, которые содержат все признаки, которые мы описали как типичные для архитектуры омридов.



Место, в настоящее время раскапываемое П. М. Мишель Девью из канадского Университета Уилфрида Лорье, состоит из большой крепости, построенной на вытянутом холме. Казематная стена охватывает площадь около 1 гектара и заканчивается шести – камерными воротами. Из оборонительных элементов присутствуют наклонный земляной вал и ров. Внутри огражденной территории находятся остатки монументального здания с рухнувшими изваяниями. Аэрофотоснимки места намекают, что весь комплекс был основан на искусственном насыпанном подиуме. Первый исследователь Иордании, Нельсон Глюк, который посетил это место в 1930–е годы, был настолько впечатлен общими чертами крепости, что он сравнил ее с огромным и знаменитым Замком Девы, городищем железного века в Англии.

Возможно ли, что эти отдаленные руины – это древний форпост омридов Йахац, упомянутый на стеле Меши? Может ли быть так, что при строительстве этого отдаленного пограничного форта инженеры и архитекторы омридов использовали типичные характеристики своих великих строительных проектов в северном царстве к западу от Иордана? Возможно ли, что, как и в случае с Самарией и Изреелью, они использовали сложные земляные работы и огромные подпорные стены, чтобы превратить небольшое поселение на вершине холма во внушительную крепость? Возможно, омриды были еще более могущественными, а их культурное влияние еще более далеко идущим, чем признано в настоящее время.

Сила разнообразия

Откуда взялись сила и богатство, чтобы создать и поддерживать это полноценное царство? Какое событие в северном нагорье привело к появлению государства омридов? Мы уже упоминали о том, что сравнительно ограниченные ресурсы и редкое население Иудеи делали бы весьма маловероятным то, что Давид мог бы добиться огромных территориальных завоеваний или что его сын Соломон был бы в состоянии управлять большими территориями. Но, как мы и говорили, ресурсы северного нагорья были гораздо богаче и его население было относительно большим. Кроме того, с разрушением ханаанских центров в низинах, возможно, во время кампании Сусакима, в конце десятого века до н. э., любой возможный северный лидер был бы в состоянии установить контроль над плодородными долинами на севере. Это соответствует тому, что мы видим в картине самых известных археологических находок, принадлежащих омридам. При расширении от первоначальной нагорной территории северного цар-

ства Израиля до центра бывших ханаанских территорий в Мегиддо, Хацоре и Гезере, а также до территорий южной Сирии и Трансиордании, омриды выполнили вековую мечту правителей нагорья о создании обширного и разнообразного территориального образования, контролирующего богатые сельскохозяйственные угодья и шумные международные торговые пути. Оно было также, неизбежно, многонациональным обществом.

Северное Израильское царство соединило Самарийское высокогорье с северными долинами, интегрируя в свое государство различные экосистемы и неоднородное население. Высокогорье Самарии (основная территория государства и место расположения столицы) было населено сельскими общинами, которые культурно и религиозно идентифицировали себя как израильтяне. В северных низменностях (Изреельской и Иорданской долинах) сельское население в основном состояло из постоянных крестьянских деревень, которые на протяжении веков были тесно связаны с ханаанскими городами – государствами. Далее к северу находились деревни, более тесно связанные с арамейской культурой Сирии и с финикийцами на побережье. В частности, большое и пестрое ханаанское население, которые выжило на севере, должно было быть интегрировано в административный аппарат любого полноценного государства. Еще до недавних археологических открытий уникальный демографический состав населения северного царства и, особенно, отношения между израильтянами и хананеями не ускользнули от внимания исследователей Библии. На основании библейских рассказов о религиозных потрясениях внутри царства омридов немецкий ученый Альбрехт Альт предположил, что омриды разработали систему двойного управления из своих двух главных столиц – с Самарией, функционировавшей в качестве центра для хананейского населения, и Изреелью, служащей столицей для северных израильтян. Недавние археологические и исторические данные указывают на прямо противоположное. На самом деле израильское население было сосредоточено в нагорье вокруг Самарии, в то время как Изреель, в самом центре плодородной долины, был расположен в области отчетливой ханаанской культурной преемственности. В самом деле, удивительная стабильность системы заселения и неизменное расположение маленьких деревень в долине Изреель являются явными признаками того, что омриды не пошатнули ханаанскую систему деревень в северной низменности.

Для омридов задача политической интеграции была особенно актуальной, так как в то же время в соседних Дамаске, Финикии и Моаве возникали конкурирующие государства, каждое с сильными культурными претензиями на группы населения, живущие на границах с Израилем. Поэтому, начало девятого века было временем, когда национальные и даже какие-то территориальные границы должны были быть определены. Таким образом, строительство омридами впечатляющих крепостей, некоторые с роскошными помещениями, в вотчине израильтян, в Изреельской долине, на границе с Арам – Дамаском, и еще дальше следует рассматривать и как административную необходимость, и как царскую пропаганду. Британский библеист Хью Уильямсон охарактеризовал их как визуальное проявление силы и престижа государства омридов, направленное на то, чтобы произвести впечатление, внушить благоговение и даже запугать население как дома, так и вдоль новых рубежей.

Из всех ресурсов, которые имели в своем распоряжении омриды, неоднородное население было, пожалуй, наиболее важным из всех – для сельского хозяйства, строительной деятельности и войны. Не смотря на то, что трудно с большой точностью оценить население Израильского царства девятого века, крупномасштабные исследования в регионе показывают, что к восьмому веку до н. э. (столетие после омридов) население северного царства могло достигать около 350,000. В то время, Израиль, наверное, был самым густонаселенным государством в Леванте, с гораздо большим населением, чем в Иудее, Моаве и Аммоне. Его единственным возможным соперником было царство Арам – Дамаска в южной Сирии, которое, как мы увидим более подробно в следующей главе, ожесточенно соревновалось с Израилем за региональное господство.

Другие позитивные изменения из-за пределов региона принесли значительную выгоду царству омридов. Их приход к власти совпал с возрождением торговли в восточном Средиземноморье, когда портовые города Греции, Кипра и финикийского побережья были вновь активно вовлечены в морскую торговлю. Сильное финикийское художественное влияние на культуру израильтян, внезапное появление большого количества сосудов кипро – финикий-

ского стиля в городах Израильского царства, и (не случайное) утверждение Бибюлии о том, что Ахав женился на финикийской принцессе – все, кажется, показывает, что Израиль был активным участником этого экономического возрождения в качестве поставщика ценной сельскохозяйственной продукции и хозяином некоторых из наиболее важных сухопутных торговых путей Леванта.

Таким образом, идея омридов о государстве, охватывающем большие территории как нагорья, так и низменности в определенном смысле возродила представления, обычаи и материальную культуру Ханаана бронзового века, за столетия до возникновения Израиля. В самом деле, с концептуальной и функциональной точки зрения, большые цитадели омридов напоминали дворцы великих ханаанских городов – государств поздней бронзы, которые правили над смешанными народами и землями. Таким образом, с точки зрения как формы, так и функции, планировка Мегиддо в девятом веке до н. э. не очень отличалось от его планировки в поздней бронзе: большие части холма были посвящены общественным зданиям и открытым площадям, и только ограниченные территории были заняты внутренними кварталами. Как и в случае в ханаанским Мегиддо, городское население составляла главным образом правящая элита, которая контролировала сельскую глубинку. И подобная культурная преемственность изысканно проявляется в близлежащем городе Фаанахе, где великолепное культовое место девятого века до н. э. было украшено искусными мотивами, взятыми из ханаанских традиций поздней бронзы.

Вот почему из строго археологической точки зрения трудно утверждать, что царство Израиля в целом когда-либо было особенно израильским в этническом, культурном или религиозном значении в том смысле, в каком мы его понимаем с точки зрения более поздних библейских писателей. Израильскость северного царства во многих отношениях было иудейской идеей поздней монархии.

Окончательные злодеи?

Писатель книг Царств был заинтересован показать только то, что омриды были злыми и что они получили божественное наказание, которое они вполне заслужили своим греховным высокомерным поведением. Конечно, он должен был рассказать о омридах подробности и события, которые были хорошо известны через легенды и более ранние предания, но и во всех из них он хотел подчеркнуть темную сторону омридов. Поэтому, он уменьшил их военную мощь историей о арамейской осаде Самарии, которая была взята из событий последующих времен, и обвинением, что в момент победы Ахав ослушался божественного повеления полностью уничтожить своего врага. Библейский автор тесно связал величие дворца в Самарии и величественную царскую крепость в Изрееле с идолопоклонством и социальной несправедливостью. Он связал образы удивительной мощи израильских колесниц в полном боевом порядке с ужасным концом семьи омридов. Он хотел лишить омридов легитимности и показать, что вся история северного царства была одним из грехов, который привел к несчастью и неминуемой гибели. Чем больше Израиль процветал в прошлом, тем более презрительными и отрицательными ставали его цари.

Подлинный образ Израиля под руководством омридов включает в себя удивительную историю о военной мощи, архитектурных достижениях и (насколько это может быть определено) административной утонченности. Омри и его преемники заработали библейскую ненависть именно потому, что они были так сильны, именно потому, что они преуспели в превращении северного царства на важную региональную силу, которая полностью затмила бедное, незначительное, деревенско – скотоводческое Иудейское царство на юге. Возможность того, что израильские цари, которые сходились с другими народами, брали чужих жен и строили храмы и дворцы ханаанского типа, могут процветать, была как невыносимой, так и немыслимой. Более того, с точки зрения Иудеи конца монархии, интернационализм и открытость омридов были грехом. В соответствии с Девтерономической идеологией седьмого века вовлечение в обычаи соседних народов было прямым нарушением божественных приказов. Но из этого опыта еще можно извлечь урок. К моменту составления книг Царств, вердикт истории уже был возвращен. Омриды были свергнуты, а Израильского царства больше не было. Тем не менее, с помощью археологических свидетельств и показаний внешних источников мы теперь можем увидеть, как яркие библейские описания, которые на протяжении веков обрекали

Омри, Ахава и Иезавель на вывсмеивание и презрение, умело скрывают настоящий характер первого подлинного царства Израиля.

Глава 8. В тени империи (842–720 гг. до н. э.)

Темные предчувствия овладевают царством Израиль по мере того, как библейское историческое повествование движется к своей трагической кульминации. Страдание, изгнание и ссылка кажутся неизбежными в судьбе народа отколовшегося царства как наказание за его нечестивые поступки. Вместо того, чтобы оставаться верными Храму в Иерусалиме и поклоняться Яхве, отвергнув всех других богов, люди из северных районов Израиля и особенно его греховные монархи спровоцировали серию катастроф, которые уничтожат их. Преданные Яхве пророки призывали Израиль к ответственности и требовали возвратиться к праведности и справедливости, но их призывы остались без внимания. Иностранная интервенция и разрушение Израильского царства были неотъемлемой частью божественного плана.

Библейская интерпретация участи северного царства является чисто богословской. В отличие от этого, археология предлагает иной взгляд на события века, последовавшего за падением династии Омри. В то время как Иудея оставалась бедной и изолированной, природные богатства относительно густозаселенного Израильского царства сделало его привлекательной целью все более сложной региональной политики ассирийского периода. Процветание и могущество династии Омри привели к зависти и военному соперничеству с соседями и с великой, амбициозной и алчной Ассирийской империей. Богатство Израильского царства привнесло также растущую социальную напряженность и пророческое осуждение внутри страны. Теперь мы видим, что величайшим несчастьем Израиля, причиной его уничтожения и изгнания многих его жителей было то, что как независимое царство, живущее в тени великой империи, оно слишком преуспевало.

Неверие, Божье милосердие и окончательное падение Израиля

Книги Царств показывают, как все мрачные пророчества Илии о гибели дома Омри в точности исполнились. И все же библейское повествование продолжает показывать, что уничтожение древней царской семьи не остановило стремление к идолопоклонству в Израиле. После падения династии Омри, только что помазанный на царство царь Ииуй (Иегу), сын Нимши (который правил в 842–814 гг. до н. э), пошел по стопам Иеровоама, Омри и Ахава в своем отсутствии уважения к Иерусалиму. И хотя он уничтожил в Самарии всех пророков, жрецов и служителей Ваала и превратил дом Ваала в «место нечистот» (4 Цар 10:18–28), Библия сообщает нам, что Иегу *«не отступал от грехов Иеровоама, сына Наватова, который ввел Израиля в грех, золотых тельцов, которые в Вефиле и в Дане»* (4 Царств 10:29). Другими словами, хотя Иегу и ликвидировал культ Ваала, но ему не удалось упразднить конкурирующие северные культовые центры, которые бросали вызов религиозному господству Иерусалима. Никто из царей Израиля, которые воцарились после него, не отменил их.

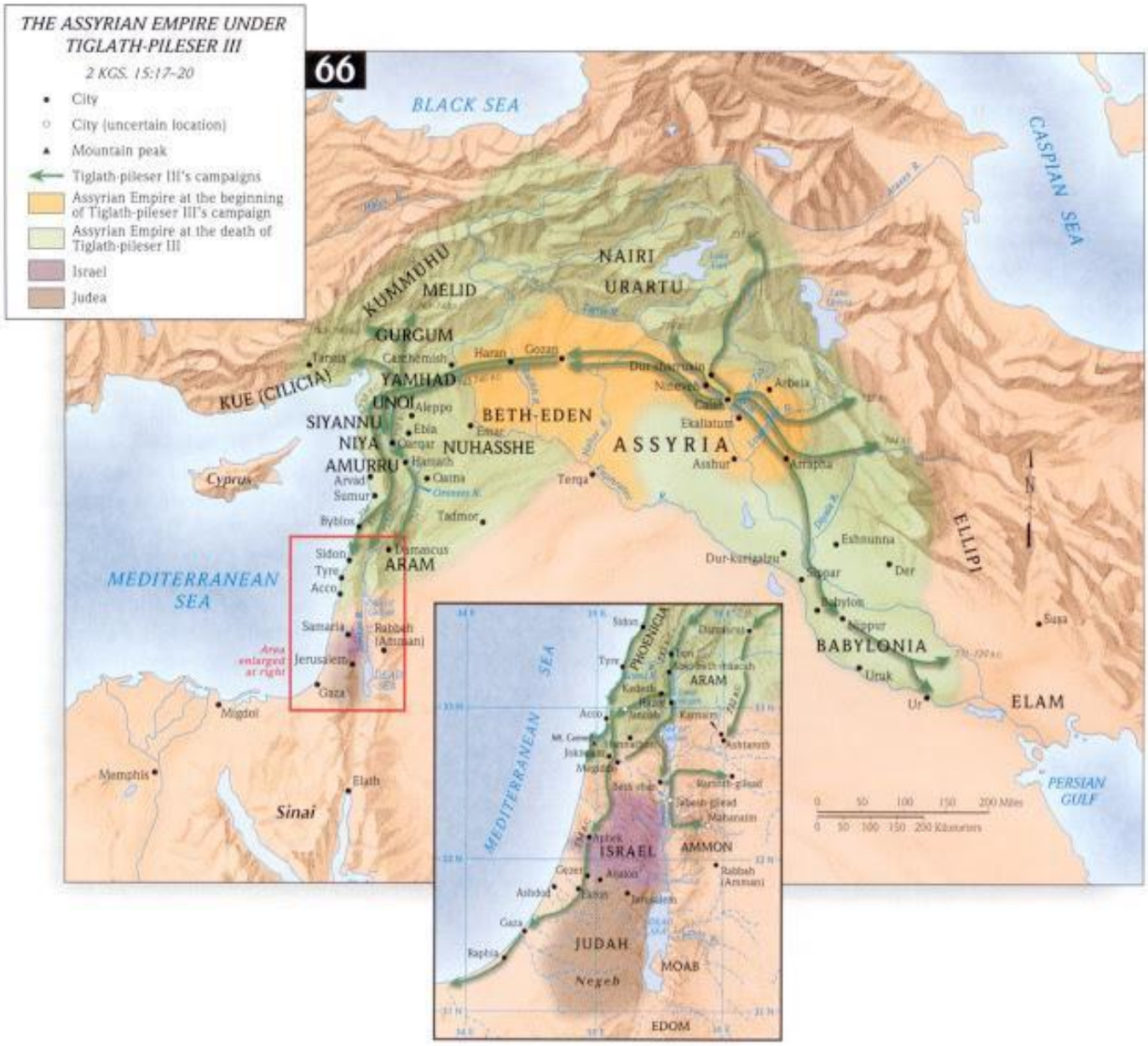
Наказание не заставило себя ждать, как и предсказывал пророк Илия. На этот раз божьим средством разрушения был Азаил, царь Арам – Дамаска, который победил Израиль и в Трансиордании, и в ходе разрушительной кампании на средиземноморской прибрежной равнине (4 Царств 10:32–33; 12:17–18, 13:3,7,22). Для северного царства это был период упадка, во все дни Ииуя и его сына Иоахаза Израиль был тесним Арам – Дамаском. Израильская армия была разбита, и его территория сократилась. Но время наказания для простых людей Израильского царства вскоре закончилось, так как *«Господь умилосердился над ними, и помиловал их, и обратился к ним ради завета Своего с Авраамом, Исааком и Иаковом, и не хотел истребить их, и не отверг их от лица Своего доныне»* (4 Царств 13:23).

Поэтому, следующий царь Иоас был благословлен, по крайней мере на время, и по божественной милости вернул города, которые Израиль потерял в противостоянии с Арамом (4 Царств 13:25). А с воцарением над Израилем сына Иоаса судьба Израиля, казалось, изменилась к лучшему – даже после карательного похода Иоаса на Иудею. Это тоже было делом божественного сострадания, так как сын Иоаса по имени Иеровоам, вслед за величайшим из всех северных царей – грешников, мирно правил в Самарии в следующие 41 год (788–747 гг. до н. э.). Хотя этот царь не уклонялся от каких-либо грехов первого Иеровоама и поддерживал идолопоклоннические северные святилища, и хотя протестующие голоса пророков Амоса и Осии вторили по всей земле, Иеровоам «*восстановил пределы Израиля, от входа в Емаф до моря пу-*

стыни, по слову Господа Бога Израилева, которое Он изрек чрез раба Своего Иону, сына Амафиина, пророка из Гафхефера, ибо Господь видел бедствие Израиля, весьма горькое, так что не оставалось ни заключенного, ни оставшегося, и не было помощника у Израиля. И не восхотел Господь искоренить имя Израильтян из поднебесной, и спас их рукою Иеровоама, сына Иоасова»

(4 Царств 14:25–27)

Тем не менее, этот период божественного благословения длился недолго, ибо, как объясняет 4 Царств 10:30, Бог обещал Иию, что царствовать будут только четыре поколения его династии. Так, сын Иеровоама, Захария, был убит через шесть месяцев после начала его правления, и Израиль вошел в еще один период гражданской войны и внешнего давления. Его убийца, Селлум (Шалум), вскоре был убит другим, еще более жестоким претендентом Менаимом (Менахемом), сыном Иависа, который правил в Самарии десять лет (747–737 гг. до н. э.). В этот момент Бог приготовил нового посредника для наказания северного царства, а также и всю цепочку событий, которые приведут к его окончательной гибели. Это была могущественная ассирийская империя, чьи полчища пришли и потребовали огромную дань, для которой Менаим был вынужден взимать налог в пятьдесят шекелей серебра с каждого состоятельного человека в Израиле (4 Царств 15:19–20)



Создалось внешнее и внутреннее напряжение. Сын и преемник Менаима, Факия (Пеках), был убит своим военачальником Факеем (Пекахией), сыном Ремалии. Но к тому времени ассирийцы уже не довольствовались данью. Они стремились забрать себе богатую землю Израиля: *«Во дни Факея, царя Израильского, пришел Тиглатпаласар, царь Ассирийский, и взял Ион, Авел – Беф – Мааху, и Ианох, и Кедес, и Асор, и Галаад, и Галилею, всю землю Неффалимову, и пе-*

реселил их в Ассирию» (4 Царств 15:29). Таким образом, северные долины и Галилея были оккупированы (в 732 году до н. э.), а их жители депортированы, тем самым отменяя божественное обещание о безопасном наследовании, которое было дано во времена первоначального завоевания Ханаана израильтянами. Израильское царство потеряло часть своей богатейшей земли и было сокращено до высокогорья вокруг столицы Самарии. Во время этого катастрофического поворота событий погиб узурпатор Факей – четвертый израильский царь, убитый за последние пятнадцать лет. Убийца Факея и его преемник, Осия, будет последним царем Израильского царства. Ассирийская петля затянулась с вступлением на трон Салманасара V, нового агрессивного ассирийского царя. Осия провозгласил себя верный вассалом и предложил Салманасару дань, но тайно искал союза с царем Египта для открытого восстания. Когда Салманасар узнал о заговоре, он взял Осию в плен и оккупировал то, что осталось от Израильского царства. В течение трех лет ассирийский царь осаждал столицу израильтян Самарию, в конце концов, захватил ее в 720 году до н. э., *«и переселил Израильтян в Ассирию, и поселил их в Халахе и в Хаворе, при реке Гозан, и в городах Мидийских»* (4 Царств 17:6).

Таблица 4. Ассирийские цари, вовлеченные в историю Израиля и Иудеи*

Салманасар III	852 – 824 гг. до н. э.
Адад – нирари III	811 – 783 гг. до н. э.
Тиглатпаласар III	745 – 727 гг. до н. э.
Салманасар V	727 – 722 гг. до н. э.
Саргон II	722 – 705 гг. до н. э.
Синаххериб	705 – 681 гг. до н. э.
Асархаддон	681 – 669 гг. до н. э.
Ашшурбанипал	669 – 627 гг. до н. э.

* согласно Когану и Тадмору, 4 Царств

Завоевание и депортация не положили конец этой истории. После выселения израильтян из их земли в Месопотамию ассирийцы привели в Израиль новых поселенцев: *«И перевел царь Ассирийский людей из Вавилона, и из Куты, и из Аввы, и из Емафа, и из Сепарваима, и поселил их в городах Самарийских вместо сынов Израилевых. И они овладели Самариею, и стали жить в городах ее»* (4 Царств 17:24). С тех пор десять северных колен Израилевых затерялись среди далеких стран. С тех пор выжило только Иудейское царство с его Храмом и царями из династии Давида, чтобы исполнять Божьи заповеди и искупить землю Израиля.

Подробное рассмотрение поздней истории Израиля

Археологи часто говорят о длительных периодах времени, в которые мало что менялось, но это только потому, что характер их находок делает трудным определение их хронологических границ. В конце концов, не существует ни одного человеческого общества, которое могло бы оставаться без существенных изменений на протяжении целых двухсот лет. Но таково было традиционное археологическое понимание северного царства, так как с 1920–х годов археологи раскопали некоторые из наиболее важных объектов Израильского царства, отмечая отсутствие каких-либо существенных изменений, за исключением его окончательного разрушения. Как и в случае с археологическим изучением династии Омри, последующая эпоха независимой истории Израиля не рассматривалась в качестве созидательной или особо интересной с археологической точки зрения. Непроизвольно вторя теологической интерпретации Библии, археологи изображали довольно однообразную последовательность, которой следовала неминуемая гибель. Очень мало внимания было уделено внутренней динамике царства и его экономической истории (за исключением некоторых спекуляций о единой коллекции урожая, поступившей из Самарии). Как мы увидим далее, они являются ключевыми областями в научных исследованиях, если только мы выйдем за рамки библейского, исключительно богословского толкования истории Израиля о том, что его конец был прямым и неизбежным наказанием за его грехи. 120 лет истории израильтян, которые последовали за падением династии Омри, были, по сути, эпохой драматических социальных перемен в этом царстве, экономических взлетов и падений, а также постоянно меняющейся стратегии, чтобы пережить различные угрозы.

Одной из главных причин этого недоразумения была общепринятая система датировки, согласно которой вся история северного царства, от взлета до падения, была собрана в единый

хронологический блок. Многие важные центры в долине Изреель и на прилегающем Средиземноморском побережье, такие как Мегиддо, Иокнеам и Дор, как полагают, содержат только *один* слой, охватывающий всю историю Израильского царства, от Иеровоама I (фактически, от кампании Сусакима в 926 году до н. э.) до падения Самарии в 722 году до н. э. И это несмотря на доказательства серьезных изменений и военных поражений, которые имели место в течение этого длительного периода, среди наиболее важных из которых было вторжение в Израиль царя Дамаска Азаила, как записано в Библии и на стеле из Дана писцами самого Азаила (http://www.biblearchaeology.org/post/2011/05/04/The-Tel-Dan-Stela-and-the-Kings-of-Aram-and-Israel.aspx Что-то было не так в обычном археологическом понимании: как так возможно, чтобы Азаил захватил Дан и посеял хаос на территориях северного царства, но не оставил заметных археологических следов разрушения?

Арам в Израиле

Вторжение Азаила на территорию, прежде контролируемую Израилем, было явно разрушительным и много сделало для ослабления власти северного царства. На знаменитой стеле из Моава царь Меша хвастается, что ему удалось отторгнуть от Израиля территории моавитян и даже удалось распространиться на израильские территории дальше на север. Библия сообщает, что Азаил забрал территории в Трансиордании к северу от Моава, прежде контролируемые Израилем. (4 Царств 10:32–33). Но самым ярким свидетельством наступления Азаила является надпись из Телль – Дана. В то время как библейское повествование о падении династии Омри связывает убийство царской семьи в их дворце в Изрееле с восстанием Иуя – правящий над Израилем царь Иорам убит стрелой Иуя (4 Царств 9:24), восстановленный текст надписи из Дана связывает смерть Иорама с победой арамеев. Азаил хвастается: «*[Я убил Ио]рама, сына [Ахава], царя Израильского, и [я] убил [Ахаз]йяху сына [Иорама, цар]я из дома Давида. И я [вверг] их страну в [запустение]».*

Так убийцей был Азаил или Иуй? Трудно утверждать наверняка. В библейском тексте давление Азаила и переворот Иуя тесно связаны. Азаил, возможно, видел Иуя своим инструментом, или, возможно, воспоминания о двух событиям слились вместе в течении двухсот лет, которые прошли до времен первого составления Девтерономической истории. Конечно, решительное наступление сирийского лидера сыграло важную роль в серьезном упадке Израиля. Главной целью Азаила был контроль над плодородными землями и стратегически важной границей между двумя царствами, и он, видимо, не только отвоевал арамейские земли, ранее захваченные Омри, но и опустошил один из самых плодородных сельскохозяйственных регионов Израиля и разрушил его торговые пути.

Библия не упоминает о каких-либо существенных, долговременных захватах территорий к западу от Иордана со стороны иностранных держав между временами завоевания Ханаана Иисусом Навином и ассирийским завоеванием. Библейские границы земли Израиля, как они описаны в книге Иисуса Навина, должны были быть священными и неприкосновенными. За исключением сообщения о передаче небольшой территории царем Соломоном царю Тира Хираму в обмен на его помощь в строительстве Храма, Библия описывает бурное, но в основном непрерывное, владение израильтянами землями Израиля вплоть до ассирийского завоевания. Но повторное рассмотрение археологических данных, поддержанное более точными методами датировки, указывает на период времени в несколько десятилетий (примерно 835–800 гг. до н. э.), когда царство Арам – Дамаска контролировало верхнюю Иорданскую долину и значительные территории на северо – востоке Израиля, а также опустошило главные израильские административные центры в плодородной долине Изреель.

Новые важные доказательства этого появились после раскопок дворцового комплекса династии Омри в Изрееле, который был заселен только в относительно короткий период времени в 9 веке до н. э., так как был разрушен через сравнительно короткое время после своего строительства. В конце железного века в Изрееле существовало небольшое селение, но это поселение никогда больше не восстановило своего прежнего значения. Поэтому существуют все основания связывать разрушение Изрееля с восстанием Иуя или с вторжением Азаила, оба из которых произошли в середине 9 века.

Поскольку Изреель была заселена только во время такого относительно короткого периода, керамические формы, найденные в уровне ее разрушения, служат ценным образцом

стиля керамики середины 9 века до н. э., в действительности были найдены в уровнях «соломоновых» дворцов Мегиддо и параллельных слоев других мест по всему северу. Читатели, которые не убедились ранее в том, что эти «соломоновы» города строили представители династии Омри, теперь должны рассматривать (в дополнение к керамическим свидетельствам, архитектурным параллелям и методам датирования углеродом 14) вероятность того, что насильственное уничтожение этих мест, так долго приписываемое египетским рейдам под руководствам фараона Сусакима в конце 10 века до н. э., состоялось около 835 года до н. э. во времена Азаила.

На плодородных просторах богатых северных долин горели города – от Тель – Рехова до Бет – Шана, Таанаха и Мегиддо. На основании этого нового свидетельства израильский библейский историк Надав Нааман пришел к выводу, что эти слои разрушения, представляющие собой опустошение северного царства Азаилом, настолько серьезны, что некоторые из городов так и не оправились. Военное давление Дамаска на Израиль, возможно, достигло апогея во время осады столицы Самарии, вероятно, Бен – Хададом III (известным в Библии как Венадад), сыном Азаила. Две осады Самарии, которые в Библии описаны во времена Ахава и Иорама, скорее всего, относятся к этому периоду.

Таким образом, археология открыла что-то такое, чего Библия не упомянула: самый центр Израиля был оккупирован в течение длительного периода. Ни один из предыдущих археологов, кажется, не находил свидетельств этого события. В Хацоре период между Омридами и уничтожением Израиля был разделен Игалем Ядином на четыре слоя, ни один из которых не был специфически связан с вторжением Азаила. Однако теперь город с шести – камерными воротами и казематной стеной, долго ассоциировавшийся с Соломоном, помещен во времена Омридов, а его разрушение может быть связано с кампанией Азаила. В Дане, том самом городе, захваченным Азаилом (в котором он возвел победную стелу, провозглашающую возврат территорий своего царства), традиционная датировка не смогла идентифицировать разрушения середины 9 века, а тем более период арамейской оккупации. Но и в Дане альтернативная датировка позволяет идентифицировать слои разрушения от завоевания Азаила, которое упоминается на стеле из Дана.

Но Азаил не был достаточно сильным, чтобы аннексировать опустошенные израильские центры дальше на юг в долинах Изреели и Бет – Шана, которые были далеко от основной области его правления. Он, видимо, оставил их в руинах, приведя в опустошение многие селения и вызвав упадок всего региона на несколько десятилетий. Некоторые центры этого региона так и не оправились: например, Изреель и Таанах никогда не восстановили свое прежнее значение. Анализ керамики из Мегиддо, по всей вероятности, указывает на то, что этот ключевой для израильского управления севером город опустел почти на половину века.

Таким образом, Израильское царство потеряло эффективный контроль над некоторыми из своих самых плодородных сельскохозяйственных регионов и, что более важно, его соперник получил более устойчивую и постоянную опору на стратегические города Хацор и Дан на северо – востоке. Эти места были расположены ближе к Дамаску, чем к Самарии, и были расположены на территориях, которые, как утверждал Азаил, изначально были арамейскими. Процитируем еще раз собственную надпись Азаила, описывающую ситуацию после смерти его предшественника: «*И лег отец мой, и ушел к своим [отцам]… и поднялся царь И[з]раиля продвинулся в страну отца моего».* Невозможно представить, чтобы Азаил завоевал верхнюю долину Иордана, возвел в Дане победную стелу, а затем удалился восвояси. Здесь победы на поле боя были преобразованы в долгосрочное территориальное владение.

Поэтому, по всей вероятности, новый город, построенный в Хацоре сразу после вторжения Азаила, был на самом деле важным звеном в цепи *арамейских* городов и крепостей, которые охраняли юго – восточную границу Арам – Дамаска с Израилем. Город, построенный над слоем разрушения, был расширен, чтобы охватись весь верхний акрополь бронзового века, и был окружен новыми массивными стенами. В его западном краю была построена цитадель или дворец, видимо, поверх разрушенной тогда цитадели Омри. На этом этапе истории города, возможно, была построена даже великолепная скальная система водоснабжения.

В Дане в новом городе, который перестроил Азаил, была возведена, безо всяких сомнений, известная стела. Этот город конца 9 века отличался сооружением грозных каменных го-

родских стен, похожих на те, которые обнаружены в Хацоре, и исключительно сложных городских ворот. Ворота содержали специальную секцию, неизвестную в Израиле и Иудее того времени: за пределами правой башни при входе в город были найдены остатки купола или возвышения. Они включали в себя две круглые резные каменные основы с типичными северными (то есть, сирийскими) чертами. Сама памятная стела, которая предположительно упоминала также и строительную активность Азаила, могла быть помещена либо в воротах города, либо у тщательно перестроенного из тесаного камня культового места, вероятно, снова посвященного арамейскому богу Хададу.

Другая грозная крепость, построенная в то же время и, возможно, связанная с оккупацией Азаилом северного Израиля – это место, известное как эт – Телль на северном берегу озера Кинерет (Галилейского моря). Оно было предположительно идентифицировано археологами, проводящими раскопки, как место очень позднего поселения Вифсаида времен Римской империи. В 9 веке это место было окружено массивной каменной стеной, похожей на стены, построенные в Хацоре и Дане. Огромные городские ворота по форме и размеру были похожи на те, которые были обнаружены в Дане. Перед воротами города археологи извлекли чрезвычайную находку, которая, кажется, раскрывает этническую (точнее, культурную и политическую) идентичность ее обитателей. У входа в ворота неподалеку от правой башни была обнаружена базальтовая стела. Ее изображение рогатого божества является типичным для арамеев. А ее расположение перед воротами предполагает возможность того, что аналогичные стелы могли быть установлены рядом с воротами города Дана под искусно сделанным куполом.

Таким образом, мы имеем намеки на то, что вторжение Азаила в Израиль в середине 9 века до н. э. привело к длительной оккупации и строительству по меньшей мере трех крепостей (в Дане, Хацоре и Вифсаиде), имеющих общие черты, некоторые из которых типично арамейские. И есть еще одна причина полагать, что население в этой части израильского царства, по крайней мере, частично, если не в большинстве, было арамейским. На это указывает тот факт, что почти в каждом крупном месте региона железного века II были раскопаны остраконы, написанные на арамейском языке.

Ассирия возвращается

Сирийская оккупация Израиля продолжалась недолго. Из ассирийских источников мы знаем, что Азаил был способен продвигаться запад и юг внутрь Израиля, потому что в течение нескольких десятилетий во второй половине 9 века правящие ассирийские цари были озабочены беспорядками в других частях империи. Но с воцарением в 811 году до н. э. нового сильного ассирийского монарха Адад – нирари III соотношение сил между Арамом и Израилем резко изменилось. Адад – нирари немедленно возобновил военное давление на запад и осадил Дамаск, который в то время был самой сильной державой региона. Возможно, Дамаск был в состоянии победить Израиль, но он не мог противостоять армии месопотамской сверхдержавы того времени. Сын Азаила Бен – Хадад сдался и заплатил Ассирии огромную дань. Эти события положили конец гегемонии Арам – Дамаск, и военное давление на Израиль прекратилось.

В этом свете приходит понимание, какое огромное влияние оказал ассирийский империализм на ход событий в Израильском царстве, и как много историй, поставленных в Библии в зависимость от нечестивости или жадности царей Израиля, в гораздо большей степени связаны с веяниями в международной политике. Хотя книги Царей изображают Ахава прежде всего как тирана – идолопоклонника, из надписи на монолите Салманасара III мы знаем, что он был одним из самых энергичных противников ассирийского господства, отправившим свое большое колесничное войско для того, чтобы противостоять ассирийцам в битве при Каркаре. В то время как мятежник Ииуй изображен в Библии как инструмент Бога по искоренению идолопоклонства в Израиле, знаменитый «черный обелиск» Салманасара изображает его кланяющимся низко до земли у ног великого царя Ассирии. Салманасар также отмечает: «дань Иегу, сына Омри; я получил от него серебро, золото, золотую чашу, золотую вазу с острым дном, золотые бокалы, золотые ведра, олово, жезл царя». (То, что Ииуй назван «сыном Омри», по сути, сыном рода, который он, как сообщается, уничтожил, означает только то, что он правил подчиненным царством, чья столица была основана Омри.)

Возрождение Израиля при внуке Ииуя Иоасе (4 Царств 13: 22–25) было более непосредственно связано с усмирением Дамаска ассирийцами, чем с изменениями в Божьем сердце, как

об этом говорится в Библии. Конец региональной гегемонии Арам – Дамаска дал северному царству Израиль, которое заявило о своей лояльности Ассирии еще во времена Салманасара III, прекрасную возможность быть признанным в качестве наиболее привилегированного вассала Ассирии. Под руководством царя Иоаса северное царство быстро восстановилось и начало возвращать свои территории, которые были отторгнуты Дамаском (4 Царств 13:25). Экспансия Израиля по – видимому продолжалась и при Иеровоаме II (4 Царств 14:25–28), который, как сообщается, расширил границы Израиля в сторону бывших территорий Арама. Когда мы рассматриваем археологические данные, мы видим явное подтверждение того, что сын Иоаса Иеровоама II, срок правления которого был самым длинным в истории северного царства, правил в течение периода беспрецедентного процветания в Израиле.

Вознаграждения от нового мирового порядка

Новая фаза процветания, которое началось около 800 года до н. э., видимо долго вспоминалась как золотой век северного царства даже в памяти народа Иудеи. Библейский автор книги Царств был вынужден искать объяснение этому загадочному счастью, которым обладали греховные северяне. Он объяснил такой поворот событий внезапным сочувствием Бога Израиля (4 Царств 14:26–27), но теперь мы видим, что более вероятной причиной этого было нападение ассирийцев на Дамаск и энергичное участие Израиля в растущей экономике ассирийского мира. В Дане победная стела Азаила была, по – видимому, разбита, а ее обломки использованы в более поздних сооружениях (где они будут найдены археологами примерно через двадцать восемь веков), когда израильские строители основали там новый город. В Вифсаиде стела, содержащая божество арамейского стиля, была также намеренно перевернута и положена вверх дном. И примерно в то же время Хацор был взят, разрушен и заново перестроен; не может быть полным совпадением и то, что надписи на иврите впервые появляются в Хацоре именно в этой фазе строительства.

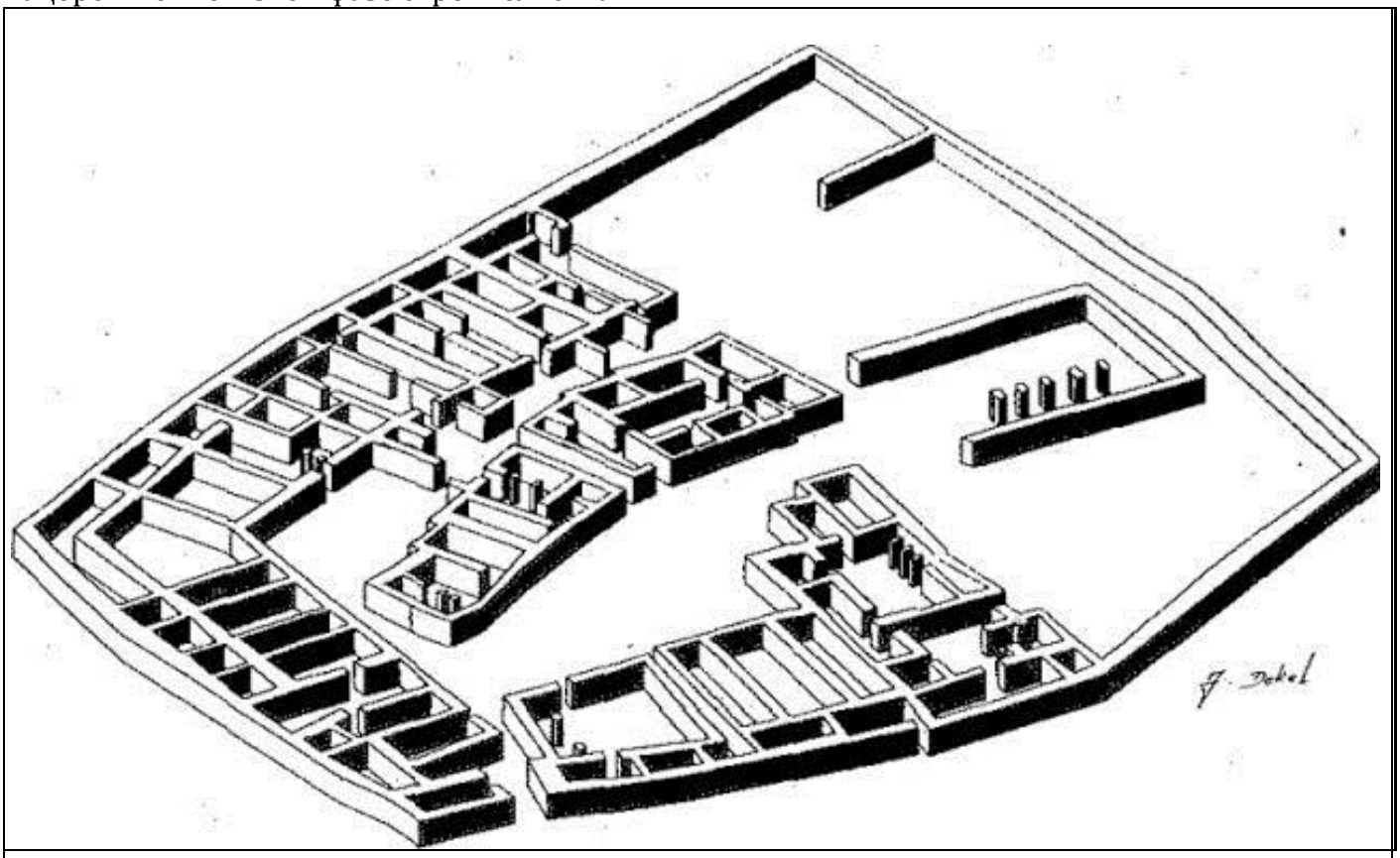


Рис. 25. Планировка нагорного селения, производящего оливковое масло, к северо – западу от Иерусалима

Прочность экономики израильтян во время царствования Иеровоама II лучше всего может быть продемонстрирована развитым сельским хозяйством Израиля и впечатляющими темпами роста его населения. На протяжении тысячелетия возвышенности вокруг Самарии составляли самый благоприятный в стране регион для выращивания виноградников и оливковых рощ. Интенсивные археологические исследования в горных районах к югу от Самарии предоставили свидетельства беспрецедентного расширения производства оливкового масла в

железном веке. В 8 веке мы впервые видим, что на скалистых отрогах в сердце прекрасных садоводческих регионов были построены поселения, жители которых, по – видимому, специализировались на этой отрасли сельского хозяйства (Рис. 25). Десятки оливковых прессов и других сооружений для обработки были высечены в скалах вокруг этих деревень, некоторые из которых, возможно, были царским имениями или, по крайней мере, были построены специально для этой цели. Не чувствовалось недостатка в потенциальных рынках: оливковое масло из высокогорья Израиля можно было выгодно экспортировать в Ассирию и отправлять кораблями в Египет, так как и в Египте, и в Ассирии не хватало специализированных районов для выращивания оливковых деревьев. В самом деле, знаменитые самарийские остраконы – коллекция из шестидесяти трех керамических черепков, исписанных чернильными надписями на иврите, датируемых временем Иеровоама II, сообщают о поставках масла и вина из отдаленных деревень в столицу Самарию.

Эта сельскохозяйственная глубинка, тем временем, становится более густонаселенной, чем раньше. Связанное с мировой экономикой и не имеющее никаких существенных военных угроз, население северного царства значительно выросло. Крупномасштабные исследования, проведенные за последние несколько десятилетий, проливают свет на драматический демографический рост с 10 по 8 века до н. э. К концу 8 века северное царство – возвышенности Самарии, равно как и северные долины – были самой густонаселенной областью во всем Леванте. Хотя цифры по общему признанию приблизительные, они дают общую оценку того, что население северного царства в 8 веке (включая его территории в Трансиордании) составляло порядка 350 тысяч жителей. Согласно той же методике ученые считают, что в бронзовом веке население всей территории западной Палестины не дотягивало даже до 250 тысяч человек. Демографический рост был порой драматическим, если учесть, что население возвышенностей в раннем железном веке исчислялось чуть более 45 тысячами обитателей. Даже в 8 веке население Иудейского царства не насчитывало более 100 тысяч человек. Население государств Трансиордании, Аммона и Моава, вместе взятых вряд ли достигало третьей части населения северного Израиля. Эти сравнительные данные объясняют военную и экономическую мощь северного царства. Они также указывают на человеческие ресурсы Израиля, который был способен и к наращиванию военной мощи, и к впечатляющей строительной активности. Похоже, что Иоас или, скорее всего, Иеровоам II провел большие строительные работы не только в Мегиддо (в том числе большой системы водоснабжения и двух огромных конюшен), но также и при перестройке Хацора как оплота на территории, возвращенной у арамеев, а также при перестройке города Гезер, стратегического форпоста северного царства на границе с Иудей и землей филистимлян. Новую массивную городскую стену и ворота в Гезере можно датировать этим временем. Величие возрожденного царства Израиль подтверждается археологическими данными. Важно отметить, что Иеровоам II является самым ранним израильским монархом, чью официальную печать мы имеем. Этот исключительно большой и красивый артефакт был найден в начале двадцатого века в Мегиддо. На нем изображен мощный рыкающий лев, а надпись на иврите гласит: *«принадлежащий Шеме, слуге* [т. е, высокопоставленному чиновнику] *Иеровоама»* (кстати, вот ее изображение http://www.biblehistory.net/King Jeroboam.pdf – прим. Atmel). Рисунок льва на печати характерен для 8 века до н. э., поэтому она не может быть приписана Иеровоаму I, который основал северное царство почти два столетия ранее. По меркам своего благосостояния, международных связей и громадных строительных проектов государство Иеровоама II, возможно, оставалось живо в памяти как израильтян, так и иудеев в качестве модели славной монархии. Вспомним знаменитый отрывок из 3 Царств 9:15, который описывает строительную деятельность Соломона в Хацоре, Мегиддо и Гезере. Возможно, что более поздний иудейский автор, сочиняя свою историю почти сто лет спустя, романтически (и патриотически) приписал руины больших сооружений, построенных Иеровоамом, Золотому Веку Соломона?

Загадка конюшен Мегиддо еще раз

Одним из самых дорогих и самых ценных товаров северного царства были, по видимому, лошади. Некоторые дразнящие подсказки масштаба разведения лошадей и искусства их дрессировки в Израиле можно получить из восстановленного Мегиддо времен Иеровоама II (Рис. 22).

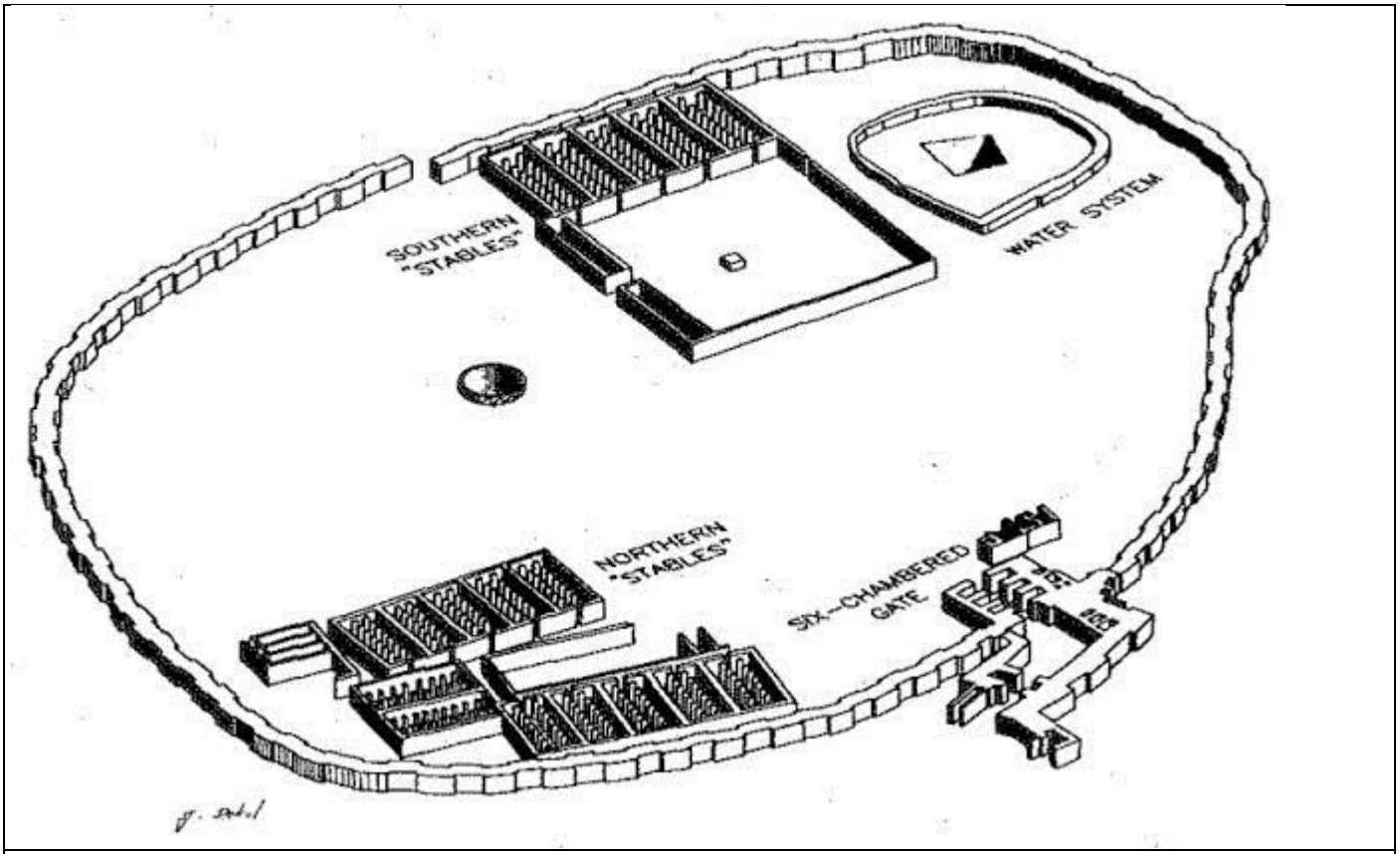


Рис. 22. Мегиддо 8 века до н. э. Шестикамерные ворота (приписанные Ядином «соломоновому» слою) скорее всего принадлежат именно этому периоду

Самым заметным элементом в бывшем израильском городе Мегиддо являются два больших комплекса колонных зданий, которые команда из Чикагского университета в 1920–х годах отнесла к конюшням, построенным Соломоном. Впоследствии эти комплексы были повторно датированы Ядином как конюшни, построенные Ахавом, который выдвинул огромное колесничное войско против ассирийцев в битве при Каркаре. Сторонники этих теорий (будь то выступающие за их связь с Соломоном или же с Ахавом) утверждали, что лошадей держали в длинных узких боковых проходах зданий, где они были привязаны к каменным столбам и кормились из кормушек, размещенных между столбами (Рис. 17). Центральный проход, пол которого был покрыт гладкой штукатуркой, якобы служил зоной обслуживания, где конюхи могли чистить лошадей и распределять корма. Археологи также предполагали, что большой двор перед южным рядом конюшен служил двориком для обучения и прогулок.

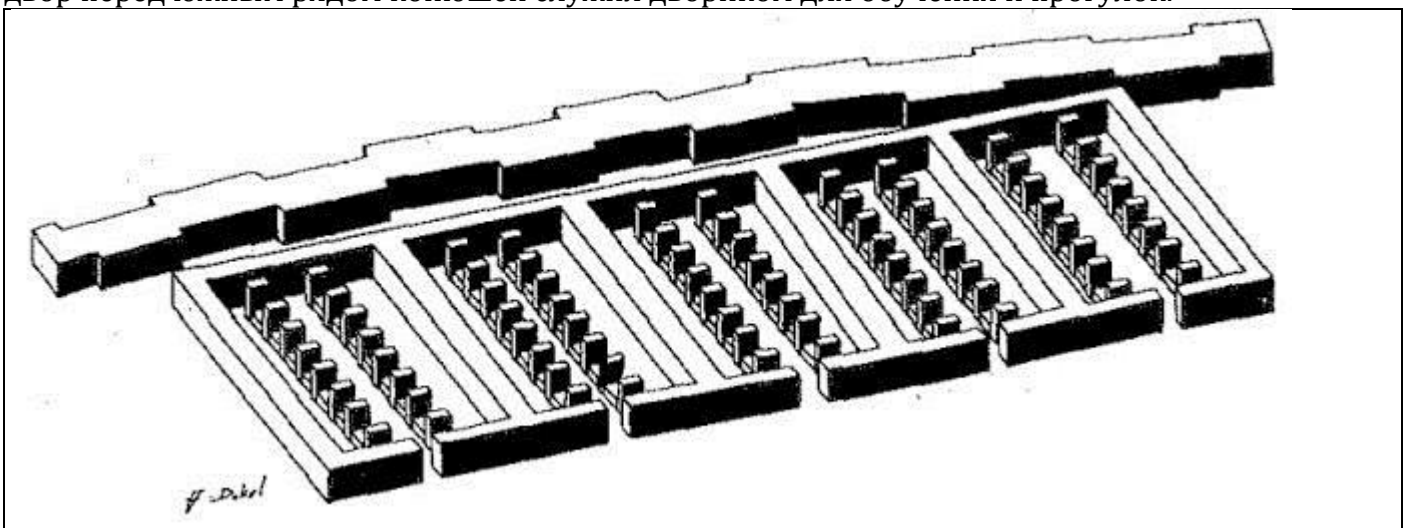


Рис. 17. Ряд колонных зданий в Мегиддо, идентифицированных как конюшни

Только в этой привлекательной теории была одна проблема: ни в одном из зданий не было найдено ни одного предмета, связанного с лошадьми, колесницами или кавалерией. А боковые проходы подобного устройства, обнаруженные на других участках, были наполнены керамическими сосудами, которые многих ученых навели на мысль, что *все* эти трехпроход-

ные здания использовались в качестве хранилищ. Некоторые предположили, что кормушки, найденные в зданиях Мегиддо, использовались для кормления вьючных животных, вероятно, ослов, которые привозили товары к хранилищам в караванах. Другие ученые предположили, что колонные здания в Мегиддо, а также и в других местах региона, служили казармами или даже общественными базарами.

В проводимых в Мегиддо раскопках предпринимаются попытки решить проблему систематическими химическими исследованиями земли, недавно извлеченной с пола этих зданий, для выявления следов корма или животных экскрементов. Пока результаты неубедительны. Но одна вещь в ходе новых раскопок уже разъяснилась. Мы не должны рассчитывать найти в зданиях какие-либо существенные предметы, связанные с лошадьми, так как после захвата города ассирийцами здания были тщательно очищены и, по крайней мере, частично использованы снова. А позже, после того, как они стали заброшенными, эти здания были намеренно уничтожены, а их стены снесены.

В соответствии с повторным датированием слоев из Мегиддо и переоценкой археологической истории северного царства мы сейчас можем отвергнуть прежние теории и с уверенностью сказать, что здания в Мегиддо, похожие на конюшни, принадлежат временам Иеровоама II. Ахав же, хотя он несомненно и содержал большое колесничное войско, построил большие дворцы в Мегиддо, которые *предшествуют* слою «конюшен» (хотя некоторые ученые предполагают, что в этом городе, который был лишь частично раскопан, также были конюшни). Но привязка «конюшен» к Иеровоаму II не решает окончательно вопрос об их предназначении. Существуют ли другие подсказки для освещения важности лошадей в Израильском царстве и, возможно, понимания военной роли Израиля в большом общественном строе ассирийской империи?

Решающие свидетельства исходят из ассирийских источников, которые показывают, что Израильское царство славилось своим колесничим войском и долгое время после того, как царь Ахав столкнулся с Салманасаром III с двумя тысячами колесниц в битве при Каркаре в Сирии в 853 году до н. э. Ассириолог Стефани Дейли нашла в ассирийских записях убедительные доказательства, что некоторые из вассальных государств империи специализировались на разведении и экспорте лошадей, используемых в боевых колесницах и военной кавалерии. Мы знаем, что Израиль времен Иеровоама процветал благодаря своей специализации в производстве определенных товаров. Возможно ли, что то, что мы видим в Мегиддо, является архитектурными остатками важного центра разведения лошадей для знаменитых колесничих войск Израильского царства? И возможно ли, что в дни Иеровоама II Израиль разводил лошадей не только для своих собственных военных нужд, но и для колесничих соединений по всей ассирийской империи? Подсказка в этом направлении исходит из другого ассирийского вассального государства, царства Урарту в Восточной Анатолии, которое считалось обладателем лучшей кавалерии в мире. Из явного упоминания в ассирийских источниках мы знаем, что там разводились лошади для экспорта. И что интересно, в местах железного века II в Урарту были обнаружены сооружения, которые по своей планировке поразительно похожи на «конюшни» Мегиддо. Но, пожалуй, наиболее показательная связь израильтян с военным искусством верховой езды происходит из периода, следующего непосредственно за завоеванием Ассирией северного царства, когда специальное израильское колесничное подразделение было включено в состав ассирийской армии. Фактически, исследование Стефании Дейли ассирийских табличек, называемых «конными списками», предоставляет информацию о чиновниках, военачальниках и подразделениях ассирийской армии во времена Саргона II. Эти записи показывают, что в то время как другие специализированные отряды из завоеванных областей были включены в ассирийскую армию индивидуально, только израильской бригаде колесниц было разрешено сохранить свою национальную идентичность. Лучше всего об этом говорит ассирийский царь Саргон II: *«Я сформировал соединение из двухсот своих колесниц для моих царских войск».* Таким образом, кажется, что вследствие того, что израильские колесничие былиа настолько известны своим мастерством, им был предоставлен специальный статус. Среди других подробностей в «конных списках» было упоминание израильского командира по имени Шема, вероятно, из колесничего подразделения, который служил на высоком посту в ассирийской армии и был членом царской свиты.

Первые голоса протеста

Процветание и известность, которых достигло израильское царство во времена правления Иеровоама II, предлагало большие богатства израильской аристократии. Хотя достаточно хаотичные методы раскопок в Самарии в начале 20 века не позволяют произвести детальный анализ строительства и реконструкций царского города в начале 8 века, но два чрезвычайно интересных набора небольших находок дают некоторое представление о богатстве и состоянии правящего класса Израиля. Более двухсот тонких табличек из слоновой кости с египетскими мотивами, вырезанных в финикийском стиле и стилистически датируемых 8 веком до н. э., вероятно, украшали стены дворца или красивую мебель израильской царской семьи. Они свидетельствуют о богатстве и космополитических вкусах израильских монархов и знатных семей этого царства. Известные самарийские остраконы (расписки за поставки масла и вина, доставляемые из сельской местности в столицу) представляют собой сложную систему зачетов и делопроизводства, по которой продукция глубинки взыскалась крупными землевладельцами и государственными сборщиками налогов, руководившими сбором урожая.

Именно на пике процветания северного царства под властью Иеровоама II мы, наконец, видим полный набор критериев государственности: письменность, бюрократическое управление, специализированное экономическое производство и профессиональная армия. Это также период, когда мы имеем первое упоминание о пророческом протесте. Предсказания пророков Амоса и Осии являются самыми ранними из сохранившихся пророческих книг, содержащих материал, который отражает расцвет Иеровоама II. Их резкое осуждение коррумпированной и нечестивой аристократии севера служит свидетельством богатства этой эпохи и впервые выражает идеи, которые могли оказывать существенное влияние на кристаллизацию Девтерономической идеологии. Амос изображается пастухом, который странствовал к северу от сельской иудейской деревни Фекои. Но независимо от его точного социального статуса или причин для проповеди в израильском царстве, предсказания, записанные от его имени, отражают резкое осуждение расточительного образа жизни и материального состояния израильской аристократии в 8 веке до н. э.: *Вы, которые лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших, едите лучших овнов из стада и тельцов с тучного пастбища, поете под звуки гуслей, думая, что владеете музыкальным орудием, как Давид, пьете из чаш вино, мажетесь наилучшими мастями… (Ам. 6:4–6)*

Амос продолжает осуждать тех, кто *«построит дома из тесаных камней»* (Ам. 5:11), а его современник пророк Осия выступает против тех, кто *«умножает ложь и разорение; заключает союз с Ассуром, и в Египет отвозит елей»* (Ос. 12:1). В этих и многих других намеках оба пророка обрисовывают экономические связи и материальную культуру, которые так обильно иллюстрируются археологией Израильского царства. Осуждая богатых и сильных, Амос и Осия проводят резкую критику социальной несправедливости, идолопоклонства, и внутренней напряженности, которые принесли международная торговля и зависимость от Ассирии. По словам Осии: *«Ассур не будет уже спасать нас; не станем садиться на коня и не будем более говорить изделию рук наших: боги наши; потому что у Тебя милосердие для сирот»* (Осия 14:3). Амос осуждает злодеяния тех, кто только на словах следует положениям религии, в то же время собирая себе богатства и надругаясь над бедными: *Выслушайте это, алчущие поглотить бедных и погубить нищих, – вы, которые говорите: «когда-то пройдет новолуние, чтобы нам продавать хлеб, и суббота, чтобы открыть житницы, уменьшить меру, увеличить цену сикля и обманывать неверными весами, чтобы покупать неимущих за серебро и бедных за пару обуви, а высевки из хлеба продавать».&nb sp; (Ам. 8:4–6)*

Это пророческое осуждение было сохранено последователями Амоса и Осии и получило новое значение после падения Израильского царства. Своей критикой богатства и своим отвращением от влияния чужестранного образа жизни на народ Израиля они возвестили начало духовного и социального движения, которое окажет неизгладимое влияние на кристаллизацию библейского текста.

Агония Израиля

После смерти Иеровоама II в 747 году до н. э. структура израильского общества, несмотря на его материальное благополучие и достижения в области архитектуры и военного искусства, оказалась пустой. Вероятно, среди региональных руководителей, военачальников и групп со

специфическими интересами возникали фракции. Один царь сменял другого относительно быстро и обычно кровавым путем. Тонкий баланс экономической независимости и политического союза (или подчинения) с Ассирией постепенно нарушался. Повествование, представленное в 4 Книге Царств, дополненное случайными подтверждениями в ассирийских записях – это все, что мы имеем из документирования падения Израиля.

Серия жестоких династических переворотов в Самарии не могла произойти в более опасное время. В Месопотамии происходили большие изменения. В 745 году до н. э. – в точности после того, как в Самарии были убиты два царя – амбициозный правитель большого ассирийского города Калах в долине Тигра восстал против своих сюзеренов и начал процесс превращения Ассирии в жестокое и хищное государство.

Этот новый царь Тиглатпаласар III (также известный в Библии под своим вавилонским именем Пул) начал ни с чего иного, как с полного восстановления ассирийской империи и в первую очередь в отношениях со своими бывшими вассалами, которые теперь будут в гораздо большей степени находиться под ее непосредственным контролем. В 738 году до н. э. он повел свою армию на запад в большую угрожающую кампанию, в которой ему удалось навязать съежившимся, ранее полунезависимым вассалам Ассирии беспрецедентные экономические требования. Но это было только началом. В эпоху ассирийского империализма, которую начал Тиглатпаласар, вассальство вскоре уступит место завоеванию и аннексии вместе с депортацией местного населения туда, куда пожелают ассирийские власти.

В столице Израиля Самарии со смертью царя Менахема в 737 году до н. э. и почти немедленного убийства его сына и преемника военачальником по имени Факей, сыном Ремалии, внешняя политика Израильского царства изменилась. У нас нет информации о политических и личных мотивах Факея, этого последнего узурпатора, но он внезапно покончил с израильским подобострастным вассальством Ассирии. Возможно, из-за неспособности удовлетворить требования ассирийцев, отчаянно реагируя на изменение ассирийской политики, в безрассудной азартной игре за независимость Факей присоединился к коалиции других местных сил, в которую входили царь Дамаска Рецин и некоторые филистимские города.

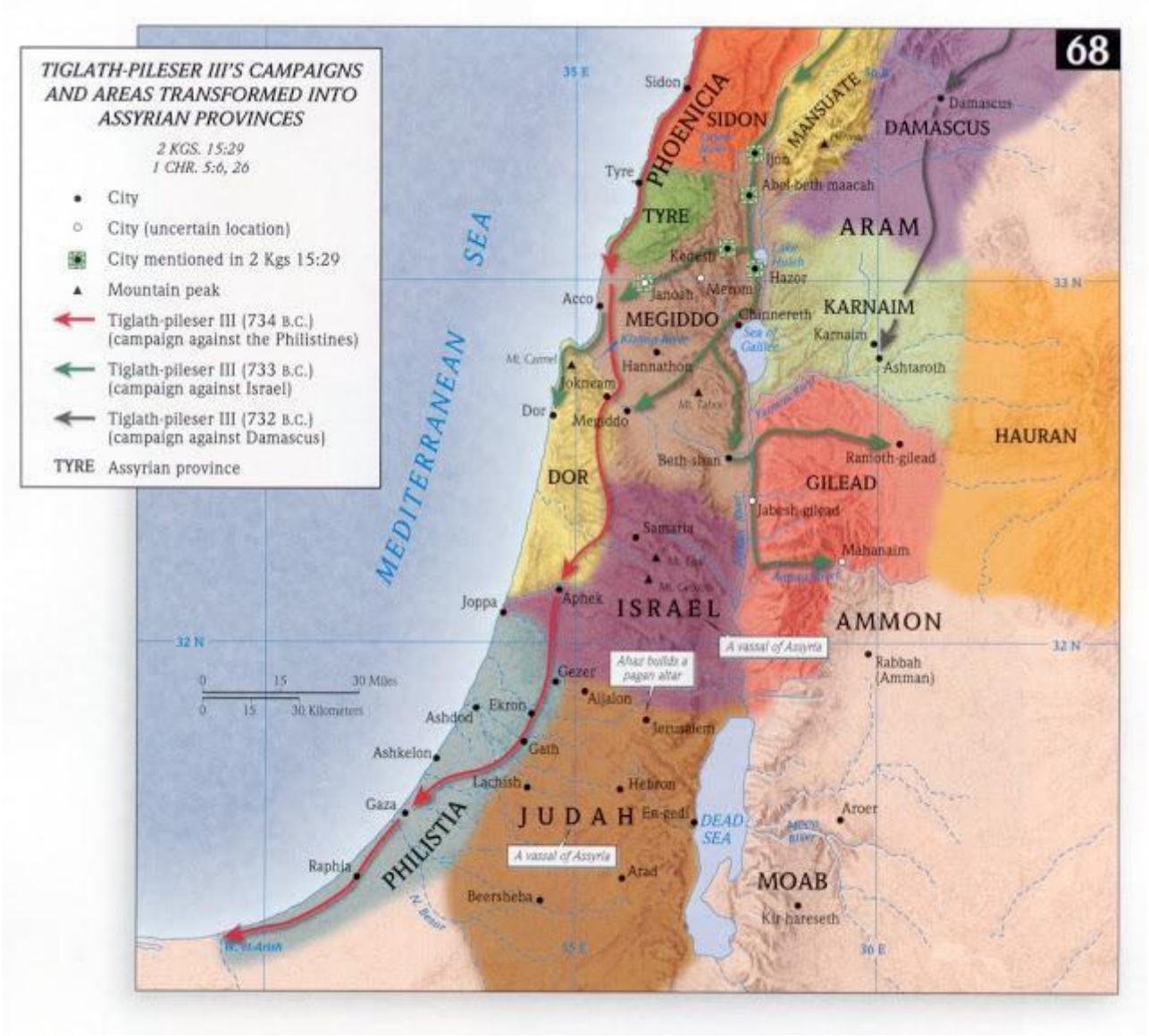
За этим последовала серия трагических просчетов, которые положили конец независимому Израилю и возможности того, что какое-либо из государств Леванта когда-нибудь сможет действовать самостоятельно, пока будет существовать ассирийская империя. Факей и Рецин надеялись организовать всеми государствами региона широкий объединенный фронт сопротивления Ассирии. Коалиция не оправдалась, и Тиглатпаласар яростно отреагировал. После захвата Дамаска и казни Рецина он проследовал вниз к побережью Средиземного моря, уничтожая потенциально мятежные города. Убедившись, что из Египта повстанцам не придет никакая помощь, Тиглатпаласар в полную силу нацелился на Израильское царство. Покорив большую часть его территории, разрушив главные города и депортировав часть населения, Тиглатпаласар поставил Израиль на колени.

Ко времени смерти Тиглатпаласара в 727 году до н. э. большая часть территории северного царства была непосредственно присоединена к Ассирийской империи. Потом она была административно разделена на провинции Дор (вдоль северного побережья), Мегиддо (в Изреельской долине и Галилее) и Галаад (в нагорье Трансиордании). Рельеф времен Тиглатпаласара III, изображающий осаду города, названного «Гаазру» (вероятно, Гезер), указывет на то, что и южные прибрежные равнины Израиля не избежали горькой судьбы северных провинций. Все, что осталось от северного царства – только нагорье вокруг столицы Самарии. И поэтому Тиглатпаласар в монументальной надписи мог похвастаться: *«Земля Бит – Хумри* [т. е., Дома Омри]*, все города которой я сравнял с землей в моих предыдущих кампаниях… Я разграбил ее скот, и я пожалел только изолированную Самарию».*

Ассиризация севера

Ассирийская империя нового стиля при Тиглатпаласаре не довольствовалась простым территориальным завоеванием. Ассирийцы рассматривали все земли, животных, ресурсы и народы в областях, которые они завоевали, в качестве объектов (движимого имущества), которых можно было и нужно было переселять или эксплуатировать для обслуживания интересов ассирийского государства. Таким образом, ассирийцы в большом масштабе развернули политику переселения. Эта политика имела много целей, которые все служили задачам про-

должения имперского развития. С военной точки зрения захват и уничтожение местных поселений имели терроризирующий эффект, деморализовали население и раскалывали его для предотвращения дальнейшего организованного сопротивления. С экономической точки зрения массовый призыв в армию империи принес новые человеческие силы и военные технологии в структуру, где за новобранцами могли тщательно следить. Насильственное переселение ремесленников в центры ассирийской империи предоставляло подготовленные человеческие ресурсы в распоряжение ассирийской экономики. И, наконец, систематическое переселение нового населения в пустые или недавно завоеванные территории было предназначено для расширения общего сельскохозяйственного производства империи.



Тиглатпаласар III почти сразу же инициировал эти процессы в регионах Израильского царства, как только его армии перешли его границы. Количество депортированных жителей, приведенное в его летописи, составляет 13500 человек. Если это не преувеличение (как предполагают археологические исследования в Нижней Галилее, указывающие на повсеместное истребление населения), то ассирийцы депортировали из этих районов в Ассирию важный компонент сельского населения. Катастрофические результаты первого нападения Тиглатпаласара можно увидеть во многих местах раскопок. Последний город израильтян Хацор, который прямо упоминается в Библии в связи с его кампанией (4 Царств 15:29), был разрушен и сожжен дотла. Существует четкое археологическое свидетельство того, что за несколько дней до финального штурма ассирийцами были укреплены фортификационные сооружения города. Как показали события – напрасно. Полное уничтожение также прослеживается в Дане и Бет – Шеане. Но в Мегиддо ассирийские намерения были несколько иными, поскольку он станет новым центром имперской администрации. Внутренние помещения были подожжены; рухнувшие, сожженные здания и раздавленные сосуды рассказывают о последних часах города

израильтян. Но колонные здания (известные как конюшни Мегиддо) остались нетронутыми и, вероятно, некоторое время повторно использовались. Ассирийцы намеревались перестроить это место для своих целей, и мелкие камни в устойчивых зданиях оказались отличным источником строительных материалов.

Мегиддо предоставляет наилучшее свидетельство ранних стадий ассирийской оккупации. После частичного разрушения последнего израильского города за непродолжительным периодом запустения последовала обширная перестройка. Ассирийцы сделали Мегиддо столицей своей новой провинции, охватывающей территории бывшего северного царства в северных долинах и на возвышенностях Галилеи. В течение нескольких десятилетий официальные документы упоминают Мегиддо как резиденцию наместника. Центр нового города, который был перестроен по совершенно новому плану, находился у ворот, где в типичном ассирийском стиле были построены два дворца. Остальная часть города была построена в виде четкой сетки с параллельными улицами с востока на запад и с севера на юг, формируя прямоугольные блоки из жилых домов – методом городского планирования, до тех пор неизвестным в Леванте. В свете радикальных изменений не исключено, что теперь там поселились новые народы, депортированные из других завоеванных областей ассирийской империи.

Конец царства

Зажатое в непосредственной близости от Самарии, обрубленное Израильское царство казалось не более чем легкой добычей, которую при первой же возможности сожрет восходящее Ассирийское государство. Однако, Осия (убийца Факея и последний царь Израиля) быстро предложил Ассирии дань и так же быстро начал катастрофически опасную интригу. В течение короткого периода неопределенности между смертью Тиглатпаласара III и воцарением Салманасара V Осия, по сообщениям, послал секретное письмо одному из региональных правителей египетской дельты, надеясь, что Египет в этот раз будет готов к ссоре с ассирийцами. Идя на максимальный риск, Осия немедленно прекратил выплату своей дани новому ассирийскому царю.

Таблица 5. Цари Израиля от Ииуя до Осии

Царь	Правление *	Библейское свидетельство	Ассирийские записи	Археологические находки
Иегу (Ииуй)	842 – 814 гг.	Возглавляет переворот против омридов и *уничтожает* их род, разрушает дом Ваала в Самарии, продолжается противостояние с Арам-Дамаском; пророк Елисей	Платит дань Салманасару III	Хацор и север в руках Арам-Дамаска; Мегиддо заброшен?
Иоахаз	817 – 800 гг. **	Израиль побежден, а Самария осаждена Арамом; пророк Елисей		
Иоас	800 – 784 гг.	Поражения арамеев и восстановление Израиля; нападения на Иерусалим	Платит дань Адад-нирари III	Хацор снова в руках израильтян?
Иеровоам II	788 – 747 гг. **	Поражения Дамаска и расширение границ северного царства до своих максимальных размеров; пророчества Осии и Амоса		Беспрецедентное процветание в северном царстве, крупномасштабные строительства в Хацоре, Гезере, и Мегиддо (конюшни и системы водоснабжения); Самарийские остраконы и слоновая

				кость; в Мегиддо найдена печать, носящая его имя
Захария	747 г.	Правит шесть месяцев, убит во время переворота		
Шалум	747 г.	Правит один месяц и убит во время переворота		
Менахем	747 – 737 гг.	Платит дань ассирийскому царю	Платит дань Тиглатпаласару III	
Факия	737 – 735 гг.	Убит во время переворота		Разрушение израильских городов на севере
Факей	735 – 732 гг.	Воюет вместе с царем Дамаска против иудейского царя Ахаза; Тиглатпала-Тиглатпала-сар III завоевывает Галилею и долину Изреель	Свергнут Тиглатпаласаром III; Тиглатпаласар завоевывает Галилею	
Осия		Последний царь Израиля; ассирийский царь СалманасарV осаждает Самарию, захватывает ее и высылает израильтян в Ассирию	Посажен на трон Тиглатпаласаром III и платит ему дань	

* согласно Anchor Bible Dictionary

** включая года совместного правления

*** или 722 год до н.э.

Кто бы удивился тому, что случилось далее? Салманасар V сразу же приступил к уничтожительной кампании. Он покорил местность вокруг Самарии и осадил город. После длительной осады город был взят штурмом и, по крайней мере, часть его выжившего населения была согнана в концентрационные пункты, из которых они в конечном итоге были переселены в отдаленные области ассирийской империи. Среди ученых существует значительная дискуссия, дожил ли Салманасар V до времени захвата Самарии, или же за смертельный удар несет ответственность его преемник Саргон II, который взошел на трон в 722 году до н. э. В любом случае, именно из хроник Саргона мы имеем полный ассирийский отчет о том, что происходило: *Жители Самарии, которые составили заговор с царем, враждебным ко мне, не вытерпели рабства и не принесли дань Ассуру, и которые выступили против меня, я боролся против них силой великих богов, повелителей моих. Я насчитал пленных 27280 человек, вместе с их колесницами и богами, которым они доверяли. Я сформировал военный корпус из 200 их колесниц для моих царских войск. Я переселил оставшихся из них в центр Ассирии. Я заселил Самарию большим числом людей, чем раньше. Я разместил там людей из стран, завоеванных моими руками. Я назначил им своего наместника губернатором над ними. И я считаю их ассирийцами.*

Отчет Саргона дает нам число депортированных из Самарии, хотя неясно, относится ли это к населению столицы и районов в непосредственной близости от нее, или к общему числу перемещенных из царства за предыдущие годы. Библия упоминает некоторые из направлений – *«в Халахе и в Хаворе, при реке Гозан, и в городах Мидийских»* (4 Царств 17:6). Но окончательная судьба большинства из них, десяти колен северного Израиля, никогда не станет известна. В начале депортированные, возможно, пытались сохранить свою идентичность, например, продолжая израильские формы поклонения или давая израильские имена своим детям. Но вскоре они растворились в империи.

Все было кончено. Два бурных века подошли к катастрофическому концу. Гордое северное царство и значительная часть его населения были потеряны для истории.

Депортированные и уцелевшие

Как они, вероятно, делали и с другими ключевыми местами на севере, такими как Мегиддо, ассирийские власти подготовили новые группы населения, чтобы поселить их в цен-

тральные районы Израиля вместо депортированных израильтян: *«И переселил царь Ассирийский людей из Вавилона, Куты, Ава, Емафа, и Сепарваима, и поселил их в городах Самарии вместо народа Израиля, и они овладели Самарии, и жили в ее городах»* (4 Царств 17:24). Несколько исторических и археологических подсказок указывают, что эти новые группы, из мятежных районов южной Месопотамии, были расселены не только в Самарии, но и в особенности на стратегических территориях вокруг Вефиля – израильского старого культового центра на северной границе с все еще независимым Иудейским царством. Библейский историк предоставляет косвенные свидетельства об этом, упоминая Аввим как один из городов Иудеи 7 века в области Вефиля (Нав. 18:2–3). Это название, вероятно, связано с названием Ава, которая упоминается в качестве одного из мест происхождения депортированных. Арамейский текст упоминает депортированных, которые были поселены в самом Вефиле. Кроме того, несколько клинописных текстов 7 века с вавилонскими именами, которые были найдены в Гезере и его окрестностях, предоставляют ощутимые доказательства присутствия этих депортированных лиц на юго – западной территории побежденного Израиля, а также неподалеку от границ Иудеи. В итоге Адам Зерталь из университета Хайфы предположил, что тот особый тип керамики, передающий знаки клинописного типа и который встречается на некоторых раскопанных участках в горах Самарии, также может быть связан с этими вновь прибывшими группами.

Но обмен населением был далеко не полным. Число, полученное из ассирийских источников, как депортированных Тиглатпаласаром III из Галилеи, так и Саргоном II из Самарии, составляет порядка 40 тысяч человек. Это составляет не более пятой части от предполагаемого населения северного царства к западу от реки Иордан в 8 веке до н. э. Тиглатпаласар III, видимо, депортировал в основном беспокойных жителей возвышенностей Галилеи и население главных центров, таких как Мегиддо. А Саргон II, видимо, депортировал в основном аристократию Самарии и, возможно, солдат и опытных ремесленников, которые были необходимы в Ассирии. В результате большинство из оставшихся в живых израильтян осталось на месте. В нагорье вокруг города Самарии, которому суждено было стать центром новой ассирийской провинции Самерина, депортация была, по – видимому, минимальной. У ассирийцев были веские экономические причины, чтобы не опустошать богатые области, в которых производилось оливковое масло. В северной долине ассирийцы уничтожили израильский административный центр, но оставили нетронутым сельское население (которое придерживалось в основном хананейских, финикийских и арамейских обычаев), до тех пор, пока они оставались послушными и вносили свой вклад в требуемую ассирийцами дань. Даже жестокие ассирийские завоеватели признавали, что полное уничтожение и депортация сельского населения Израиля могут уничтожить сельскохозяйственное производство в их новой провинции, поэтому, когда это было возможно, они выбирали стабильность и целостность.

Действительно, исследования и раскопки в долине Изреель подтвердили удивительную демографическую целостность. Около половины деревень вблизи Самарии продолжали существовать и в последующие века. У нас даже есть библейские ссылки на эту демографическую ситуацию. Через несколько лет после разрушения северного царства иудейский царь Езекия отмечал пасху в Иерусалиме. Сообщается, что он *«письма писал к Ефрему и Манассии, чтобы пришли в дом Господень, в Иерусалим, для совершения пасхи Яхве, Богу Израилеву»* (2 Пар. 30:1). Ефрем и Манассия относятся к высокогорьям Самарии к северу от Иудеи. Хотя историчность Хроник (Паралипоменон) можно поставить под сомнение, Иеремия через 150 лет после падения северного царства также сообщает, что израильтяне из Сихема, Силома и Самарии пришли с предложениями к Храму в Иерусалим (Иер. 41:5).

Тот факт, что значительная часть израильтян все еще жила в нагорьях Самарии, в том числе в южной области Вефиля, наряду с новым населением, переселенным ассирийцами, будет играть важную роль во внешней политике Иудеи и оказывать влияние на развитие библейской идеологии 7 века до н. э.

Суровый урок Израильского царства

Мы никогда не сможем узнать, насколько надежны были традиции, тексты или архивы, используемые библейскими авторами при составлении своей истории Израильского царства. Их целью было не воспроизвести объективную историю северного царства, а, скорее, дать *богословское объяснение* истории, которая, вероятно, была уже известна, по крайней мере, в об-

щих деталях. Неважно, что народные легенды могли рассказывать об отдельных царях Израиля, библейские авторы судят всех и каждого из них отрицательно. Правление наиболее заслуженных из них характеризуется только несколькими резюмирующими словами: такой-то и такой-то царь *«творил зло в очах Господа, он не отставал от всех грехов Иеровоама, сына Наватова»* . Несколько достойных внимания (подобно Иеровоаму I и династии Омри) были осуждены ими ещё более резкими словами и рассказами. Но даже лучшие из северных царей до сих пор считаются грешниками: Иораму, сыну Ахава, приписывают уничтожение стел (культовых памятников) Ваала, а Ииуя хвалят за искоренение этого культа, но, в то же время, они оба осуждаются за хождение по стопам «Иеровоама, сына Навата». Даже Осия, последний царь Израиля, который с опозданием попытался вырвать Израиль из железной ассирийской хватки, осужден несколько более мягким образом: *«И делал он неугодное в очах Господних, но не так, как цари Израильские, которые были прежде него»* (4 Царств 17:2). Таким образом, Библия декларирует грехи Иеровоама как главную роль в истории гибели.

Периоды процветания, которые переживало Израильское царство, и которые, вероятно, сохранились на протяжении веков в монументальных воспоминаниях, и которые еще видны во многих северных городах, представляли собой серьезную богословскую проблему для поздних иудейских наблюдателей, которые составили Книги Царств. Если северное царство было таким плохим, почему Яхве не стер его в то время, как Иеровоам был еще у власти, или сразу после его правления, еще в дни его собственной династии? Или, самое позднее, во времена династии Омри, последователей Ваала? Если оно было таким плохим и злым, почему Яхве позволял им процветать? Девтерономический историк нашел элегантный способ рационализации почти двух веков жизни северного Израиля, заявив, что его гибель была отложена из-за того, что Яхве нашел некоторые достоинства даже в греховных монархах северного царства. Видя, «бедствие Израиля», он не мог сопротивляться его выживанию в нескольких случаях больших бедствий. Были, несомненно, конкурирующие, детально разработанные объяснения взлетов и падений в судьбе северного царства от официального жречества северных святилищ Дана и Вефиля. Вполне естественно предположить, что там были северные пророки, которые «пророчествуют ложь», как выражается Библия, которые находились ближе к царским институтам Самарии. Такого рода материал не мог быть введен в Библию, какой мы ее знаем сегодня. Если бы Израиль выжил, мы могли бы получить параллельные, конкурирующие и очень разные истории. Но с уничтожением ассирийцами Самарии и разрушением ее царских институтов власти о таких конкурирующих историях умолчали. Хотя пророки и жрецы с севера, весьма вероятно, присоединились к потоку беженцев, чтобы найти убежище в городах и населенных пунктах Иудеи, библейская история отныне будет написана победителями или, по крайней мере, выжившими, и она будет иметь форму, соответствующую поздним иудейскими девтерономическим убеждениям.

С точки зрения Иудеи 7 века, полностью осознавая страшные разрушения, которые испытало северное царство, смысл истории Израиля был ясен. Он кратко и красноречиво приводится в хвалебной речи Израилю после описания падения Самарии. С точки зрения Девтерономического историка кульминация истории северного царства достигает не во времена Ахава и Иеровоама II и даже не в ее трагическом финале, а в аннотации, которая рассказывает о грехах Израиля и возмездии Бога. Это богословская кульминация вставлена в середину большой драмы между двумя бедствиями – сразу же после описания захвата Самарии и депортации израильтян и перед упоминанием о заселении земли Израиля иностранными народами:

Когда стали грешить сыны Израилевы пред Господом Богом своим, Который вывел их из земли Египетской, из-под руки фараона, царя Египетского, и стали чтить богов иных, и стали поступать по обычаям народов, которых прогнал Господь от лица сынов Израилевых, и [по обычаям] царей Израильских, как поступали они; и стали делать сыны Израилевы дела неугодные Господу Богу своему, и построили себе высоты во всех городах своих, [начиная] от сторожевой башни до укрепленного города, и поставили у себя статуи и изображения Астарт на всяком высоком холме и под всяким тенистым деревом, и стали там совершать курения на всех высотах, подобно народам, которых изгнал от них Господь, и делали худые дела, прогневляющие Господа, и служили идолам, о которых говорил им Господь: «не делайте сего»; тогда Господь чрез всех пророков Своих, чрез всякого прозорливца предостерегал Израиля и Иуду, го-

воря: возвратитесь со злых путей ваших и соблюдайте заповеди Мои, уставы Мои, по всему учению, которое Я заповедал отцам вашим и которое Я преподал вам чрез рабов Моих, пророков. Но они не слушали и ожесточили выю свою, как была выя отцов их, которые не веровали в Господа, Бога своего; и презирали уставы Его, и завет Его, который Он заключил с отцами их, и откровения Его, какими Он предостерегал их, и пошли вслед суеты и осуетились, и вслед народов окрестных, о которых Господь заповедал им, чтобы не поступали так, как они, и оставили все заповеди Господа Бога своего, и сделали себе литые изображения двух тельцов, и устроили дубраву, и поклонялись всему воинству небесному, и служили Ваалу, и проводили сыновей своих и дочерей своих чрез огонь, и гадали, и волшебствовали, и предались тому, чтобы делать неугодное в очах Господа и прогневлять Его. И прогневался Господь сильно на Израильтян, и отверг их от лица Своего. Не осталось никого, кроме одного колена Иудина. И Иуда также не соблюдал заповедей Господа Бога своего, и поступал по обычаям Израильтян, как поступали они. И отвратился Господь от всех потомков Израиля, и смирил их, и отдавал их в руки грабителям, и наконец отверг их от лица Своего. Израильтяне отторглись от дома Давидова и воцарили Иеровоама, сына Наватова; и отклонил Иеровоам Израильтян от Господа, и вовлек их в великий грех. И поступали сыны Израилевы по всем грехам Иеровоама, какие он делал, не отставали от них, доколе Господь не отверг Израиля от лица Своего, как говорил чрез всех рабов Своих, пророков. И переселен Израиль из земли своей в Ассирию, где он и до сего дня. (4 Царств 17:7–23)

Конечно, сегодня с помощью археологических работ и экологических исследований мы видим, что конец был неизбежен. Израиль был уничтожен, а Иудея выжила, потому что в великой схеме замыслов Ассирийской империи Израиль с его богатыми ресурсами и продуктивным населением был несравненно более привлекательным объектом, чем бедная и недоступная Иудея. Тем не менее, перед зрителями в Иудее в смертельно суровые годы после ассирийского завоевания Израиля, перед лицом империалистической угрозы и международных обстоятельств, библейская история Израиля служила намеком и предупреждением того, что может случиться и с ними. Старшее и когда-то могущественное Израильское царство, хотя и одарено плодородными землями и трудолюбивым народом, потеряло свое наследие. Теперь же сохранившееся Иудейское царство начнет играть роль божественно привилегированного младшего брата (как Исаак, Иаков или их собственный предок царь Давид), стремясь схватить потерянное право первородства и выкупить землю и народ Израиля.

Часть третья. Иудея и создание библейской истории

Глава 9. Преобразование Иудеи (930–705 гг. до н. э.)

Ключом к пониманию энтузиазма и силы великой библейской исторической саги является осознание уникального времени и места, в которых она была изначально составлена. Теперь наше повествование приближается к великому моменту в религиозной и литературной истории, потому что только после падения Израиля Иудея переросла в полностью развитое государство с необходимым набором профессиональных жрецов и обученных писцов, способных взять на себя такую задачу. Когда Иудея сама внезапно столкнулась с не – израильским миром, она нуждалась в определяющем и мотивирующем тексте. Этим текстом было историческое ядро Библии, составленное в Иерусалиме на протяжении 7 века до н. э. Не удивительно, что библейский текст с самого начала истории Израиля неоднократно подчеркивает особый статус Иудеи, потому что Иудея была местом рождения основного писания древнего Израиля.

Именно в древней иудейской столице Хевроне в пещере Махпела были похоронены уважаемые патриархи и праматери, как мы читаем в книге Бытия. Среди всех сыновей Иакова именно Иуда был назначен господствовать над всеми другими племенами Израиля (Бытие 49:8). Преданность иудеев Божьим заповедям была непревзойденной среди других израильских воинов во времена вторжения в Ханаан, только они, как утверждается, полностью искоренили присутствие языческих хананеев в своем племенном наследовании. Именно из иудейской деревни Вифлеем на сцену библейской истории вышел Давид, величайший царь Израиля и военный деятель. Его описанные подвиги и близкие отношения с Богом стали важными темами Писания. Действительно, завоевание Давидом Иерусалима символизировало заключительный акт драмы о завоевании Ханаана. Иерусалим, теперь преобразованный в царский город, стал местом Храма, политической столицей династии Давида и священным центром для народа Израиля на веки веков.

Однако, несмотря на известность Иудеи в Библии, до 8 века до н. э. нет никаких археологических указаний на то, что эта небольшая и довольно изолированная горная область, с востока и юга окруженная засушливой степью, обладала каким-либо особым значением. Как мы видели, её население было скудным, её города (даже Иерусалим) были небольшими и немногочисленными. Именно Израиль, а не Иудея, инициировал войны в регионе. Именно Израиль, а не Иудея, вел широкую дипломатию и торговлю. Когда два царства вступали в конфликт, Иудея, как правило, оборонялась и была вынуждена звать на помощь соседние государства. До конца 8 века не существует никаких признаков того, что Иудея была значительной силой в региональных делах. В минуту откровения библейский историк цитирует басню, в которой он уменьшает Иудею к статусу «чертополоха Ливана» по сравнению с Израилем, «ливанским кедром» (4 Царств 14:9). На международной арене Иудея, вероятно, была только сравнительно небольшим и изолированным царством, которое, как насмешливо выразился великий ассирийский царь – завоеватель Саргон II, «лежит далеко».

Но начиная с конца 8 века до н. э. случилось что-то чрезвычайное. Серии эпохальных изменений, начиная с падения Израиля, вдруг изменили политический и религиозный ландшафт. Население Иудеи достигло беспрецедентного уровня. Ее столица впервые стала национальным религиозным центром и шумной метрополией. Началась интенсивная торговля с окружающими народами. Наконец, главное религиозное реформаторское движение, сосредоточенное на исключительном поклонении Яхве в Иерусалимском храме – начало развивать новое революционное понимание Бога Израиля. Анализ исторических и социальных событий на Ближнем Востоке в 9 и 8 веках до н. э. объясняет некоторые из этих изменений. Археология Иудеи конца монархии предлагает еще более важные улики.

Хорошие цари и плохие

Не существует никаких оснований серьезно сомневаться в надежности библейского списка царей династии Давида, которые правили в Иерусалиме в течение двух веков, следовавших за временами Давида и Соломона. Книги Царств очень сложно переплетают истории северного и южного царств в единую, комбинированную национальную историю, часто ссылаясь на ныне потерянные царские хроники, названные «летописями царей Иудеи» и «летописями царей Израиля». Даты воцарения царей Иудеи точно сопоставлены с датами правления царей Израиля, как в типичном отрывке из 3 Царств 15:9, который гласит: *«В двадцатый год Иеровоама, царя Израильского, воцарился Аса над Иудеями»* . Эта система перекрестного датирования, которую можно проверить внешними датированными упоминаниями отдельных израильских и иудейских царей, оказалась в целом надежной и последовательной – с несколькими небольшими хронологическими исправлениями определенных царствований и добавлением возможных совместных правлений.

ЦАРИ ИЗРАИЛЯ И ИУДЕИ*			
Ровоам	931 – 914	Иеровоам I	931 – 909
Авия	914 – 911	Надав	909 – 908
Аса	911 – 870	Вааса	908 – 885
Йосафат	870 – 846**	Эла	885 – 884
Йорам	851 – 843**	Замврий (Зимри)	884
Охозия	843 – 842	Фамний (Тивни)	884 – 880***
Гофолия (Аталия)	842 – 836	Амврий (Омри)	884 – 873
Йоас	836 – 798	Ахав	873 – 852
Амасия	798 – 769	Охозия	852 – 851
Озия	785 – 733**	Иорам	851 – 842
Иоафам (Йотам)	743 – 729**	Ииуй (Йегу)	842 – 814
Ахаз	743 – 727**	Йоахаз	817 – 800**

Езекия	727 – 698	Иоас	800 – 784
Манассия	698 – 642	Иеровоам II	788 – 747**
Аммон	641 – 640	Захария	747
Йосия	639 – 609	Шаллум	747
Йоахаз	609	Манаим (Менахем)	747 – 737
Йоаким	608 – 598	Факия (Пекахия)	737 – 735
Йехония	597	Факей (Пеках)	735 – 732
Седекия	596 – 586	Осия	732 – 724

* Согласно *Anchor Bible Dictionary*, Том. 1, стр. 1010 и Галиль *«Хронология царей Израиля и Иудеи»*
** Включая совместное правление
*** Одновременное правление с другим соперником

Так мы узнаём, что 11 царей (все, кроме одного наследники династии Давида) правили в Иерусалиме в период с конца 10 и до середины 8 века до н. э. Отчеты о каждом царствовании лаконичны. Но ни в одном случае нет того драматического, убийственного изображения персонажа, которое мы видим в библейском представлении северного царя Иеровоама или идолопоклоннического дома Омри. Но это не значит, что теология не играет никакой роли в библейском описании истории Иудеи. Божье наказание было быстрым и кристально ясным. Когда в Иерусалиме правили греховные цари, и свирепствовало идолопоклонство, мы узнаем, что они были наказаны, и Иудея терпела военные неудачи. Когда над Иудеей царствовали праведные цари, и люди были верны Богу Израиля, царство процветало и расширяло свою территорию. В отличие от северного царства, которое по всему библейскому тексту описывается в негативных тонах, Иудея в основном хорошая. Хотя количество хороших и плохих царей Иудеи почти равно, но длина их правления – нет. Большую часть истории южного царства охватывают хорошие цари. Так еще в дни Ровоама, сына и преемника Соломона, «делал Иуда неугодное пред очами Господа», а его люди поклонялись на высоких местах «на всяком высоком холме» и подражали обычаям инородцев (3 Царств 14:22–24). Наказание за это отступничество было быстрым и болезненным. Египетский фараон Шишак в 5–м году Ровоама (926 год до н. э.) двинулся на Иерусалим и забрал огромную дань из сокровищ Храма и царского дворца династии Давида (3 Царств 14: 25–26). Урок не был усвоен Авией, сыном Ровоама, который «ходил во всех грехах отца своего, которые тот делал прежде него, и сердце его не было предано Господу Богу его» (3 Царств 15:3). Неудачи Иудеи продолжались с периодическими конфликтами с армиями царства Израиля.

Дела повернулись к лучшему во время царствования Асы, который правил в Иерусалиме 41 год, начиная с конца 10–го века. Аса, как сообщается, «делал угодное пред очами Господа, как Давид, отец его» (3 Царств 15:11). Поэтому и не удивительно, что в свое время Иерусалим был спасен от нападения израильского царя Ваасы. Аса обратился за помощью к царю Арам – Дамаска, который напал на далекие северные границы Израиля, тем самым вынуждая Ваасу вывести свои вторгнувшиеся силы из северных окраин Иерусалима.

Следующему царю Иосафату (первый еврейский монарх с именем, состоящим из вариации божественного имени Яхве: *Yeho + Шафат* = «Яхве судил») была дана высокая оценка за хождение по пути своего праведного отца Асы. Он правил в Иерусалиме 25 лет в первой половине 9–го века до н. э., заключил мир с Израильским царством и присоединился к нему в успешной наступательной операции против Арама и Моава.

На протяжении следующих столетий Иудейское царство переживало взлеты и падения, достигнув нижней точки, когда сын Иосафата Иорам породнился с греховной семьей Ахава и Иезавели. Предсказуемое несчастье пришло: восстал Эдом (долгое время зависим от Иудеи), а также Иудея уступила филистимлянам богатые сельскохозяйственные территории в западной Шефеле. Еще более серьезными были кровавые последствия падения династии Омри, которые потрясли царский дворец в Иерусалиме. Охозия (сын Иорама и принцессы Гофолии из дома Омри) был убит в ходе переворота Ииуя. Вернувшись в Иерусалим и услышав весть о смерти от рук Ииуя своего сына и всех ее родственников, Гофолия приказала уничтожить всех наслед-

ников царского дома Давида и сама заняла трон. В течение 6 лет жрец Храма по имени Иодай ждал. Когда пришло время, он публично объявил, что наследник Давида был спасен от резни Гофолия, и представил мальчика Иоаса, сына Охозии от другой жены. При помазании Иоаса в качестве законного царя династии Давида Гофолия была убита. Период северного (омридовского) влияния на южное царство, в ходе которого в Иерусалиме был введен культ Ваала (4 Царств 11:18), пришел к кровавому концу.

Иоас царствовал в Иерусалиме в течение 40 лет и «делал угодное в очах Господних во все дни свои» (4 Царств 12:2). Его самым важным деянием был ремонт храма. В свое время Иерусалиму угрожал Азаил, царь Арам – Дамаска. Он оставил город в покое только после требования и получения с иудейского царя калечащей дани (4 Царств 12:18–19), но это было не так ужасно, как разрушение, которому Азаил подверг северное царство.

Иудейский маятник хороших и плохих царей, а иногда и смешанных, будет продолжаться. Амасия, умеренно праведный царь, который «делал угодное в очах Господних, впрочем не так, как отец его Давид» (4 Царств 14:3), начал успешную войну против Эдома, только был побежден и взят в плен армиями царства Израиля, которые вторглись на территорию Иудеи и разрушили стену Иерусалима. И так история продолжается, через правление праведного Азарии (также известного как Озия), который расширил границы Иудеи на юге, и его сына Иоафама.

Драматический поворот к худшему пришел со смертью Иоафама и коронацией Ахаза (743–727 гг. до н. э.). Ахаз осужден Библией исключительно жестко, далеко выходя за рамки обычной меры отступничества: *И не делал угодного в очах Господа Бога своего, как Давид, отец его, но ходил путем царей Израильских, и даже сына своего провел чрез огонь, подражая мерзостям народов, которых прогнал Господь от лица сынов Израилевых, и совершал жертвы и курения на высотах и на холмах и под всяким тенистым деревом… (4 Царств 16:2–4)*

Результат был катастрофическим. Норовистые эдомитяне взяли Елаф у Акабского залива, а Рецин, могущественный царь Дамаска, и его союзник Факей, царь Израильский, пошли войной на Иудею и осадили Иерусалим. Прижатый к стенке, царь Ахаз обратился за помощью к ассирийскому царю Тиглатпаласару III с дарами из храма: «И послушал его царь Ассирийский; и пошел царь Ассирийский в Дамаск, и взял его, и переселил жителей его в Кир, а Рецина умертвил. « (4 Царств 16:9). Иудея, по крайней мере, временно была спасена умной уловкой нечестивого царя, обратившегося к могучей Ассирийской империи.

Но время далеко идущих религиозных перемен пришло. Бесконечный цикл отступничества, наказания и раскаяния должен был быть нарушен. Ибо сын Ахаза Езекия, который правил в Иерусалиме 29 лет, приступил к радикальным религиозным реформам, восстановлению чистоты и верности Яхве, которых не хватало со времен царя Давида. Одним из самых прочных проявлений культа, которые практиковались в сельской местности Иудеи, была популярность высот (алтарей под открытым небом), которая редко нарушалась, даже самыми праведными царями. В сводке деяний каждого царя Библия, как мантру, повторяет формулу, что «высоты не были отменены», народ Иудеи продолжал приносить жертвы и кадить на высотах. Езекия был первым, который убрал высоты, а также и другие объекты идолопоклоннического поклонения: *И делал он угодное в очах Господних во всем так, как делал Давид, отец его; он отменил высоты, разбил статуи, срубил дубраву и истребил медного змея, которого сделал Моисей, потому что до самых тех дней сыны Израилевы кадили ему и называли его Нехуштан. На Господа Бога Израилева уповал он; и такого, как он, не бывало между всеми царями Иудейскими и после него и прежде него. И прилепился он к Господу и не отступал от Него, и соблюдал заповеди Его, какие заповедал Господь Моисею. И был Господь с ним: везде, куда он ни ходил, поступал он благоразумно. (4. Царств 18:3–7)*

Поэтому библейская картина истории Иудеи однозначна в своем убеждении, что царство когда-то было исключительно праведным, но иногда покидало веру. Только воцарение Езекии смогло восстановить святость Иудеи. Однако археология предполагает совершенно иную ситуацию, в которой золотой век племенной верности Яхве был поздним религиозным идеалом, а не исторической реальностью. Взамен восстановления, данные свидетельствуют о том, что централизованная монархия и национальная религия, сосредоточенная в Иерусалиме, развивались на протяжении веков и были новыми во времена Езекии. Идолопоклонство народа Иудеи не было отходом от прежнего монотеизма. Наоборот, оно было обычаем, по которому

народ Иудеи поклонялся в течение сотен лет.

Скрытое лицо древней Иудеи

Еще несколько лет назад практически все библейские археологи принимали за чистую монету библейское описание государств – сестер Иудеи и Израиля. Они изображали Иудею как полностью развитое государство еще от времен Соломона и изо всех сил старались представить археологические доказательства строительной деятельности и эффективной региональной администрации ранних иудейских царей. Однако, как мы уже показали, предполагаемые археологические доказательства объединенной монархии были не более чем принятием желаемого за действительное. Так было и с памятниками, отнесенными к преемникам Соломона. Идентификация фортов, по сообщениям построенными в Иудее сыном Соломона Ровоамом (согласно 2 Пар. 11:5–12), и привязка массивных укреплений на месте Телль – эн – Насбе к северу от Иерусалима к оборонительным работам, предпринятым иудейским царем Асой в библейском городе Массифе (3 Царств 15:22), оказались иллюзорными. Как и соломоновы ворота и дворцы, эти царские строительные операции, как теперь известно, имели место почти через двести лет после правления этих царей.

Таблица 6. Цари Иудеи от Ровоама до Ахаза

Таблица 6. Цари Иудеи от Ровоама до Ахаза

Цари	Даты правления	Библейская оценка	Библейское свидетельство	Небиблейские данные
Ровоам	934 – 914	Плохой	Первый царь Иудеи; укрепляет города	Кампания Шишака
Авия	914 – 911	Плохой	Воюет с израильским царем Иеровоамом	
Аса	911 – 870	Хороший	Очищает Иудею от иностранных культов; при содействии царя Дамаска воюет с израильским царем Ваасой; строит два форта на северной границе Иудеи	
Иосафат	870 – 846**	Хороший	Воюет с арамеями вместе с Ахавом и с моавитянами вместе с Иорамом; женит своего сина на дочери Ахава	
Иорам	851 – 843**	Плохой	Эдом восстает против Иудеи	Упомянут в надписи из Телль-Дана?
Охозия	843 – 842	Плохой	Потомок Омри; убит в ходе переворота Иуя в Израиле	Упомянут в надписи из Телль-Дана?
Афалия	842 – 836	Плохой	Убивает многих из дома Давида; убита во время кровавого переворота	
Иоас	836 – 798	Хороший	Восстанавливает храм; спасает Иерусалим от Азаила; убит во время переворота	
Амасия	798 – 769	Хороший	Побеждает Эдом; атакован израильским царем Иоасом	
Азария (Озия)	785 – 733**	Хороший	Изолирован в доме прокаженного; времена пророка Исаии	Две печати содержат его имя
Иоафам	759 – 743**	Хороший	Угнетаемый царями Израиля и Арама; времена Исаии	
Ахаз	743 – 727	Плохой	Атакован царями Израиля и Арама; зовет на помощь	Платит дань Тиглатпаласару III,

			Тиглатпаласара III; времена Исаии	началось процветание в Иудейском нагорье

* согласно *Anchor Bible Dictionary* и *The Chronology of the Kings of Israel and Judah* Г. Галлиля

** включая года совместного правления

Археология показывает, что ранние цари Иудеи по силе и административной способности не были равны своим северным коллегам, несмотря на то, что в книгах Царств их правления и даже даты воцарения переплетены. Израиль и Иудея были двумя разными мирами. С возможным исключением города Лахиша в предгорьях Шефелы нет никаких признаков развитых региональных центров в Иудее, сравнимых с северными городами Гезер, Мегиддо и Хацор. Кроме того, иудейское градостроительство и архитектура были более деревенскими. На юге монументальные методы строительства, такие как использование кладки из тесаного камня и прото – эолийских капителей, характерные для развитого строительного стиля династии Омри в северном царстве, не появляются до 7 века до н. э. Даже если царские здания дома Давида в Иерусалиме (якобы уничтоженные более поздними зданиями) достигали, если и не величия, то какой-то меры внушительности, в немногих городах и селах где-либо на южных холмах нет никаких свидетельств монументального строительства.

Несмотря на давнее утверждение о том, что роскошный двор Соломона был местом расцвета художественной литературы, религиозной мысли и исторического письма, в Иудее совершенно отсутствуют свидетельства широкой грамотности во времена разделенной монархии. Не было найдено ни единого следа предполагаемой литературной деятельности в Иудеи 10 века. Действительно, монументальные надписи и личные печати – неотъемлемые признаки полностью развитого государства – появляются в Иудее только через 200 лет после Соломона, в конце 8 века до н. э. Большинство известных остраконов и надписанных весовых камней – еще одни свидетельства бюрократического учета и упорядоченных торговых стандартов – появились только в 7 веке. Не существует никаких свидетельств массового производства керамики в централизованных цехах или промышленного производства оливкового масла на экспорт до того же позднего периода. Расчетная численность населения точно показывает, какими неравными были Иудея и Израиль. Как уже упоминалось, археологические исследования показывают, что до 8 века население иудейского нагорья составляло около одной десятой от населения высокогорий северного Израильского царства.

В свете этих выводов становится ясно, что Иудея железного века не имела никакого скороспелого золотого века. Давид, его сын Соломон и последующие члены династии Давида правили незначительной, изолированный, сельской местностью, в которой отсутствовали признаки богатства или централизованного управления. Это не был внезапный упадок к отсталости и неудачам от эпохи беспрецедентного процветания. Наоборот, это был процесс длительного и постепенного развития, длившийся сотни лет. Иерусалим Давида и Соломона был лишь одним из ряда религиозных центров в земле Израиля, на начальном этапе он, конечно, не признавался в качестве духовного центра всего народа Израиля.

До сих пор мы давали только отрицательные свидетельства того, чем Иудея не была. Тем не менее, у нас есть описание того, чем Иерусалим и его окрестности могли быть, как во времена Давида и Соломона, так и их первых приемников. Это описание не исходит из Библии. Оно исходит из египетского архива поздней бронзы Телль – эль – Амарна.

Далекий город – государство на холмах

Среди более чем 350 клинописных табличек 14 века до н. э., обнаруженных в древней египетской столице Ахетатен (современная Тель – эль – Амарна), содержащих переписку между фараоном Египта и царями азиатских государств, а также мелкими правителями Ханаана, группа из 6 табличек предлагает уникальную возможность заглянуть в царское правление и экономические возможности в южном высокогорье – именно там, где позже возникло царство Иудея. Написанные Абди – Хебой, царем Урусалима (название Иерусалима позднего бронзового века), письма раскрывают характер его царства как слабозаселенного высокогорного района, слабо контролируемого из царской цитадели в Иерусалиме.

Как мы теперь знаем из исследований и признания повторяющихся циклов заселения на протяжении тысячелетий, отличительное общество Иудеи было в значительной мере опреде-

лено ее удаленным географическим положением, непредсказуемым количеством осадков и пересеченной местностью. В отличие от северного нагорья с его широкими долинами и природными сухопутными маршрутами в соседние регионы, Иудея всегда была сельскохозяйственно незначительной и изолированной от основных торговых путей, предлагая любому потенциальному правителю только скудные возможности для богатства. Ее экономика была сосредоточена вокруг самодостаточного производства отдельной фермерской общины или скотоводческой группы.

Аналогичная картина вырисовывается из переписки Абди – Хебы. Он контролировал высокогорья от района Вефиля на севере до района Хеврона на юге – области около 2300 квадратных километров, в конфликте с соседними правителями в северном нагорье (Сихем) и Шефеле. Его земля была очень слабозаселенной, до сих пор были обнаружены только 8 небольших поселений. Оседлое население территории Абди – Хебы, в том числе люди, живущие в Иерусалиме, вероятно, не превышало 1500 человек; это была самая малонаселенная область Ханаана. Но в этой отдаленной горной пограничной зоне было много скотоводческих групп, возможно, превосходящих оседлое деревенское население. Можно считать, что основная власть в отдаленных частях территории Абди – Хебы была в руках разбойников, известных как Апиру, бедуино – подобных Шасу и независимых кланов.

Столица Абди – Хебы, Урусалим, была небольшой горной крепостью, расположенной на юго – восточном краю древнего Иерусалима, который позже будет известен как город Давида. Там не были найдены монументальные здания или укрепления 14 века до н. э. и, как предложил историк Надав Нааман, столица Абди – Хебы была скромным поселком для элиты, которая господствовала над несколькими сельскохозяйственными деревнями и большим количеством скотоводческих групп на окружающей области.

Мы не знаем судьбу династии Абди – Хебы, и у нас нет достаточных археологических свидетельств, чтобы понять изменения, произошедшие в Иерусалиме в период перехода от поздней бронзы к раннему железному веку. И все же с более широкой точки зрения среды, характера расселения и экономики, кажется, ничего резко не менялось в течение последующих веков. На центральном плато существовало несколько сельскохозяйственных деревень (правда, в несколько увеличенном количестве), скотоводческие группы со своими стадами продолжали следовать за сезонными циклами, а крошечная элита оказывала номинальное правление над всеми ими из Иерусалима. Об историческом Давиде нельзя сказать почти ничего, кроме как отметить сверхъестественное сходство между сбродом банд Апиру, которые угрожали Абди – Хебе, и библейские рассказами о главе разбойников Давиде и его банде храбрых рыцарей, бродящих по холмах Хеврона и Иудейской пустыне. Но действительно ли Давид завоевал Иерусалим в лихом рейде на подобие Апиру, как описано в книгах Царств, или нет, очевидным, что династия, которую он основал, означала изменение правителей, но вряд ли изменила основной способ правления южным нагорьем.

Все это говорит о том, что институты Иерусалима – Храм и дворец – не доминировали в жизни сельского населения Иудеи в той большой степени, предполагаемой библейскими текстами. В первые века железного века наиболее очевидной характеристикой Иудеи была преемственность с прошлым, а не внезапные политические или религиозные нововведения. На самом деле, это должно быть хорошо видно даже на примере религиозных обрядов, которыми более поздние историки Иудейского царства, кажется, были так особенно одержимы.

Традиционная религия Иудеи

Книги Царств являются откровенными в своем описании отступничества, которое принесло столько несчастья Иудейскому царству. В докладе о правлении Ровоама оно изложено в типичных подробностях: *И делал Иуда неугодное пред очами Господа, и раздражали Его более всего того, что сделали отцы их своими грехами, какими они грешили. И устроили они у себя высоты и статуи и капища на всяком высоком холме и под всяким тенистым деревом. И блудники были также в этой земле и делали все мерзости тех народов, которых Господь прогнал от лица сынов Израилевых. (3 Царств 14:22–24)*

Точно так же во времена царя Ахаза, 200 лет спустя, характер грехов, кажется, в значительной степени был тот же. Ахаз был известным вероотступником, который ходил путями царей Израиля и даже своего сына провел через огонь (4 Царств 16:2–4).

Библейские ученые продемонстрировали, что они не являются произвольными изолированных языческими обрядами, а являются частью комплекса ритуалов для обращения к небесным силам за плодородием и благополучием людей и земли. По их внешнему виду они напоминали методы, используемые соседними народами для почитания и получения благословения других богов. Действительно, археологические находки по всей Иудее глиняных фигурок, алтарей для воскурений, сосудов для возлияний и подставок для приношений предполагают, что религиозная практика была весьма разнообразной, географически децентрализованной и, конечно же, не ограничивалась поклонением Яхве только в Иерусалимском храме.

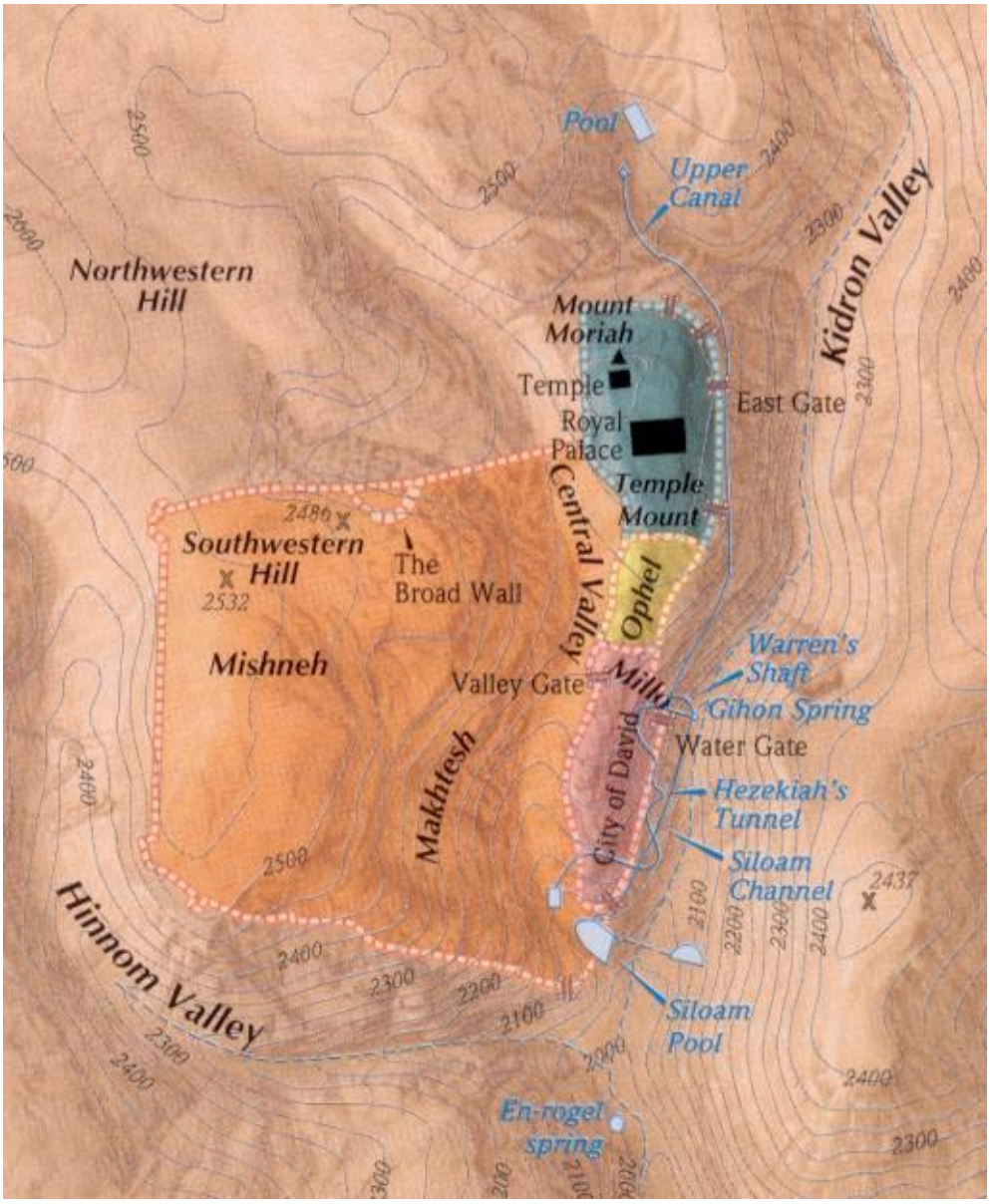
Действительно, для Иудеи с ее относительно неразвитой государственной бюрократией и национальными учреждениями, религиозные ритуалы проводились в двух различных местах, иногда работая в согласии, а иногда в открытом конфликте. Первым местом был храм в Иерусалиме, о котором имеются многочисленные библейские описания из разных периодов, но (так как его место было уничтожено в более поздних строительных работах) нет практически никаких археологических доказательств. Второе направление религиозной практики использовалось кланами, разбросанными по всей сельская местность. Там на всех этапах жизни, включая религию, доминировала сложная сеть родственных отношений. Ритуалы для плодородия земли и благословения предков давали людям надежду на благополучие их семей и освящали их владение своими сельскими полями и пастбищами.

Библейский историк Барух Хелперн и археолог Лоуренс Стейджер сравнивали библейское описание клановой структуры с останками горных селений железного века и выявили отличительную архитектурную картину расширенных семейных владений, жители которых, вероятно, выполняли ритуалы, иногда совершенно непохожие на те, что использовались в Иерусалимском храме. Местные обычаи и традиции настаивали на том, что иудеи унаследовали свои дома, свою землю, и даже свои могилы от своего Бога и своих предков. Жертвы приносились в святилищах в пределах территории владения, у родових могил или на открытых алтарях по всей сельской местности. Эти места поклонения редко нарушались даже самыми «благочестивыми» или агрессивными царями. Поэтому не удивительно, что Библия неоднократно отмечает, что «высоты не были отменены».

Существование высот и других форм родового и домашнего поклонения богу не было – как подразумевают книги Царств – отступлением от более ранней и более чистой веры. Это было частью вневременной традиции горных поселенцев Иудеи, которые поклонялись Яхве наряду с различными богами и богинями известной или адаптированной от культов соседних народов. Короче говоря, Яхве поклонялись самыми разнообразными способами, а иногда его изображали вместе с небесной свитой. Из косвенных (и демонстративно отрицательных) свидетельств книг Царств мы узнаем, что в сельской местности жрецы также регулярно воскуряли на высотах солнцу, луне и звездам.

Поскольку высоты были, вероятно, открытыми площадками или природными возвышенностями, то никаких определенных археологических следов их еще не было выявлено. Так ясным археологическим свидетельством популярности этого вида поклонения по всему царству является обнаружение сотен фигурок обнаженных богинь плодородия в каждом селении в Иудее конца монархии. Более наводящими являются надписи, найденные в селении начала 8 века Кунтиллет Айруд на северо – востоке Синайского полуострова – месте, которое показывает культурные связи с северным царством. Они, видимо, обращаются к богине Ашере как супруге Яхве. И чтобы не предполагать, что женатый статус Яхве был только греховной северной галлюцинацией, несколько аналогичная формула, говорящая о Яхве и его Ашере, появляется в надписи конца монархии из иудейской Шефелы.

Этот глубоко укоренившийся культ не ограничивался сельскими районами. Существует достаточно библейской и археологической информации о том, что синкретический культ Яхве в Иерусалиме процветал даже в конце монархического периода. Осуждение различных иудейских пророков делает совершенно ясным, что в Иерусалиме поклонялись Яхве вместе с другими божествами, такими как Ваал, Ашера, небесные воинства и даже национальные божества соседних земель. Из библейской критики Соломона (вероятно, отражающей реалии конца монархии), мы узнаем о поклонении в Иудее аммонитскому Милкому, моавитскому Хамосу и сидонской Астарте (3 Царств 11:5; 4 Царств 23:13). Иеремия говорит нам, что число божеств,



почитаемых в Иудее, сравнялось с числом городов и о том, что количество алтарей Ваала в Иерусалиме сравнялось с числом базарных прилавков в столице (Иер. 11:13). Более того, предметы культа, посвященные Ваалу, Ашере и небесному воинству, были установлены в Иерусалимском храме Яхве. В главе 8 книги Иезекииля подробно описываются все мерзости, практикуемые в Иерусалимском храме, в том числе поклонение месопотамскому богу Таммузу.

Таким образом, великие грехи Ахаза и других злых Иудейских царей не следует рассматривать как в любом случае исключительные. Эти правители просто позволяли сельским традициям проходить беспрепятственно. Они и многие из их подчиненных выражали свою преданность Яхве в обрядах, выполняемых на бесчисленных могилах, святилищах, и высотах по всему царству с редким и вспомогательным поклонением другим богам.

Внезапное совершеннолетие

На протяжении большей части 200 лет эпохи разделенной монархии Иудея оставалась в тени. Ее ограниченный экономический потенциал, ее относительное географическое отделение и традиционный консерватизм ее кланов сделал ее гораздо менее привлекательной для ассирийской имперской эксплуатации, чем более крупное и богатое Израильское царство. Но с приходом ассирийского царя Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н. э.) и решением Ахаза стать его вассалом, Иудея вступила в игру с огромными ставками. После 720 года, с завоеванием Самарии и падением Израиля, Иудея была окружена ассирийскими провинциями и ассирийскими вассалами. И эта новая ситуация будет иметь последствия для будущего слишком обширные, чем можно было предположить. Царская цитадель Иерусалима за одно поколение была преобразована из места пребывания весьма незначительной местной династии в политический и религиозный руководящий центр региональной власти, как из-за драматических внутренних событий, так и из-за тысяч беженцев из завоеванного Израильского царства, бежавших на юг.

Здесь археология внесла неоценимый вклад в создании диаграммы темпов и масштабов внезапного расширения Иерусалима. Как впервые предложил израильский археолог Маген Броши, раскопки, проводившиеся здесь в течение последних десятилетий, показали, что вдруг в конце 8 века до н. э. Иерусалим претерпел беспрецедентный демографический взрыв, когда его жилые районы расширились от своего прежнего узкого хребта – города Давида – и охва-

тили весь западный холм (Рис. 26). Для того, чтобы охватить новые пригороды, была построена грозная оборонительная стена. В течение нескольких десятилетий – безусловно, в рамках одного поколения – Иерусалим из скромного горного города, площадью 4–5 гектаров, превратился в огромную городскую площадь в 60 гектаров плотно упакованных домов, мастерских и общественных зданий. С демографической точки зрения, население города должно было увеличиться в целых 15 раз, из около 1 тысячи до 15 тысяч жителей.

Аналогичная картина огромного прироста населения исходит из археологических исследований в сельскохозяйственных окраинах Иерусалима. Мало того, что в это время в ближайших окрестностях города были построены многочисленные усадьбы, но и в районах к югу от столицы, ранее относительно пустая сельская местность была залита новыми земледельческими поселениями, большими и малыми. Старые сонные деревни выросли в размерах и стали, в первый раз, настоящими городами. Также и в Шефеле большой шаг вперед был сделан в 8 веке, с резким ростом количества и размеров селений. Лахиш – самый важный город в регионе – может служить хорошим примером. До 8 века он был скромным городом; она был обнесен грозной стеной и превратился в главный административный центр. Кроме того, долина Беэр – Шевы далеко на юге стала свидетелем создания ряда новых городов в конце 8 века. В целом, расширение было поразительным, в конце 8 века в Иудее было около 300 населенных пунктов всех размеров, от метрополии в Иерусалиме до малых хуторов, где когда-то было всего несколько деревень и скромных городов. Население, которое уже давно колебалось на уровне нескольких десятков тысяч, теперь выросло до примерно 120 тысяч.

На волне Ассирийских кампаний на севере, Иудея испытала не только внезапный демографический рост, но и реальную социальную эволюцию. Одним словом, она стала полноценным государством. Начиная с конца 8 века в южном царстве появляются археологические признаки зрелого государственного образования: монументальные надписи, печати и оттиски печатей, остраконы для царской администрации; спорадическое использование в общественных зданиях кладки из тесаного камня и каменных капителей; массовое производство в центральных мастерских керамических сосудов; другие ремесла, а также их распространение по всей сельской местности. Не менее важным было появление средних городов, выступающих в качестве региональных столиц, а также развитие крупной промышленности прессования масла и вина, которая из местного, частного производства превратилась в государственную промышленность. Сведения о новых погребальных обычаях, главным образом, но не только в Иерусалиме, показывают, что в это время возникла национальная элита. В 8 веке некоторые жители Иерусалима стали вырезать сложные гробницы в скале хребтов, окружающих город. Многие из них были чрезвычайно сложными, с остроконечными потолками и архитектурными элементами, такими как карнизы и увенчанные пирамиды, искусно вырезанные из скалы. Н е существует никаких сомнений, что эти могилы были использованы для захоронения знати и высоких должностных лиц, на что указывает фрагментарная надпись на одной из гробниц в деревне Силоам близ Иерусалима (к востоку от города Давида), посвященная «[…]яху, который отвечает за дом». Нельзя исключать того, что это была гробница Севны (чье имя, возможно, сложенное вместе с божественным именем стало Шебнаяху), царского управляющего, которого Исайя (22:15–16) осуждает за его высокомерие при рубке гробницы в скале. Искусные гробницы также были найдены в нескольких местах в Шефеле, что указывает на внезапное накопление богатства и разделение социального положения в Иерусалиме и округе в 8 веке.

Вопрос в том, откуда взялось это богатство и очевидное движение в сторону полного государственного образования? Неизбежный вывод состоит в том, что внезапно Иудея объединилась и даже интегрировалась в экономику Ассирийской империи. Хотя иудейский царь Ахаз начал сотрудничать с Ассирией еще до падения Самарии, наиболее значительные изменения, несомненно, состоялись после крушения Израиля. Резкий рост заселения далеко на юге в долине Беэр – Шевы может намекать, что Иудейское царство приняло участие в активизации арабской торговли в конце 8 века под властью ассирийцев. Существуют веские основания полагать, что для иудейских товаров открылись новые рынки, стимулируя увеличение производства оливкового масла и вина. В результате Иудея прошла через экономическую революцию от традиционной системы, основанной на деревнях и кланах, к экспортному производству и индустриализации под государственной централизацией. В Иудее начало накапливаться бо-

гатство, особенно в Иерусалиме, где дипломатическая и экономическая политика царства была определены и где национальные учреждения были под контролем.

Рождение новой национальной религии

Наряду с чрезвычайным социальным преобразованием в конце 8 века до н. э. пришла напряженная религиозная борьба, напрямую связанная с появлением Библии, какой мы знаем ее сегодня. До превращения Иудейского царства в полностью бюрократическое государство религиозные идеи были разнообразными и разбросанными. Таким образом, как мы уже упоминали, в Иерусалимском храме существовал царский культ, в сельской местности существовали бесчисленные культы предков и плодородия, а также существовала широко распространенная смесь поклонения Яхве наряду с другими богами. Насколько мы можем утверждать из археологических свидетельств северного царства, в Израиле существовало аналогичное разнообразие религиозных обычаев. Помимо упоминаний резких проповедей таких фигур, как Илия и Елисей, анти – омридовского пуританизма Ииуя и резких слов таких пророков, как Амос и Осия, со стороны израильского руководства никогда не было никаких согласованных или длительные усилий для утверждения почитания только одного Яхве.

Но после падения в Самарии с ростом централизации Иудейского царства начал проявляться новый, более целенаправленный подход к религиозному законодательству и обычаям. Влияние Иерусалима – демографическое, экономическое и политическое – теперь стало огромным и связанным с новой политической и территориальной повесткой дня: объединением всего Израиля. И решительность его жреческих и пророческих элит определить «правильные» методы поклонения для всех жителей Иудеи – и даже для тех израильтян, которые жили на севере под ассирийским правлением – соответственно выросла. Эти драматические изменения в религиозном руководстве побудили исследователей Библии, таких как Барух Хелперн, предположить, что в период не более нескольких десятилетий в конце 8 и в начале 7 века до н. э. родилась монотеистическая традиция иудео – христианской цивилизации.

Это большое заявление – быть в состоянии точно определить рождение современного религиозного сознания, особенно, когда его центральное писание, Библия, помещает рождение монотеизма на сотни лет раньше. Но и в этом случае Библия предлагает ретроспективное объяснение, а не точное описание прошлого. Действительно, социальное развитие, происходящее в Иудее в десятилетия после падения Самарии, предлагаем новый взгляд на то, как традиционные рассказы о странствиях патриархов и великом национальном освобождении от Египта послужили поводом для религиозных нововведений – появления монотеистической идеи – в рамках вновь преобразованного Иудейского государства.

Где-то в конце 8 века до н. э. возникла более громкая школа мысли, которая настаивала на том, что культы сельской местности являются греховными, и что только один Яхве достоин поклонения. Мы не можем быть уверены, где возникла эта идея. Она выражена в цикл рассказов об Илие и Елисее (изложенных в письменном виде намного позже падения династии Омри) и, что важнее, в трудах пророков Амоса и Осии, оба из которых действовали на севере в 8 веке. В результате, некоторые библейские ученые предположили, что это движение возникло в последние дни северного царства среди инакомыслящих жрецов и пророков, которые были ошеломлены идолопоклонством и социальной несправедливостью ассирийского периода. После разрушения Израильского царства они бежали на юг, чтобы пропагандировать свои идеи. Другие ученые указывают на круги, связанные с Иерусалимским храмом, намеревающиеся осуществить религиозный и экономический контроль над всё более развитой сельской местностью. Возможно, оба эти фактора сыграли свою роль в плотно упакованной атмосфере Иерусалима после падения Самарии, когда беженцы с севера, жрецы Иудеи и царские чиновники действовали вместе.

Каким бы ни был состав, новое религиозное движение (названное иконоборческим историком Мортоном Смитом «движение Яхве – один») вело ожесточенное и продолжающееся столкновение со сторонниками старых, более традиционных иудейских религиозных обычаев и ритуалов. Трудно оценить их относительную силу в Иудейском царстве. Даже если они, вероятно, изначально были в меньшинстве, они были теми, кто позже создал или воздействовал на большую часть сохранившейся библейской историографии. Момент для этого был удачный, с развитием чиновничьего управления пришло распространения грамотности. Впервые

огромное влияние получили письменные тексты, а не рассказанный эпос или баллады.

Как должно быть уже ясно, места в книгах Царств о праведности и греховности прежних царей Иудеи отражают идеологию «движение Яхве – один». Если бы в конечном итоге победили сторонники традиционных способов синкретического поклонения, мы, возможно, обладали бы совершенно иным Писанием или, возможно, вообще никаким. Ибо именно «движение Яхве – один» было намерено создать неоспоримую ортодоксальность поклонения и единую национальную историю, сосредоточенную в Иерусалиме. И это блестяще удалось при создании того, что потом станет законодательством Второзакония и Девтерономической историей.

Библейские ученые, как правило, подчеркивали строго религиозные аспекты борьбы между Иерусалимскими фракциями, но нет никаких сомнений, что их позиции охватывали также решительную позицию по внутренней и внешней политике. В древнем мире, как и сегодня, сфера религии никогда не могла быть отделена от сфер экономики, политики и культуры. Идеи группы «Яхве – один» имели территориальный аспект – поиск «восстановления» династии Давида над всем Израилем, в том числе над территориями побежденного северного царства, где, как мы видели, многие израильтяне продолжали жить после падения Самарии. Это приведет к объединению всего Израиля под руководством одного царя, правящего из Иерусалима, к разрушению культовых центров на севере и к централизации израильского культа в Иерусалиме.

Легко понять, почему библейские авторы были настолько расстроены идолопоклонством. Это был символ хаотического социального разнообразия; лидеры кланов в прилегающих районах управляли своими собственными системами экономики, политики, социальных отношений без управления или контроля со стороны царского двора в Иерусалиме. Однако, эта независимость сельской местности, веками уважаемая народом Иудеи, начала осуждаться как «возврат» к варварству предыдущего времени Израиля. Таким образом, по иронии судьбы, то, что было наиболее искренне иудейским, стало отмечаться как хананейская ересь. На арене религиозных споров и полемик то, что было старым – вдруг стало рассматриваться как чужое, а что было новым, – вдруг стало рассматриваться как правильное. А то, что можно было бы назвать только чрезвычайным излиянием ретроспективного богословия, нового централизованного Иудейского царства и поклонения Яхве, сосредоточенного в Иерусалиме, было перенесено назад в историю израильтян как то, что должно было быть всегда.

Реформы царя Езекии?

Трудно понять, когда новая теология исключительности впервые оказала практическое влияние на положение дел в Иудее; различные реформы в направлении поклонения только Яхве упоминаются в книгах Царств еще во времена царя Асы в начале 9 века до н. э. Но их историческая достоверность сомнительна. Одно, кажется, достаточно определенным: восхождение на трон Иудеи царя Езекии в конце 8 века до н. э. запомнилось авторам книг Царств как беспрецедентное событие.

Как описано в 4 Царств 18:3–7, конечной целью реформы Езекии было создание исключительного поклонения Яхве в единственном законном месте поклонения – Иерусалимском Храме. Но религиозные реформы Езекии трудно проверить археологическими данными. Найденные для них доказательства, особенно в двух местах в юге (в Араде и Беэр – Шеве) являются спорными. В связи с этим Барух Хелперн предлагал, что Езекия запретил сельское поклонение, но не закрыл государственные храмы в административных центрах царства. Тем не менее, нет никаких сомнений, что с царствованием царя Езекии на землю Иудеи пришли глубокие перемены. Теперь Иудея стала центром народа Израиля. Иерусалим стал центром поклонения Яхве. А члены династии Давида стали единственными законными представителями и средством правления Яхве на земле. Непредсказуемый ход истории избрал Иудею на особый статус в особенно важный момент.

Наиболее драматические события были еще впереди. В 705 году до н. э. умер почтенный ассирийский царь Саргон II, оставив свой трон в значительной степени непроверенному сыну Синаххерибу. Последовали смуты на востоке империи, и некогда непобедимый фасад Ассирии, казалось, может опрокинуться. Для многих в Иерусалиме, должно быть казалось, что Яхве чудесным образом готовит Иудею, как раз в самый последний момент, выполнить свое историческое предназначение.

Глава 10. Между войной и выживанием (705–639 гг. до н. э.)

Решение царя Езекии восстать против Ассирийской империи было, несомненно, одним из самых роковых решений, принятых в Иудейском царстве. Для того, чтобы объявить независимость от жестокого повелителя региональной империи, который всего два десятилетия назад уничтожил Израильское царство, требовалась политическая сила и государственная организация для того, чтобы произвести далеко идущие экономические и военные приготовления. Для этого также требовалось явное религиозное подтверждение того, что, несмотря на внушающую благоговение мощь Ассирийской империи, Яхве в конечном итоге обеспечит Иудеи военный успех. Согласно Библии, все ужасные несчастия Израильского царства объяснялись идолопоклонством его народа. Теперь очищение культа Яхве было единственным способом обеспечить победу Иудеи и спасти ее народ от участи уничтожения и изгнания, постигшей народ греховного севера. И вот, после смерти Саргона в 705 году до н. э., когда способность империи управлять своими окраинами казалась сомнительной, Иудея вступила в анти – ассирийскую коалицию, которую поддерживал Египет (4 Царств 18:21, 19:9), и подняла знамя восстания – с далеко идущими, неожиданными последствиями. Спустя четыре года, в 701 году до н. э., в Иудею с грозной армией пришел новый ассирийский царь Синаххериб. Книги Царств, описывая последствия, делают хорошую мину при плохой игре: Езекия был великим героем, идеальным царем, сравнимым только с Давидом. Он ступал по стопам Моисея и очистил Иудею от всех преступлений прошлого. Благодаря его набожности ассирийцы отступили от Иудеи, будучи не в силах захватить Иерусалим. Как мы увидим, это неполная история, также как и не является полной содержащаяся в Библии история, касающаяся 55–летнего правления Манассии, сына Езекии. В противоположность идеальному царю Езекии, книги Царств рисуют Манассию законченным вероотступником, который тратит свое долгое правление на восстановление самых ужасных мерзостей прошлого.

Если бы мы полагались только на библейские материалы, то у нас не было бы никакой причины сомневаться в этой черно – белой картине праведности Езекии и отступничества Манассии. Однако, ассирийские источники того времени и современные археологические исследования показывают, что библейское богословское толкование восстания Иудеи против Ассирии скрывает совсем другую историческую действительность.

Великое чудо и его предательство

Четвертая книга Царств рассказывает историю великой авантюры Езекии как драму в нескольких действиях, в которой небольшое число актеров декламируют формализованные речи на легко узнаваемые богословские темы. Этот стиль монологов, выполненных в пользу читателя Библии, является одной из отличительных черт Девтерономической истории. Использование религиозной риторики понятно: смысл библейской истории в том, чтобы показать, что простая сила оружия или соотношение сил никак не влияют на исход войны между народами. За всем этим стоит руководящая сила Яхве, который использует армии и сражения для того, чтобы наградить тех, кто поклоняется исключительно ему, и чтобы наказать тех, кто этого не делает. После описания религиозного поведения Езекии 4–я книга Царств вмещает короткое отступление, точнее повторение, о падении северного царства и изгнания его людей за их грехи. Это сделано для того, чтобы напомнить читателю о контрасте между судьбами греховного Израиля и праведной Иудеи. Ситуации сходные, но результат противоположен: Израиль восстал, Салманасар V осадил Самарию, северное царство было уничтожено, а его люди – депортированы; из-за их грехов Яхве не пришел на помощь. Иудея тоже восстала, Синаххериб осадил Иерусалим, но Езекия был праведным царем, и поэтому Иерусалим выстоял, а армия Синаххериба была уничтожена. Мораль ясна даже несмотря на то, что грозные войска Ассирии вторглись в царство и завоевали все его отдаленные крепости. Надежда на силу Яхве – это единственный путь к спасению.

Ассирийские военачальники осадили Иерусалим, бросая вызов растерянным защитникам на стенах города, издеваясь над жителями и пытаясь подорвать их дух сомнениями в мудрости царя Езекии, высмеивая его веру: *«И встал Рабсак и возгласил громким голосом по – иудейски, и говорил, и сказал: слушайте слово царя великого, царя Ассирийского! Так говорит царь: пусть не обольщает вас Езекия, ибо он не может вас спасти от руки моей; и пусть не обнадеживает вас Езекия Господом, говоря: «спасет нас Господь и не будет город сей отдан в руки царя Ассирий-*

ского». Не слушайте Езекии. Ибо так говорит царь Ассирийский: примиритесь со мною и выйдите ко мне, и пусть каждый ест плоды виноградной лозы своей и смоковницы своей, и пусть каждый пьет воду из своего колодезя, пока я не приду и не возьму вас в землю такую же, как и ваша земля, в землю хлеба и вина, в землю плодов и виноградников, в землю масличных дерев и меда, и будете жить, и не умрете. Не слушайте же Езекии, который обольщает вас, говоря: «Господь спасет нас». Спасли ли боги народов, каждый свою землю, от руки царя Ассирийского? Где боги Емафа и Арпада? Где боги Сепарваима, Ены и Иввы? Спасли ли они Самарию от руки моей? Кто из всех богов земель сих спас землю свою от руки моей? Так неужели Господь спасет Иерусалим от руки моей?» (4 Царств 18:28–35)

Езекия был глубоко потрясен, но пророк Исайя ободрил его божественным пророчеством: *«И сказал им Исаия: так скажите господину вашему: так говорит Господь: не бойся слов, которые ты слышал, которыми поносили Меня слуги царя Ассирийского. Вот Я пошлю в него дух, и он услышит весть, и возвратится в землю свою, и Я поражу его мечом в земле его. Посему так говорит Господь о царе Ассирийском: «не войдет он в сей город, и не бросит туда стрелы, и не приступит к нему со щитом, и не насыплет против него вала. Тою же дорогою, которою пришел, возвратится, и в город сей не войдет, говорит Господь. Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего».* (4 Царств 19:6–7, 32–34)

И действительно, чудесное избавление последовало той же ночью:

«И случилось в ту ночь: пошел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот все тела мертвые. И отправился, и пошел, и возвратился Сеннахирим, царь Ассирийский, и жил в Ниневии. И когда он поклонялся в доме Нисроха, бога своего, то Адрамелех и Шарецер, сыновья его, убили его мечом, а сами убежали в землю Араратскую. И воцарился Асардан, сын его, вместо него». (4 Царств 19:35–37)

Независимость Иудеи (и ее горячая убежденность в силе Яхве, спасающей от любых врагов) была чудесным образом сохранена. Но вскоре после этого история делает причудливый поворот – со вступлением на Давидов трон сына Езекии – Манассии. В то время, когда мощь Яхве для народа Иудеи должна была быть очевидной, новый царь Манассия сделал, в теологическом плане, полный разворот назад: *«И делал он неугодное в очах Господних, подражая мерзостям народов, которых прогнал Господь от лица сынов Израилевых. И снова устроил высоты, которые уничтожил отец его Езекия, и поставил жертвенники Ваалу, и сделал дубраву, как сделал Ахав, царь Израильский; и поклонялся всему воинству небесному, и служил ему. И соорудил жертвенники в доме Господнем, о котором сказал Господь: «в Иерусалиме положу имя Мое». И соорудил жертвенники всему воинству небесному на обоих дворах дома Господня, и провел сына своего чрез огонь, и гадал, и ворожил, и завел вызывателей мертвецов и волшебников; много сделал неугодного в очах Господа, чтобы прогневать Его».* (4 Цар 21:2–6).

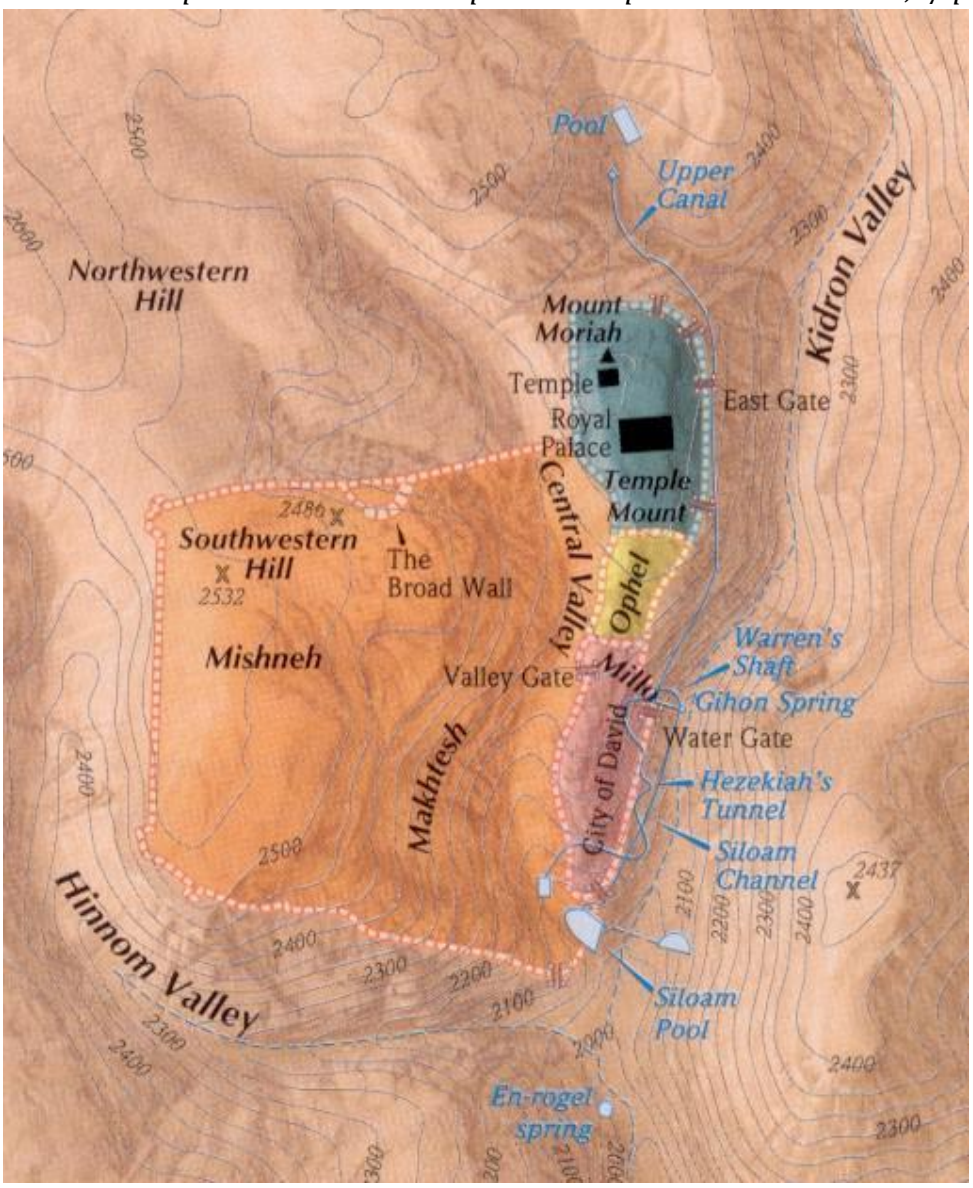
Несмотря на убеждение, что освященный Иерусалим теперь является престолом Яхве на земле (и косвенным образом всегда им был) и его чистота гарантирует благополучие народа Израиля, Манассия, как сообщается, соблазнил своих подданных «до того, что они поступали хуже тех народов, которых истребил Господь от лица сынов Израилевых». (4 Царств 21:9).

Что же произошло? Чем были вызваны столь разительные перемены? Действительно ли Езекия был настолько праведным, а Манассия настолько падшим?

Подготовка к сопротивлению мировой империи

Книги Царств очень скупо описывают предысторию восстания Езекии, сообщая только, что «отложился он от царя Ассирийского, и не стал служить ему». (4 Царств 18:7). Книги Хроник, написанные несколькими столетиями позже и обычно считающиеся менее достоверным историческим источником, чем книги Царств, тем не менее, дают более подробные сведения о приготовлениях, которые произвел Езекия за недели и месяцы до нападения Ассирии. В данном случае, как мы увидим позже, археология предполагает, что Хроники могли сохранить достоверные исторические сведения, которые не попали в книги Царств. В дополнение к постройке повсюду в государстве складов для зерна, масла и вина, стойл для скота (2 Пар. 32:27–29), Езекия приложил много усилий для обеспечения Иерусалима водой во время осады: *«Когда Езекия увидел, что пришел Сеннахирим с намерением воевать против Иерусалима, тогда решил с князьями своими и с военными людьми своими засыпать источники воды, которые вне города, и те помогли ему. И собралось множество народа, и засыпали все источники и поток,*

*протекавший по стране, говоря: да не найдут цари Ассирийские, придя сюда, много воды [и да не укрепятся]. И ободрился он, и восстановил всю обрушившуюся стену, и поднял ее до башни, и извне построил другую стену, и укрепил Милло в городе Давидовом, и наготовил множество оружия и щитов. И поставил военачальников над народом, и собрал их к себе на площадь у городских ворот, и говорил к сердцу их, и сказал: будьте тверды и мужественны, не бойтесь и не страшитесь царя Ассирийского и всего множества, которое с ним, потому что с нами более, нежели с ним; с ним мышца плотская, а с нами Господь Бог наш, чтобы помогать нам и сражаться на бранях наших. И подкрепился народ словами Езекии, царя Иудейского». (*2 Пар. 32:2–8)

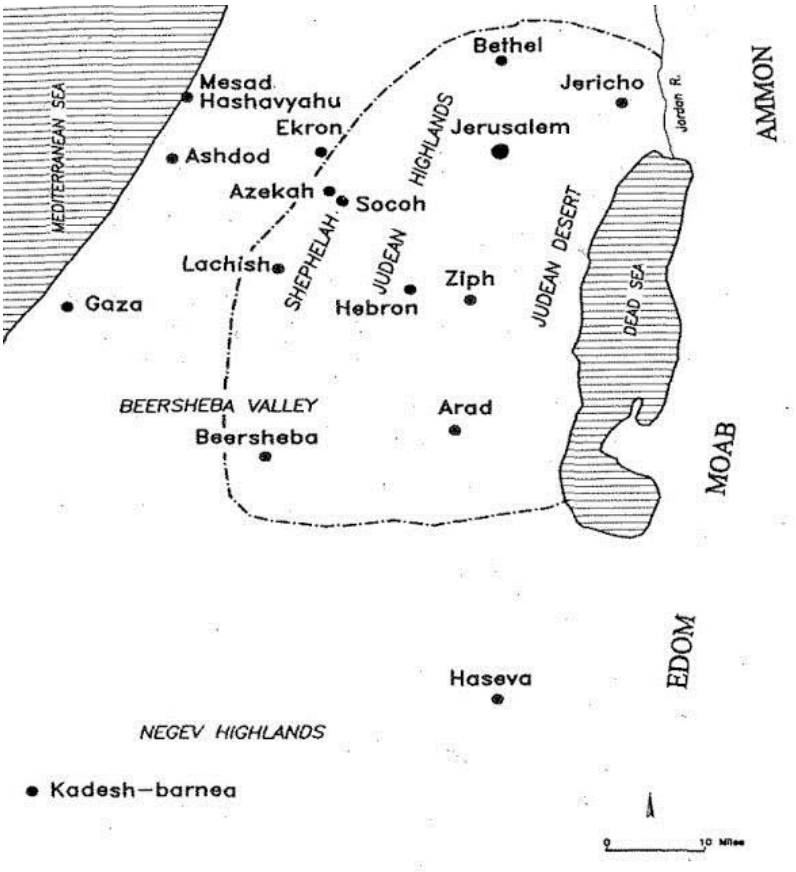


Хотя археологические указания на религиозные реформы Езекии скудны и спорны, существуют многочисленные доказательства подготовки и ужасных последствий его восстания против Ассирии. Конечно, центром всех действий был Иерусалим. Оборонительные приготовления наиболее очевидны при раскопках Еврейского квартала Иерусалима, где была построена укрепленная стена более шести метров толщиной для защиты недавно основанных районов на западном холме. Эта защитная стена, по всей видимости, построена во время чрезвычайного положения: западный холм был уже густо заселен, и частные дома, стоящие на пути строящихся городских укреплений, пришлось снести. По – видимому, именно это строительство стены упоминается в Библии, когда Исаия обвиняет царя за то, что тот хладнокровно «разрушает дома, чтобы укрепить стену» (Ис. 22:10).

Еще одним важным заданием было обеспечение города тайными поставками воды в случае осады. Единственный непересыхающий источник в Иерусалиме – Гихон – был расположен на дне долины Кидрон, как можно видеть, за пределами городской стены (Рис. 26). Это было старой проблемой Иерусалима, и происходили более ранние попытки решить ее, пробив туннель в скале, чтобы получить доступ к источнику из укрепленного города. У Езекии было гораздо более честолюбивое намерение: вместо того, чтобы обеспечить путь для спуска к воде, он задумал провести внутрь стен саму воду. Действительно, у нас есть бесценное описание современников этого выдающегося инженерного сооружения, первоначально высеченное на стенах самого туннеля для воды. Впервые открытые в конце девятнадцатого века рядом с южным концом туннеля, эти памятные надписи на иврите рассказывают, как в скальной породе был вырублен этот длинный туннель, ведущий от Гихонского источника к защищенному водоему внутри городских стен.

Длиной в полкилометра, шириной и высотой, достаточной, чтобы мог пройти человек, он

был вырублен с такой точностью, что разница между уровнями воды в источнике и бассейне составляет всего около 30 см. Действительно, древний текст, увековечивший этот труд, известный теперь как Силоамская надпись, сумел передать драматический момент строительства, когда оно было близко к завершению, описывая как туннель был прорубан двумя командами с двух сторон:



[Закончен] туннель. И так была история пробития его. Когда ещё [каменоломы ударяли] киркой, каждый навстречу товарищу своему, и когда ещё (оставалось) три локтя про[бить, слыш]ен (стал) голос одного, воскли[цаю]щего к товарищу своему, ибо образовалась пробоина (или трещина) в скале (идущая) справа [и налево.] И в день пробития его (туннеля) ударили каменоломы, каждый навстречу товарищу своему, кирка к [ки]рке. И пошли воды от источника к водоёму двест[и и] тысяча (1200) локтей. И с[т]олоктей была высота скалы над головами каменолом[ов]. (перевод из Википедии)

Как им удалось встретиться, несмотря на то, что туннель идет по кривой, это предмет споров. Вероятно, тут было сочетание технического мастерства и глубокого знания геологии холма. Такое выдающееся достижение не избежало внимания библейских историков, и представляет собой редкий пример, когда определенное сооружение иудейского царя может быть надежно опознано археологически: «Прочее об Езекии и о всех подвигах его, и о том, что он сделал пруд и водопровод и провел воду в город, написано в летописи царей Иудейских». (4 Царств 20:20).

За пределами Иерусалима Езекия, по – видимому, в полной мере воспользовался государственными учреждениями, чтобы удостоверится, что все государство готово к войне (Рис. 27). Город Лахиш в Шефеле был окружен грозной системой укреплений, состоящей из наклонной каменной облицовки на полпути вниз по склону насыпи, и массивной кирпичной стены на ее гребне. Огромная крепость защищала шестикамерные городские ворота и большое возвышение, вероятно служащее основанием дворца или резиденции назначенного царем руководителя города. Кроме того, рядом с дворцом был построен комплекс сооружений, похожих на стайни в Мегиддо, что бы служить конюшнями или складами. Большая шахта, вырубленная в скале, возможно служила верхней частью водопровода. Хотя некоторые из этих элементов могли быть построены до Езекии, они все сохранились и были укреплены в его время, готовые встретится лицом к лицу с армией Синаххериба.

Никогда прежде ни один иудейский царь не прилагал так много энергии и опыта и так много ресурсов для подготовки к войне. Археологические находки говорят о том, что организация снабжения в Иудее была централизована впервые. Наиболее ясное доказательство этого – это хорошо известная разновидность больших кувшинов, которые находят на всей территории царства Езекии, массовая продукция схожей формы и размеров. Наиболее важное и уникальное их свойство – это оттиск печати, нанесенный на рукоятку на еще сырую глину, перед обжигом. Печать содержит эмблему в форме крылатого солнечного диска или жука – скарабея, которые, как считается, были символом царской власти в Иудее, и короткую надпись на иврите, которая читается как lmlk (принадлежащее царю). Упоминание о царе сочетается с названием одного из четырех городов – Хеврон, Сохо, Зиф, и еще не идентифицированного места, обозначенного буквами MMST. Первые три известны из других источников, в то время как по-

следнее загадочное место может быть названием Иерусалима или неизвестного иудейского города. Ученые предлагают несколько альтернативных объяснений предназначения этих кувшинов: они содержали продукцию царских поместий; они использовались для хранения собранных налогов и распределения товаров, или то, что печать была просто знаком гончарных мастерских, на которых производились кувшины для официальных царских кладовых. В любом случае, совершенно ясно, что они связаны с организацией Иудеи перед восстанием против Ассирии. Мы не можем быть уверены относительно географической протяженности приготовлений Езекии к восстанию. Вторая книга Хроник сообщает, что он направлял послов к Эфраиму и Манассии, то есть на высокогорные территории побежденного Северного царства, чтобы пригласить израильтян присоединиться к нему в Иерусалиме для празднования Пасхи (2 Пар 30:1, 10, 18). Большинство этих сообщений едва ли историчны, они были написаны с точки зрения анонимного писателя пятого или четвертого века до нашей эры, который представлял Езекию вторым Соломоном, объединившим весь Израиль вокруг Храма в Иерусалиме. Но намек на интерес Езекии к территории бывшего Израильского царства – возможно, не полностью выдуман, потому что Иудея теперь могла претендовать на руководство всей территорией Израиля. Однако, даже если это и так, то претензии – это одно, а достижимые цели – это совсем другое. В конечном счете, восстание Езекии против Ассирии оказалось катастрофическим решением. Несмотря на неопытность, Синаххериб во главе огромной ассирийской армии более чем достаточно проявил свои полководческие таланты. Царь Иудеи Езекия не шел с ним ни в какое сравнение.

Что в действительности произошло? Жестокая месть Синаххериба

Вопреки библейскому сообщению о чудесном избавлении Иерусалима, ассирийские надписи того времени дают совершенно другую картину последствий восстания Езекии. Ассирийский отчет об опустошении сельской местности Иудеи представлен кратко и холодно:

«А Хизкию – иудея, который не склонился под мое ярмо – 46 городов его больших, крепости и малые поселения их окрестностей, которым нет счета, продвижением насыпей и приближением таранов, атакой пехоты и штурмовых лестниц я осадил, взял 200150 человек, от мала до велика, мужчин и женщин, лошадей, мулов, ослов, верблюдов, крупный и мелкий скот без числа из них я вывел и причислил к полону. Самого же его, как птицу в клетке, в Иерусалиме, его царском городе, я запер. Укрепления против него я воздвиг, выход из ворот его города сделал ему запретным. Города его, которые я захватил, отделил я от его страны и Метинти, царю Ашдода, Пади, царю Экрона, и Цилли – Белу, царю Газы, отдал и уменьшил его страну. К уплате прежней дани ежегодную подать их, союзнический дар моему владычеству, я прибавил и наложил на них».

Хотя заявленное число пленных может быть сильно преувеличено, совместная информация из ассирийских надписей и археологических раскопок Иудеи подтверждает интенсивность планомерной осадной кампании и разграбления сначала в богатейшей земледельческой области Иудеи в предгорьях Шефеле, а затем и выше, до самой высокогорной столицы. Разорение иудейских городов можно наблюдать почти на каждом раскопанном холме окраинной части Иудеи. Мрачные археологические останки отлично соотносятся с рассказами ассирийских надписей, например, завоевание известного иудейского города Азеки, который описан как «расположенный на горном хребте, как острое железо, бесчисленные кинжалы высотой до небес». Он был взят приступом, разграблен и разорен.

Это была не бессистемная расправа, призванная только привести в ужас жителей Иудеи и склонить их к покорности. Это была просчитанная кампания экономического уничтожения, в которой были подорваны источники богатства мятежного царства. Город Лахиш, расположенный в наиболее плодородной сельскохозяйственной области, был отдельным, наиболее важным региональным центром царской власти Иудеи. Он был вторым важнейшим городом государства после Иерусалима. На центральную роль, которую он играл в событиях 701 году до н. э., намекает текст Библии (4 Царств 18:14,17, 19:8). Синаххериб своим нападением намеревался добиться его полного уничтожения. Яркое изображение ассирийской осады этого города сохранилось в необычайных подробностях на большом рельефе, который когда-то украшал дворец Синаххериба в Ниневии, в северном Ираке (Рис. 28). Этот рельеф, около 18 метров в длину и 3 метров в высоту, был открыт в 1840–х годах британским исследователем Остином

Генри Лаярдом, и впоследствии переправлен в Лондон, где он находится в экспозиции Британского Музея. Его первоначальное расположение на стене во внутреннем помещении дворца Синаххериба указывает на важность изображенных на нем событий. Короткая надпись раскрывает его тему: «Синаххериб, царь всего, царь Ассирии, сидящий на троне, в то время как добыча из города Лахиш проходила перед ним».

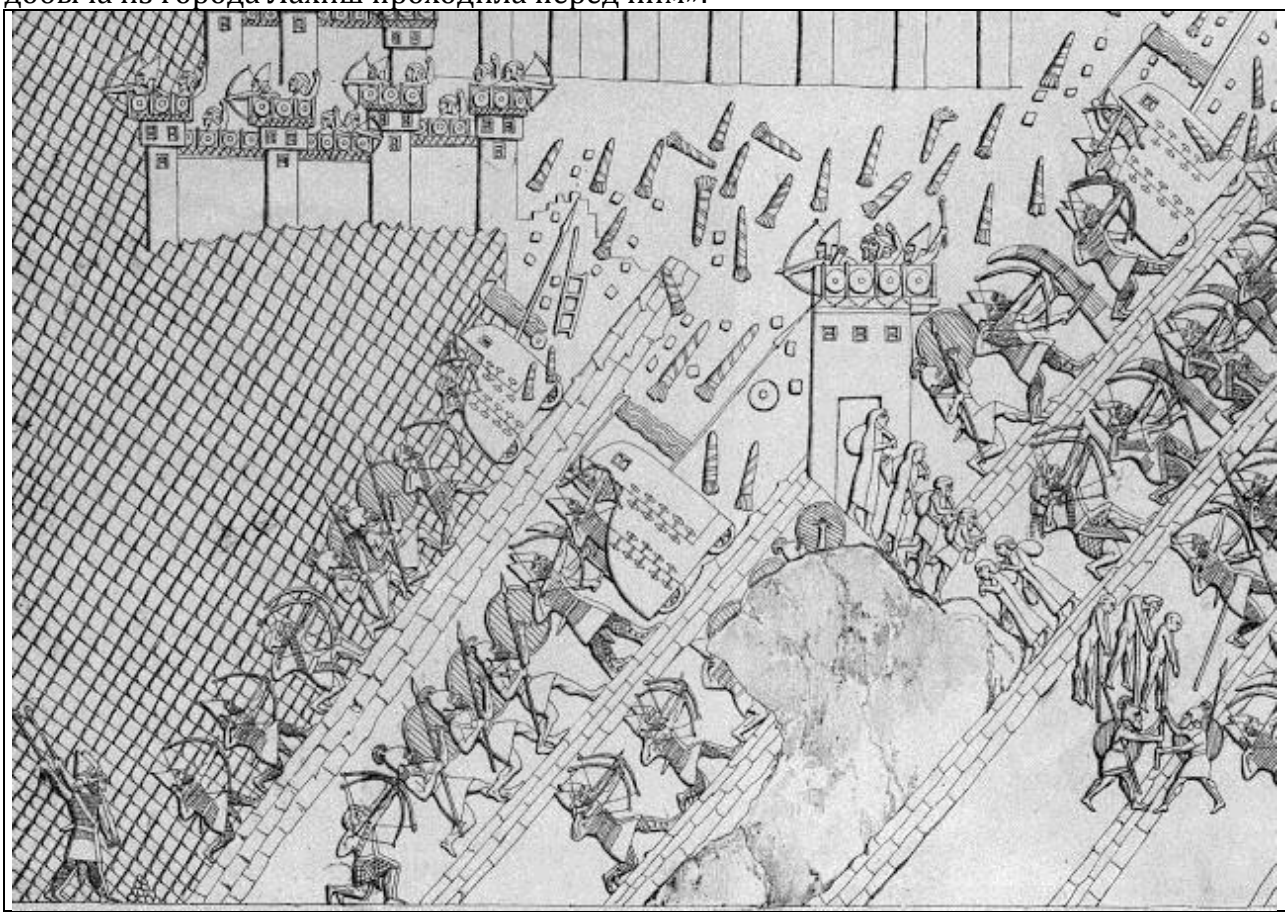


Рис. 28. Ассирийский рельеф из дворца Синаххериба в Ниневии, изображающий захват города Лахиша

Впечатляющий рельеф о Лахише раскрывает все ужасное течение событий одним кадром. Он показывает Лахиш как крайне укрепленный город. У стен произошла жестокая битва. Ассирийцы построили осадные насыпи, по которым они выдвинули свои тяжело вооруженные тараны под стены крепости. Защитники Лахиша отчаянно отбивались, пытаясь помешать таранам приблизиться к стенам. Они бросали факелы, пытаясь поджечь боевые машины, а ассирийцы поливали тараны водой. Ассирийские лучники, стоя за таранами, засыпали стены стрелами, а иудеи отстреливались. Но вся подготовка города к обороне, а также героическая борьба обороняющихся, была напрасна. Осажденных вывели из города, многие из них были мертвы, их безжизненные тела подняли на копья. Из города была вынесена добыча, в том числе и священные сосуды для религиозных обрядов. Все это время Синаххериб с невозмутимым величием сидел на троне перед своим царским шатром рядом с ассирийским лагерем, наблюдая, как мимо него проводят пленников и проносят награбленное из домов и общественных зданий восставшего сообщества.

Некоторые ученые ставят под сомнение точность деталей этого рельефа, утверждая, что это пристрастная имперская пропаганда, а не достоверное описание того, что произошло в Лахише. Но едва ли можно сомневаться, что на рельеф изображает именно определенный город Лахиш, и именно определенные события 701 года до н. э. Точно изображены не только топография города и местная растительность, но есть даже возможность точно определить наблюдательный пункт, с которого художник делал набросок для рельефа. Более того, археологические раскопки в Лахише дали подробности расположения ворот, характер укреплений и системы осады, которые подтвердили точность рельефа.

Британские раскопки в Лахише 1930–х и возобновление раскопок Давидом Усишкиным при поддержке Тель – Авивского универсетета в 1970–х, показали независимую драматическую картину последних часов этой мощной крепости Иудеи. Ассирийские тараны, те самые которые изображены на рельефе, были опознаны и раскопаны. Это единственный сохранив-

шийся пример подобных осадных орудий на всей бывшей территории Ассирийской империи. Неудивительно, что они были построены на самой уязвимой части холма, где он примыкал к гребню, со всех других сторон склон был слишком крут для того что бы сооружать насыпь или размещать тараны. Археологические находки внутри города представляют доказательства отчаянных действий защитников. Они построили огромную контр – насыпь прямо напротив ассирийской, но эта последняя попытка защитников помешать ассирийцам пробить стену закончилась неудачей. Город был сожжен дотла. Другие находки предоставляют доказательства жестокой битвы. У подножия городской стены были найдены сотни наконечников стрел. Рядом с местом атаки на стены были обнаружены продырявленные валуны, некоторые из них с остатками сгоревших веревок в дырках, видимо, метаемые защитниками с крепостного вала в попытках разрушить осадные машины. В пещерах на западном склоне холма было обнаружено массовое захоронение около полутора тысяч человек – мужчин, женщин и детей – вперемешку с керамикой конца восьмого века.

Еще одна библейская точка зрения

Хотя 4–я Книга Царств сосредоточивается на спасительной силе Яхве над Иерусалимом и только кратко упоминает захват «всех укрепленных городов Иудеи» (4 Царств 18:13), другие библейские тексты раскрывают ужасы ассирийского похода для тех иудеев, которым так не повезло стать жертвами ярости Синаххериба на просторах страны. Эти отрывки можно найти не в Девтерономической истории, а в книгах пророков. Два свидетельства современников – пророков Исайи и Михея – рассказывают о страхе и горе, которые парализовали Иудею из-за наступления Ассирии. Исайя, который был в Иерусалиме во время осады, ярко описал военную кампанию, под удар которой попали области севернее Иерусалима (Ис. 28–32). А Михей, который был родом из Шефелы, из города недалеко от Лахиша, описал онемевших от потрясения бездомных выживших, объясняя, что они сами виноваты в своем несчастье тем, что служили идолам: *«Не объявляйте об этом в Гефе, не плачьте там громко; но в селении Офра покрой себя пеплом. Переселяйтесь, жительницы Шафира, срамно обнаженные; не убежит и живущая в Цаане; плач в селении Ецель не даст вам остановиться в нем. Горюет о своем добре жительница Марофы, ибо сошло бедствие от Господа к воротам Иерусалима. Запрягай в колесницу быстрых, жительница Лахиса; ты – начало греха дщери Сионовой, ибо у тебя появились преступления Израиля».* (Мих. 1:10–13)

Удар, от которого пострадала Шефела, также ярко освещен в результате археологических исследований, которые показали, что эта область так никогда и не оправилась от вторжения Синаххериба. Даже в последующие десятилетия, после частичного возрождения Иудеи, Шефела была все еще слабо заселена. Число и местечек, и застроенных областей – на основании которых производится оценка численности населения – упала втрое по сравнению с концом восьмого века. Некоторые основные города были отстроены, но многие мелкие города, деревни и крестьянские дома оставались лежать в развалинах. Этот факт особенно примечателен, если вспомнить, что в восьмом веке, до вторжения Ассирии, население Шефела составляло около пятидесяти тысяч, почти половина населения всего государства.

Одна только вера в Яхве не спасла землю Езекии от гнева Ассирии. Большая часть Иудеи была опустошена, а ценная плодородная земля в Шефеле была отдана ассирийскими победителями филистимским городам – государствам. Территория Иудеи была резко сокращена, Езекия был вынужден заплатить тяжелую дань Ассирии, и значительное количество жителей Иудеи было депортировано в Ассирию. Только Иерусалим и Иудейские Холмы непосредственно к югу от столицы остались нетронуты. Несмотря на все разговоры Библии о набожности Езекии и спасительном вмешательстве Яхве, Ассирия была единственным победителем. Синаххериб полностью достиг своей цели: он сломил сопротивление Иудеи и покорил ее. Езекия унаследовал процветающее государство, а Синаххериб уничтожил его.

Собирая по частям

После неудачного восстания против Ассирии, могло показаться, что курс Езекии на религиозное очищение и конфронтацию с Ассирией – это больше, чем просто ужасная, безрассудная ошибка. Часть провинциального жречества могла даже доказывать, что святотатственное разрушение древних высот и его запрет поклоняться Ашерам, звездам, луне и другим божествам вместе с Яхве – это и было то, что навлекло такие несчастия на страну. Имея в ос-

новном литературу из лагеря поклоняющихся только Яхве, мы не знаем, что утверждали их противники. Что мы знаем, так это то, что в 698 году до н. э, когда Езекия умер и его двенадцатилетний сын Манассия вступил на трон, религиозный плюрализм на всей территории Иудеи (теперь сильно сокращенной) был восстановлен. 4–я Книга Царств сообщает об этом с большим возмущением и осуждением. Для девтерономического историка Манассия был не просто заурядным вероотступником. Он описан как наиболее греховный монарх, которого когда-либо видела Иудея (4 Царств 21:3–7). По сути, Книга Царств возлагает на него вину за «будущее» разрушение Иерусалима (4 Царств 21:11–15).

Очевидно, за таким поворотом официальной религиозной политики стояло нечто большее, чем богословские соображения. Выживание государства теперь завесило от Манассии и его ближайших советников, и они были полны решимости возродить Иудею. Этим обуславливалось восстановление определенной степени экономической независимости сельской местности – все еще величайшего потенциального источника государственного богатства. Возрождение однажды опустошенных провинций невозможно было достигнуть без объединения сети деревенских родов и племен – а это означало разрешение возобновить богослужения на издревле почитаемых местных высотах. Одним словом, вернулись культы Ваала, Ашеры и небесных светил.

Даже несмотря на то, что он был вынужден быть послушным вассалом, Манассия, видимо, правильно рассчитал, что экономическое восстановление Иудеи может показаться отвечающим интересам Ассирии. Процветающая Иудея была бы предана империи и послужила бы полезным буферным государством против Египта – заклятого врага Ассирии на юге. И Ассирия, возможно, даже предоставила покаявшейся Иудеи положение самого привилегированного вассала: тексты седьмого века, сообщающие о том, какую дань платили государства южного Лаванта ассирийскому царю, показывают, что дань, которую платила Иудея была существенно меньше, чем платили соседние, более бедные ассирийские вассалы Амон и Моав.

Манассия, кажется, оправдывал доверие своего ассирийского повелителя. Документ времени Асархаддона, который сменил Синаххериба на ассирийском троне, упоминает Манассию в числе двадцати двух царей, которым были заказаны строительные материалы для царской стройки в Ниневии. Следующий ассирийский царь, Ашшурбанапал, поместил Манассию в список царей, которые посылали ему дары, и помогали ему в войне с Египтом. Хотя вторая книга Хроник сообщает нам, что в определенный момент своего правления Манассия был заключен ассирийцами в тюрьму в Вавилоне (2 Пар. 33:11), обстоятельства и даже историческая достоверность этого заключения – это предмет продолжающихся споров. Но ясно то, что его долгое правление – пятьдесят пять лет – было мирным временем для Иудеи. Города и поселения, основанные во время его правления, сохранились вплоть до окончательного уничтожения Иудеи в следующем столетии.

Археологически не так просто отличить находки начала седьмого века от находок второй половины того же века (см. Приложение 5). Однако мы знаем достаточно для того, чтобы утверждать, что во время всеобщего опустошения в Шефеле (и аннексии обширных пространств филистимскими городами), население Иудейского нагорья росло. Это почти наверняка произошло из-за прибытия изгнанных со своих мест беженцев, которые спасались бегством из разоренных областей Шефелы. Земледельческое производство усилилось вокруг столицы. Густая сеть усадеб была построена вокруг Иерусалима и к югу от него, недалеко от Вифлеема, в седьмом веке до н. э. Ее целью было, вероятно, обеспечение продовольствием увеличившегося населения метрополии.

Но самая впечатляющая застройка в Иудее седьмого века – это распространение иудейских поселений в пустынные зоны на востоке и юге (Рис. 27). В иудейской пустыне, в которой не было постоянных поселений на протяжении восьмого века, в последующие десятилетия произошло что-то необычайное. В седьмом веке группы маленьких поселений были основаны во всех экологических нишах, которые немного больше подходили для земледелия, чем остальная пустыня: в долине Бекаа на полпути между Иерусалимом и Мертвым морем, рядом с Иерихоном, и вплоть до западного побережья Мертвого моря. В долине Беэр – Шевы число поселений выросло намного больше, чем в предыдущий период. С восьмого по седьмой век площадь застроенных районов в этой области, так же как и его население, возросла в десять раз.

Не связана ли эта застройка с политикой Манасии?

Это выглядит очень вероятным. Ясно, что до похода Синаххериба, экономика Иудейского царства была хорошо сбалансирована между различными экологическими нишами ее территорий: оливковые и виноградные сады выращивались в основном в холмистой местности, зерно выращивалось в первую очередь в Шефеле, а животноводство практиковалось в основном на пустынной окраине на юге и востоке. Когда Шефела была отдана во владение филистимских городов – государств, Иудея потеряла свою богатую зернопроизводящую землю на западе. В то же время население, которое надо было кормить в оставшейся части государства, значительно возросло. Вероятно, под давлением этого часть населения Иудеи была вытеснена в периферийные области царства, в отчаянной попытке компенсировать потерю богатой плодородной земли Шефела. И действительно, использование засушливых земель могло решить эту проблему. Оценка сельскохозяйственных возможностей долины Беэр – Шевы в античности, предполагающая что производство там было хорошо организовано, показывает, что она одна могла обеспечить до четверти всей потребности Иудеи в зерне. Но этого невозможно было выполнеть в таких больших масштабах без помощи государства. Поэтому разумно предположить, что расселение в пустынные области было вдохновлено, если не прямо организовано, новым политическим и экономическим курсом Манассии.

Арабские караваны и оливковое масло

Программа Манассии касалась далеко не только пропитания. Он сосредоточился на интеграции Иудеи в ассирийскую мировую экономику. Двумя главными видами экономической активности Ассирии в области Иудеи и вокруг нее были торговля экзотическими предметами роскоши и благовониями из Аравии, а также массовое производство и продажа оливкового масла. Торговля с Аравией была одним из главных экономических интересов Ассирии, и едва ли могут быть сомнения, что с конца восьмого века она обеспечивала империи значительные доходы. Соответственно, Ассирия была сильно заинтересована в безопасности дорог через пустыню, ведущих на север от Аравийского полуострова к своему пункту назначения на побережье Средиземного моря. Ассирийский царь Тиглатпаласар III в одной из своих триумфальных записей описывал Газу, традиционный пункт назначения пустынных дорог, «таможней Ассирии» и он назначил там чиновников, чтобы собирать пошлины в гавани, которая служила местом сбора всех караванных путей страны. Саргон II объявил, что он открыл границу с Египтом, чтобы ассирийцы и египтяне могли торговать и смешиваться. Несколько ассирийских крепостей и административных центров действительно были открыты в разных местах южной прибрежной равнины, и на побережье к югу от Газы был раскопан большой укрепленный город с останками складов. Анализ костей животных, раскопанных в Телль – Джеммех, еще одном месте рядом с Газой, показывает резкий рост числа верблюдов в седьмом веке. Изучение этих костей археологом Полой Вапниш доказывает, что эти верблюды (все они были зрелого возраста, и поэтому не могли быть частью естественного, локально размножившегося стада), могли использоваться в торговых караванах.

По самым южным территориям, все еще контролируемым Иудейским царством – долине Беэр – Шевы, высокогорьям Эдома и южной прибрежной равнине – проходили некоторые важнейшие караванные пути. Там были области, пережившие в седьмом веке беспрецедентный рост населения. Первое широкое заселение Эдомского плато имело место именно в это время, под ассирийским господством. Фактически, Эдом только тогда появился как полностью развитое государство, как результат этого заселения.

Богатые и разнообразные археологические находки на необъятных просторах между Эдомом и Филистией показывают, что ассирийцы, арабы, финикийцы и эдомитяне были вовлечены в процветающую коммерческую деятельность. Иудея при Манассии также занимала в ней видное место. Волну заселения в долине Беэр – Шевы нужно понимать на этом фоне. Иудея, возможно, расширилась еще дальше на юг, до самых торговых путей. В глубокой пустыне были раскопаны две большие крепости седьмого века. Первая – это Кадеш – Барнеа на западной окраине высокогорья Негев, примерно в 80 км юго – западнее Беэр – Шевы. Этот город владел крупнейшим оазисом на важном торговом пути из южной Палестины к оконечности Акабского залива, и далее в Аравию. Вторая крепость была недавно раскопана в Хасеве, месте расположенном примерно в 32 км к югу от Мертвого моря, на еще одном пути на юг.

Находки в этих двух крепостях привели библейского историка Надава Наамана к выводу, что оба они были построены в начале седьмого века до н. э. под эгидой ассирийцев с помощью местных вассальных государств – и были обеспечены рабочей силой группами из Иудеи и Эдома. Южно-арабские надписи, найденные в нескольких местах в Иудее, дают исчерпывающие доказательства сильных связей с Аравией в то время. Такого же вида доказательства найдены и в Иерусалиме. Три остракона с южно – арабскими надписями были найдены в Городе Давида. Хотя они были вырезаны на типичных иудейских сосудах, а не на сосудах привозных типов, они, по всей вероятности, свидетельствуют о постоянном арабском населении в Иерусалиме. А другие типичные еврейские печати седьмого века, кажется, содержат южно – арабские имена. В этой связи, некоторые ученые утверждают, что жена Манассии Мешуллемет была арабкой. Не мог ли это быть династический брак, с целью укрепить коммерческие интересы Иудеи на юге? Не был ли девтерономический рассказ о том, как царица Савская посетила Соломона в Иерусалиме, вдохновлен культурными контактами и экономическими амбициями другого царя из рода Давида седьмого века?

Не только контакты с арабами расширяли экономические горизонты. Ассирийцы также монополизировали и развивали производство оливкового масла. Доказательства этого найдены в Телль – Микне, селении в западной Шефеле, которое находится на месте древнего Экрона, одного из главных городов Филистии. Скромный город в столетия, предшествующие захвату этой области Ассирией, Экрон в начале седьмого века вырос в гигантский центр производства оливкового масла. Там было найдено более сотни прессов для оливкового масла – больше, чем в любом другом городе за всю историю страны. Фактически, это был наиболее впечатляющий центр производства оливкового масла из известных где-либо на древнем Ближнем Востоке. Производственная зона составляла примерно одну пятую площади города. Его годовая производительность оценивается примерно в тысячу тонн.

По-видимому, масло из Экрона перевозилось и в Ассирию, и в Египет – две страны, не имеющие подходящей земли, чтобы выращивать оливковые сады и производить масло самим. Но сам по себе Экрон не находился в классическом месте для выращивания оливок – на холмах. Фактически, он располагался на равнинной земле, типичной для выращивания зерна. По-видимому, он был выбран как производственный центр из-за своего положения на пересечении главных дорог на равнине южного побережья, на полпути между оливковыми областями на холмистой местности и главными распределительными центрами на побережье восточнее его. Рощи, которые снабжали оливками промышленность Экрона, должны были располагаться на холмистой местности Иудеи, и возможно также в ассирийской провинции Самарии, на севере. Как мы уже упоминали выше, седьмое столетие отмечено настоящей индустриализацией производства оливок в Иудее, и, по всей вероятности, она была главным поставщиком оливок промышленности Экрона. Раскопки на месте Экрона, проведенные Трудой Дотан из Еврейского Университета в Иерусалиме и Сеймуром Гитином из Института археологических исследований обнаружили значительное число типичных израильских рогатых кадильных алтарей в зданиях масляных мастерских, что доказывает, что большое количество иудеев было переселено Синаххерибом в Филистию для принудительного труда. Так еще один барьер между Иудеей и остальным миром был сломан, хотя и таким жестоким и бессердечным способом. Все эти активные, запланированные из центра экономические начинания, требовали дальнейшей централизации Иудейского государства. Крупномасштабное выращивание оливок и винограда и их промышленная переработка требовали оборудования хранилищ, транспорта и эффективного распределения. Более того, обширное заселение и обработка засушливых областей требовала долгосрочного планирования. Необходимо было запасать большие количества избытков зерна в урожайные годы и распределять их из центров в годы сильной засухи. Археологические доказательства подтверждают предположение усиления государственного вмешательства во все сферы жизни в Иудее – в той степени, что число печатей, оттисков печатей, административных остраконов и официальных гирь в слоях Иудеи седьмого века намного превышает количество, найденных ранее.

Изменение удачи

Ассирийское столетие – от последних лет правления Ахаза до дней Езекии и Манассии – это захватывающий случай разительных колебаний политики Иудеи. Три царя – дед, отец и

сын – метались между восстанием и сотрудничеством с ассирийскими властями и между синкретической и пуританской религиозной политикой. Обращение с ними библейским историком также отражает эти изменения, но с совсем другой точки зрения. Ахаз описан как идолопоклонник, который сотрудничал с ассирийцами. Езекия – полная противоположность. В его правление не было ошибок, только заслуги. Он был идеальным царем, который очистил Иудею от преступлений прошлого. И в отличии от своего греховного отца, который усердно служил Ассирии, Езекия храбро боролся и сбросил иго Ассирии. Ассирийцы угрожали Иерусалиму, но Яхве чудесным образом спас город. История кончается, не давая даже намека на будущее покорение Ассирией и, за исключением одного стиха, в ней нет ни слова о катастрофических последствиях Ассирийского похода в Иудейской сельской местности. Манассия – также зеркальное отражение своего отца, но на этот раз негативное. Он крайний вероотступник, который стер без следа преобразования, и вернул все мерзости прошлого.

Из небиблейских источников и археологии мы знаем, что все было совсем по – другому. Крушение северного царства пробудило в Иерусалиме мечту объединить все израильское население под властью одной столицы, одного Храма и одной династии. Но перед лицом грозной Ассирии, было только два выбора: забыть мечту и сотрудничать с Ассирией, или настаивать на национально – освободительной политике и ждать подходящего момента, чтобы сбросить ярмо Ассирии. Высокие ставки вызывали крайние меры, Ассирийский век стал свидетелем разительных метаний между этими двумя выборами.

Ахаз был осторожным и прагматичным царем, который спас Иудею от ужасной судьбы Израиля, и провел ее к процветанию. Он понимал, что единственный путь выжить – это объединиться с Ассирией, и как верный вассал, он получил экономические уступки от своего повелителя, и включил Иудею в Ассирийскую региональную экономику. Правление Ахаза было периодом невиданного процветания Иудеи, когда она впервые достигла стадии полностью развитой государственности. Но, позволяя процветать традиционным религиозным обрядам, он навлек на себя гнев Девтерономического историка.

В первые годы правления у Езекии не было другого выбора, кроме как следовать по стопам своего отца. Но, когда великий Саргон погиб на поле боя и к власти пришел Синаххериб, Ассирия столкнулась с восстаниями в разных частях империи. Внезапно «восстановление» пан – израильского государства показалось реалистичным, особенно с ожидаемой помощью Египта. Езекия начал религиозную реформу, которая служила обоснованием восстания и должна была возбудить народ поддержать его. Но восстание против Ассирии оказалось безрассудным решением, которое привело к катастрофе. Когда Манассия взошел на трон, власть в Иерусалиме вернулась к умеренному лагерю. Поскольку ему в тот момент было всего двенадцать лет, вряд ли могут быть сомнения, что этот переворот в Иерусалиме был заранее запланирован. Манассия вернул все на круги своя, как в дни Ахаза. Его долгое правление отмечено полным торжеством прагматичного, синкретического лагеря. Он выбрал сотрудничество с Ассирией и снова включил Иудею в региональную Ассирийскую экономику. Как феникс, возрождающийся из пепла, Иудея начала оправляться от ран, нанесенных походом Синаххериба. Пророки и мудрецы из движения поклоняющихся исключительно Яхве должны были быть ужасно недовольны таким поворотом событий. Все прежние достижения их героя Езекии в уничтожении греха идолопоклонства и борьбе с иностранной империей были стерты начисто – сначала жестокой армией Синаххериба, а затем его собственным сыном. Если Езекия мог рассматриваться возможным спасителем Израиля, его сын Манассия был для них дьяволом. В библейском повествовании есть указания, что время от времени в Иудее разгорались гражданские волнения. Неизвестно, какие именно происшествия стоят за сообщением, что «пролил Манассия весьма много невинной крови, так что наполнил ею Иерусалим от края до края» (4 Цар 21:16), но можно представить, что противники царя могли бы попробовать захватить власть. Неудивительно поэтому, что когда «девтерономисты» победили в борьбе за власть в Иудее вскоре после смерти Манассии, и приступили к записи истории царства, они рассчитались с ним. Они изобразили Манассию самым злобным из всех царей и отцом всех вероотступников.

ТАБЛИЦА 7. ИУДЕЙСКИЕ ЦАРИ ОТ ЕЗЕКИИ ДО ИОССИИ

Царь	Правление	Библейская оценка	Библейские свидетельства	Внебиблейские свидетельства	Археологические свидетельства
Езекия	727–698 гг. до н.э.	Праведный	Религиозная реформа, восстание против Ассирии, Иерусалим спасен	Синаххериб опустошил Иудею – хроники и рельефное изображение Лахиша в Ниневии	Иерусалим резко растет, новая стена в Иерусалиме, Силоамский туннель, Силоамское кладбище, укрепления в Лахише, процветание в долине Беэр-Шевы, разрушение Лахиша и других городов, свидетельства письменности.
Манассия	698–642 гг. до н.э.	Самый злобный	Великий вероотступник, пролил много невинной крови	Платил дань Ассирии	Рост населения в долине Беэр-Шевы и Иудейской пустыне, строительство крепости Кадеш-Барнеа? Иудея принимает участие в производстве оливкового масла в Экроне, все больше свидетельств письменности
Амон	641–640 гг. до н.э.	Плохой	Убит в результате переворота		
Иосия	639–609 гг. до н.э.	Самый праведный	Великая религиозная реформа, взял Бет-Эл, убит фараоном Нехо		Продолжается процветание в долине Беэр-Шевы, восстановление Шефелы, запрет изображений на печатях и оттисках

Приближение к кульминации

Успех Манассии в преобразовании Иудеи из пустыни, оставленной Синаххерибом, в высокоразвитое государство в Ассирийской империи принес великое богатство некоторым и социальные неурядицы и неуверенность многим. Как впервые отметил Барух Халперн, с притоком беженцев с севера после падения Самарии, реорганизаций в сельской местности при Езекии и вторым потоком беженцев при опустошении Шефелы Синаххерибом традиционное прикрепление многих племен к определенным территориям было навсегда разрушено. В сельской местности экономия за счет масштаба, требующая производство огромного количества оливок для выдавливания и зерна для продажи, благоприятствовала тем, кто мог организовать механизм торговли и сельскохозяйственного производства гораздо лучше, чем те, кто трудился в полях. В любом случае, выжившие племена могли претендовать на непрерывное право наследования своих полей, деревень и холмов, но последствия войны, изменение населения и усиление царского экономического давления могли побудить многих мечтать о прошедшем золотом веке, настоящем или воображаемом, когда их предки безопасно селились на четко определенных территориях и пользовались божественным обещанием вечного мира и процветания на своей земле.

Вскоре наступила кульминация истории. Манасия умер в 642 г. до н. э., и его сменил сын Амон. Согласно 4–й Книге Царств, Амон «делал неугодное в очах Господних так, как делал Манассия, отец его» (4 Царств 21:20). Через два года в Иерусалиме состоялся государственный переворот, в ходе которого Амон был убит. В ужасе «народ земли» – видимо, социальная и экономическая элита Иудеи – перебили заговорщиков в посадили на трон восьмилетнего сына Амона – Иосию. Иосия будет править в Иерусалиме тридцать один год и прославится как самый праведный царь в истории Иудеи, соперничающий со славой самого Давида. И во время его правления лагерь поклоняющихся исключительно Яхве еще раз придет к власти.

Действительно, на этот раз их страстные религиозные убеждения и целеустремленное

видение мощи Яхве, защищающего Иудею и династию Давида от всех земных противников будут основываться на твердых исторических реалиях. Но на этот раз они оставят за собой блестящее свидетельство, которое сохранит их идеалы в живых. Этим великим памятником будет бессмертное собрание еврейских текстов, выражающих их взгляд на историю и их надежды на будущее. Эта коллективная сага будет незыблемой основой известной сегодня Еврейской Библии.

Глава 11. Большое реформирование (639–586 гг. до н. э)

Правление иудейского царя Иосии означало кульминацию истории израильской монархии – или, по крайней мере, так должно было казаться в то время. Для автора Девтерономической истории правление Иосии означало метафизический момент, едва ли менее важный, чем божественный завет с Авраамом, Исход из Египта или божественное обещание царю Давиду. Царь Иосия в Библии не просто кажется благородным преемником Моисея, Иисуса и Давида: сами очертания этих великих персонажей – в том виде в котором они появляются в библейском повествовании – кажутся нарисованными с намеком на Иосию. Иосия – это идеал, который венчает всю историю Израиля. «Подобного ему не было царя прежде его, который обратился бы к Господу всем сердцем своим, и всею душею своею, и всеми силами своими, по всему закону Моисееву; и после него не восстал подобный ему» – сообщает 4 Царств 23:25 в восхвалении такого уровня, который не применяется по отношению ни к одному другому библейскому царю. Иосия, прямой потомок царя Давида в шестнадцатом поколении, вступил на трон в возрасте восьми лет после свержения и убийства его отца в Иерусалиме. Мы очень мало знаем о ранних годах его жизни. Истории о его религиозном пробуждении в подростковом возрасте, рассказанные в 2 Хроник 34:3 – это почти наверняка биографическая идеализация, написанная пост – фактум. Но на протяжении 31–летнего правления над Иудейским царством Иосия был признан многими как величайшая надежда на национальное искупление, подлинный мессия, которому суждено восстановить павшую славу дома Израиля. Следуя – или соответствуя – основным принципам книги закона, чудесным образом «найденной» в Иерусалимском Храме, он предпринял кампанию по искоренению даже следов чужих или синкретических богослужений, включая древние высоты в провинции. Он и его пуританские войска не остановились даже на традиционной северной границе его царства, но продолжали путь на север до Вефиля, где ненавистный Иеровоам установил храм, соперничающий с Иерусалимским, и где (согласно пророчеству в 3 Царств 13:2) наследник Давида по имени Иосия когда-нибудь сожжет кости северного жреца – идолопоклонника.

Мессианская роль Иосии появилась из теологии нового религиозного движения, которое резко изменило представление о том, что значит быть израильтянином, и которое заложило основу для будущего иудаизма и христианства. Это движение в конце концов создало центральные документы Библии, и главная среди них – Книга Закона, найденная во время ремонта Иерусалимского Храма в 622 году до н. э, на восемнадцатом году правления Иосии. Эта книга, которую большинство ученых опознают как первоначальную форму книги Второзаконие, стала искрой, от которой разгорелась ритуальная революция и полное преобразование самосознания израильтян. Она содержала центральные особенности библейского монотеизма: поклонение исключительно одному Богу в одном месте, централизованное, всенародное соблюдение главных праздников Еврейского Года (Пасха, Суккот), и свод законов, касающихся общественного благополучия, правосудия и личных моральных принципов.

Это был созидательный момент кристаллизации библейской традиции в том виде, в котором мы сейчас ее знаем. Однако, повествование о правлении Иосии почти полностью сосредоточено на характере его религиозной реформы и ее географической протяженности. Мало написано о грандиозных исторических событиях, которые разворачивались в области вокруг Иудеи, и о том, как они могли повлиять на появление Девтерономической идеологии. Изучение источников того времени и археологических находок может помочь нам понять, как Иосия, в остальном забытый царь, который правил крохотным царством в тени великих мировых империй, смог – сознательно или невольно – стать покровителем интеллектуального и духовного движения, которое создало некоторые из главных этических учений Библии, и ее уникальное видение истории Израиля.

Неожиданная находка в Храме

Эта важнейшая глава в политической и духовной жизни Иудеи началась с приходом на царский престол юного принца Иосии в 639 году до н. э. Это казалось поворотной точкой в библейском изображении взлетов и падений «злых» и «праведных» царей в истории Иудеи. Потому что Иоссия был праведным наследником Давида, который «делал угодное в очах Господних, и ходил во всем путем Давида, отца своего, и не уклонялся ни направо, ни налево» (4 Царств 22:2). Согласно Библии, эта праведность подвигла Иосию на решительные действия. На его восемнадцатом году правления (в 622 году до н. э.) Иосия приказал первосвященнику Хелкии использовать государственные средства для ремонта Дома Господа Израиля. Ремонт привел к поразительному открытию – первосвященник нашел в Храме свиток, и его секретарь Шафан прочитал его царю. Его воздействие было громадным – внезапно обнаружилось, к ужасу, что традиционные обычаи культа Яхве в Иудее были неправильны.

Вскоре Иосия собрал весь народ Иудеи для заключения торжественной клятвы всецело посвятить себя божественным заповедям, перечисленным в недавно обнаруженной книге.

И пошел царь в дом Господень, и все Иудеи, и все жители Иерусалима с ним, и священники, и пророки, и весь народ, от малого до большого, и прочел вслух их все слова книги завета, найденной в доме Господнем. Потом стал царь на возвышенное место и заключил пред лицом Господним завет – последовать Господу и соблюдать заповеди Его и откровения Его и уставы Его от всего сердца и от всей души, чтобы выполнить слова завета сего, написанные в книге сей. И весь народ вступил в завет (4 Царств 23:2–3).

Затем, чтобы добиться полного очищения культа Яхве, Иосия начал самую мощную пуританскую реформу в истории Иудеи. Его первой целью были обряды идолопоклонства, которые практиковались в Иерусалиме, даже в самом Храме: *И повелел царь Хелкии первосвященнику и вторым священникам и стоящим на страже у порога вынести из храма Господня все вещи, сделанные для Ваала и для Астарты и для всего воинства небесного, и сжег их за Иерусалимом в долине Кедрон, и велел прах их отнести в Вефиль. И отставил жрецов, которых поставили цари Иудейские, чтобы совершать курения на высотах в городах Иудейских и окрестностях Иерусалима, – и которые кадили Ваалу, солнцу, и луне, и созвездиям, и всему воинству небесному; и вынес Астарту из дома Господня за Иерусалим к потоку Кедрону, и сжег ее у потока Кедрона, и истер ее в прах, и бросил прах ее на кладбище общенародное; и разрушил дома блудилищные, которые были при храме Господнем, где женщины ткали одежды для Астарты (4 Царств 23 4–7).*

Он искоренил святыни чужих культов, особенно святыни, которые, как сообщается, были установлены в Иерусалиме под царским покровительством еще во времена Соломона: *И осквернил он Тофет, что на долине сыновей Еннома, чтобы никто не проводил сына своего и дочери своей чрез огонь Молоху; и отменил коней, которых ставили цари Иудейские солнцу пред входом в дом Господень близ комнат Нефан – Мелеха евнуха, что в Фаруриме, колесницы же солнца сжег огнем. И жертвенники на кровле горницы Ахазовой, которые сделали цари Иудейские, и жертвенники, которые сделал Манассия на обоих дворах дома Господня, разрушил царь, и низверг оттуда, и бросил прах их в поток Кедрон. И высоты, которые пред Иерусалимом, направо от Масличной горы, которые устроил Соломон, царь Израилев, Астарте, мерзости Сидонской, и Хамосу, мерзости Моавитской, и Милхому, мерзости Аммонитской, осквернил царь; и изломал статуи, и срубил дубравы, и наполнил место их костями человеческими (4 Царств 23 10–14).*

Иосия также положил конец ритуалам жертвоприношения, выполняемым сельскими жрецами, которые исполняли свои обряды на священных высотах и местах поклонения в сельской местности. «И вывел всех жрецов из городов Иудейских, и осквернил высоты, на которых совершали курения жрецы, от Гевы до Вирсавии» (4 Царств 23:8).

Старые счета были оплачены один за другим. Следующим был великий «грех Иеровоама», идолопоклоннический алтарь в Вефиле, где он исполнил библейское пророчество о том, что однажды праведный царь по имени Иосия увидит его разрушение: *Также и жертвенник, который в Вефиле, высоту, устроенную Иеровоамом, сыном Наватовым, который ввел Израиля в грех, – также и жертвенник тот и высоту он разрушил, и сжег сию высоту, стер в прах, и сжег дубраву. И взглянул Иосия и увидел могилы, которые были там на горе, и послал и взял кости из могил, и сжег на жертвеннике, и осквернил его по слову Господню, которое провозгла-*

сил человек Божий, предрекший события сии, [когда Иеровоам, во время праздника, стоял пред жертвенником. Потом, обратившись, увидел могилу человека Божия, предрекшего сии события,] и сказал Иосия: что это за памятник, который я вижу? И сказали ему жители города: это могила человека Божия, который приходил из Иудеи и провозгласил о том, что ты делаешь над жертвенником Вефильским. И сказал он: оставьте его в покое, никто не трогай костей его. И сохранили кости его и кости пророка, который приходил из Самарии. (4 Царств 23:15–18)

Иосия не остановился в Вефиле, и очищение продолжилось дальше на север: «*Также и все капища высот в городах Самарийских, которые построили цари Израильские, прогневляя Господа, разрушил Иосия, и сделал с ними то же, что сделал в Вефиле; и заколол всех жрецов высот, которые там были, на жертвенниках, и сжег кости человеческие на них, и возвратился в Иерусалим. (4 Царств 23:19–20)*

Даже сейчас, во время борьбы с идолопоклонством, Иосия учреждал народные религиозные праздники: *И повелел царь всему народу, сказав: «Совершите пасху Господу Богу вашему, как написано в сей книге завета», – потому что не была совершена такая пасха от дней судей, которые судили Израиля, и во все дни царей Израильских и царей Иудейских; а в восемнадцатый год царя Иосии была совершена сия пасха Господу в Иерусалиме (4 Царств 23:21–23).*

В ретроспективе библейское описание религиозной реформы Иоссии в 4 Царств 23 – это не просто запись событий. Это тщательно созданное повествование, содержащее намеки на все великие персоналии и события истории Израиля. Иосия неявно сравнивается с Моисеем, великим освободителем и руководителем первой Пасхи. Он также следует образцу великих завоевателей Иисуса и Давида, он следует примеру Соломона, покровителя Иерусалимского храма. История реформы Иосии также исправляет грехи прошлого. Упоминание грехов северного царства также должно напомнить об успехе Иосии в деле разрушения алтаря Иеровоама в Вефиле, культовом центре Израильского царства, который так долго конкурировал с Иерусалимом. Потом была Самария со своими высотами, вызывающая горькие воспоминания о своем разрушении. Вся история Израиля достигла тут поворотной точки. После столетий преступлений Иосия восстал, чтобы низвергнуть грехи прошлого и вести народ Израиля к искуплению надлежащим исполнением Закона.

Что было «Книгой Закона»?

Обнаружение Книги Закона было событием первостепенного зхначения для последующей истории народа Израиля. Ее приняли за тот самый свод законов, который Бог дал Моисею на Синае, и соблюдение которого должно было обеспечить выживание народа Израиля.

Уже в восемнадцатом веке библейские ученые заметили явное сходство между описанием Книги Закона, найденной в Храме, и книгой Второзаконие. Особенности и прямые параллели между содержанием Второзакония, и идеями, выраженными в описании реформ Иоссии явно подтверждают, что обе они разделяют одну идеологию. Второзаконие – это единственная книга Пятикнижия, которая утверждает, что содержит «слова завета», которым должен следовать весь Израиль (29:9). Это единственная книга, которая запрещает жертвоприношения везде, кроме «места, какое изберет Господь, Бог ваш» (12:5), в то время как остальные книги Пятикнижия часто упоминают, без всякого порицания, о богослужениях на алтарях, установленных по всей стране. Второзаконие – единственная книга, описывающая всенародное празднование Пасхи в национальном храме (16:1–8). И хотя очевидно, что в современный текст книги Второзакония включены более поздние добавления, его основные положения именно те, которые *впервые* соблюдались Иосией в Иерусалиме в 622 году до н. э.

Сам факт того, что писанный свод законов внезапно появился в это время, хорошо совпадает с археологическими свидетельствами о распространении грамотности в Иудее. Хотя пророк Осия и царь Езекия были связаны с идеями, подобными тем, что содержатся во Второзаконии, сообщение о появлении определённого записанного текста и его публичное чтение царем согласуется с доказательствами внезапного, резкого распространения грамотности в Иудее седьмого века. Находки сотен личных перстней – печатей и оттисков печатей, подписанных на иврите и датированных этой эпохой, подтверждают широкое распространение письменных документов. Как мы уже упоминали, такое относительно широко распространение доказательств грамотности – это важный показатель того, что Иудея в этот период достигла уровня полностью развитого государства. До этого едва ли была возможность создать

пространные библейские тексты.

Кроме того, ученые обратили внимание, что литературная форма договора между Яхве и народом Израиля во Второзаконии поразительно похожа на ассирийские вассальные договора начала седьмого века, которые очерчивают права и обязанности подданного народа по отношению к своему правителю (в данном случае Израиля и Яхве). Более того, библейский историк Моше Вейнфилд заметил, что в идеологических выражениях программных речей, в стиле благословений и проклятий, в обрядах основания новых поселений Второзаконие проявляет сходство с ранней греческой литературой. Резюмируя, можно сказать, что трудно сомневаться в том, что первоначальная версия Второзакония – это книга Закона, упомянутая в 4 Царств. Скорее, это была не старая, неожиданно найденная книга – можно уверенно сделать вывод, что она была написана в седьмом веке до н. э., незадолго или во время правления Иосии.

Восходящий фараон и умирающая империя

Чтобы понять, почему книга Второзаконие приняла такую форму и почему она приобрела столь очевидную эмоциональную силу, необходимо сначала взглянуть на международную арену в последние десятилетия истории Иудеи. Обзор исторических и археологических источников показывает, что центральным фактором формирования библейской истории было крупное изменение баланса сил в целом регионе.

В то время, как в 639 году до н. э. восьмилетний принц Иосия унаследовал трон Иудеи, Египет переживал великое государственное возрождение, в котором изображения его далекого прошлого и его великих основателей были использованы как мощные символы для повышения могущества Египта и его престижа во всем регионе. Начав в 656 году до н. э., Псамметих I, основатель двадцать шестой династии, сбросил господство Ассирийской империи и позже распространил свою власть на большую часть территории Леванта, которую контроллировал великий фараон Рамзес II в тринадцатом веке до н. э.

Ключ к этому египетскому возрождению лежал, в первую очередь, во внезапном и стремительном упадке Ассирии в последние десятилетия седьмого века до н. э. Ученые до сих пор спорят о точной дате и причине крушения ассирийского могущества после более чем столетнего неоспоримого мирового господства. Однако, в конце правления последнего великого ассирийского царя, Ашурбанипала (669–627 гг. до н. э.) ассирийская мощь явно начала клонится к закату вследствие давления кочующих скифских племен на северных границах империи, и продолжающихся столкновений на востоке с покоренными народами Вавилона и Элама. После смерти Ашурбанипала господство Ассирии было еще больше подорвано восстанием в Вавилоне в 626 году до н. э. и вспышкой гражданской войны в самой Ассирии три года спустя, в 623 году до н. э. Египет получил прямую выгоду от слабости Ассирии. Фараон Псамметих I, основатель двадцать шестой династии, который правил в городе Саисе в дельте Нила, преуспел в объединении местной египетской аристократии под своим руководством. Во время своего правления в 664–610 гг. до н. э, ассирийские войска были выведены из Египта и оставили большую часть Леванта под египетским контролем. Греческий историк Геродот, важный источник о событиях того периода, рассказывает (в истории, приукрашенной множеством легендарных подробностей) как Псамметих выступил в поход на север, и двадцать девять лет осаждал город Ашдод на побережье Средиземного моря. Сколько бы ни было правды в этом сообщении, но археологические находки при раскопках вдоль прибрежной равнины, кажется, указывают на возрастание египетского влияния в конце седьмого века. К тому же, Псамметих в надписи того времени хвастался, что контролировал средиземноморское побережье до самой Финикии. Отступление ассирийцев со своих старых владений на прибрежной равнине и с территорий бывшего северного царства Израиля выглядит мирным. Возможно даже, что Египет и Ассирия достигли какого-то рода договоренности, согласно которой Египет получил ассирийские провинции к западу от Евфрата в обмен на обязательство обеспечить Ассирию военную поддержку. Как бы там ни было, пятисотлетняя мечта египтян восстановить владычество над Ханааном исполнилась. Египтяне восстановили контроль над сельскохозяйственным богатством и международными торговыми путями в плодородной низине. Однако, как и во времена великих фараонов – завоевателей Нового Царства, относительно изолированное население высокогорий – теперь организованное в Иудейское царство – было относительно неважным для египтян. И поэтому они, по крайней мере, поначалу, были в значительной сте-

пени предоставлены самим себе.

Новое завоевание земли обетованной

Выход ассирийских войск из северных областей земли Израиля создал положение, которое должно было казаться жителям Иудеи долгожданным чудом. Столетие ассирийского господства подошло к концу, Египет в основном был заинтересован побережьем, а нечестивое северное царство Израиля больше не существовало. Казалось, открыт путь к полному выполнению иудейских амбиций. Наконец, показалось возможным для Иудеи распространиться на север, захватить территории побежденного северного царства в нагорье, централизовать израильский культ и учредить великое пан – израильское государство.

Столь амбициозный план должен был потребовать активную и мощную пропаганду. Книга Второзакония упрочила единство народа Израиля и установила центральное культовое место, но была еще Девтерономическая история и части Пятикнижия, которые создавали эпическую сагу для выражения могущества и страсти возрожденной иудейской мечты. Предположительно, это и было причиной того, что авторы и редакторы Девтерономической истории и частей Пятикнижия собрали и переработали наиболее драгоценные предания народа Израиля, чтобы вдохновить народ Израиля на великую национальную борьбу, предстоящую им.

Тщательно разрабатывая и приукрашивая истории, содержащиеся в первых четырех книгах Торы, они сплели воедино региональные вариации историй о патриархах, помещая приключения Авраама, Исаака и Иакова в мир, удивительно напоминающий седьмой век до н. э. и придающий особое значение господству Иудеи над всем Израилем. Они сформировали великий национальный эпос об освобождении всех племен Израиля от великого и могущественного фараона, государство которого в географических подробностях было сверхъестественно похоже на государство Псамметиха.

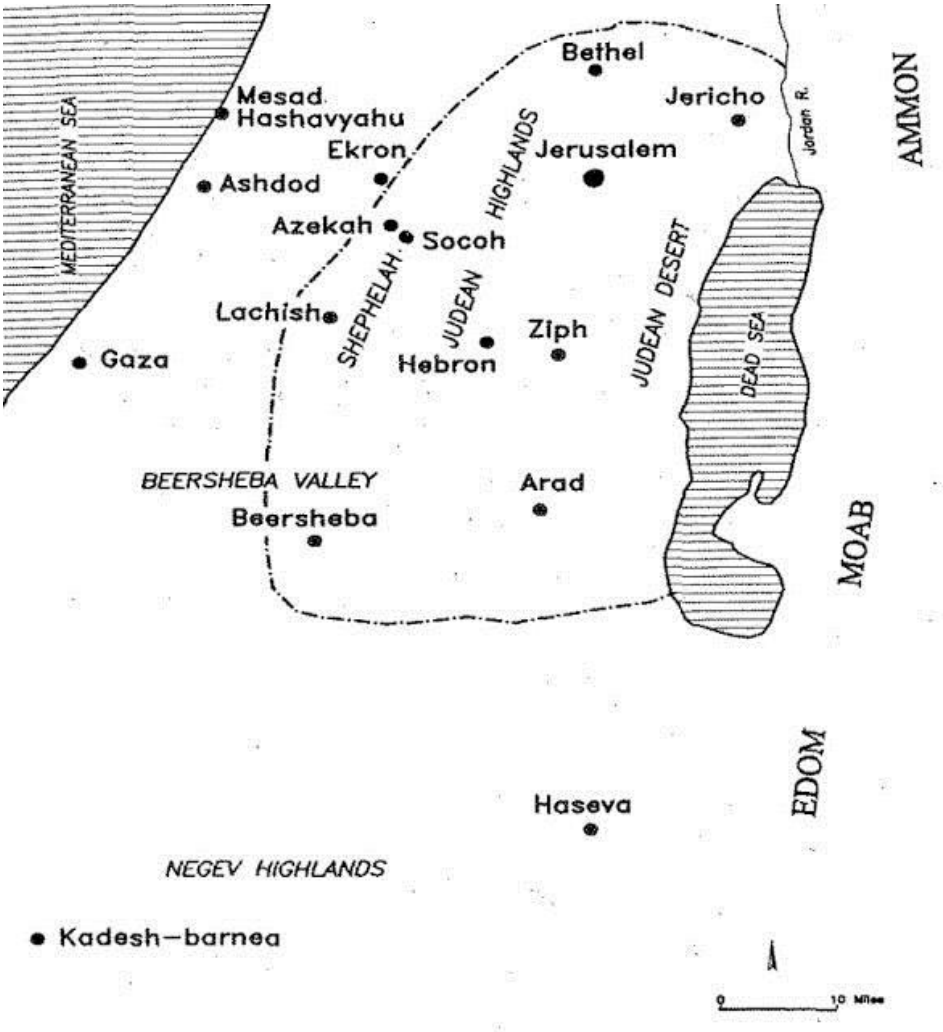
В Девтерономической истории они создали единый эпос о завоевании Ханаана, со сценами свирепых битв – в Иорданской долине, в районе Вефиля, в предгорьях Шефелы и в центре бывшей израильской (а позже ассирийской) администрации на севере – именно там, где должно было проводиться новое завоевание Ханаана. Могущественное и процветающее северное царство, в тени которого Иудея существовала более двух столетий, было осуждено как историческое отклонение, греховное отпадение от истинного израильского наследия. Единственными законными правителями всей израильской территории были цари из династии Давида, особенно благочестивый Иосия. Вефиль, великий культовый центр северного царства, который захватил Иосия, был решительно осужден. «Ханаанеи», то есть все неизраильские жители, также были пренебрежены строгим запретом смешанных браков израильтян с иноплеменными женщинами, которые, согласно Девтерономической истории и Пятикнижию, только склоняют народ к идолопоклонству. Обе эти линии поведения, вероятно, были связаны с проблемой распространения на земли страны Израиля большого количества неизраильтян, которые были переселены ассирийцами, особенно в южные области бывшего северного царства, вокруг Вефиля.

Невозможно узнать, была ли ранняя версия истории Израиля составлена во времена Езекии, или диссидентскими группами во время долгого правления Манассии, или же этот великий эпос был составлен полностью во время правления Иосии. Но ясно, что многие герои, описанные в Девтерономической истории – такие как благочестивые Иосия, Давид и Езекия, и отступники Ахаз и Манассия – изображены как зеркальные отражения Иосии, положительные или отрицательные. Девтерономическая история не была историей в современном смысле этого слова. Это было одновременно идеологическое и теологическое сочинение. В седьмом веке до н. э., в истории древнего Израиля впервые существовала широкая аудитория для таких произведений. Иудея стала высокоцентрализованным государством, в котором грамотность распространялась из столицы и главных городов в сельскую местность. Это был процесс, который, видимо, начался в восьмом веке, но достиг высшей точки только во времена Иосии. Запись составных проповедей использовалась как средство продвижения ряда довольно революционных политических, религиозных и социальных идей. Несмотря на свои истории об отступничестве и вероломстве Израиля и его монархов, несмотря на ее циклы грехов, возмездия и искупления, несмотря на все свои бедствия прошлого, Библия преподносит глубоко оптимистическую историю. Она обещает своим читателям и слушателям, что они участвуют в

истории со счастливым концом, который наступит, когда их царь Иосия очистит Израиль от мерзостей их соседей, искупит их грехи и установит повсеместное соблюдение истинных законов Яхве, и сделает первые шаги, чтобы легендарное царство Давида стало реальным.

Революция в сельской местности

Времена Иосии были несомненно мессианскими. Девтерономический лагерь победил, и настроение в Иерусалиме должно было быть исключительно воодушевленным. Но урок перехода от праведного Езекии к греховному Манассии не был забыт. Несомненно, реформы Иосии встретили сопротивление. Так что это время также было временем просвещения и социальных реформ. В этой связи важно заметить, что книга Второзаконие содержит этические законы и постановления об общественной благотворительности, которые не имеют параллелей больше нигде в Библии. Второзаконие призывает к защите личности, к защите того, что мы сегодня называем правами человека и человеческим достоинством. Его законы выражают беспрецедентную заботу о слабых и беззащитных представителях иудейского общества: «*Если среди вас все же будут бедняки – кто-нибудь из братьев ваших, в каком-нибудь из ваших городов, в стране, которую Господь, ваш Бог, отдает вам, – то не будь бессердечен, пусть не будет рука твоя скупою для брата твоего, бедняка. Пусть рука твоя будет щедрой, дай ему в долг, сколько ему нужно, в соответствии с нуждами его. (Второзаконие 15:7–8). Не попирай прав переселенца и сироты, не бери в залог одежду вдовы. Помни, что ты и сам был рабом в Египте, а Господь, твой Бог, освободил тебя из неволи. Поэтому я и даю тебе такое повеление. (Второзаконие 24:17–18).*



Здесь дело не просто в благотворительности, но в сознательности, которая выросла из общего ощущения статуса нации, теперь крепко усиленного исторической сагой об Израиле, систематизированной в виде текста. Права на семейную землю были защищены запретом перемещения древних межевых камней (19:14), а права наследование жен, отвергнутые их мужьями, были гарантированы (21:17–18). Фермерам было дано указание отдавать беднякам десятину каждые три года (14:28–29), постоянно живущие иностранцы были защищены от дискриминации (24:14–15). Рабов полагалось освобождать после шести лет неволи (15:12–15). Это только несколько примеров широкого охвата законов, касающихся личности, которые должны были отменить несправедливость и неравенство повседневной жизни.

Было рассмотрено также функционирование правительства, с четкой целью ограничить возможность вождей иудейского общества использовать свое положение в собственных интересах или неограниченно притеснять народ: *Назначайте судей и распорядителей, во всех городах ваших, отданных вам Господом, вашим Богом, – во всех ваших племенах – и пусть они судят справедливо. Не нарушай ничьих законных прав, суди беспристрастно. Не бери взяток, ибо взятка превращает мудрых людей в слепцов, а праведных делает лжецами. (16:18–19)*

Даже царь был субъектом законов завета, и ясно, что авторы Второзакония имели в виду и грехи царей Израиля, и праведность Иосии: «*Можете поставить царя – того, кого изберет Господь, ваш Бог. Делайте царем одного из братьев ваших. Нельзя вручать власть чужаку, иноплеменнику! Царь не должен держать слишком много коней, не должен отправлять людей назад в Египет, чтобы приобрести побольше коней. Ведь Господь сказал вам: «Вы уже не вернетесь туда, по этому пути!» У царя не должно быть слишком много жен, чтобы его сердце не склонилось к отступничеству. Он не должен иметь чересчур много серебра и золота. Когда он взойдет на престол, пусть перепишет для себя в свиток это Наставление, хранящееся у жрецов – левитов. И пусть всю жизнь держит его при себе и читает – и тогда он научится бояться и чтить Господа, своего Бога, неукоснительно исполнять это Наставление, все предписания. И не станет он возноситься над соплеменниками, не станет отклоняться от этих повелений ни вправо, ни влево – и тогда он и потомки его будут долго править Израилем. (17:15–20)*

Пожалуй, наиболее впечатляющий археологический артефакт, ясно показывающий это новое осознание личных прав, был обнаружен в 1960 году в крепости конца седьмого века до н. э., известной археологам как Мецад Хашавьяху, расположенной на побережье Средиземного моря к югу от современного Тель – Авива (рис. 27). В развалинах этой крепости были найдены черепки привозной греческой керамики, что свидетельствует о возможном присутствии там греческих наемных солдат. Судя по яхвистским именам, которые встречаются на найденных в этом месте остраконах, в этой крепости были также иудеи, некоторые из которых работали на близлежащих полях, а другие служили солдатами и офицерами. Один из рабочих составил возмущенное обращение к командиру гарнизона, записанное чернилами на черепке разбитой посуды. Это драгоценная надпись на иврите – возможно, древнейшее известное нам археологическое доказательство новых отношений и новых прав, предложенных Девтерономическим законом: *Пускай начальник, мой господин, услышит жалобу своего слуги. Ваш слуга работает на жатве. Ваш слуга был в Хацаар – Ассаме. Ваш слуга жал, и закончил, и убирал на хранение [зерно] несколько дней назад до остановки*. Когда твой слуга закончил свою жатву и хранил зерно несколько дней назад, Хошаяху, сына Шабаи, пришел и забрал одежду вашего слуги. Когда я закончил жатву в это время, несколько дней назад, он забрал одежду вашего слуги. Все мои товарищи могут свидетельствовать за меня, все кто жал со мной под палящим солнцем – они могут свидетельствовать за меня, что это правда. Я невиновен ни в каких нарушениях. (Так что) пожалуйста, верните мне одежду. Если чиновник не считает обязательным вернуть одежду своего слуги, пусть он сжалится над ним и вернет одежду своему слуге. Вы не должны молчать, когда ваш слуга без одежды.*

Это было личное требование того, чтобы закон был соблюден, несмотря на разницу социального положения между истцом и адресатом. Требование справедливости от одного лица к другому было революционным шагом от традиционной ближневосточной уверенности исключительно в силе клана, к гарантиям равных прав для всех его членов.

Это единственный пример, случайно сохранившийся в развалинах города далеко от центра Иудеи. Но его многозначительность очевидна. Девтерономические законы стали новым сводом индивидуальных прав и обязанностей для народа Израиля. Они также служили основанием всеобщего общественного свода законов и системой общественных ценностей, которые продолжают действовать даже сегодня.

Археология и реформы Иосии

Хотя археология доказала свою неоценимость в открытии долговременного общественного развития, которое лежит в основе исторической эволюции Иудеи и рождения девтерономического движения, она была гораздо менее успешной в предоставлении доказательств особых достижений Иосии. Храм Вефиля – первой цели Иосии в его кампании против идолопоклонства – до сих пор не обнаружен, и до сих пор за пределами Иерусалима найден только один иудейский храм того времени. Его судьба во время программы Иосии по религиозной централизации неясна. Более того, печати и оттиски печатей чиновников и высокопоставленных лиц Иудеи эпохи конца монархии показывают только *возможные* доказательства реформ Иосии. В то время как ранние иудейские печати содержат символы, связанные с астральным культом – изображения звезд и луны, которые выглядят как священные символы, в конце седьмого века большая часть печатей содержат только имена (и, иногда, украшения в

виде растений), бросается в глаза отсутствие украшений в виде изображений. Художественные стилиь в других областях, таких как Аммон и Моав, показывают похожую перемену. Это может быть связано с повсеместным распространением грамотности по всему региону, но она не настолько выражена, как в Иудее. Вероятно, это отражает влияние реформ Иосии, которые настаивали на том, что неизображаемый Яхве является единственным законным объектом поклонения, и препятствовали поклонению небесным силам в видимой форме.

Другое свидетельство, тем не менее, наводит на мысль, что Иосии не удалось прекратить поклонение идолам, поскольку статуэтки стоящей женщины, придерживающей грудь руками (обычно отождествляемая с богиней Ашерой), были в изобилии найдены в частных жилых строениях во всех крупных городах Иудеи конца седьмого века. Поэтому, по крайней мере на уровне домашнего хозяйства, этот популярный культ, по – видимому, продолжал существовать, несмотря на религиозную политику, исходящую из Иерусалима.

Как далеко дошла революция Иосии?

Протяженность территориальных захватов Иосии до сих пор определена только грубо по археологическим и историческим признакам (см. Приложение 6). Хотя святилище в Вефиле не было найдено, но вокруг были найдены типичные иудейские артефакты седьмого века. Возможно, что Иосия продвинулся гораздо севернее в направлении Самарии (как указано в 4 Царств 23:19), но явных археологических доказательств до сих пор не найдено.

На западе тот факт, что Лахиш был заново укреплен и снова служил главной иудейской крепостью, является, возможно, лучшим доказательством того, что Иосия продолжал контролировать область Шефелы, возрожденную его дедом Манассией. Но Иосия вряд ли продвинулся дальше на запад, в области, которые были важными для интересов египтян. На юге непрерывная оккупация иудеями подсказывает, что Иосия контролировал долину Беэр – Шевы и, возможно, крепости дальше к югу, которые были основаны Манассией несколькими десятилетиями ранее под господством Ассирии.

В своей основе царство под правлением Иосии было прямым продолжением Иудеи под правлением Манассии. Его население, вероятно, не превышало семидесяти пяти тысяч с относительно плотным заселением сельскохозяйственных областей на территории Иудейских холмов, с сетью поселений в засушливых областях на востоке и юге, и относительно редким населением Шефелы. Это были, в основном, плотно заселенные города – государства, в то время как столица содержала 20 % населения. Городская жизнь в Иерусалиме достигла пика, с которым она смогла сравняться только в римскую эпоху. Государство было хорошо организованным и высоко централизованным, как и во времена Манассии. Но, с точки зрения религиозного развития и литературной выразительности, эра Иосии обозначала существенно новый этап в истории Иудеи.

Решающее сражение в Мегиддо

Жизнь Иоссии оборвалась неожиданно. В 610 году до н. э. умер Псамметих I, основатель двадцать шестой египетской династии, и его сменил на троне его сын Нехо II. Во время его военного похода на север, целью которого было помочь рассыпающейся Ассирийской империи в борьбе с Вавилоном, случилось роковое столкновение. Четвертая Книга Царств описывает эти события лаконичным, почти телеграфным стилем: «Во дни его пошел фараон Нехо, царь Египетский, против царя Ассирийского на реку Евфрат. И вышел царь Иосия навстречу ему, и тот умертвил его в Мегиддо, когда увидел его» (4 Царств 23:29). Вторая книга Хроник добавляет несколько подробностей, преобразуя сообщение о гибели Иосии в трагедию на поле боя:

Пошел Нехо, царь Египетский, на войну к Кархемису на Евфрате; и Иосия вышел навстречу ему. И послал к нему Нехо послов сказать: что мне и тебе, царь Иудейский? Не против тебя теперь иду я, но туда, где у меня война…. Но Иосия не отстранился от него, а приготовился, чтобы сразиться с ним, … и выступил на сражение на равнину Мегиддо. И выстрелили стрельцы в царя Иосию, и сказал царь слугам своим: уведите меня, потому что я тяжело ранен. И свели его слуги его с колесницы, и посадили его в другую повозку, которая была у него, и отвезли его в Иерусалим. И умер он, и похоронен в гробницах отцов своих. (2 Пар 35:20–24).

Какое из этих сообщение более точное? Что они могут сказать об успехе или провале реформ Иосии? И какое значение имеют эти события в Мегиддо для эволюции библейской веры? Ответ опять лежит в развитии политической ситуации в регионе. Мощь Ассирии продолжала

убывать, и продолжающееся давление Вавилона на центральные области умирающей империи угрожало нарушить равновесие древнего мира и подвергало опасности египетские интересы в Азии. Египет решил вступиться за Ассирию, и в 616 году его армия выступила на север. Но этот шаг не остановил крушение Ассирии. Великая ассирийская столица Ниневия пала в 612 году, ассирийский двор бежал на запад в Харан, это событие описано у пророка Софонии (2:13–15). Два года спустя, в 610 году, когда Псаметих умер и его сын Нехо взошел на трон, египетские войска на севере были вынуждены отступить, и вавилоняне захватили Харан. В следующем году Нехо решил действовать, и выдвинулся на север.

Многие библейские историки отдают предпочтение версии 2 Хроник, которая описывает настоящую битву между Нехо и Иосией у Мегиддо в 609 году. Согласно этому мнению, Иосия продвинулся на всю холмистую местность территории бывшего северного царства, то есть, захватил бывшую провинцию Ассирии – Самарию. Затем он распространил свое владычество дальше на север, до Мегиддо, где он построил огромную крепость на востоке холма. Он сделал Мегиддо северным стратегическим форпостом растущего государства Иудеи. Некоторые ученые предполагают, что он планировал встать на сторону Вавилона против Ассирии, блокируя наступление Нехо по узкому проходу, ведущему к Мегиддо. Некоторые даже утверждают, что отрывок из 2 Хроник 34:6 является достоверным, и что Иосия сумел продвинется дальше на север, на бывшую израильскую территорию в Галилее.

Однако, мысль о том, что Иосия прибыл в Мегиддо с военными силами, достаточнымидля того, чтобы остановить Нехо и воспрепятствовать его наступлению на север, немного натянута. Очень непохоже, чтобы у Иосии была достаточно крупная армия, чтобы рискнуть сразиться с египтянами. Приблизительно до 630 года до н. э. его царство все еще было под ассирийским господством, а позже невозможно себе представить, что Псамметих, у которого хватало сил контролировать все восточное средиземноморское побережье до самой Финикии, позволил бы Иудее создать сильные войска. В любом случае, для Иосии было бы грандиозной авантюрой рискнуть своей армией против египтян так далеко от центра своей страны. Так что, версия книги Царств очевидно более правдоподобна.

Надав Нааман предложил совсем другое объяснение. Он предположил, что одной из причин, по которой Нехо выступил через Палестину в 609 году, год спустя после смерти Псамметиха и своего вступления на престол Египта, было получение новой клятвы верности от своих вассалов. Согласно обычаям, их предыдущая клятва Псамметиху стала недействительной после его смерти. Таким образом, Иосию вызвали в египетскую твердыню, в Мегиддо, чтобы встретить Нехо и принести ему новую клятву верности. Однако, по некоторым причинам, Нехо решил казнить его.

Что такого сделал Иосия, что привело в ярость египетского монарха? Продвижение Иосии на север, в холмистую местность Самарии, могло поставить под угрозу египетские интересы в Изреельской долине. Или, возможно, попытка Иосии продвинутся на запад, за пределы своей территории в Шефелу, угрожали интересам Египта в Филистии. Не менее правдоподобно предположение Баруха Халперна о том, что Нехо мог быть разгневан независимой политикой Иосии на юге, вдоль уязвимых путей торговли с арабами. Ясно одно. Девтерономический историк, который видел в Иосии божественно помазанного мессию, которому было предназначено возродить Иудею и вести ее к славе, был явно в замешательстве и не смог объяснить, как могла произойти такая историческая катастрофа. Он оставил только сжатое, загадочное упоминание о гибели Иосии. Мечты этого царя и предполагаемого мессии были грубо оборваны на холме Мегиддо. Десятилетия духовного возрождения и призрачных надежд неожиданно рухнули. Иосия был мертв, а народ Израиля опять был порабощен Египтом.

Последние цари из династии Давида

Если это все было недостаточно потрясающим, то следующие годы принесли еще более ужасные бедствия. После смерти Иосии, ход великой реформы, видимо, прервался. Последние четыре царя Иудеи – три из них были сыновьями Иосии – оцениваются Библией отрицательно, как отступники. Действительно, последние два десятилетия истории Иудеи описываются Девтерономической историей как период непрерывного упадка, ведущего к разрушению Иудейского государства.

Наследник Иосии Иоахаз, видимо, настроенный анти – египетски, правил всего три меся-

ца, и вернулся на путь идолопоклонства ранних царей Иудеи. Фараон Нехо сместил и изгнал его, заменив его на брата Иоакима, который тоже «делал неугодное в очах Господних», добавив к своей нечестивости еще такой грех, как сбор дани с населения своей страны в пользу своего повелителя, фараона Нехо.

В Библии есть четкие описания (в том числе пророческие произведения того времени), подтвержденные внебиблейскими источниками, напряженной борьбы между великими соперничающими державами, которая имела место в годы, последующие за смертью Иосии. Египет, по – видимому, еще несколько лет продолжал контролировать западные территории бывшей Ассирийской империи, что поднимало на новую высоту мечты фараонов о возрождении славы прошлого. Но в Междуречье сила Вавилона непоколебимо росла. В 605 году до н. э. вавилонский наследный принц, ставший позже известным как Навуходоносор, разбил египетскую армию в Сирии у Каркемиша (это событие описано у Иеремии в 46:2), обратив египетские войска в паническое бегство назад к Нилу. После этого поражения Ассирийская империя окончательно и бесповоротно распалась, и Навуходоносор, теперь царь Вавилона, попытался достичь полного контроля над всеми землями на западе.

Вскоре вавилонские войска выступили на опустошенную прибрежную средиземноморскую равнину к богатым Филистимским городам. В Иудее про – египетская фракция, которая взяла верх в Иерусалимском царском дворе несколько месяцев спустя после смерти Иосии, была ввергнута в панику, и ее отчаянные призывы к Нехо о военной помощи против Вавилона только усиливали ее политическую уязвимость в ужасные дни, которые лежали впереди.

Итак, вавилонская петля вокруг Иерусалима затягивалась. Вавилоняне теперь намеревались разграбить и полностью опустошить Иудейское государство. После внезапной смерти Иоакима, его сын Иехония лицом к лицу встретился с мощью ужасающей вавилонской армии: «*В то время подступили рабы Навуходоносора, царя Вавилонского, к Иерусалиму, и подвергся город осаде. И пришел Навуходоносор, царь Вавилонский, к городу, когда рабы его осаждали его. И вышел Иехония, царь Иудейский, к царю Вавилонскому, он и мать его, и слуги его, и князья его, и евнухи его, – и взял его царь Вавилонский в восьмой год своего царствования. И вывез он оттуда все сокровища дома Господня и сокровища царского дома; и изломал, как изрек Господь, все золотые сосуды, которые Соломон, царь Израилев, сделал в храме Господнем; и выселил весь Иерусалим, и всех князей, и все храброе войско, – десять тысяч было переселенных, – и всех плотников и кузнецов; никого не осталось, кроме бедного народа земли. И переселил он Иехонию в Вавилон; и мать царя, и жен царя, и евнухов его, и сильных земли отвел на поселение из Иерусалима в Вавилон. И все войско числом семь тысяч, и художников и строителей тысячу, всех храбрых, ходящих на войну, отвел царь Вавилонский на поселение в Вавилон (4 Царств 24:10–16).*

Эти события имели место в 597 году до н. э. и описаны также в вавилонских хрониках:

В седьмом году, в месяц Кислев, царь Аккадский собрал свои войска, выступил в страну Хатти, осадил город Иудеи, и на второй день месяца Адар он захватил город и пленил царя. Он назначил там царя по своему выбору, и, захватив тяжелую дань, вернулся с ней в Вавилон.

Иерусалимская аристократия и жречество – среди которых девтерономическая идеология пылала наиболее страстно – были уведены в изгнание, оставив разгорающийся конфликт между оставшимися группировками царского дома Давида и царского двора, у которых не было четкого понимания, что им делать.

Но это было только первым шагом насильственного разрушения Иудеи. Навуходоносор немедленно поставил на место изгнанного Иехонии его дядю Седекию, который казался ему более покорным вассалом. Это была ошибка: через несколько лет Седекия договорился с соседними царями о новом восстании, и этим, как герой греческой трагедии, обрек себя и свой город. В 587 году до н. э. Навуходоносор прибыл с грозной армией и взял в осаду Иерусалим. Это было началом конца.

Под неистовством вавилонских войск на окраинах страны, отдаленные города Иудеи пали один за другим. Четкие археологические доказательства последних лет южного царства исходят почти от каждого позднемонархического города, раскопанного в Иудее: в долине Беэр – Шевы, в Шефеле и на Иудейском нагорье. В крепости Арад, центре Иудейской власти и военного управления на юге, под обломками разрушений была найдена группа остраконов – надписанных глиняных черепков, содержащих яростные приказы о движении войск и пере-

возке продовольственного обеспечения. В Лахише в Шефеле в развалинах последних городских ворот были найдены остраконы, дающие горький взгляд на последние моменты независимости Иудеи, о том как сигнальные огни из других городов гаснут один за другим. Написанные, предположительно, командиру Лахиша от сторожевой заставы неподалеку, они рассказывают о нависшем чувстве обреченности: «*И пусть мой господин знает, что мы наблюдаем за сигналами Лахиша, следуя за всеми знаками, которые дает мой господин. Потому что мы не видим Азеки…*»

Это мрачное сообщение подтверждается описанием в книге Иеремии (34:7), которое указывает, что Лахиш и Азека действительно были последними городами Иудеи, которые противостояли атакам Вавилона.

Наконец, не осталось ничего, кроме Иерусалима. Библейское описание его последних часов ни много ни мало ужасающе: «*В девятый день месяца усилился голод в городе, и не было хлеба у народа земли. И взят был город, и побежали все военные ночью по дороге к воротам, между двумя стенами, что подле царского сада; Халдеи же стояли вокруг города, и царь ушел дорогою к равнине. И погналось войско Халдейское за царем, и настигли его на равнинах Иерихонских, и все войско его разбежалось от него. И взяли царя, и отвели его к царю Вавилонскому в Ривлу, и произвели над ним суд: и сыновей Седекии закололи пред глазами его, а самому Седекии ослепили глаза и сковали его оковами, и отвели его в Вавилон. (4 Царств 25:3–7)*

Последний акт трагедии разыгрался около месяца спустя: «*Пришел Навузардан, начальник телохранителей, слуга царя Вавилонского, в Иерусалим, и сжег дом Господень и дом царя, и все домы в Иерусалиме, и все домы большие сожег огнем; и стены вокруг Иерусалима разрушило войско Халдейское, бывшее у начальника телохранителей. И прочий народ, остававшийся в городе… выселил Навузардан, начальник телохранителей. (4 Царств 25:8–11).*

Археологические находки сообщают только о последних ужасных часах сражения. Признаки грандиозного пожара были обнаружены почти везде внутри городских стен. В домах и рядом с северными укреплениями были найдены наконечники стрел, что подтверждает интенсивность последней битвы за Иерусалим. Частные дома, которые были сожжены и разрушены, похоронив под собой все, что в них было, превратились в обугленные груды щебня, которые еще полтора столетия стояли памятником полного разрушения Иерусалима вавилонянами (Неемия 2:13).

Итак, все было кончено. Четыре столетия истории Иудеи были закончены в крови и пламени. Гордое Иудейское царство было полностью опустошено, его хозяйство разрушено, его население было рассеяно. Последний царь правившей столетиями династии был изувечен и заточен в Вавилоне. Все его сыновья были убиты. Храм в Иерусалиме – единственное законное место для поклонения Яхве – был разрушен.

Религия и национальное существование народа Израиля в этом великом бедствии могли закончиться. Чудесным образом, оба они сохранились.

Глава 12. Изгнание и возвращение (586 – ок. 440 гг. до н. э.)

Для того, чтобы понять всю историю древнего Израиля и создание библейской истории, мы не должны останавливаться ни на смерти Иосии, ни на разрушении Иерусалима и Храма, ни на падении династии Давида. Это ключевые моменты для исследования того, что случилось в Иудее за десятилетия, последовавшие за вавилонским вторжением, для обзора событий, происходивших в Вавилоне среди пленников, и для перечисления событий, имевших место в после – пленном Иерусалиме. В это время и в этом месте тексты Пятикнижия и Девтерономической истории подверглись обширным изменениям и добавлениям, достигнув того, что стало в значительной степени их окончательной формой. Тем временем в течение шестого и пятого веков до н. э. народ Израиля разработал новые обычаи социальной жизни и богослужения в Вавилоне и Иерусалиме, которые сформировали основы иудаизма Второго Храма и, соответственно, раннего христианства. Поэтому события и процессы, которые имели место на протяжении полутора веков после завоевания Иудейского царства (как мы можем воссоздать их из исторических источников и археологических данных) имели ключевое значение для понимания того, как появилась иудео – христианская традиция. Перед тем как продолжить библейскую историю мы должны обратить внимание на значимые изменения в библейских источниках в нашем распоряжении. Девтерономический рассказ, который повествует об истории

Израиля от конца скитаний по пустыне до вавилонского завоевания Иерусалима, резко обрывается. Другие библейские авторы продолжают его. Обстановка в Иудее после разрушения описана в книге Иеремии, в то время как книга Иезекииля (написанная одним из изгнанников) предоставляет информацию о жизни и ожиданиях иудейских изгнанников в Вавилонском царстве. События, имевшие место в то время, когда последовательные волны изгнанников возвращались в Иерусалим, рассказаны в книгах Ездры и Неемии, а также пророками Аггеем и Захарией. В этот момент нашего рассказа мы должны сменить нашу терминологию: Иудейское царство стало Йехудом – арамейским названием провинции в Персидской империи, а народ Иудеи – иудеи – впредь станет известен как Йехудим, или евреи.

От разрушения до восстановления

Переломная фаза истории Израиля начинается со сцены полнейшего бедствия и отчаяния. Иерусалим разрушен, Храм лежит в руинах, последний царь из династии Давида, Седекия, ослеплен и изгнан, его сыновья жестоко убиты. Многие представители иудейской элиты депортированы. Ситуация достигла низшей точки и казалось, что история народа Израиля подошла к горькому и необратимому концу.

Но не совсем. Из заключительной главы 4 Царств и из книги Иеремии мы узнаем, что часть населения Иудеи выжила и не была депортирована. Вавилонские власти даже позволили им некоторую степень автономии, назначив чиновника по имени Гедалия (в Библии – Годолия), сына Акихама, управлять народом, который запомнился по общему признанию в Иудее как «бедный народ земли». Массифа (евр. Мицпа), скромный город на севере от Иерусалима, стала центром правления Гедалии и убежищем для других иудеев, таких как пророк Иеремия, который выступал против злополучного восстания против Вавилона. Гедалия пытался склонить народ Иудеи к сотрудничеству с вавилонянами и восстановить его жизнь и будущее, не смотря на разрушение Храма и города Иерусалима. Но вскоре Гедалия был убит Исмаилом, сыном Нефании, «из племени царского» – возможно, потому, что сотрудничество Гедалии с вавилонянами рассматривалось как угроза будущему восстановлению дома Давида. Другие иудейские чиновники и вавилонские царские представители, присутствовавшие в Массифе, также были убиты. Оставшиеся представители местного населения ради спасения своих жизней решили бежать, оставив Иудею практически необитаемой. Народ «от малого до великого» пошел в Египет, «потому что боялись халдеев» (как назывались тогда вавилоняне). Пророк Иеремия бежал с ними, что привело к очевидному концу многие столетия израильской оккупации «земли обетованной» (4 Царств 25:22–26; Иеремия 40:7–43:7)

Библия предоставляет мало деталей о жизни изгнанников во время последующих пятидесяти лет. Нашими единственными источниками являются косвенные и зачастую скрытые намеки в различных пророческих трудах. Иезекииль и Второ – Исайя (главы 40–55 в книге Исайи) рассказывают нам, что иудейские изгнанники жили как в столице Вавилоне, так и в глубинке. Жречество и царские изгнанники начали новую жизнь с сосланным царем из династии Давида Иоакимом, а не опальным и ослепленным Седекией, возможно, сохранив своего рода власть над общиной. Из редких ссылок в книге Иезекииля представляется, что иудейские поселения располагались в неразвитых областях Вавилонского царства, возле недавно вырытых каналов. Иезекииль, сосланный жрец Иерусалимского Храма, некоторое время жил в поселке на древнем холме, который назывался Тель – Авив (Иез. 3:15).

Библейские тексты рассказывают мало о характере их жизни, за исключением того, что изгнанники поселились надолго, следуя совету Иеремии: *«Стройте дома и живите [в них], и разводите сады и ешьте плоды их; берите жен и рождайте сыновей и дочерей; и сыновьям своим берите жен и дочерей своих отдавайте в замужество, чтобы они рождали сыновей и дочерей, и размножайтесь там, а не умаляйтесь» (Иер. 29:5–6).* Но вскоре история сделает внезапный и резкий поворот, который вернет многих изгнанников обратно в Иерусалим.

В 539 году до н. э. могущественная Вавилонская империя рухнула и была захвачена персами. В первый год своего правления царь Кир, основатель Персидской империи, издал декрет о восстановлении Иудеи и Храма: *«Так говорит Кир, царь Персидский: Все царства земли дал мне Господь Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас, из всего народа Его, – да будет Бог его с ним, – и пусть он идет в Иерусалим, что в Иудее, и строит дом Господа Бога Израилева, того Бога, который в Иерусалиме». (Ездра 1:2–3)*

Лидер изгнанников по имени Шешбацар, описанный в Книге Ездры 1:8 как «князь Иудин» (вероятно, показывая, что он был сыном сосланного царя из династии Давида Иехонии), сопровождал первую группу возвратившихся изгнанников в Сион. Как сообщается, они принесли с собой храмовые сокровища, которые Навуходоносор забрал из Иерусалима полстолетия назад. Далее следует список возвратившихся изгнанников по городу происхождения, роду и количеству, в целом около пятидесяти тысяч. Они поселились на своей старой родине и положили основания нового Храма. Несколькими годами позднее в Иерусалиме собралась новая волна возвратившихся изгнанников. Возглавляемые Иисусом, сыном Иоседека, и, видимо, внуком Иоакима по имени Зоровавель, они построили жертвенник и отпраздновали праздник Кущей. В динамической сцене они начали восстанавливать Храм: «*И начали они попеременно петь: «хвалите» и: «славьте Господа», «ибо – благ, ибо вовек милость Его к Израилю». И весь народ восклицал громогласно, славя Господа за то, что положено основание дома Господня. Впрочем, многие из священников и левитов и глав поколений, старики, которые видели прежний храм, при основании этого храма пред глазами их, плакали громко, но многие и восклицали от радости громогласно. И не мог народ распознать восклицаний радости от воплей плача народного, потому что народ восклицал громко, и голос слышен был далеко. (Ездра 3:11–13)*

Жители Самарии (бывшие граждане северного царства и депортированные туда ассирийцами народы), услышав о начале строительства второго Храма, пришли к Зоровавелю и предложили присоединиться к работе. Но жрец Иисус и Зоровавель отправили северян прочь, резко сказав, что «не строить вам вместе с нами дом нашему Богу» (Ездра 4:3). Фракция, которая сохранилась в изгнании, теперь была уверена, что она получила божественное право на определение характера иудейской традиции. Обидевшись, «народ земли той» стал препятствовать работам, и даже написал письмо персидскому царю, обвиняя иудеев том, что те «строят мятежный и негодный город», и предупредив, что «если этот город будет построен и стены восстановлены, то ни подати, ни налога, ни пошлины не будут давать, и царской казне сделан будет ущерб. … не будет у тебя владения за рекою» (Ездра 4:12–16). Получив это письмо, персидский царь остановил строительные работы в Иерусалиме.

Но Зоровавель и Иисус все равно продолжили работу. И когда персидский наместник провинции проведал о ней и пришел осмотреть место, то он спросил, кто дал распоряжение начать строительство. Его отослали к первоначальному указу Кира. Согласно книге Ездры, после этого наместник написал новому царю Дарию для царского решения. Дарий поручил ему не только продолжить работу, а также покрыть все расходы из царской казны, снабдить Храм животными для жертвоприношений и наказать всех, кто будет пытаться помешать исполнению царского указа. Строительство Храма завершилось в 516 году до н. э. Так началась эпоха иудаизма периода Второго Храма.

Прошел другой темный период более половины столетия, когда книжник Ездра из рода первосвященника Аарона пришел в Иерусалим из Вавилона (вероятно, в 458 году до н. э.). «Он был книжник, сведущий в законе Моисеевом, который дал Господь Бог Израилев… Потому что Ездра расположил сердце свое к тому, чтобы изучать закон Господень» (Ездра, 7:6, 10). Ездра был послан, чтобы навести справки «об Иудее и Иерусалиме» для персидского царя Артаксеркса, который поручил ему взять с собой из Вавилона дополнительную группу еврейских изгнанников, которые хотели вернуться туда. Персидский царь снабдил Ездру денежными средствами и судебной властью. Прибыв в Иерусалим с последней волной репатриантов, Ездра был потрясен, узнав, что народ Израиля, в том числе жрецы и левиты, не отделили себя от мерзостей своих соседей. Они свободно вступали в брак и смешивались с народом той земли.

Ездра немедленно приказал всем репатриантам собраться в Иерусалиме: «*Затем весь народ Иуды и Вениамина собрался в Иерусалиме… И сидел весь народ на площади у дома Божия… И жрец Ездра встал и сказал им: «Вы сделали преступление, взяв себе жен иноплеменных, и тем увеличили вину Израиля. Итак, покайтесь пред Господом Богом отцов ваших, и исполните волю Его, и отлучите себя от народов земли и от жен иноплеменных». И отвечало все собрание, и сказало громким голосом: «Как ты сказал, так и сделаем». … И сделали так вышедшие из плена. (Ездра 10:9–16)*

Затем Ездра, одна из наиболее влиятельных фигур библейских времен, исчезает со сцены.

Другим героем того времени был Неемия, виночерпий или высокопоставленный чинов-

ник персидского царя. Неемия услышал о плачевном состоянии дел в Иудее и об ужасном состоянии Иерусалима. Глубоко потрясенный этими новостями, он попросил у персидского царя Артаксеркса разрешения отправиться в Иерусалим и восстановить город своих предков. Царь выдал Неемии разрешение и назначил его на должность наместника. Вскоре после прибытия в Иерусалим (около 445 года до н. э.) в ночное время Неемия отправился осмотреть город, а потом призвал народ принять участие в больших общественных работах, чтобы восстановить стены Иерусалима, чтобы «не страдать больше от позора». Но когда соседи Иудеи – лидеры Самарии и Амона, и арабы юга – узнали о планах Неемии по укреплению Иерусалима, они обвинили иудеев в подготовке восстания против персидской власти и планировали напасть на город. Тем не менее, работы на стенах продолжились до их завершения. Неемия также активно участвовал в исполнении социального законодательства, осуждая тех, кто извлекал выгоду, и выступая за возвращение земли беднякам. В то же время он выступал против женитьбы на иностранках. Эти постановления Ездры и Неемии в Иерусалиме в пятом столетии до н. э. заложили основы иудаизма Второго Храма и установили четкие границы между еврейским народом и их соседями в строгом соответствии с законами Второзакония. Их усилия, а также усилия других иудейских жрецов и книжников, которые прикладывались в течение ста пятидесяти лет изгнания, страданий, поисков самих себя и политической реабилитации, привели к рождению Еврейской Библии в ее окончательной форме.

От катастрофы к историческому ревизионизму

Большая священная сага, сплетенная вместе во времена правления царя Иосии, которая рассказывала историю Израиля от завета Бога с патриархами, через Исход, завоевание, Объединенную монархию, разделенные царства, и в конечном итоге до нахождения книги Закона в Иерусалимском Храме, была блестящей и страстной композицией. Она преследовала цель объяснить, почему события прошлого провозглашали будущий триумф, и обосновывать необходимость религиозной реформы Второзакония, и наиболее практически – поддержать территориальные амбиции династии Давида. Но в самый важный момент, когда Иосия был близок к этому, он был поражен египетским фараоном. Его преемники впали в идолопоклонничество и мелочные интриги. Египет возвратил территориальные владения на побережье, а вскоре прибыли и вавилоняне, чтобы положить конец национальному существованию Иудеи. Где был Бог, который обещал спасение? В то время как большинство других народов древнего Ближнего Востока довольствовались бы вердиктом истории, пожимая своими плечами, и передавая свое почтение богам победителя, последние редакторы Девтерономической истории вернулись к чертежной доске. Царь Иоаким, изгнанный из Иерусалима в 597 году до н. э. и лидер иудейской общины в Вавилоне, мог бы представлять последнюю надежду на окончательное восстановление династии Давида. Но ранее господствовавшая полная уверенность, что наследник Давида будет выполнять божественный завет, больше не могла считаться само собой разумеющейся в свете катастрофы, которая только что произошла. В самом деле, отчаянная необходимость переосмысления исторических событий предыдущего десятилетия привела к переработке исходной Девтерономической истории для того, чтобы объяснить, почему долгожданный момент спасения, столь прекрасно сконструированный для правления Иосии, деда Иоакима, не состоялся.

Американский библейский ученый Франк Мур Кросс давно определил, что он считал, что существовали две отдельные редакции (или издания) Девтерономической истории, отражающие различия в историческом сознании до и после изгнания. Более ранняя версия, которая известна в библейской науке как Dtr^1, была предположительно написана во время царствования Иосии и, как мы утверждали, целиком и полностью посвящена продвижению религиозных и политических целей монарха. Согласно Кроссу и многим ученым, которые следовали ему, первая Девтерономическая история (Dtr^1) заканчивалась отрывками описания большого разрушения языческих высот по всей стране и празднованием первой национальной Пасхи в Иерусалиме. Это празднование было символическим повторением великой Пасхи Моисея, праздником, посвященным избавлению от рабства к свободе под властью Яхве и предсказанием освобождения Иудеи от нового ига египетского фараона Нехо. Действительно, первоначальный девтерономический рассказ повествует об истории Израиля от последнего слова Моисея до завоевания Ханаана во главе с Иисусом Навином, и до получения нового закона и но-

вого завоевания земли обетованной Иосией. Это был рассказ с окончанием на божественном искуплении и вечном блаженстве.

Но случилась катастрофа. Столетия усилий и надежд оказались напрасными. Иудея была вновь порабощена Египтом, тем же Египтом, от которого израильтяне были освобождены. Потом произошло разрушение Иерусалима, а вместе с ним страшный теологический удар: безусловное обещание Яхве Давиду вечного правления его династии в Иерусалиме – основа для девтерономической веры – было нарушено. Смерть Иосии и разрушение Иерусалима должны были бросить авторов девтерономического рассказа в отчаяние. Как могла священная история сохраниться в это время тьмы? Какое могло быть ее значение?

Со временем появились новые объяснения. Аристократия Иудеи, в том числе, возможно, те самые люди, которые сочинили изначальную Девтерономическую историю, были переселены в далекий Вавилон. По мере того, как шок от переселения начал проходить, истории все ещё была необходима и, фактически, актуальность истории Израиля стала еще большей. Иудеи в изгнании потеряли все, в том числе все, что было дорого девтерономическим идеям. Они потеряли свои дома, свои деревни, свою землю, могилы своих предков, свои сбережения, свой Храм и даже политическую независимость своей четырехсотлетней династии Давида. Переписанная история Израиля была для изгнанников лучшим способом восстановить свою идентичность. Она могла обеспечить им связь с землей своих предков, с их разрушенной столицей, с их сожженным Храмом, с великой историей своей династии.

Таким образом, Девтерономическая история должна была быть обновлена. Это вторая версия была основана в значительной степени на первой, но с двумя новыми целями в уме. Во – первых, она должна была кратко рассказать конец рассказа, от смерти Иосии до разрушения и изгнания. Во – вторых, она должна была придать *смысл* всему рассказу, чтобы объяснить, каким образом можно было примирить Божье безусловное, вечное обещание Давиду с разрушением Иерусалима, Храма и изгнанием царского рода Давида. И был еще более конкретный богословский вопрос: как могло случиться, что большая праведность и благочестие Иосии были бессильны предотвратить насильственное и кровавое завоевание Иерусалима?

Так возникло отдельная редакция, известная ученым как Dtr^2, чьи завершающие строки (4 Царств 25:27–30) сообщают об освобождении Иоакима из тюрьмы в Вавилоне в 560 году до н. э. (это обозначает, конечно, что 560 год до н. э. – это самая ранняя возможная дата составления Dtr^2). Ее толкование смерти Иосии, правления четырех последних царей из династии Давида, разрушения Иерусалима и изгнания отображает почти телеграфную краткостью (4 Царств 23:26–25:21). Наиболее заметными изменениями являются те, которые объясняют, почему разрушение Иерусалима было неизбежно, несмотря на большие надежды, возложенные на царя Иосию. Во вставке в Dtr1 второй девтерономический историк добавил условие в ранее безусловное обещание Давиду (3 Царств 2:4, 8:2–5, 9:4–9) и вставил зловещие ссылки на неизбежность поражения и изгнания во всем раннем тексте (например, 4 Царств 20:17–18). Более того, он возложили вину на Манассию, заклятого врага девтерономического движения, который правил между праведными царями Езекией и Иосией, и который был изображен как наиболее грешный из всех царей Иудеи: «*И говорил Господь чрез рабов своих пророков и сказал: «За то, что сделал Манассия, царь Иудейский, такие мерзости, хуже всего того, что делали Аморреи, которые были прежде его, и ввел Иуду в грех идолами своими, за то, так говорит Господь, Бог Израилев, вот, Я наведу такое зло на Иерусалим и на Иуду, о котором кто услышит, зазвенит в обоих ушах у того; и протяну на Иерусалим мерную вервь Самарии и отвес дома Ахава, и вытру Иерусалим так, как вытирают чашу, – вытрут и опрокинут ее; и отвергну остаток удела Моего, и отдам их в руку врагов их, и будут на расхищение и разграбление всем неприятелям своим, за то, что они делали неугодное в очах Моих и прогневляли Меня с того дня, как вышли отцы их из Египта, и до сего дня». (4 Царств 21:10–15)*

Кроме того, Dtr^2 представляет собой теологический поворот. Праведность Иосии теперь описывается как такая, которая только отсрочила неизбежное разрушение Иерусалима, а не принесла окончательное искупление Израилю. Охлаждающий оракул был помещен в уста пророчица Хульды, к которой Иосия направил некоторых из его придворных для вопрошания:

«… А царю Иудейскому, пославшему вас вопросить Господа, скажите: Так говорит Господь, Бог Израилев, о словах, которые ты слышал: так как смягчилось сердце твое, и ты смирился

пред Господом, услышав то, что я изрек на место сие и на жителей его, что они будут предметом ужаса и проклятия, и ты разодрал одежды свои, и плакал предо мною, то и я услышал тебя, говорит Господь. За это, вот, я приложу тебя к отцам твоим, и ты положен будешь в гробницу твою в мире, и не увидят глаза твои всего того бедствия, которое я наведу на место сие. (4 Царств 22:18–20)

Праведности одного монарха из рода Давида уже было не достаточно, чтобы гарантировать судьбу Израиля. Иосия был благочестивым, и таким образом был спасен от лицезрения падения Иерусалима. Теперь определяющим фактором для будущего народа Израиля становится праведность всего народа, с учетом их индивидуальных прав и обязанностей из книги Второзакония. Таким образом, переписанная девтерономическая история блестяще подчиняет завет с Давидом выполнению завета между Богом и народом Израиля на горе Синай. Отныне Израиль будет иметь цель и идентичность, даже в отсутствие царя.

Но даже со всеми его изгибами и объяснениями второй девтерономист не мог закончить историю безнадежным будущим. Поэтому он закончил 7–книжный сборник истории Израиля лаконичной хроникой освобождения Иоакима из тюрьмы в Вавилоне: «*В тридцать седьмой год переселения Иехонии, царя Иудейского, в двенадцатый месяц, в двадцать седьмой день месяца, Евилмеродах, царь Вавилонский, в год своего воцарения, вывел Иехонию, царя Иудейского, из дома темничного и говорил с ним дружелюбно, и поставил престол его выше престола царей, которые были у него в Вавилоне; и переменил темничные одежды его, и он всегда имел пищу у него, во все дни жизни его. И содержание его, содержание постоянное, выдаваемо было ему от царя, изо дня в день, во все дни жизни его. (4 Царств 25:27–30)*

Последний царь из рода Давида, из династии, которая соединила землю, столицу и Храм, все еще был жив. Если народ Израиля останется верным Яхве, обещание Давиду все ещё может быть восстановлено.

Те, кто остался

В первые дни археологических исследований существовало мнение, что вавилонское изгнание было почти полным, и что большая часть населения Иудеи была угнана прочь. Считалось, что Иудея была освобождена от населения и сельская местность осталась в запустении. Многие ученые приняли библейское сообщение, что вся аристократия Иудеи (царская семья, жрецы храма, управляющие и видные торговцы) были выселены, и что люди, которые остались в Иудее, были только самыми бедными крестьянами.

Теперь мы знаем больше о населении Иудеи, и эта историческая реконструкция оказалась ошибочной. Рассмотрим сначала цифры. 4 Царств 24:14 дает количество изгнанников в первой вавилонской кампании (в 597 году до н. э. в дни Иоакима) в десять тысяч, а в стихе 16 этой же главы восемь тысяч изгнанников. Хотя рассказ в книгах Царств не предоставляет точное количество изгнанников, увезенных из Иудеи во время разрушения Иерусалима в 586 году до н. э., он утверждает, что после убийства Гедалии и расправы над вавилонским гарнизоном в Массифе «весь народ» бежал в Египет (4 Царств 25:26), предположительно, оставив сельскую местность в Иудее практически пустынной.

Совсем другую оценку количества изгнанников описывает пророк Иеремия, который до бегства в Египет якобы остался с Гедалией в Массифе и поэтому был очевидцем событий. В книге пророка Иеремии 52:28–30 сообщается, что общее количество депортированных в Вавилон составило 4600. Хотя эта цифра тоже вполне округленная, большинство ученых полагают, что она в основном правдоподобна, потому что ее промежуточные числа весьма конкретные и, вероятно, более точные, чем округленные цифры в 4 Царств. Тем не менее, ни из Царств, ни из книги Иеремии мы не знаем, представляют ли эти цифры общее число депортированных или только мужчин – глав семей (система подсчета, довольно часто встречающаяся в древнем мире). Учитывая эти усугубляющие неопределенности, мы можем обоснованно утверждать только то, что мы имеем дело с общим числом переселенцев в диапазоне от нескольких тысяч до, возможно, пятнадцати или двадцати тысяч в целом.

Если мы сравним это количество с общей численностью населения Иудеи в конце седьмого века до н. э., *до* разрушения Иерусалима, мы можем получить представление о масштабах депортаций. Население Иудеи можно довольно точно оценить с помощью данных, собранных во время интенсивных исследований и раскопок, приблизительно в 75 тысяч (с Иерусалимом,

вмещающем по меньшей мере 20 процентов от этого числа, 15 тысяч, с еще 15 тысячами, вероятно, населяющими его близлежащую сельскохозяйственную глубинку). Таким образом, даже если мы согласимся с максимальным количеством изгнанников (двадцать тысяч), то окажется, что оно составляло не более четверти населения иудейского государства. Это означало бы, что, по крайней мере, семьдесят пять процентов от населения осталось на своей земле. Что мы знаем об этом подавляющем большинстве иудеев, которые не отправились в изгнание? Редкие ссылки в пророческих текстах предполагают, что они, как и раньше, продолжали свой земледельческий образ жизни. Массифа к северу от Иерусалима была одним из нескольких оставшихся городов. Руины храма в Иерусалиме также часто посещались, и там продолжалась своего рода культовая деятельность (Иеремия 41:5). И следует отметить, что эта община включала в себя не только бедных сельских жителей, но и ремесленников, книжников, жрецов и пророков. Важная часть пророческой работы этого времени, в частности книги Аггея и Захарии, была составлена в Иудее.

Интенсивные раскопки по всему Иерусалиму показали, что город действительно был систематически разрушен вавилонянами. Пожар, кажется, был повсеместным. Когда в персидский период на возвышенности города Давида возобновилась деятельность, новый пригород на западном холме, который процветал как минимум во времена Езекии, не был заселен. Единая погребальная пещера шестого века до н. э., обнаруженная к западу от города, может представлять собой семью, которая переехала в соседнее поселение, но продолжавшая хоронить своих мертвых в своей родовой могиле.

Тем не менее, существуют свидетельства продолжающейся оккупации и к северу, и к югу от Иерусалима. Некоторое самоуправление, похоже, продолжалось в Массифе на плато Вениамина, в 13 км к северу от Иерусалима. Вскоре убитый наместник Гедалия, который служил там, до разрушения был, вероятно, высокопоставленным чиновником иудейской администрации. Есть несколько признаков (Иеремия 37:12–13; 38:19), что район к северу от Иерусалима сдался вавилонянам без боя, и археологические данные подтверждают эту гипотезу.

Наиболее тщательные исследования иудейских поселений в вавилонский период, проведенные Одедом Липшицом из Тель – Авивского университета, показали, что селение Телль – эн – Насбех близ современного Рамаллаха (идентифицированное как место библейской Массифы) не было разрушено в вавилонской кампании. И что оно действительно было самым важным поселением региона в шестом веке до н. э. Другие города к северу от Иерусалима, такие как Вефиль и Гаваон, в ту же эпоху продолжали быть населенными. В районе к югу от Иерусалима, вокруг Вифлеема, как представляется, была достигнута значительная непрерывность от конца монархического и до вавилонского периода. Таким образом, как на севере, так и на юге от Иерусалима, жизнь продолжалась почти непрерывно.

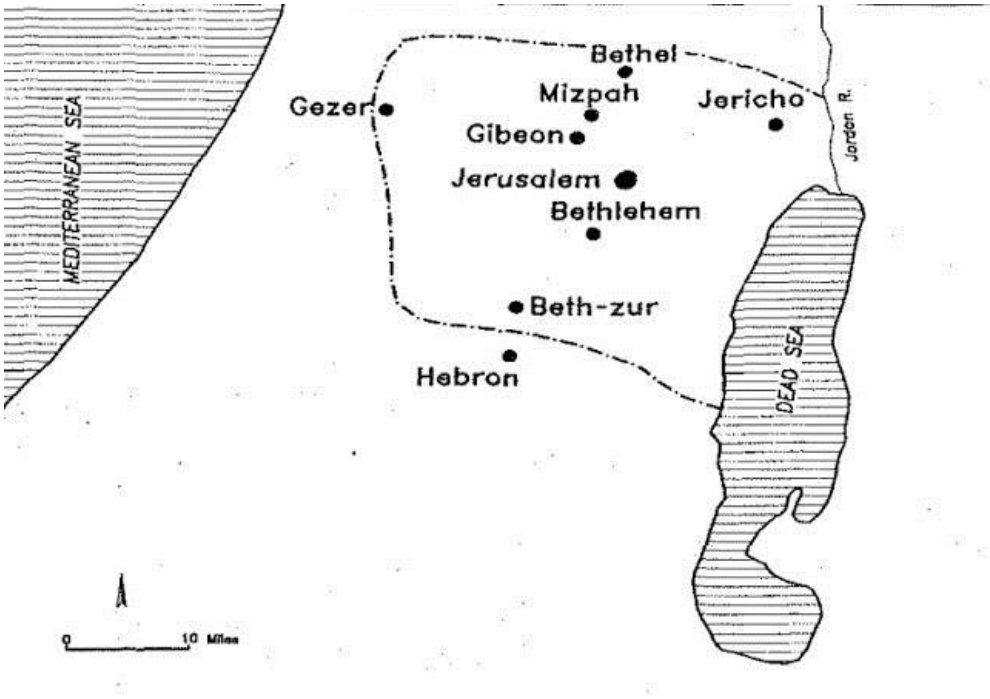
Как текст, так и археология противоречат представлению, что между разрушением Иерусалима в 586 году до н. э. и возвращением изгнанников после указа Кира в 538 году до н. э. Иудея была необитаема и в полной разрухе. Персидское овладение и возвращение некоторого числа изгнанников, которые были поддержаны персидским правительством, изменило здесь ситуацию с поселениями. Городская жизнь в Иерусалиме стала возрождаться, и многие репатрианты поселились на Иудейских холмах. Списки репатриантов в книгах Ездры 2 и Неемии 7 содержат почти 50 тысяч человек. Неясно, является ли это значительное число совокупным показателем последовательных волн репатриантов, которые вернулись на протяжении более ста лет, или общую численность населения провинции Йехуд, включая тех, кто остался. В любом случае, археологические исследования показали, что этот показатель является в высшей степени преувеличенным. Обзор данных из всех населенных пунктов в Иудее в пятом – четвертом веках до н. э. предоставляет население провинции численностью около 30 тысяч человек (о границах Иудеи см. Приложение 7 и рис. 29). Это небольшое количество составляло собой после изгнанническую общину времен Ездры и Неемии, которая и сформировала поздний иудаизм.

От царей к жрецам

Указ Кира Великого, позволяющий группе иудейских изгнанников вернуться в Иерусалим, вряд ли был вызван сочувствием к людям, оставшимся в Иудее, или к страданиям изгнанников. Скорее, это следует рассматривать как хорошо спланированную политику, которая

была направлена на обслуживание интересов Персидской империи. Персы были толерантны и даже способствовали местным культам как способу обеспечить лояльность местных групп к ширящейся империи; как Кир, так и его сын Камбиз, поддерживали строительство храмов и поощряли выселенные народы своей огромной империи возвращаться на свои земли. Их политика состояла в предоставлении автономии лояльным местным элитам.

Многие ученые считают, что персидские цари поощряли расцвет лояльной им элиты Иудеи из-за стратегического и уязвимого расположения на границе с Египтом. Эта лояльная элита была набрана из еврейской общины изгнанников в Вавилоне и возглавлялась высокопоставленными лицами, которые были тесно связаны с персидской администрацией. Это были в основном лица с высоким социальным и экономическим статусом, из семей, которые сопротивлялись ассимиляции и которым, скорее всего, были близки девтерономические идеи. Хотя репатрианты в Иудее составляли меньшинство, их религиозный, социально – экономический и политический статус, а также их сосредоточение в Иерусалиме и вокруг него дали им власть, далеко превосходящую их количество. Они, вероятно, также поддерживались местными жителями, которые с пониманием отнеслись к своду законов Второзакония, обнародованному столетием ранее. С помощью богатой коллекции литературы (исторических сочинений и пророческих трудов) и с помощью популярности храма, который они контролировали, репатрианты смогли укрепить свою власть над населением провинции Йехуд. Их спас и сделал возможным дальнейшее развитие иудаизма тот факт, что (в отличие от ассирийской политики в северном царстве веком ранее) вавилоняне не переселили в побежденную Иудею чужестранные народы.



Но как так случилось, что династия Давида вдруг исчезла со сцены? Почему не была восстановлена монархия с царем из царской семьи? Согласно книге Ездры, первыми двумя фигурами, возглавлявшими репатриантов, были Шешбацар и Зоровавель, оба названы «наместниками» Йехуд (Ездра 5:14; Аггея 1:1). Шешбацар, один из тех, кто вернул сокровища старого храма, и кто заложил основы нового храма, является загадочной фигурой. Он называется «князем Иудиным» (Ездра 1:8), поэтому многие исследователи отождествляли его с Шенацаром из 1 Паралипоменон 3:18, который был одним из наследников престола Давида, возможно, даже сыном Иоакима. Зоровавель, который завершил строительство Храма в 516 году до н. э., также, очевидно, происходил из рода Давида. Тем не менее, он действует не в одиночку, а вместе со священником Иисусом. И что важно, Зоровавель исчезает из библейских рассказов после завершения храма. Вполне возможно, что его происхождение из дома Давида возбуждало в Иудее мессианские надежды (Аггей 2:20–23), что побудило персидские власти отозвать его по политическим мотивам.

С этого момента династия Давида не играла никакой роли в истории Йехуда. В то же время, жречество, которое в изгнании выросло до позиции руководства в изгнании, и которое также играло важную роль среди оставшихся в Йехуде, сохраняло свою известность благодаря своей способности сохранять групповую идентичность. Таким образом, в следующие десятилетия народ Йехуда управлялся двойной системой: политической – наместниками, которые назначались персидскими властями и которые не были связанны с царской династией Давида; и религиозной – жрецами. В отсутствие института царской власти теперь центром самоидентификации народа Йехуда стал храм. Это был один из важнейших поворотных моментов в ис-

тории еврейского народа.

Переделка истории Израиля

Одной из основных функций жреческой иерусалимской элиты после вавилонского изгнания – кроме проведения жертвоприношений и очищающих ритуалов – было продолжение производства литературы и священного писания, чтобы сплотить сообщество вместе и определить его нормы против народов вокруг. Ученые давно заметили, что жреческий источник Пятикнижия (P) является в основном послепленным – это связано с ростом значения жрецов, их выдвижение на видное место в храмовой общине Иерусалима. Не менее важно то, что окончательная редакция Пятикнижия также относится к этому периоду. Библейский ученый Ричард Фридман пошел еще дальше и предположил, что редактором, который придал окончательную форму «Закону Моисея», был Ездра, который особенно описывается как «учитель закона Бога небесного» (Ездра 7:12)

Послепленным писателям, вернувшимся в Иерусалим, необходимо было не только объяснить вавилонское разрушение Иерусалима, но и объединить иудейское общество вокруг нового храма. Им нужно было дать народу надежду на лучшее, более благополучное будущее; решить проблему взаимоотношений с соседними группами, особенно на севере и юге, а также решить вопросы, связанные с внутренними проблемами общества. В этих отношениях потребности общества послепленного Йехуда были похожи на потребности иудейского государства конца монархии. В обоих случаях это были небольшие общины, населяющие ограниченную территорию, которая была лишь небольшой частью земли обетованной, но имела большое значение как духовный и политический центр израильтян.

В обоих случаях они были окружены чужими, враждебно настроенными соседями. Обе претендовали на близлежащие территории, которые были за их пределами. Обе столкнулись с проблемами инородцев внутри и снаружи и были озабочены вопросами чистоты общества и ассимиляции. Таким образом, многие учения Иудеи конца монархического периода были не чужды народу в Иерусалиме в послепленный период. Идея центральной роли Иудеи и ее превосходства над соседями, конечно, нашла отклик в сознании общины Иерусалима в конце шестого и в пятом веке до н. э. Но другие обстоятельства, такие как упадок дома Давида и жизнь под гнетом империи, вынудили первых послепленных авторов изменить старые идеи.

Рассказ об Исходе приобрел важное значение в пленный и послепленный периоды. История великого освобождения должна была вызвать мощный отклик среди изгнанников в Вавилоне. Как отметил библейский ученый Дейвид Клайнс, «рабство в Египте – это их собственное рабство в Вавилоне, а исход прошлого становится исходом, который еще предстоит». В самом деле, поразительное сходство темы рассказа об Исходе из Египта и воспоминаний о возвращении из изгнания, возможно, повлияло на формирование обоих повествований. Читая сагу об Исходе, возвратившиеся обнаруживали отображение своего бедственного положения. По словам Яира Хоффмана, библейского ученого из Тель – Авивского университета, обе истории рассказывают, как израильтяне оставили свою землю чужой стране; как земля Израиля считалась принадлежащей тем, кто ее оставил, и кто должен был вернуться вследствие божественного обещания; как после трудного периода в изгнании народ, который ее оставил, вернулся на родину; как на пути назад возвращающиеся должны пересечь опасную пустыню; как возвращение на родину вызвало конфликты с местным населением, как репатриантам удалось заселить только часть земли обетованной; и какие меры были приняты лидерами репатриантов для того, чтобы избежать ассимиляции между израильтянами и населением той земли.

Кроме того, рассказ о переселении Авраама из Месопотамии в обетованную землю Ханаана, чтобы там стать великим человеком и основать процветающий народ, без сомнения, обращался к народу в пленный и послепленный периоды. Мощное сообщение об отделении израильтян от хананеев в повествованиях о патриархах также соответствует положению народа в послепленном Йехуде.

Тем не менее, как с политической, так и с этнической точки зрения, наиболее серьезная проблема послепленного общества была на юге. После разрушения Иудеи в южной части побежденного царства поселились эдомитяне – в долине Беэр – Шевы и на холмах Хеврона – в области, которая вскоре будет известна как Идумея, земля эдомитян. Проведение границы между «нами» (послепленным обществом провинции Йехуд) и «ними» (эдомитянами в южном

нагорье) имело первостепенное значение. Поэтому было важно продемонстрировать, как в истории Иакова и Исава, что Иудея была превосходящим центром, а Эдом был вторичным и нецивилизованным.

Традицию о гробницах патриархов в пещере у Хеврона, которая принадлежит к Жреческому источнику, следует также понимать на этом фоне. Общество Йехуда контролировало только часть территории разрушенного иудейского царства, и в настоящее время его южная граница проходила между городами Беф – Цур и Хеврон, последний оставался за его пределами. Помня о важности Хеврона во времена монархии, народ Йехуда должен был горько сожалеть о том, что в их дни он не принадлежал им. Традиция размещения гробницы патриархов, основателей нации, у Хеврона, углубила бы их сильную привязанность к южному нагорью. Так или иначе, история была старой, а традиция настоящей, она была очень привлекательной для авторов Жреческого источника и была подчеркнута ими в рассказах о патриархах.

Тем не менее, последние редакторы книги Бытия не довольствовались простыми метафорами. Они хотели показать, что место происхождения народа Израиля лежало в самом сердце цивилизованного мира. Таким образом, они намекали, что великий отец израильского народа пришел из известного космополитического города Ура в отличие от меньших народов, которые возникли в неразвитых и некультурных районах вокруг них. Происхождение Авраама из Ура упомянуто только в двух изолированных стихах (Бытие 11:28 и 31 документа Р), а его история кажется гораздо более сосредоточенной на севере сирийского (арамейского) города Харран. Но даже такого краткого упоминания было достаточно. Ур в качестве места рождения Авраама придал бы огромный авторитет предполагаемому национальному предку. Ур был известен не только как место глубокой древности и знаний. Он приобрел большой авторитет во всем регионе во времена его восстановления в качестве религиозного центра в середине шестого века до н. э. вавилонским (или халдейским) царем Набонидом. Таким образом, ссылки на происхождение Авраама из «Ура Халдейского» предоставляли бы евреям выдающуюся и древнюю культурную родословную. Короче говоря, послепленный этап редактирования Библии повторял многие из ключевых тем начала седьмого века, которые мы обсуждали в большей части этой книги. Это было связано с аналогичными реалиям и потребностями двух эпох. Израильтяне вновь были сосредоточены в Иерусалиме, в условиях большой неопределенности, без управления большей частью земли, которую они считали своей землей обетованной. Вновь центральной власти необходимо было объединить население. И вновь они сделали это, блестяще изменяя историческое ядро Библии таким образом, чтобы оно могло служить основным источником самобытности и духовным центром народа Израиля, так как они сталкивались со многими бедствиями, религиозными проблемами и политическими поворотами судьбы, которые им еще предстоят.

Эпилог. Будущее библейского Израиля

Йехуд оставался в руках персов в течение двух столетий, вплоть до завоевания Александром Македонским в 332 году до н. э. Затем он был включен в состав империй, основанных преемниками Александра, сначала вошел в состав Египта Птолемеев, а потом – в состав Сирии Селевкидов. На протяжении более 150 лет после завоевания Александра Македонского жреческая элита провинции, теперь известной как *Иудея* , сохраняла обычаи и соблюдала законы, впервые сформулированные во времена царя Иосии, а в дальнейшем систематизированные и усовершенствованные в пленный и послепленный периоды. В самом деле, именно из эллинистического периода (около 300 года до н. э.) мы получаем первое подробное описание библейских законов и обычаев от стороннего наблюдателя. Греческий писатель Гекатей Абдерский, который путешествовал по Ближнему Востоку вскоре после смерти Александра, дает представление об этапе еврейской традиции, в которой авторитет жречества и власть социального законодательства Второзакония полностью затмили традицию монархии. Говоря о законах, установленных «Человеком по имени Моисей, выдающимся благодаря своей мудрости и своему мужеству», Гекатей отметил: «*Он выбрал из людей самых совершенных и с наибольшей способностью возглавить весь народ, и назначил их жрецами, и он предписал, что они должны заниматься храмом и почестями и совершать жертвоприношения своему Богу. Этих же людей он назначил судьями во всех крупных спорах, а также поручил им попечительство над законами и обычаями. По этой причине, евреи никогда не имели царя.*»

Иудеи, или евреи, стали известны во всем Средиземноморье как сообщество с уникальной преданностью своему Богу. В ее основе лежали не только общие своды законов и правила жертвоприношений, но и сага о национальной истории, которая начиналась призванием Авраама в далеком Уре и заканчивалась восстановлением храмовой общины Ездрой и Неемией в послепленный период. С отказом от монархии и рассеянием евреев по всему греко – римскому миру, священный текст еврейской Библии в третьем и втором веках до н. э. был постепенно переведен на греческий язык и стал главным источником идентичности сообщества и руководством для всех тех членов дома Израиля, которые жили далеко от Иерусалимского Храма. Его сага об Исходе и завоевании Земли Обетованной предлагает общее видение солидарности и надежды для каждого человека в сообществе – таким образом, которым царская или героическая мифологии не могли.

Во втором веке до н. э. противостояние жреческого руководства Иудеи с эллинистической культурой и религией приведет к драматическим изменениям. Радикальному движению сопротивления Маккавеев (во многом напоминающему идеологию Девтерономического движения времен Иосии) удалось подчинить большую часть традиционной земли Израиля и навязать законы его жителям. Но самая большая сила Библии не было руководством для военных завоеваний или политических побед, предназначенных только для повышения состояния конкретного правителя или династии.

В первом веке до н. э., так как Хасмонейские цари из рода Маккавеев вследствие династических дрязг, в конце концов, пришли в упадок, и к власти в Иудее пришел римский васал Ирод, Библия стала объединяющей силой и священным центром угнетенного сообщества. Истории об освобождении из египетского рабства и завоеваниях Иисуса Навина придали особую эмоциональную силу народному движению сопротивления против местных тиранов и римских повелителей в течение первого века до н. э., а также первого и второго веков нашей эры. Нигде в древнем мире не была создана такая мощная, коллективная сага: греческий эпос и мифы говорили только метафорами и примерами; месопотамский и персидский религиозный эпос выражал космические тайны, но не земную историю или практическое руководство к жизни. Еврейская Библия выражает и то, и другое, обеспечивая повествовательную систему, в которой каждый еврей мог определить как родовую, так и национальную историю. Короче говоря, сага об Израиле, который впервые сформировался во времена Иосии, стала первым в мире полностью сформулированным национальным и социальным договором, охватывающим мужчин, женщин и детей, богатых, бедных и обездоленных всего сообщества.

С разрушением Второго Храма в 70 г. н. э. и возникновением христианства, независимая сила Библии зарекомендовала себя как формирующее образование, а не только как блестящее произведение литературы или сборник древних законов и мудрости. Она была основой для постоянно расширяющегося развития в Мишне и Талмуде раввинистического иудаизма и была признана как «Ветхий Завет» формирующимся христианством. Осознание духовного происхождения от Авраама и общее переживание Исхода из рабства стали общим мышлением постоянно растущей сети общин по всей Римской империи и Средиземноморью. Надежда на будущее освобождение, но уже без привязки к потухшей земной династии Давида, был сохранено в пророческих и мессианских ожиданиях иудаизма и в христианской вере в то, что Иисус был потомком Давида. Горькая смерть предполагаемого мессии Иосии много веков до этого установила шаблон, который будет жить на протяжении всей истории.

В последующие столетия Еврейская Библия будет являться беспрецедентным источником солидарности и идентичности бесчисленным общинам. Подробности ее историй, взятых из сокровищницы древних воспоминаний, отрывчатых историй и переработанных легенд, имели силу не в качестве объективной хроники событий в крошечной зеле на восточном берегу Средиземного моря, а в качестве вневременного выражения того, каким может быть божественное предназначение народа. Так же, как и подданные Карла Великого отдавали ему дань как новому Давиду – завоевателю (а последователи турецкого султана Сулеймана видели в нем мудрость Соломона), другие общины в самых разных ситуациях будут отождествлять свою борьбу с борьбой библейского Израиля. Европейские средневековые общины крестьян поднимались на апокалиптические восстания с образами и героями еврейской Библии в качестве своих боевых знамен. Пуританские поселенцы Новой Англии, воображая себя странству-

ющими в пустыне израильтянами, зашли так далеко, что в своих новообретенных полях и лесах воссоздали Землю Обетованную – с ее Салемом, Хевроном, Гошеном и Новым Ханааном. И никто из них не сомневался, что библейский эпос был правдой.

И только тогда, когда еврейская Библия стала расчлененной и изучалась в отрыве от своих мощных функций в общественной жизни, богословы и исследователи Библии стали требовать от нее то, чем она не была. В восемнадцатом веке в эпоху Просвещения поиски тщательно точных, поддающихся проверке, исторических фактов Библии стали (и остаются) предметом ожесточенных дебатов. Понимая, что семидневное создание мира и спонтанные чудеса не могут быть удовлетворительно объяснены наукой и разумом, ученые начали отбирать то, что им в Библии казалось «историческим», а что нет. Возникли теории о различных источниках, содержащихся в тексте Библии, а археологи спорили над доказательствами, которые доказывали или опровергали историческую достоверность определенного библейского отрывка.

Тем не менее, целостность Библии и, по сути, ее историчность не зависят от послушного исторического «доказательства» любого из ее конкретных событий или личностей, таких как разделение Красного моря, рев труб, обрушивший стены Иерихона, или убийство Давидом Голиафа одним выстрелом из пращи. Сила библейской саги связана с тем, что она является убедительным и последовательным повествовательным выражением вечной темы освобождения народа, продолжающегося сопротивления угнетению, и поисков социальной справедливости. Она красноречиво выражает глубоко укоренившиеся чувства общего происхождения, переживаний и судьбы, в которых нуждается каждое человеческое сообщество для того, чтобы выжить. В конкретных исторических условиях, мы теперь знаем, что эпическая сага Библии впервые появилась в ответ на лишения, трудности, проблемы и надежды, с которыми сталкивались люди в маленьком Иудейском царстве в течение десятилетий до его разрушения и даже крошечная храмовая община Иерусалима в послепленный период. Действительно, самым большим вкладом археологии в наше понимание Библии может быть осознание того, что такие небольшие, относительно бедные и удаленные сообщества, такие как Иудея конца монархии и послепленный Йехуд, могли создать основные контуры этого длительного эпоса за такой короткий период времени. Такое осознание имеет решающее значение, потому что только тогда, когда мы поймем, когда и почему идеи, образы и события, описанные в Библии, оказались настолько искусно сплетенными вместе, мы сможем, наконец, начать ценить истинный гений и продолжающуюся силу этого самого влиятельного литературного и духовного произведения в истории человечества.

Приложение 1. Теории об историчности эпохи патриархов

Аморрейская гипотеза

С развитием в библейской земле современной археологии стало ясно, что Ханаан третьего тысячелетия до н.э. (раннего бронзового века) отличался развитой городской жизнью. Это явно не соответствовало историческому фону историй о странствиях патриархов, которые имели только несколько упоминаний городов. В этом первом городском периоде бронзового века крупные города, некоторые из которых достигали площади 20 гектаров и вмещали несколько тысяч человек, развивались в низинах. Они были окружены грозными укреплениями и содержали дворцы и храмы. Хотя у нас нет никаких текстов из этого периода, но сравнение обстановки в третьем тысячелетии до н.э. с обстановкой во втором городском периоде (во втором тысячелетии до н.э., тексты из которого у нас есть) предполагает, что крупные города были центрами городов-государств, а сельское население подчинялось этим центрам. Материальная культура была характерной для высокоорганизованных оседлых людей. Но в конце третьего тысячелетия до н.э. эта процветающая городская система рухнула. Города были разрушены, а многие из них стали руинами, никогда не оправившимися от шока. И многие деревни вокруг них были заброшены. После этого на несколько веков (в конце третьего тысячелетия и, возможно, в начале второго тысячелетия) последовал период совсем другой культуры, без больших городов, то есть, без городской жизни. Большая часть населения Палестины, как считали археологи в 1950-х и 1960-х годах, вела способ жизни кочевников-скотоводов до того времени, когда городская жизнь постепенно восстановилась, и в начале второго тысячелетия до н.э. в Ханаане наступил второй городской период, т.е. средний бронзовый век.

Американский ученый Уильям Олбрайт считал, что он опознал исторический фон патриархов в этой кочевой интерлюдии между двумя периодами развитой городской жизни в Ханаане, интерлюдии, которая закончилась в период 2100-1800 гг. до н.э., близко ко времени патриархов, о чем свидетельствует библейская хронология. Олбрайт назвал этот период Средней бронзой I (другие ученые более правильно называют его промежуточным бронзовым веком, потому что он был промежутком между двумя городскими эпохами). Олбрайт и другие ученые того времени утверждали, что крах городской культуры ранней бронзы был внезапным и что он был результатом вторжения или миграции кочевников-скотоводов с северо-востока. Он идентифицировал захватчиков с людьми, названными *Амурру* - аморреями (буквально, «западенцами») из месопотамских текстов. Олбрайт и его последователи пошли еще дальше и отождествили патриархов с аморреями, и датировали приключения Авраама в истории Бытия этим этапом истории Ханаана. Согласно этой реконструкции Авраам был аморреем, купцом, который переселился с севера и бродил по всему центральному нагорью Ханаана, а также и в Негеве.

А что было исторической причиной переселения Авраама? Олбрайт предложил, что Авраам, «караванщик с высокой репутацией», принимал участие в большой торговле девятнадцатого века до н.э. Тексты этого времени, найденные около Кайсери в центральной Турции, свидетельствуют о процветающих торговых отношениях между Месопотамией и севером Сирии (параллельно движению Авраама в книге Бытия из Ура в Харран). А надгробное изображение из Египта того же периода предоставляет свидетельства караванной торговли между Трансиорданией и Египтом (как описано в истории Иосифа в книге Бытия). В обоих случаях в качестве вьючных животных использовались ослы. Таким образом, Олбрайт создал связь между двумя явлениями - кочевым характером эпохи патриархов и торговыми караванами из ослов в девятнадцатом веке - утверждая, что Средняя бронза I продолжалась до приблизительно 1800 года до н.э. Американский археолог Нельсон Глюк предложил кажущееся обоснование этой теории. Его исследования в южной Трансиордании и в пустыне Негев открыли сотни селений того же времени. Олбрайт считал, что эти селения предоставляли исторический фон историй о деятельности Авраама в Негеве и разрушении городов Мертвого моря.

Тем не менее, аморрейская гипотеза продержалась не долго. С помощью дополнительных раскопок участков по всей стране большинство ученых пришли к выводу, что городская система ранней бронзы развалилась не быстро, а постепенно ослабевала в течение многих десятилетий, скорее из-за местных экономических и социальных потрясений в Ханаане, чем из-за волны посторонних захватчиков. В то же время, аморрейская гипотеза приняла удар из другого направления, поскольку стало ясно, что термин *аморреи* не ограничивался скотоводами. Сельские общины на севере Сирии в начале второго тысячелетия также назывались аморреями. Таким образом, является маловероятным, что Авраам пришел в страну как часть волны внешнего вторжения. Кроме того, очевидное сходство между скотоводческим образом жизни в следующем этапе истории страны и описанием кочевого образа жизни Авраама также оказалось иллюзией. Теперь ясно, что промежуточный бронзовый век не был полностью кочевым периодом. Правда, в это время не было крупных городов, и соотношение скотоводов-кочевников среди населения в целом значительно выросло. Но большая часть населения вела оседлый образ жизни, проживая в селах и деревнях. Преемственность архитектуры, стили керамики и модели расселения предполагают, что население Ханаана в междугородной фазе было преимущественно туземным, тем самым резко опровергая теорию великого переселения кочевников с севера. Населения происходило из тех же людей, которые несколько поколений до этого жили в крупных городах. И те же люди восстановили городскую жизнь в Ханаане в городах средней бронзы. Не менее важным было то, что некоторые из основных городов, указанных в историях о патриархах - такие, как Сихем, Беэр-Шева, Хеврон - не дали находок из Промежуточного бронзового века; эти места просто не были заселены в то время.

Патриархи в среднем бронзовом веке

Другая теория связывает эпоху патриархов со средней бронзой II, пиком городской жизни в первой половине второго тысячелетия до н.э. Ученые, защищающие эту точку зрения (такие как французский библейский ученый Роланд де Во), утверждали, что характер средней бронзы, каким он появляется из текстов и археологии, лучше всего соответствует библейско-

му описанию, главным образом потому, что патриархи иногда изображается живущими в шатрах рядом с городами. Археологически, все крупные города, упомянутые в книге Бытия - Сихем, Вефиль, Хеврон и Герар – во времена средней бронзы были укрепленными твердынями. Текстуально, эти отношения между городами и шатрами надежно подтверждены в архиве, найденном в развалинах известного города начале второго тысячелетия Мари в Сирии на берегу Евфрата. Кроме того, сторонники датировки эпохи патриархов периодом средней бронзы утверждают, что личные имена патриархов напоминают аморрейские имена начала второго тысячелетия до н.э. В то же время они отличаются от имен, обычно используемых в более поздние времена, когда библейский материал приобрел письменную форму. Лучшим выдвинутым примером является Иаков – имя, которое несколько раз встречается в начале второго тысячелетия до н.э.

Американские ученые Кир Гордон и Ефраим Спейсер указывали также на сходство между социальными и правовыми обычаями в библейском описании патриархального периода и социальными и правовыми обычаями в ближневосточных текстах второго тысячелетия до н.э. Такие аналогии, как эти, по их мнению, отсутствуют в более поздние периоды истории древнего Ближнего Востока. Наиболее важными из этих текстов являются таблички из Нузи из северного Ирака, которые датируются пятнадцатым веком до н.э. Таблички из Нузи - большинство из которых происходят из семейных архивов – представляют обычаи *хурритов* , несемитского народа, который в середине второго тысячелетия до н.э. создал могущественное государство Митанни в Северной Месопотамии. Приведу несколько примеров, в Нузи бесплодная жена была обязана обеспечить своего мужа рабыней, чтобы она родила ему тей - четкие параллели с библейской историей Сары и Агари в Бытие 16. В Нузи бездетные пары усыновляли рабов; это похоже на принятие Авраамом в качестве своего наследника Элиэзера (Бытие 15:2-3). Договоренности Иакова с Лаваном в обмен на брак с Рахилью и Лией также содержат параллели в табличках из Нузи. Сходства между текстами из Нузи и библейским материалом об эпохе патриархов были понятны на фоне сильного культурного влияния хурритов, которые простирались на юг до Ханаана. Для того, чтобы преодолеть разрыв между Нузи и средней бронзой, обычаи Нузи были истолкованы как отражающие более древние хурритские обычаи начала второго тысячелетия.

Но вскоре гипотеза Средней бронзы II / Нузи также разрушилась. С точки зрения археологии Палестины, затруднение пришло в основном из того, о чем мы не видим или слышим в библейском тексте. Средняя бронза была периодом развитой городской жизни. В Ханаане преобладала группа влиятельных городов-государств, управляемых из таких столиц, как Хацор и Мегиддо. Эти города были сильно укреплены огромными земляными валами с массивными воротами. В них были большие дворцы и высокие храмы. Но в библейском тексте мы не видим всего этого. Правда, несколько городов упоминаются, но не самые важные из них. Сихем (как город) не существует, равно как и Вефиль и Иерусалим - все трое были большими крепостями в среднем бронзовом веке. И на равнинах мы бы слышали о Хацоре, Мегиддо и Гезере, а не о Гераре. Библейская история патриархов, очевидно, не является историей Ханаана средней бронзы. И феномен кочевников, проживающих вблизи горожан, не ограничивался этой эпохой. А что касается имен патриархов, они впоследствии были обнаружены также и в более поздних периодах, в поздней бронзе и в железном веке. Например, имя Иаков, которое действительно является распространенным в средней бронзе, также встречается и в поздней бронзе, и в пятом веке до н.э., и позже.

Что касается текстов из Нузи, более поздние исследования показали, что социальные и правовые обычаи, которые имеют сходство с библейскими рассказами, не ограничивались одним периодом. В древности они были распространенными на Ближнем Востоке в течение второго и первого тысячелетий до н.э. В самом деле, в некоторых случаях данные из первого тысячелетия могут предоставить лучшие параллели. Например, обязанность бесплодной жены предоставить своему мужу рабыню, чтобы она родила ему детей, встречалась и в более поздние периоды, например, в брачном контракте седьмого века из Ассирии.

Патриархи в раннем железном веке

Как только датировка вторым тысячелетием оказалась безнадежным делом, израильский библейский ученый Бенджамин Мацар пошел по другому пути. Он использовал археоло-

гические данные для предположения, что описание эпохи патриархов следует изучать на фоне раннего железного века. Мацар, главным образом, отметил в тексте анахронизмы, например, упоминание филистимского царя города Герара и арамеев. Разумеется, в Ханаане не было филистимлян ни в средней, ни в поздней бронзе. И египетские тексты, и археология вне всякого сомнения доказали, что они поселились на южном побережье Палестины в двенадцатом веке до н.э. Вместо того, чтобы объяснить их появление поздней вставкой (во время компиляции) в более раннюю традицию, Мацар утверждал, что текст отражает глубокое знакомство с филистимскими царствами во времена непосредственно перед созданием монархии в Израиле. Арамеи также занимают видное место в историях о патриархах, но они тоже не появляются на древней ближневосточной сцене до раннего железного века, а их царства возникли еще позже, в основном, в девятом веке до н.э. Мацар считал, что описание арамеев как скотоводов отражает ранний этап в их истории, прежде чем они образовали свои первые государства. Таким образом, он сделал вывод, что странствия патриархов в центральном нагорье между Сихемом и Хевроном вписываются в географические рамки раннего заселения израильтян в первом железном веке. Некоторые из этих традиций, таких как строительство Иаковом алтаря в Вефиле, можно понять на фоне периода судей, в то время как другие традиции, такие как первенство Хеврона, соответствуют первым дням монархии под руководством Давида. Американский библейский ученый Кайл Маккартер занял несколько подобную точку зрения, хотя он был немного более осторожным. Он видел в рассказах о патриархах разные составные слои и утверждал, что некоторые из них могут относиться к бронзовому веку. Но на темы, связанные с особым местом, предоставленным Иудее в историях о патриархах - выдающееся положение, предоставленное фигуре Авраама и гробницам патриархов в Хевроне - Маккартер занял точку зрения, похожую на ту, которую предложил Мацар. Он утверждал, что выдающееся положение Хеврона в историях о патриархах лучше всего можно понять на фоне основания монархии под руководством Давида.

Мацар был прав в своем утверждении, что реальность, которая кроется за рассказами книги Бытия, нельзя понимать на фоне среднего бронзового века, а скорее можно проследить по реалиям железного века. Тем не менее, он был неправ, потому что его предпочитаемая датировка железным веком была слишком ранней. Современные археологические исследования показали, что Иудея, где был, видимо, написал важный источник J, была очень малонаселенной до конца восьмого века до н.э. Кроме того, столетие археологических раскопок в Иерусалиме показало, что столица Иудеи выросла и стала значительным городом примерно в то же время; а в десятом веке до н.э. Иерусалим был не более чем маленькая деревня. А результаты десятилетий раскопок показали, что Иудея достигла значительного уровня грамотности только в конце восьмого века до н.э. И, наконец, не менее важно, рассказы о патриархах наполнены ссылками на реалии конца монархии, в основном, из седьмого века до н.э.

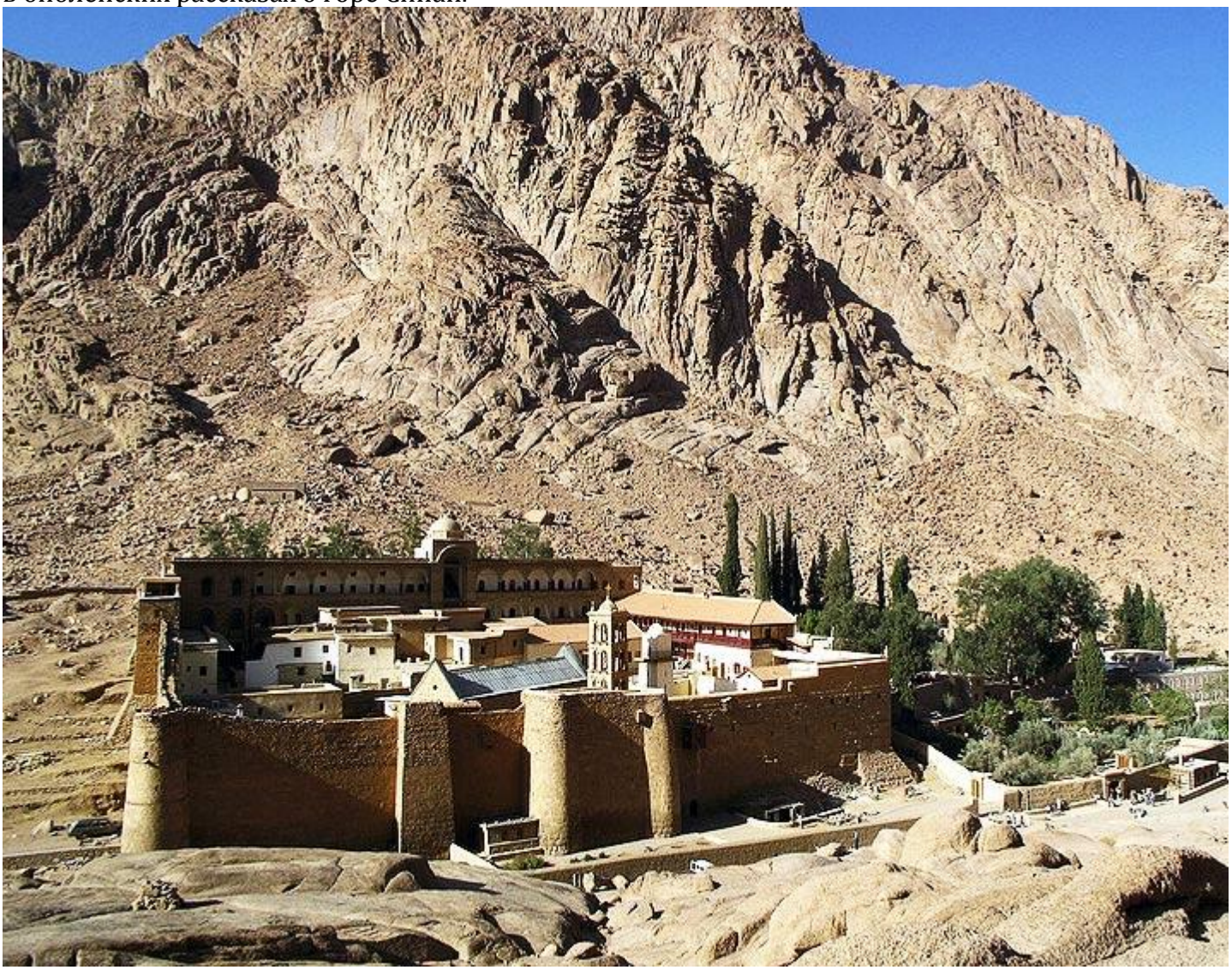
Приложение 2. В поисках Синая

По крайней мере на основании современных туристических карт Синайского полуострова не существует, казалось бы, никаких особых трудностей в определении наиболее важных мест, упомянутых в библейских историях о странствиях в пустыне и получения закона. Гора Синай и другие библейские места были быстро определены и посещались со времен средневековья и даже раньше, в византийский период. В самом деле, первой полноценной археологической теории о маршруте странствий в пустыне и местоположении горы Синай уже около полутора тысяч лет. Она восходит к ранней христианской традиции, связанной с монашеским движением, а также с паломничеством к святым местам в пустыне в четвертом-шестом веках нашей эры. Сегодня эти традиции по-прежнему почитаются туристами и паломниками к горе Синай и месту горящего куста.

В центре гористой области на юге Синайского полуострова в окружении впечатляющих гранитных вершин стоит монастырь Святой Екатерины. Построенный в шестом веке нашей эры византийским императором Юстинианом для увековечивания памяти предполагаемого места горящего куста (который сегодня все еще показывают посетителям), монастырь приобрел свое нынешнее название в средневековые времена. Окруженный высокими стенами для защиты от мародеров, монастырь напоминает образы ушедших эпох. Его великолепная церковь и большая часть укреплений относятся к первоначальным сооружениям шестого века.

Над монастырем возвышается вершина горы Джебель Муса («гора Моисея» на арабском языке), которая еще в византийский период была опознана как гора Синай. На этой вершине, из которой открывается один из самых захватывающих пейзажей пустыни, до сих пор можно определить развалины часовни шестого века. А в горах вокруг вершины Джебель-Муса и монастыря Святой Екатерины присутствуют и другие останки древних обособленных монастырей с церквями, кельями отшельников и системами водоснабжения.

В текстах того времени можно найти ссылки на некоторые из этих мест. Относительно большое количество византийских источников описывает жизнь синайских монахов и строительство монастыря горящего куста. Не менее интересными являются тексты, связанные с паломничеством на Божью гору. Наиболее подробным из них является описание паломницы конца четвертого века по имени Эгерия. Она рассказывает, как вместе со спутниками поднялась на Божью гору, и как проживающие там монахи показали ей каждое из мест, упомянутых в библейских рассказах о горе Синай.



Однако, историческая достоверность этих традиций остается под вопросом. Хотя вполне возможно, что византийские монахи сохранили более древние традиции, средства проверить их не существует, так как в этом регионе нет абсолютно никаких древних останков из библейских времен. Наиболее правдоподобным объяснением происхождения ранней христианской традиции на юге Синайского полуострова является их общее расположение и экологические характеристики. Монастырь горящего куста и гора Синай византийских монахов находятся в районе исключительной красоты посреди большого горного пейзажа, который может легко спровоцировать почитание монахами и паломниками. Кроме того, здесь было возможным непрерывное заселение этих мест. Район вокруг монастыря предъявлял монахам уникальное благоприятное положение в связи с определенным сочетанием микроклимата и геологических образований. Высокие горы на юге Синая получают значительно больше осадков, чем

прилегающие области, а красный гранит региона является водонепроницаемым. Поэтому в водоемах и резервуарах можно собирать сток дождевой воды. Кроме того, сухие русла рек в своих недрах содержат большое количество воды, которую можно достать с помощью неглубоких скважин. В результате византийские монахи в небольших руслах между горами могли возделывать поля и сады (как это продолжают делать группы бедуинов до настоящего времени). Таким образом, похоже, что такое сочетание впечатляющих пейзажей и относительно дружественных условий окружающей среды воодушевляло паломников к непрерывному почитанию мест в этой части Синайского полуострова. Сила библейской истории о горе Синай всегда поощряла попытки определить особенные местоположения. Тем не менее, они остаются в области фольклора и географических предположений, но не археологии.

Приложение 3. Альтернативные теории о завоевании израильтян

Мирное проникновение

В 1920-х и 1930-х годах, в то время как Олбрайт и его ученики становились все более убежденными, что они нашли археологическое свидетельство завоевания Иисуса Навина, немецкий библейский ученый по имени Альбрехт Альт разработал совершенно иную гипотезу. Альт, профессор Лейпцигского университета, был настроен весьма скептически относительно того, что книгу Иисуса Навина можно считать исторической. Как и многие его немецкие академические коллеги, он был убежденным сторонником критического подхода к Библии. Он был убежден, что библейский рассказ был составлен веков после того, как предполагаемые события имели место, и должны рассматриваться как героический национальный миф. Тем не менее, Альт не был готов к выводу, что историческое объяснение о происхождении израильтян было совершенно вне пределов досягаемости. Не смотря на то, что он не доверял повествованию в книге Иисуса Навина, он был готов принять возможность исторических реалий в конкурирующем источнике - в первой главе книги Судей. В ходе своего путешествия по Палестине в первые годы двадцатого века Альт увлекся образом жизни и расселения бедуинов в степных районах в Негеве и в Иудейской пустыне. И на основе своих знаний древних текстов и его обширных этнографических наблюдений жизни бедуинов, особенно их связи с сельскими общинами, он сформулировал совершенно новую теорию происхождения израильтян.

В основе этой новой теории было понимание того, что ближневосточные кочевники-скотоводы не блуждали, а перемещались со своими стадами в постоянном сезонном порядке. Их сложные перемещения основаны на четком понимании сезонных климатических изменений. Так как дождь идет только зимой, и на протяжении длинного, сухого лета зеленые пастбища являются дефицитным ресурсом, пастухи-бедуины вынуждены очень тщательно управлять своими стадами.

Альт отметил, что во время зимнего сезона дождей, когда обширные пастбища были даже в относительно засушливых районах степи и пустыни, бедуины перемещались далеко от населенных районов, создавая лагери на краю пустыни. Когда приходил сухой сезон и зимние пастбища исчезали, группы бедуинов переносили свои стада ближе к зеленым, заселенным сельскохозяйственным районам страны, где можно было найти пастбища. Бедуины едва ли были чужими в этом регионе. На протяжении столетий они создали привычные и взаимовыгодные отношения с жителями сельских общин. Им было разрешено, чтобы их животные бродили по недавно собранным полям постоянных деревень, паслись в стерни и удобряли землю. Но в разгар лета, даже этот источник пастбищ исчерпывался, и до прихода первых зимних дождей оставалось несколько месяцев. Это было самое критическое время для выживания стада. И в это время бедуины поворачивали к зеленым пастбищам нагорья, двигаясь со своими стадами между оседлыми деревнями, пока, в конце концов, не приходил сезон дождей, и они снова уходили на окраину пустыни.

Этот ежегодный порядок зависел от колебаний во времени и в количестве зимних осадков, и Альт также указал, как резкие изменения климата или политических условий могли повлиять на бедуинов, заставляя их отказаться от старого образа жизни и осесть. Это изменение образа жизни заняло много времени; кочевой образ жизни, с его обычаями, ритмами, и невероятной гибкостью, во многом является более безопасной стратегией выживания, чем возделывание единственного земельного участка. Но процесс, тем не менее, стал заметный, так как в определенных областях летних пастбищ, куда группы бедуинов привыкли возвращаться

каждый год, стали появляться небольшие сезонные участки. После посева в небольших участках пшеницы или ячменя, они со своими стадами уходили, чтобы вернуть в конце следующей весны, во время сбора урожая.

Сначала небольшие группы возделывали изолированные участки, несмотря на то, что они продолжали выпасать свои стада. Часть семейства могла оставаться вблизи полей, в то время как остальные продолжали перемещаться вместе с животными. Эти сезонные участки постепенно росли, и бедуины-земледельцы на них стали более зависимыми от зерна, которое они должны были получить от торговли с крестьянами. А так как время и усилия, затраченные на сельское хозяйство, постепенно увеличивались, размер их стада уменьшался, так как они были вынуждены оставаться возле своих полей и уже не могли участвовать в длительных миграциях. Последним этапом в этом процессе было постоянное поселение, со строительством домов и отказом от выпаса скота, кроме как в непосредственной близости от полей. Альт отметил, что это был постепенный и в значительной степени мирный процесс - по крайней мере, в начале – так как бедуины первоначально селились в малонаселенных регионах, где земля и вода были в относительном изобилии, а собственность на землю не была тщательно контролирована. И только на более позднем этапе, когда только что оседлые бедуины начали конкурировать за землю и воду с жителями близлежащих деревень, начался конфликт, иногда яростный конфликт.

В своих наблюдениях этого процесса заселения кочевников-скотоводов Альт считал, что понял ситуацию, описанную в книге Судей. Со временем он сформулировал то, что стало известно как теория мирного проникновения, одна из теорий происхождения израильтян. Согласно Альту, первоначально израильтяне были кочевниками-скотоводами, которые зимой повседневно бродили со своими стадами между степными районами на востоке, а летом – в горах западного Ханаана. Обе области были описаны древними египетскими источниками как малонаселенные. Даже если очень лесистую местность было трудно очистить и выровнять, там было много свободной земли для возделывания. Таким образом, Альт считал, что в конце поздней бронзы некоторые группы кочевников-скотоводов начали практиковать сезонное сельское хозяйство около своих летних пастбищ в горах Ханаана. И процесс постоянного заселения начался.

Как и в наше время, вначале этот процесс был постепенным и мирным. Тем не менее, Альт предположил, что когда количество новых поселенцев выросло, а их потребность в земле и воде все более увеличилась, у них начались проблемы со своими ханаанскими соседями, особенно теми, которые жили в отдаленных и изолированных городах горной местности, таких как Иерусалим и Луз (Вефиль). Эти конфликты за права на землю и воду, предположил Альт, в конце концов привели к местным стычкам и длительного конфликта, которые были задним фоном борьбы между израильтянами и их ханаанскими и филистимскими соседями в книге Судей. Несмотря на то, что гипотеза мирного проникновения была полностью теоретической, это было заманчивое предложение. Она была логичной, она соответствовала демографическому и экономическому положению страны, и она соответствовала историям книги Судей, которые в любом случае выглядели больше историческими, чем эпические боевые отчеты книги Иисуса Навина. Она имела еще одно большое преимущество: она, казалось, была подкреплена древними египетскими текстами. Египетский папирус времен Рамсеса II (тринадцатого века до н.э.), который засвидетельствовал соревнование между двумя писцами по географии Ханаана, описал нагорье как прочный, лесной, почти пустой регион, населенный бедуинами Шасу. Таким образом, Альт считал, что израильтян действительно можно идентифицировать с этими Шасу. Их начальные стадии заселения гор не вызывали враждебность египтян, так как Египет в основном был заинтересован в плодородных землях вдоль побережья и в северных долинах, недалеко от стратегических международных сухопутных маршрутов торговли.

В начале 1950-х годов, Йоханан Ахарони, один из самых горячих сторонников Альта среди израильских археологов, считал, что он нашел убедительное доказательство в Верхней Галилее. Ахарони исследовал эту холмистую и в значительной степени лесистую область на севере страны и обнаружил, что в позднем бронзовом веке эта область была почти не заселена ханаанскими поселениями. В последующий период – первом железном веке - там было основано

сравнительно большое количество мелких, изолированных, бедных поселений. Ахарони идентифицировал поселенцев с первыми израильтянами, а точнее с людьми из племен Неффалима и Асира, которые согласно географическим главам книги Иисуса Навина поселились в горах Галилеи.

Неудивительно, что выводы Ахарони горько оспаривались Игалем Ядином, который считал, что свидетельства массового пожара позднего города Хацора бронзового века (город описан в книге Иисуса Навина как «глава всех тех царств») исключали какую-либо теорию мирного проникновения любого вида. Ядин, который придерживался теории единого завоевания, утверждал, что до тех пор, пока город Хацор все ещё был могущественным, израильтяне не могли поселиться в Галилее. По его мнению, первым актом в этой истории должно было быть уничтожение израильтянами Хацора в конце тринадцатого века до н.э. Только тогда, когда Хацор лежал в руинах, израильтянам открылся путь для поселения в Верхней Галилее и, по сути, также на развалинах самого Хацора.

Реконструкция событий Ахарони была менее героичной, хотя и не менее романтичной. По его мнению, израильтяне появились в регионе тогда, когда Хацор был все еще могущественным городом. Но они не пошли на конфронтацию. Вместо того чтобы поселиться в непосредственной близости от Хацора и вызывать враждебность жителей, прибывающие израильтяне постепенно и мирно селились в изолированной, пустой, лесистой Верхней Галилее. Там они выбрали борьбу с суровой окружающей средой и рискованное горное сельское хозяйство, а не конфликт с могущественным Хацором. Согласно Ахарони, финальная битва пришла позже, когда израильтяне набрались достаточно сил для атаки на Хацор. Только после того, как город был разрушен, израильтяне заняли более богатые и плодородные районы севера, в том числе северный конец Иорданской долины.

Популярность теории мирного проникновения начала расти спустя два десятилетия в результате исследования Ахарони в долине Беэр-Шевы, засушливой южной зоне Иудейского нагорья. В 1960-х и 1970-х годах Ахарони раскопал некоторые из наиболее важных объектов в долине: крепость Арада, древний город Беэр-Шевы, и исключительно большой город раннего железного века Телль-Масос, расположенный вблизи пресноводных колодезей посередине долины. Ахарони обнаружил, что история заселения долины Беэр-Шевы была близка к истории заселения верхней Галилеи. В то время как в конце бронзового века в долине не было постоянных поселений, в начале железного века там было основан целый ряд небольших селений. Ахарони идентифицировал этих поселенцев раннего железного века как людей из племени Симеона. И хотя племя было другое, Ахарони был убежден, что история была такой же: мирное поселение израильтян на пограничных территориях, где не было ханаанских городов.

Восстание крестьян

Несмотря на различные фоны, религиозные верования и противоречивые мнения, было одно горячее убеждение, которое разделяли все: Олбрайт, Альт, Ядин и Ахарони. Обе теории военного завоевания и мирного проникновения предполагали, что израильтяне были новой группой, которая вошла в страну в конце позднего бронзового века. И независимо от их различий в отношении понимания библейского текста, все они считали, что эта этническая группа жила на гораздо более низком уровне развития, чем местные хананеи. И Ядин, и Ахарони изображали этих ранних израильтян как полукочевников, и оба считали, что завоевание Ханаана, будь то вторжение или проникновение, было сюжетом в вечном конфликте между ближневосточными крестьянами и кочевниками, между пустыней и посевами.

Эта безусловная вера была глубоко потрясена в 1960-х и 1970-х годах, когда антропологи и археологи, работающие в других частях Ближнего Востока, поняли, что давние представления о четких различиях между мирами странствующих пастухов и оседлых жителей были упрощенными, романтичными, наивными, и неправильными. Первым и самым важным из этих представлений было убеждение девятнадцатого века, что в древние времена сирийская и арабская пустыни содержали огромное количество непокорных кочевников, которые периодически вторгались в заселенные земли. Это представление было отброшено в 1960-х годах растущим консенсусом среди антропологов, что великие пустыни не были в состоянии поддерживать более чем горсть «чистых» кочевников до широкого одомашнивания верблюда как вьючного животного в конце второго тысячелетия до н.э., если не позже. Поскольку это раз-

витие имело место уже после того, как израильтяне появились в Ханаане, было крайне маловероятно, что пример вторжения бедуинов можно применить к ним. Таким образом, некоторые ученые пришли к выводу, что израильтяне не были чистыми кочевниками на верблюдах, а в основном были пастухами овец и коз, бродящими со своими стадами не по пустыне, а на окраинах пахотных земель.

Как отметил Альбрехт Альт, урожай яровых зерновых совпадает с высыханием пастбищ на краю пустыни, и естественное перемещение скотоводов и их стад назад к хорошо поливаемым сельскохозяйственным районам поощряет и даже вынуждает сотрудничество между двумя группами. По крайней мере, скотоводов можно было нанять в качестве сезонных сельскохозяйственных рабочих, а их стадам можно было разрешить пастись в стерне собранного поля. Но во многих случаях скотоводы и крестьяне могли быть членами одной общины, чьи кочевые члены зимой бродили по пустынной степи, в то время как оседлые члены оставались, чтобы подготовить и засадить деревенские поля.

Исследование природы кочевого скотоводства предположило, что старые представления о постепенном преобразовании древних израильтян из кочевников на крестьян должны быть перевернуты вверх дном. С антропологической точки зрения израильские скотоводы и ханаанские крестьяне принадлежали к одной и той же экономической системе. Если бы не было существенного перемещения населения, ее источником могли быть только заселенные районы, и это преобразование было бы, по словам историка Джона Люка, «к степи и пустыне, а не из пустыни к посевам».

Потом Джордж Менденхолл, смелый библейский ученый из Университета Мичигана, с одинаковым презрением отверг как иммиграционную, так и завоевательную теорию израильского заселения. На протяжении многих лет Менденхолл был гласом вопиющего в пустыне библейской науки, утверждая, что появление израильской религии и племенной конфедерации можно объяснить только на основе внутреннего общественного развития Ханаана в позднем бронзовом веке. Еще в 1947 году он пересмотрел свидетельства писем из Телль-эль-Амарна и был одним из первых, кто пришел к выводу, что *Апиру* , которые некоторыми ученые были идентифицированы как евреи, были вовсе не этнической группой, а вполне определенным социальным классом.

Менденхолл утверждал, что города-государства Ханаана эпохи поздней бронзы были организованы в очень стратифицированные общества, с царем или мэром на вершине пирамиды, князьями, чиновниками двора, и колесничими воинами сразу под ней, и сельскими крестьянами в ее основе. Апиру, по-видимому, были вне этой модели организации и они, похоже, угрожали общественному порядку в целом ряде направлений. Менденхолл и другие отметили, что *Апиру* , хотя первоначально и вели оседлый образ жизни, ушли из системы городов и сел, иногда для службы в качестве наемников за более высокую плату. А когда эта работа не предвиделась, некоторые Апиру активно поощряли крестьян к восстанию.

Обстановкой для таких социальных волнений, утверждал Менденхолл, был конфликт не между кочевниками и оседлым населением, а между сельским населением и правителями городов-государств. Письма из Телль-эль-Амарна свидетельствуют о нужде и все более обременительных взысканий царями и их египетскими хозяевами продуктов сельского хозяйства и скотоводства. Не удивительно, что Апиру имели большой успех в разжигании недовольства крестьян и что многие ханаанские города были разрушены в то время. Ханаанские города поздней бронзы были не более чем административные центры региональных феодальных режимов. Их уничтожение было не только военной победой. Это было также эффективным уничтожением экономической системы, которую поддерживал город.

«И материалы из Амарны, и библейские события представляют собой те же политические процессы», – написал Менденхолл в 1970 году, - *а именно, уход, не физический и географический, а политический и субъективный, больших групп населения от любых обязательств существующим политическим режимам и, следовательно, отказ от какой-либо защиты от этих источников. Другими словами, не было статистически важного вторжения в Палестину в начале системы двенадцати колен Израиля. Не было никакого радикального перемещения населения, не было геноцида, не было крупномасштабного изгнания населения, только царских администраторов (по необходимости!). Таким образом, не было настоящего завоевания Палестины в том*

смысле, в котором мы его, как правило, понимаем. Вместо этого, случившееся можно назвать (с точки зрения светского историка, которого интересуют только социально-политические процессы) восстанием крестьян против сети взаимосвязанных ханаанских городов-государств.

В основе теории крестьянского восстания был романтическое объяснение того, как началась религия израильтян. Менденхолл утверждал, что Апиру и их крестьянские сторонники никогда не смогли бы объединиться и преодолеть ханаанское феодальное господство без убедительной идеологии. И он считал, что их идеология - поклонение единому, трансцендентному Богу Яхве - была блестящим ответом на религию ханаанских царей. Вместо того, чтобы полагаться на пантеон божеств и сложные ритуалы плодородия (которые могли исполняться только царем и его официальным жречеством), новое религиозное движение возложило свою веру на единого Бога, который основал эгалитарные законы общественного поведения и общался с ними напрямую, к каждому члену сообщества. Поэтому власть царей над народом была фактически нарушена распространением новой веры. И для сторонников теории крестьянского восстания подлинное завоевание израильтян было выполнено - без вторжения или иммиграции – когда большое количество ханаанских крестьян свергли своих хозяев и стали «израильтянами».

В 1979 году Норман К. Готвальд, другой американский библеист, в своей книге «Племена Яхве» принял и расширил теории Менденхолла. Но он также пошел еще дальше, он прямо в лоб атаковал археологические свидетельства. В то время как Менденхолл просто отклонил все разговоры о заселении полукочевниками нагорья и окраин пустыни, Готвальд считал, что эти селения были, по сути, израильскими. Но он сделал это определение по совершенно другим причинам. Он предположил, что отдаленные рубежи и лесные районы были, естественно, привлекательными для членов движения за независимость, которые бежали из более густонаселенных (и более тщательно контролируемых) равнин и долин, чтобы вести новый образ жизни. Готвальд предполагал, что их поселение в этом скалистом и слабо орошаемом регионе стало возможным в первую очередь благодаря технологическим разработкам: железным инструментам для рубки резервуаров в скале, и водонепроницаемой глина для герметизации стен резервуаров и террасирования холмистых склонов.

На социальном фронте Готвальда добавил, что в своих новых домах израильтяне создали равноправное общество с доступом к средствам производства, открытым для всех. А на познавательном уровне он предположил, что новые идеи равенства были импортированы в Ханаан небольшой группой людей, которые пришли из Египта и поселился в горах. Эта группа, возможно, находилась под влиянием оригинальных египетских религиозных идей, похожих на те, которые возбудили революцию Эхнатона в четырнадцатом веке, идеи, которые были ближе к более поздней концепции единобожия. Таким образом, эта новая группа стала ядром, вокруг которого в горах кристаллизовались новые поселенцы.

Американский археолог Уильям Девер предоставил теории крестьянского восстания явный археологический контекст. Предлагая новую интерпретацию находок из более ранних раскопок, он утверждал, что керамика и архитектура новых поселений в нагорье первого железного века напоминали керамические и строительные традиции жителей низменностей в позднем бронзовом веке – предполагая, таким образом, что древние израильтяне произошли из оседлых общин Ханаана. Соглашаясь с Готвальдом, Девер предположил, что первый железный век был первым периодом, когда нагорье было плотно заселено, в значительной мере благодаря двум технологическим инновациям. Это было умение вырубать в скале и оштукатуривать резервуары для хранения воды, которое позволяло новым жителям создавать поселения вдали от многолетних родников и колодцев. А также это были методы строительства на крутых склонах сельскохозяйственных террас (которые открыли путь для более интенсивной эксплуатации нагорья, в том числе для выращивания виноградников и оливковых рощ, которое, в свою очередь привело к массовому производству вина и оливкового масла). Согласно Деверу, оба «изобретения» должны были создать технически сложные общества, а именно – оседлое население Ханаана.

Гипотеза крестьянского восстания или «социальной революции» была очень привлекательной и получила поддержку большого количества библейских ученых и археологов. Казалось, что она соответствует социальным реалиям Ханаана позднего бронзового века и объяс-

няет падение системы поселений поздней бронзы в низинах и подъем системы первого железного века в горах. И она было очень созвучна радикальной политической ориентации американской и европейской академической жизни того времени. Она также соответствовала возрастающему скептицизму в библейских исследованиях, касающихся исторической ценности как книги Иисуса Навина, так и книги Судей. Но она была неверной. В самом деле, она была отброшена почти с той же скоростью, с которой она возникла. В чем причина? Она была очень спекулятивной и теоретической, и не имела достаточной поддержки археологии. На самом деле, археология свидетельствовала против нее.

Она также появилась в самый неподходящий момент. К 1980 годам антропологи и археологи становились все более и более скептически настроенными к возможности того, что керамика и архитектурные стили могут открыть этническое или географическое происхождения древних людей. Такие элементы материальной культуры можно легко имитировать или заимствовать одним обществом от другого. В самом деле, большинство упомянутых Девером находок было обнаружено в селах, представляющих второй этап заселения нагорья. Таким образом, сходство с находками позднего бронзового века может указывать скорее на торгово-экономические связи поселенцев железного века с жителями низменностей, а не на происхождение, так как в низинах существовала явная культурная преемственность от позднего бронзового века до первого железного века. Что еще важнее, в 1970-х и начале 1980-х из раскопок начали поступать надежные данные о нагорных деревнях первого железного века, и новые данные явно противоречили теории социальной революции.

В первую очередь, новые данные показали, что первый железный век был не первым периодом интенсивной поселенческой деятельности в нагорье, и что две «технологические инновации» были известны (и использовались) много веков до появления ранних израильтян. Другими словами, использование прорубки скалы, оштукатуренных резервуаров и строительство террас на склонах холмов были характерными *результатами* сильной поселенческой деятельности в нагорье, а не главными инициаторами этого. Археологические данные из низменностей также не поддерживают теорию социальной революции. В последние годы стало ясно, что к концу бронзового века сельский сектор ханаанского общества был уже истощен и не мог предоставить ни энергию, ни человеческие ресурсы для новой волны заселения нагорья. Кроме того, археологические работы в нагорье в 1980-х и 1990-х представили некоторые поразительные свидетельства того, что большинство поселенцев там в первом железном веке были скотоводческого, а не оседлого, происхождения.

Все три теории о завоевании израильтян (единого вторжения, мирного проникновения и социальной революции) одобряли главное библейское представление о том, что восход древнего Израиля был уникальным, исключительным феноменом в истории страны. Новые открытия последних десятилетий разрушили эту идею.

Приложение 4. Почему традиционная археология периода Давида и Соломона неверна

Завоевания Давида: керамический мираж

Наиболее важным археологическим свидетельством, используемым для связи уровней уничтожений с завоеваниями Давида, была декорированная филистимская керамика. Ученые датировали ее от начала двенадцатого века до 1000 года до н.э. Первые слои, которые не содержали этого отличительного стиля, были датированы десятым веком, то есть временем Объединенной монархии. Но такая датировка была полностью основана на библейской хронологии и, таким образом, являлась замкнутым аргументом, так как нижняя датировка уровней с этой керамикой была установлена в соответствии с предполагаемой эпохой завоеваний Давида около 1000 года до н.э. В самом деле, не существовало четких данных для точной датировки перехода от филистимского стиля к более поздним стилям керамики.

Более того, недавние исследования произвели революцию в датировке филистимской керамики. В последние десятилетия были раскопаны многие важные места в южной прибрежной равнине Израиля – районе сильного египетского присутствия в двенадцатом веке до н.э. и в области, где поселились филистимляне. Среди этих мест были три города, которые упоминаются в Библии как филистимские центры - Ашдод, Ашкелон и Экрон (Телль-Микне), а также несколько мест, которые были египетскими крепостями. Последние раскрыли информацию о египетско-ханаанской материальной культуре в последние десятилетия египетской

гегемонии в Ханаане. Их находки, содержащие египетские надписи, связанные с царской администрацией Ханаана, а также большое количество египетских сосудов местного производства. Некоторые надписи датируются временем правления Рамсеса III – фараона, который воевал с филистимлянами и, предположительно, поселил их в своих крепостях на юге Ханаана.

Сюрпризом стало то, что в слоях, представляющих последние фазы египетского господства в Ханаане под руководством Рамсеса III, не было обнаружено декорированных филистимских сосудов ранних типов, а в самых ранних филистимских уровнях не было обнаружено никаких признаков египетского присутствия, ни одного египетского сосуда. Вместо этого, уровни были полностью разделены. Кроме того, в нескольких случаях на месте египетских крепостей времен Рамсеса III появились первые филистимские поселения. В хронологическом плане это не могло произойти до падения египетского господства в Ханаане в середине двенадцатого века до н.э. Последствия этого открытия произвели на археологию объединенной монархии своего рода эффект домино: весь набор стилей керамики пришлось переместить примерно на полвека позднее, в том числе и переход от филистимских к пост-филистимским стилям.

Другой вид доказательств происходит из слоя 7A в Мегиддо, который представляет собой последний этап ханаанской материальной культуры на севере страны. Этот слой всегда датировался одиннадцатым веком од н.э. и считался уничтоженным царем Давидом. Это предположение прекрасно подходило к библейской идеологии: благочестивый царь Давид уничтожил последний оставшийся оплот ханаанской культуры. Так как этот слой был жестоко уничтожен пожаром, из-за обвала стен и крыш были раздавлены сотни совершенных керамических сосудов. Действительно, большое количество сосудов было обнаружено при раскопках Института Востоковедения и при последних раскопках в Мегиддо Тель-Авивского университета. Однако экземпляры с декорированным филистимским стилем не были найдены. Поэтому этот город невозможно датировать одиннадцатым веком – периодом времени, когда декорированная филистимская керамика является распространенной по всей стране, в том числе в соседних местах в долине Изреель. Действительно, в самом Мегиддо есть филистимские сосуды, но все они происходят из предыдущего слоя. Это означает, что в Мегиддо последний город, содержащий остатки ханаанской материальной культуры, не был уничтожен царем Давидом около 1000 года до н.э. И керамика, и данные радиоуглеродного анализа предполагают, что он все еще существовал несколько десятилетий спустя - в десятом веке до н.э.

Переосмысление Мегиддо: датировка, керамика и архитектурные стили

Игаль Ядин утверждал, что определение городов Соломона основано на стратиграфии, керамике и Библии. Но стратиграфия и керамика обеспечивают лишь относительную хронологию. Таким образом, очевидно, что вся идея археологии объединенной монархии, программы городского планирования архитекторов Соломона, и величия дворцов Соломона опирается на единственный библейский стих - 3 Царств 9:15. Мы должны повторить это еще раз: вся традиционная реконструкция характера Объединенной монархии Израиля - ее территориальных экспансий, ее материальной культуры, ее отношений с соседними странами - зависит от интерпретации единственного библейского стиха! И этот стих довольно проблематичный, потому что мы не знаем, основан ли он на достоверных источниках времен Соломона или более поздних реалиях. Мы даже не понимаем его точного смысла: означает ли слово «построил» то, что Соломон основал новые города? Или он только укрепил уже существующие? Или для автора книг Царств три упомянутые города (Мегиддо, Гезер и Хацор) просто символизировали три главные административные центры северного Израиля? Или автор книг Царств переместил большое строительство этих городов в более поздние времена назад во времена царя Соломона? Давайте начнем с шести-камерных ворот. Во-первых, идея о том, что ворота Мегиддо относятся ко времени дворцов из тесаного камня, была поставлена под сомнение. И в основном из-за того, что эти ворота связаны с массивной стеной, которая находится над двумя дворцами. Другими словами, так как стена является более поздней, чем дворцы, и так как она связана с воротами, существуют веские основания полагать, что ворота также являются более поздними, чем дворцы. Кроме того, недавние раскопки показали, что этот тип ворот использовался за пределами Объединенной монархии, и что похожие ворота строились и в более поздние фазы железного века, вплоть до седьмого века до н.э. Таким образом, единственный колышек, на котором висит вся конструкция, также оказался шатким. Но это еще не все.

Следующий ключ происходит из соседнего города Изреель, расположенного в 15 км к востоку от Мегиддо. Город был раскопан в 1990-х годах Дэвидом Уссишкиным из Тель-Авивского университета и Джоном Вудхедом из Британской школы археологии в Иерусалиме. Они обнаружили большой укрепленный корпус, который они определили как дворец, построенный царем Ахавом в первой половине девятого века до н.э. Этот роскошный акрополь был разрушен вскоре после того, когда был построен. Это произошло, предположительно, либо в ходе восстания против династии Омри во главе будущего израильского царя Ииуя, либо в результате военной кампании на севере Израиля Азаила, царя Дамаска. В любом случае, дворец в Изреели был заброшен в середине девятого века до н.э. Сюрпризом стало то, что керамические изделия, найденные во дворце Изреели, идентичны керамике города с дворцами в Мегиддо. Но последний должен был быть уничтожен фараоном Шишаком почти сто лет назад! Как нам преодолеть этот разрыв? Есть только две возможности: либо переместить здание в Изреели ко времени Соломона, либо переместить дворцы Мегиддо ко времени династии Ахава. Само собой разумеется, что в этом случае существует только одно решение. Так как нет упоминаний о владении Соломоном Изреелью, а планировка дворца в Изреели похожа на планировку акрополя в Самарии, столице северного царства, которая без сомнений была построена династией Омри. Город с дворцами из тесаного камня в Мегиддо был разрушен в середине девятого века, вероятно, Азаилом, а не Шишаком в 926 году до н.э.

Но существуют ли какие-либо другие прямые данные о датировке города с дворцами в Мегиддо в дополнение к эффекту домино, который мы описали выше? Другими словами, возможно ли все еще, что он был построен во времена Соломона в десятом веке до н.э., а только уничтожен в девятом веке? Ответ на этот вопрос, очевидно, отрицательный по двум причинам. Первая подсказка происходит из Самарии - столицы северного Израильского царства, которая была построена в начале девятого века. Существуют явные сходства в методах строительства дворца в Самарии и двух дворцов в Мегиддо, и поэтому, кажется, что они были построены в одно и то же время. И здесь мы сталкиваемся с двумя вариантами: либо утверждать, что и дворец в Самарии, и царский акрополь были построены Соломоном, либо утверждать, что дворцы в Мегиддо были построены позднее Соломона. Первый вариант не может быть принят, потому что не вызывает сомнения, что дворец и весь акрополь в Самарии были построены в начале девятого века Омри и Ахавом.

Здесь нужно сказать несколько слов о трактовке библейских материалов. Некоторые из наших коллег удивляются, как мы можем отклонять историчность одного стиха Библии (3 Царств 9:15) и принимать историчность других, связанных со строительством Ахавом дворца в Изреели (3 Царств 21:1) и строительством Омри дворца в Самарии (3 Царств 16:24). Ответ на этот вопрос связан с методологией. Библейский материал нельзя рассматривать как монолитный блок. Она не требует отношения полного принятия или полного отбрасывания. Два столетия современной библейской науки показали нам, что нужно отдельно оценивать каждую главу библейского материала, а иногда и каждый стих. Библия включает в себя исторические, не исторические и почти исторические материалы, которые иногда в тексте находятся очень близко друг от друга. Вся суть библейской науки состоит в том, чтобы отделить исторические части от остального текста в соответствии с языковыми, литературными, и вне-библейскими историческими соображениями. Так что, да, можно сомневаться в историчности одного стиха и признавать основательность другого, особенно в случае Омри и Ахава, чье царство описано в ассирийских, моавитских и арамейских текстах того времени.

Приложение 5. Идентификация эры Манассии в археологических данных

Эпоху Манассии не так легко определить археологически, то есть определить конкретные городские уровни, построенные в городах по всей Иудее во время его правления. Несмотря на то, что в Иудее керамика позднего железного века II известна лучше, чем любой другой фазы железного века, ее датировка все еще является не достаточно точной для распознания стилей конкретного поколения. Основной причиной этой неудовлетворительной ситуации является то, что для точной датировки наборов керамики мы должны выявить слои разрушения, которые можно было бы смело отнести к конкретному историческому событию. Вся керамическая хронология последнего этапа истории Иудеи после падения Израиля основана на одном городе (Лахиш в Шефеле), который дважды обеспечивает такое необходимое сочетание

однозначного археологического слоя разрушения с богатыми находками и надежного исторического источника. Во-первых, ассирийские летописи, рельеф Ниневии, а также Библия не оставляют сомнений в том, что этот город был разрушен Синаххерибом в 701 году до н.э. Во-вторых, библейское упоминание Азеки и Лахиша в качестве последних очагов сопротивления вавилонскому вторжению (Иер. 34:7), подтвержденное найденным в этом месте остраконом, убедительно доказывает, что Лахиш был уничтожен вавилонянами в 587/6 году до н.э.

Эти два разрушения Лахиша были связаны с концами слоев III и II на этом участке. Сравнение наборов керамики позднего железного века II, которые были открыты в других иудейских местах, с двумя богатыми, хорошо датированными наборами керамики Лахиша позволило ученым выделить два уровня в Иудее восьмого-седьмого веков до н.э.: города, разрушенные ассирийцами в конце восьмого века до н.э., и города, разрушенные вавилонянами в начале шестого века. Царствование Манассии находится между этими двумя уровнями. Так как Манассия был верным вассалом Ассирии, в его время не было войн, не было больших разрушений. В его дни в Иудее наступило мирное время. Но что было хорошим для народа Иудеи, по иронии судьбы является плохим для археологов. У нас даже нет ни одного слоя, который можно было бы смело отнести к его дням. Основанные Манассией города дожили до окончательного падения Иудеи, и поэтому слои уничтожения отображают материальную культуру последних лет, а не первых. Таким образом, единственный способ определить эпоху Манассии заключается в определении общего заселения и демографических тенденций в Иудее между 701 годом и концом седьмого века. Учитывая, что царствование Манассии наступило сразу после кампании Синаххериба и представляет собой важный период восстановления экономики, даже эта довольно общая информация имеет большое значение.

Приложение 6. Сколь велико было царство Иосии?

В книге Хроник повествуется о том, что кампания Иосии по культовому очищению и территориальных завоеваниях распространялась далеко на север и на юг, в *«города Манассии, Ефрема, Симеона, и даже Неффалима»* (2 Паралипоменон 34:6). Соответственно, многие библейские археологи давно приняли сообщение автора Хроник за чистую монету и считали, что царство Иосии распространялось на большую часть территории Западной Палестины, от нагорья Негева на юге до Галилеи на севере. Согласно этой точке зрения Иосия захватил большую часть территории бывшего северного царства, а также распространился на юг и запад, в районы, которые никогда ранее не контролировались Иерусалимом. Однако новые археологические исследования показывают, что территориальные успехи Иосии были гораздо более ограниченными. Старая, максималистская точка зрения о северных границах Иудеи во времена Иосии была основана на находках в Мегиддо. После падения северного царства ассирийцы сделали Мегиддо столицей своей провинции в северных долинах и Галилеи. Они отстроили город в совершенно новом виде, с двумя типичными ассирийских дворцами и новой планировкой прямоугольного города с множеством параллельных улиц, пересекающихся под прямым углом. Этот город (слой III) - это лучший археологический пример ассирийского административного центра в западных провинциях империи. Он функционировал до ухода ассирийцев из Палестины в конце седьмого века до н.э.

Следующий слой в Мегиддо (слой II) во многих частях кургана является простым продолжением предыдущего города с минимальными реконструкциями и дополнениями. Но существуют два основных различия между городами слоя III и слоя II: в более позднем уровне, городская стена вышла из употребления, а массивное здание, которое командой из Чикагского Университета было определено как форт, был построено на восточной стороне холма. Там он возвышался над долиной и международной дорогой из Египта в Месопотамию. Слой II этими же археологами был приписан Иосии «в его попытках объединить два царства», а его частичное разрушение было приписано схватке, которая в конечном итоге привела к гибели Иосии.

Поэтому крепость Мегиддо, вероятно, предоставляет недостающее звено, объясняющее схватку с Нехо. Было отмечено, что Иосия захватил все горные территории бывшего северного царства, а затем распространился дальше на север к Мегиддо и сделал его своим северным стратегическим форпостом. Контроль над всем районом от Иерусалима до долины Изреель позволял Иосии выступить со своей армией к Мегиддо, возможно, пытаясь не дать Нехо оказать помощь ассирийской армии в войне против вавилонян.

Что касается предполагаемой западной границы Иудейского царства во времена Иосии, наградой для максималистов стал Мецад Хашавьяху - небольшой участок на побережье в 24 км к югу от Тель-Авива. Это скромное здание, которое было определено как крепость (отсюда и название на иврите, мецад, или «крепость»), выдало две интересные находки. Первая – набор керамики, который надежно датирован седьмым веком до н.э., включал импортированную греческую керамику. Вторая – ряд остраконов, найденных в этом месте и написанных на библейском иврите. Они упоминают яхвистические имена с окончанием -яху: Хошаяху, Обадияху, Хашавьяху. Поэтому это место было отождествлено как крепость, построенная Иосией на побережье с целью предоставить Иудее доступ к морю. Он был укомплектован иудейским командиром и греческими наемниками, служившими в иудейской армии, в том же качестве, в котором они служили в египетской армии того времени. Остраконы того времени, найденные в иудейской крепости Арад в долине Беэр-Шевы, казалось, поддерживают эту идею. Они упоминают распределения продовольствия среди людей по имени *киттим* (термин, обозначающий «греки»), то есть, среди контингента греческих наемников в иудейской армии.

Обсуждение границы царства Иосии на юге сосредоточилось на двух больших крепостях седьмого века - Кадеш-Барнеа и Хацева, раскопанных израильским археологом Рудольфом Коэном в пустыне далеко к югу от южной линии иудейских городов долины Беэр-Шевы. Кадеш-Барнеа господствует над крупнейшим оазисом на важном торговом пути из южной Палестины к Акабскому заливу и далее на юг к Аравии. Согласно мнению археологов, в этом месте был построен ряд иудейских крепостей. Последняя из этого ряда была построена во времена Иосии и разрушена вавилонянами в 586 году до н.э. Это последнее сооружение было определено в качестве иудейской крепости из-за определенного сходства с иудейскими крепостями в долине Беэр-Шевы, и потому что там было найдено несколько остаконов на иврите, а также потому что общая историческая оценка царствования Иосии предполагала вероятность иудейской экспансии в этой области. В Хацеве, примерно в 32 км к югу от Мертвого моря, массивное квадратное казематное сооружение, площадью в 1 гектар, с искусно сделанными четырехкамерными воротами, было датировано девятым-восьмым веками до н.э. Его сменила несколько меньшая крепость конца седьмого века до н.э., связанная с деятельностью Иосии. Клад из разбитых эдомитских культовых сосудов, зарытый в яму рядом с крепостью также относят к седьмому веку и связывают с религиозными реформами Иосии.

Несмотря на эти кажущиеся археологические признаки экспансии царя Иосии, было несколько ученых, которые считали, что некоторый географический материал в Библии ясно показывает, что территориальные приобретения Иосии были минимальными. Наиболее важным источником были списки племенных городов в книге Иисуса Навина 15-19, некоторые из них немецкий библейский ученый Альбрехт Альт предложил датировать седьмым веком. В частности, он предположил, что списки городов Иудеи, Вениамина, Дана и Симеона отражают административное деление Иудеи во времена Иосии. В то время царство было разделено на двенадцать районов, которые охватывали область от долины Беэр-Шевы на юге до плато Вениамина на севере, включая восточную Шефелу. Еще одно свидетельство пришло из списков тех, кто вернулся из вавилонского изгнания, которые находятся в книгах Ездры и Неемии. Эти списки, по-видимому, содержат селения, которые находились в пределах Иудеи до разрушения в 586 году до н.э.

Израильский библейский историк Бенджамин Мацар добавил, что описание географических границ религиозной реформы Иосии в 4 Царств 23:8 также раскрывает границы этого государства: *«И вывел всех жрецов из городов Иудейских, и осквернил высоты, на которых совершали курения жрецы, от Гевы до Вирсавии».* Мацар определил эту Геву с местом, расположенным в 25 километрах к северу от Иерусалима. Все это очевидно обозначало, что экспансия Иосии на север была минимальной и включала только район столь ненавистного культового центра Вефиля.

Действительно, археологические находки, которые были использованы максималистами, можно интерпретировать совсем по-другому. Для начала Мегиддо на севере. Не существует каких-либо доказательств того, что крепость слоя II относится к Иосии. В Мегиддо не было найдено ни одного иудейского предмета седьмого века (которые мы опишем ниже). Мы можем смело принимать альтернативную точку зрения, что слой II в Мегиддо представляет собой

мирный захват этого города египтянами. Ассирийские дворцы, вероятно, продолжали служить египетской администрации, а на восточной окраине кургана была построена крепость. Но такая трактовка вызывает несколько похожую проблему в том, что слой II в Мегиддо не дал египетских находок. Но в седьмом веке египетское правление в Палестине было очень коротким, от десяти до двадцати лет, и оставило мало находок даже в южной прибрежной равнине.

Что касается Мецад Хашавьяху на западе, греческая керамика, которая была найдена там, теперь известна из ряда мест в южной прибрежной равнине и в долине Беэр-Шевы. Вопрос в том, следует ли понимать эту керамику как представление физического присутствия греческих купцов или наемников, или просто как результат торговых отношений с Западом? В общем, ответ на этот вопрос, среди прочих факторов, зависит от количества этой керамики, найденной на конкретном месте. Относительно высокая доля этой керамики в Мецад Хашавьяху действительно может указывать на присутствие греков. И если это место действительно было крепостью, то мы можем иметь дело с наемниками. Следующим вопросом должен быть такой: в какой армии они служили? Греческий историк Геродот рассказывает, что греческие наемники служили в армии египетского царя Псамметиха I, и что они были размещены в его пограничной крепости. Это было подтверждено во время раскопок в Египте, в том числе раскопками одного из мест, конкретно упомянутых Геродотом. Таким образом, можно вполне спокойно принять теорию, что Мецад Хашавьяху был египетской прибрежной заставой, укомплектованной, в частности, греческими наемниками.

Но возможно ли, что греческие наемники служили и в иудейской армии? В этой связи стоит еще раз отметить *киттим* , которые упоминаются в некоторых остраконах конца седьмого века, найденных в южной иудейской крепости Арад. Командиру крепости было поручено снабжать их продовольствием. Археолог Ахарони, раскопавший Арад, предположил, что *киттим* были греческими или кипрскими наемниками, которые служили в армии Иудеи. Он сделал это предположение на основании Библии, которая отождествляет *киттим* с греками или киприотами, а также на основании греческой керамики, найденной в Мецад Хашавьяху (который предположительно со времен Иосии был иудейской крепостью). Но другие объяснения не менее логичны. Надав Нааман предположил, что остраконы из Арада следует понимать как приказы иудейским командирам обеспечить провиантом греческих наемников армии Египта, который в то время доминировал над Иудеей. Другой библейский историк Энсон Рейни предположил, что *киттим* не были наемниками, а, скорее всего, торговцами, которые происходили из города Китион на Кипре. В любом случае, в отношении Мецад Хашавьяху не может быть никаких сомнений, что Египет, который в конце седьмого века расширился вдоль побережья Леванта, был достаточно силен, чтобы не допустить создания Иосией изолированной крепости в центре района, в котором Египет имел сильные стратегические интересы.

Если Мецад Хашавьяху был египетской крепостью, то мы должны спросить, что здесь делали иудеи (то есть, люди, имеющие яхвистические имена). В книге пророка Иеремии (44:1, 46:14) утверждается, что в то время иудеи жили в нескольких местах Египта. Благодаря находкам на острове Элефантина на Ниле в Верхнем Египте, в сочетании с библейскими ссылками на Сиен (Асуан), мы можем предположить, что иудеи служили в египетской армии в качестве наемников еще в конце монархического периода. Поэтому вполне естественно, что в состав подразделения, расположенного в египетской крепости Мецад Хашавьяху, входили иудейские наемники. Надав Нааман предположил, что некоторые из этих иудеев, могли быть крепостными рабочими, которые были посланы туда в качестве части обязательств Иудеи как вассала Египта. Таким образом, не существует оснований растягивать территорию Иосии на запад до побережья.

Теперь на юге. На дальнем юге две крепости седьмого века (Кадеш-Барнеа на западе и Хацева на востоке) были определены как иудейские, на основании некоторых типов керамики и (в случае первой) нескольких еврейских остраконов, но в основном в соответствии с идеей о великой экспансии Иудеи во времена Иосии. Но существует не менее привлекательная альтернатива, которая была предложена Нааманом, что обе были построены в начале седьмого века под эгидой Ассирии при содействии местных вассальных государств - Иудеи (Манассии) и Эдома, и что они были укомплектованы местными вассальными войсками. Он также предложил, что остраконы, написанные египетским иератическим письмом, найденные в Ка-

деш-Барнеа намекают, что в конце седьмого века этот город перешел под контроль египтян. Действительно, две крепости, особенно огромная крепость Хацева (которая, вероятно, относится к седьмому веку), несколько отличаются от иудейских фортов в долине Беэр-Шевы.

До сих пор мы имели отрицательные свидетельства. Но есть ли у нас положительный ключ, то есть археологические находки, которые могут помочь нам очертить границы Иудеи во времена Иосии? Материальная культура Иудеи в конце седьмого века имела некоторые четкие характеристики, которые можно сравнительно легко проследить в археологических данных. Они представляют собой различные аспекты жизни Иудеи седьмого века - торговли, культа, управления и повседневной жизни. Если мы начертим их распределение на карту, мы сможем определить границы Иудеи. Хотя некоторые из них впервые появились за несколько десятилетий до царствования Иосии, они все по-прежнему использовались, и их популярность достигла пика в конце седьмого века. Другими словами, мы можем предположить, что если Иосия расширил границы Иудеи, то типичные иудейские находки также должны постепенно распространяться ширяться на новые территории.

Первой особенностью археологии Иудеи седьмого века - это маленькие именные весы, сделанные из известняка. Они использовались, по-видимому, для ежедневной частной коммерческой деятельности. В основном они появляются в центре Иудеи, от долины Беэр-Шевы на юге до области к северу от Иерусалима. Они также были найдены в большом количестве в восточной Шефеле. За пределами этих традиционных границ Иудеи в значительном количестве они были найдены только на западе, то есть в нижней Шефеле и в прибрежных равнинах. Но это может быть следствием активной торговли между Иудеей и этой областью.

Другой типичной находкой Иудеи седьмого века являются оттиски печатей в форме розетки, найденные на ручках сосудов. Эти оттиски, вероятно, играли определенную роль, которая еще не до конца понятна, в администрации Иудеи того времени. Их распределение охватывает нагорье Иудеи, от долины Беэр-Шевы на юге до района чуть к северу от Иерусалима с основной концентрацией в районе столицы.

Фигурки стоящей женщины, руками поддерживающей свои груди, также были найдены в большом количестве в Иудее конца монархии. Их можно отличить от похожих фигурок, которые появляются в соседних регионах. Почти все они были найдены в центре Иудеи, между Беэр-Шевой и Вефилем. На западе они в большом количестве появляются далеко на западе, на линии Лахиш – Бет-Шемеш. В этом регионе в позднем железном веке также был популярен еще один тип статуэтки, изображающей лошадь и всадника. И в этом случае можно отличить иудейский вариант статуэтки. Почти все фигурки последнего типа были обнаружены собственно в пределах Иудеи.

Во всяком случае, эти объекты и типичные иудейские типы керамики конца седьмого века были найдены в основном в центре южного царства. При перемещении на запад и север их число снижается. Они по-прежнему появляются в значительном количестве на плато Вефиля, но севернее их доля в наборах керамики резко снижается. Когда все эти элементы нанесены на карту в отдельности, их распространение очень похоже. Оно простирается от долины Беэр-Шевы до плато Вефиля к северу от Иерусалима, от Мертвого моря и Иорданской долины до верхней Шефелы. Вопрос в том, является ли это границами Иудеи, и показывают ли они, что дальше на север не было никакого расширения? Или представляют ли они собой лишь основную территорию царства? В этом случае, мы должны помнить, что если кампания на севере была недолгой, она может быть недостаточно представленной в археологических данных. Но долговременное и далеко идущее присоединение новых территорий к Иудейскому царству просто не подтверждено археологическими находками.

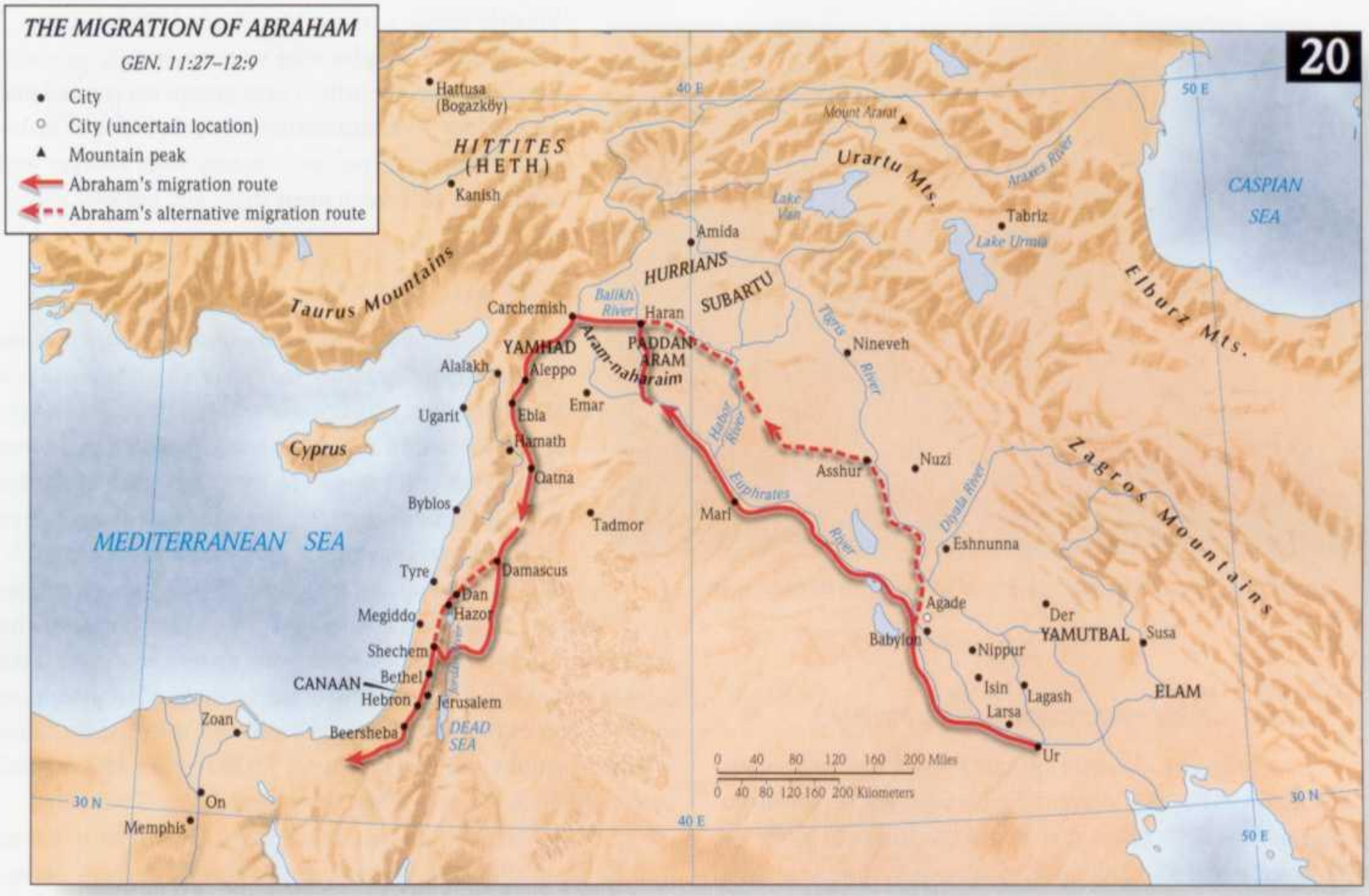
Приложение 7. Границы провинции Йехуд

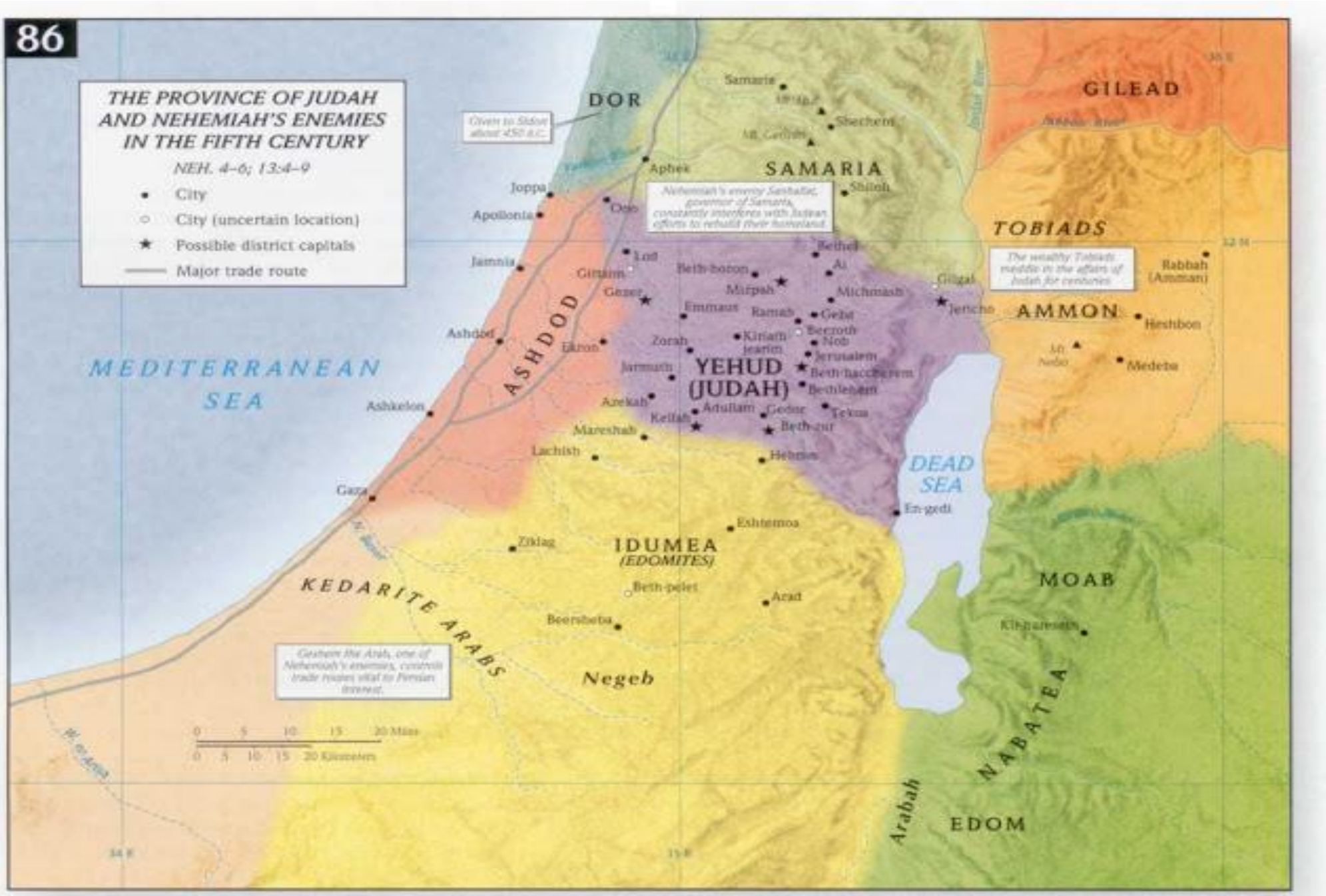
Персидские цари сохранили общее административное деление Ближнего Востока, которое было установлено ранее ассирийской и вавилонской империями. Под властью персов обширные территории региона были разделены на сатрапии, а каждая сатрапия также была подразделена на провинции, управляемые наместниками. Палестина принадлежала к сатрапии, которая называлась Заречьем (то есть, запад реки Евфрат), которая, по свидетельству Геродота (великого греческого историка того времени), включала территории Сирии, Финикии, Кипра и Палестины.

Наиболее подробные данные о территории провинции Йехуд после вавилонского изгнания исходят из библейского текста: из списка изгнанников, вернувшихся из Вавилона (Ездра 2, Неемия 7) и из списка строителей иерусалимской стены (Неемия 3). На юге граница между Йехудом и территорией эдомитян проходила сразу к югу от Бейт-Цура, оставляя Хеврон - второй наиболее важный город в нагорье в конце монархического периода и местонахождение гробницы патриархов - за пределами территории Иудеи. На севере граница Йехуда соответствовала границе Иудеи конца монархии в конце седьмого века, проходящей к северу от Массифы и Вефиля. На востоке в состав провинции Йехуд входил Иерихон. На западе область Лода в северной Шефеле упоминается в списке изгнанников, возвратившихся из Вавилона, но среди ученых нет единого мнения относительно того, входила ли она в состав провинции. Поэтому Йехуд был небольшой провинцией, охватывающей главным образом Иудейские горы примерно в 25 км к северу и к югу от Иерусалима, областью не более 2000 квадратных километров. Это было территория, намного меньше даже ограниченной площади Иудеи в конце седьмого века до н.э. В отличие от последней, в нее не входили южные холмы Хеврона, долина Беэр-Шевы, и большая часть Шефелы. Провинция, по-видимому, подразделялась на округа; список строителей стены (Неемия 3) упоминает несколько городов, в том числе Массифу на севере и Бейт-Цур на юге страны, которые служили центрами округов провинции Йехуд.

Эта текстовая реконструкция границы провинции Йехуд подтверждается археологическими находками. Наиболее показательными из них являются различные оттиски печатей, найденные на керамических сосудах персидского периода, содержащие арамейские или еврейские буквы, которые обозначают арамейское название провинции - Йехуд. До сих пор найдено несколько сотен экземпляров. Их распределение, по крайней мере, значительное количество, совпадает с описанными выше границами провинции Йехуд: от района Массифы на севере до Бейт-Цура на юге, и от Иерихона на востоке до Гезера (возле Лода) на западе. В самом деле, почти все оттиски были найдены в Иерусалиме и в местах непосредственно к северу и югу. Один из видов этих оттисков в дополнение к названию провинции содержит личное имя и титул «наместник». Эти личные имена определены большинством ученых в качестве других неизвестных наместников провинции Йехуд, то есть чиновников, занимающих ту же должность, что и Неемия.

THE REIGN OF JOSIAH
2 KGS. 22–23
2 CHR. 34–35
Modern city
City
City (uncertain location)
Mountain peak
Battle
Josiah's routes
Neco II's routes
Main trunk route
Area firmly controlled by Josiah at the start of his reign
Josiah's area of conquest
PHOENICIA
ARAM
Damascus
Tyre
Dor
Kedesh
Hazor
Acco
Ramah
Megiddo
Kansalm
Sea of Galilee
Ramoth-gilead
Beth-shan
King Neco II continues on his way to assist in a final Assyrian effort to recapture Haran
In 609 B.C. Josiah is killed outside of Megiddo in a battle with Egyptian King Neco II
Josiah removed the pagan shrines from cities in Samaria
MEDITERRANEAN SEA
SAMARIA
AMMON
Aphek
Joppa
Josiah dismantled the high place at Bethel
Reading of the "Book of the Law", ca. 622 I.C.E.; Josiah purges Jerusalem of pagan shrines, images, and practices
Rabbah (Amman)
Mesad Hashavyaho
Gezer
Jericho
Bethel
Mizpah
Gibeon
Ashdod
Ekron
Jerusalem
Beth-anath
Josiah was buried in Jerusalem
Ashkelon
Gath Libnah
Lachish
Defiled the high places from Geba to Beersheba
DEAD SEA
Gaza
PHILISTIA
JUDAH
En-gedi
Arad
Raphia
Beersheba
MOAB
Negeb
Eastern Desert
Tamar
EDOM
Arabah
Bozrah
77


THE MIGRATION OF ABRAHAM
GEN. 11:27–12:9
City
City (uncertain location)
Mountain peak
Abraham's migration route
Abraham's alternative migration route
20
Hattusa (Bogazköy)
HITTITES (HETH)
Kanish
Mount Ararat
Urartu Mts.
Araxes River
CASPIAN SEA
Lake Van
Tabriz
Lake Urmia
Amida
HURRIANS
SUBARTU
Taurus Mountains
Elburz Mts.
Carchemish
Balikh River
Haran
Tigris River
Nineveh
YAMHAD
PADDAN ARAM
Aram-naharaim
Alalakh
Aleppo
Emar
Ugarit
Ebla
Hamath
Habor River
Cyprus
Qatna
Asshur
Nuzi
Euphrates River
Byblos
Tadmor
Mari
Diyala River
Zagros Mountains
MEDITERRANEAN SEA
Eshnunna
Tyre
Damascus
Dan
Hazor
Megiddo
Agade
Der
YAMUTBAL
Susa
Babylon
Nippur
Shechem
Bethel
CANAAN
Isin
Lagash
ELAM
Hebron
Jerusalem
Larsa
Zoan
Beersheba
DEAD SEA
Ur
0 40 80 120 160 200 Miles
0 40 80 120 160 200 Kilometers
30 N
On
Memphis
40 E
50 E


86
THE PROVINCE OF JUDAH AND NEHEMIAH'S ENEMIES IN THE FIFTH CENTURY
NEH. 4–6; 13:4–9
City
City (uncertain location)
Possible district capitals
Major trade route
DOR
Given to Sidon about 450 B.C.
Samaria
Shechem
Mt. Gerizim
Aphek
SAMARIA
Shiloh
Joppa
Apollonia
Ono
Nehemiah's enemy Sanballat, governor of Samaria, constantly interferes with Judean efforts to rebuild their homeland.
GILEAD
Jordan River
Yarkon R.
TOBIADS
The wealthy Tobiads meddle in the affairs of Judah for centuries.
Rabbah (Ammon)
Bethel
Ai
Lod
Jamnia
Gimzo
Beth-horon
Mizpah
Gilgal
Michmash
Jericho
Geser
Emmaus
Ramah
Geba
AMMON
Heshbon
Ashdod
Ekron
Zorah
Kiriath-jearim
Beeroth
Nob
Mt. Nebo
Medeba
ASHDOD
MEDITERRANEAN SEA
Jarmuth
YEHUD (JUDAH)
Jerusalem
Beth-haccherem
Bethlehem
Azekah
Adullam
Gedor
Tekoa
Ashkelon
Keilah
Beth-zur
Mareshah
Lachish
Hebron
DEAD SEA
En-gedi
Gaza
Wadi Besor
Eshtemoa
Ziklag
IDUMEA (EDOMITES)
MOAB
Kir-hareseth
KEDARITE ARABS
Beth-pelet
Arad
Beersheba
Geshem the Arab, one of Nehemiah's enemies, controls trade routes vital to Persian interest.
Negeb
Nabatean Trade Route
NABATEA
Arabah
EDOM
Wadi el-Arish
0 5 10 15 20 Miles
0 5 10 15 20 Kilometers
34°E
35°E
32°N
31°N